

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-1 (43)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 4-1 (43), 2019

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижеев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-1 (43)

the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 4-1 (43), 2019

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhdiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Озова Ф.А.</i> Вклад В.Х. Кажарова в кавказоведение	7
<i>Кожев З.А.</i> Кызбурунское сражение (<i>Къызбрун зауэ</i>) по черкесским преданиям в изложении Ш.Б. Ногмова	20
<i>Алоев Т.Х.</i> Хатокшоко Магомет Аша: вступая на путь легенды	29
<i>Абазов А.Х.</i> Финансовый аспект административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX вв. ...	36
<i>Дзуганов Т.А.</i> Товарное садоводство Нальчикского округа на рубеже XIX – начала XX вв.	43
<i>Прасолов Д.Н.</i> Трансформация военной культуры кабардинцев и балкарцев в практиках местного самоуправления во второй половине XIX – начале XX в.	50

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Алхасова С.М.</i> Трудности грамматического строя языка и стиля в художественном переводе рассказа Б. Мазихова «Божий лик»	59
<i>Бетуганова Е.Н.</i> Лирическое начало в кабардино-черкесской новелле постсоветского периода	65
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Роль восточной классики в эпическом наследии К. Мечиева	72
<i>Хакуашева М.А.</i> Становление кабардинского литературоведения в 30-е годы XX века. Три статьи Дж. Налоева	78

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Бухуров М.Ф.</i> Эффект неожиданности и удивления в историко-героическом эпосе адыгов (По материалам цикла об Андемиркане)	87
<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i> Мотив оборотничества в карачаево-балкарских волшебных сказках	97
<i>Гутов А.М.</i> Песня балладного типа в адыгском историко-героическом эпосе	104
<i>Гутова Л.А.</i> Наездничество как этап жизненного цикла в адыгском фольклоре	109
<i>Кудаева З.Ж.</i> Образно-стилевые средства адыгских пословиц: метафора, сравнение, эпитет	116
<i>Тхамокова Ж.Г.</i> Образ коня в адыгских богатырских сказках и историко-героических сказаниях (К проблеме взаимодействия фольклорных жанров)	124
<i>Хагожеева Л.С.</i> Этические представления о воинской чести в адыгских сказках	131

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дзыгъуанэ Р.Хь.</i> Синонимхэр адыгэбзэм къызэрэхэхъукI Iэмалхэр	138
<i>Жьлэтеж Хь. Ч.</i> Адыгэбзэ псалъэужьхэм ябгъэдэль щхьэхуэныгъэхэр	144
<i>Махиева Л.Х.</i> Лексикографическая практика: к проблеме составления нового переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря»	153
<i>Токъмакъ М.Хь.</i> Адыгэбзэ къэхъукIэцIэхэр я мыхьэнэкIэ зэрызэщхьэщыкIыр	158
<i>Черкесова З.В.</i> Сохранение и развитие родных языков малочисленных народов как научная проблема (На примере Кабардино-Балкарии)	165
<i>Шэру Н.Гь.</i> Мыхьуныгъэр псалъафэхэмрэ псалъэжьхэмрэ къэгъэльэгъуа зэрышыхьу Iэмалхэр	175

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Ozova F.A.</i> Contribution of V.Kh. Kazharov to the caucasus studies	7
<i>Kozhev Z.A.</i> Kyzburun battle (<i>Kyzbrun zaue</i>) according to circassian traditions in the presentation of Sh.B. Nogmova	20
<i>Aloev T.H.</i> Hatokshoko Mohammed Asha: embarking on a legend	29
<i>Abazov A.H.</i> The financial dimension of the administrative and territorial transformation in the North Caucasus in the end of 50–60 years of the 19th century	36
<i>Dzuganov T.A.</i> Commodity gardening in the Nalchik district at the turn of the XIX beginning of XX centuries	43
<i>Prasolov D.N.</i> Transformation of military culture of kabardinians and balkans in practices of local self-government in the second half of XIX early XX c.	50

LITERARY CRITICISM

<i>Alkhazova S.M.</i> The usefulness of language and style in the translation of Boris Mazikhov's story «The face of god»	59
<i>Betuganov E.N.</i> Lyrical beginning in the kabardino-circassian novella of the post-soviet period	65
<i>Bittirova T.S.</i> The role of eastern classics in the epic heritage of K. Mechiev	72
<i>Hakuasheva M.A.</i> The formation of Kabardian literary criticism in the 30s of the twentieth century. Three articles by J. Naloev	78

STUDY OF FOLKLORE

<i>Bukhurov M.F.</i> The effect of unexpected and astonishment in the historical and heroic epic of adygs (Based on the materials of the Andemirkan cycle)	87
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i> The motive of shape-shifting in karachay-balkarian magic fairy-tales	97
<i>Gutov A.M.</i> Song of ballad type in adyg historical and heroic epos	104
<i>Gutova L.A.</i> Riding as a stage of life circle in the adyghe folklore	109
<i>Kudaeva Z.Zh.</i> Visual-style means and receptions of adyg proverbs: metaphor, comparison, epithet	116
<i>Tkhamokova Zh.G.</i> The image of a horse in adyghe heroic tales and historical and heroic legends (On the problem of the interaction of folklore genres)	124
<i>Hagozheeva L.S.</i> Protection of military honor as a subject-forming motif in adyg tales	131

LINGUISTICS

<i>Dzuganova R.H.</i> Sources of completion of the lexical synonymy of the kabardino-cherkessk language	138
<i>Zhiletezhev H.C.</i> Functional-semantic features of postpositions in the kabardino-circassian language	144
<i>Mahieva L.H.</i> Lexicographic practice: on the problem of drawing up the new translation «Russian-karachay-balkarian dictionary»	153
<i>Tokmakova M.H.</i> Semantic classification of adverbs in kabardino-cherkess language	158
<i>Cherkesova Z.V.</i> Preservation and development of native languages small peoples as a scientific problem (On the example of Kabardino-Balkaria)	165
<i>Sherieva N.G.</i> Methods of expression of denial in sustainable expressions and proverbs in kabardino-circassian language	175

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-7-19

ВКЛАД В. Х. КАЖАРОВА В КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

Озова Фатима Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, fo7799@rambler.ru

Круг научных интересов В. Х. Кажарова в полной мере соответствовал тенденциям развития мировой исторической мысли конца XX в. Историк разработал многие аспекты аграрной и этнополитической истории, в частности проблемы новаций и трансформаций традиционной политической культуры конца XVIII–XIX вв., а также вопросы духовной и интеллектуальной истории, ментальности и исторического сознания черкесов. В.Х. Кажаров, применив при анализе истории базовых институтов черкесского социума (его социальной основы – вотчины-общины / кьуажэ и важнейших элементов политической системы – законодательных сословно-представительных собраний / хасэ, великого князя / пшышхуэ) структурный подход, сформулировал концепцию кризиса феодальных отношений в Черкесии и решил вопрос о причинах дивергенции путей общественного развития Востока и Запада страны в конце XVIII в. Исследования В.Х. Кажарова имеют фундаментальное значение для понимания социально-политической истории всех кавказских этносов.

Ключевые слова: В.Х. Кажаров, методология, структурообразующая единица, вотчина-община, черкесская государственность, черкесский парламентаризм, земельное «утеснение», дивергенция, Кавказ, Черкесия.

Научное наследие Кажарова, несмотря на многочисленное обращение к нему историков, только ждет своего должного осмысления, но уже очевидно, что оно составляет веху не только в кавказоведении, но и в целом в российской историографии. Монография В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века» уже сразу же после выхода в свет была особо отмечена в контексте анализа истории развития мировой и отечественной этнологии [Семенов 1998: 16]. Нет сомнения, что труды историка могут быть причислены к числу трудов такой плеяды ученых-кавказоведов как П.Г. Бутков, С.М. Броневский, К.Ф. Сталь, Н.И. Карлгоф, Ш.Б. Ногмов, С. Хан-Гирей, Е.Д. Фелицын, М.О. Косвен, Г.А. Кокиев, В.К. Гарданов, Е.Н. Кушева, Т.Х. Кумыков, Е.Дж. Налоева, Р.У. Туганов, С.А. Арутюнов.

Наибольшее место в научном наследии ученого занимают проблемы феодализма и государственности в Черкесии. Им посвящены его кандидатская и докторская диссертации и изданные на их основе капитальные монографии [Кажаров 1982; Кажаров 1992; Кажаров 1993; Кажаров 1994; Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7–61]. Эти труды В.Х. Кажарова можно назвать методическими ключами к макро- и микро-исследованиям социально-политической и социально-экономической истории Кавказа. В силу чего ни одна работа по истории длительной феодальной эпохи на Кавказе не может обойтись без учета их результатов.

Коллеги отмечают, что «участие В.Х. Кажарова в том или ином научном проекте было гарантией его успеха» [Губжоков 2014: 237]. В связи с актуализацией

конфессионального дискурса в Российской Федерации вопрос о роли религиозных институтов в жизни общества, как в ретроспективе, так и в перспективе, приобрел на рубеже 1990–2000 гг. новое звучание. В 2002 г. под руководством Кажарова в Кабардино-Балкарской республике была осуществлена комплексная этнографическая экспедиция из сотрудников Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая и КБИГИ. По ее итогам в РГНФ была представлена обширная монография «Ислам в КБР». В 2007 г. вышла в свет коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи», в которой В.Х. Кажаров выступил автором и соавтором многих глав. Она получила высокую оценку профессионального сообщества, как в России, так и за рубежом» [Губжоков 2014: 237].

Беспрецедентным событием не только для черкесов, но и для всех народов Кавказа остается выход в свет «Адыгской (черкесской) энциклопедии». В энциклопедии впервые в отечественной историографии была столь полно воссоздана целостная картина тысячелетнего исторического пути черкесского этноса. Здесь был подведен определенный итог исследованиям по проблематике черкесского феодализма и черкесской государственности. Очевидна выдающаяся роль В.Х. Кажарова в реализации этого проекта не только как талантливого ученого, но и как организатора науки.

Под руководством Кажарова издано уникальное по своей источниковой ценности собрание черкесских песен времен Кавказской войны. Предисловие Кажарова «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» [Адыгские песни: 29–86] имеет важное методологическое значение для разработки проблем исторической памяти, традиционализма и новаторства в политической культуре черкесов.

В последние годы В. Х. Кажаров уделял особо пристальное внимание разработке проблем интеллектуальной истории, исторической ментальности и в этом контексте исторической памяти и исторического сознания своих соотечественников. Осмысление этих тем базировалось на анализе интеллектуального наследия знаковых личностей, не только представлявших социальную и политическую элиту, но и оставивших глубокий след в истории Черкесии и в историческом сознании народа. Среди них были Жабаги Казаноко [Кажаров 2005а: 301–328], Шора Ногмов [Кажаров 2005: 326–344], Измаил-бей и Адиль-Гирей Атажукины, Исхак Абуков [Кажаров 2006: 500–511]. В 2012 г. вышла первая из планировавшихся им работ по анализу исторического сознания черкесов (кабардинцев). Однако исследованию «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в.». суждено было, к сожалению, стать не первым, а последним трудом из запланированного им интереснейшего и большого научного проекта [Кажаров 2012: 5].

* * *

Очевидно, что В. Х. Кажаров изначально не ставил перед собой честолюбивой задачи «перевернуть» все представления о социально-политической системе Черкесии, однако, получилось именно так. На протяжении всей своей научной деятельности историк проявлял огромный интерес к традициям государственно-политического устройства Черкесии. Он выделял два уровня государственно-политической истории черкесов: 1) архаический – с III тыс. до н.э. до XV в. и 2) исторический – с XV в. до XIX в. [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 5]. Эта периодизация достаточно условна и требует уточнений. Сегодня можно указать на необходимость большей степени ее корреляции с большими европейскими эпохами – Античностью, Средневековьем и Новым временем. С другой стороны, нужна коррекция через призму выработанной самим ученым периодизации эпохи феодализма в Черкесии. В этом ракурсе представляется сулящим большие

исследовательские перспективы развитие подхода В.Х. Кажарова к анализу системы политической культуры Черкесии путем дифференциации различных пластов государственно-политической традиции с точки зрения их места в политической культуре народа. Первый уровень институтов составлял фундамент «функционирования и последующих модификаций» политической системы. Он объединял политические институты, которые, несмотря на определенную дискретность существования во времени, бытовали на протяжении всей истории политического существования народа. Второй – трансформации этих институтов, сохранившие «генетическую связь с прежней государственностью». В-третьих – имплицитные явления, скрытые в глубинных пластах этнической культуры и обладающие «определенным потенциалом ревитализации» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7]. В.Х. Кажаров считал первоочередной задачей изучения явлений первого порядка, связанных с глубокими государственно-политическими традициями черкесов. К ним можно отнести, прежде всего: 1) тип государственности (маленькие политии и их союзы / *благъагъэ*); 2) систему государственного управления (институты *хасэ* и *тхъэмадэ*); 3) институты социально-политического саморегулирования (гостеприимство, аталычество, искусственное родство и др.), строившиеся на принципах союзничества.

В современном историческом обыденном сознании черкесов и в черкесской историографии «начало процессов формирования ранней государственности у предков адыгов принято относить к III тыс. до н.э.» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7]. Это была эпоха формирования на северо-востоке Малой Азии городов-государств, на основе которых произошло становление во II тыс. до н.э. могущественной Хеттской империи. Генетически с государствами хаттов и касков Малой Азии была связана бытовавшая в традиционном ареале проживания адыгов и абхазов на Кавказе (IV–III тыс. до н.э.) самобытная майкопская культура. Эта древняя эпоха в истории черкесов идентифицируется историками как северная периферия древневосточной цивилизации. Доказана генетическая преемственность с майкопской культурой сменивших ее археологических культур [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 8].

Характерная для архаической эпохи система государственного существования в форме малых политий и городов-государств, объединенных между собой политическими союзами / *благъагъэ*, доминировала в политогенезе адыгов во все последующие исторические эпохи. В Античность этот тип черкесской государственности сохранялся в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы... 2001. Т. 1: 220] (Синдского, Фатейского и др. в VI–IV вв. до н.э.) и их союзов. Примером такого типа союзничества можно расценивать вхождение Синдского царства в начале IV в. до н.э. в Боспорское царство [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 8]. В первые века нашей эры прославился Зихский политический союз (зихи – древнегреческая транслитерация древнего автоэтнонима черкесов *адыги*). В Средневековье эта традиционная модель политогенеза проявилась через расцвет удельных феодальных княжеств и их союзов. Наибольшую известность получил союз раннефеодальных адыгских политий – Касожский союз. В советской историографии устоялось мнение, что с его образованием в IX в. завершилось становление «единого древнеадыгского народа, отличавшегося общностью территории, языка, культуры, этнического самосознания, феодальным типом социальных отношений и государственного устройства» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 9]. Касожский союз сохранил исконную черту черкесского политогенеза – полицентрическое, децентрализованное политическое устройство. В.Х. Кажаров отмечал, что недостаточная централизация в масштабах Касожского союза «частично компенсировалась усилением государственного начала в отдельных его частях» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 9]. При этом есть сведения о наличии в Касожском союзе мощных центробежных процессов. В начале XI в., к примеру, князь Касожский

Ридадэ (Редедя) предстаёт в Лаврентьевской летописи как суверен единого политического организма [Гадло 2006: 440, 441, 447]. Попытки централизации Черкесии в пору зрелости феодальных отношений в XIII–XVII вв. и их кризиса в XVIII в. были дискретны. Они осложнялись постоянными экспансионистскими вызовами стране на протяжении столетий (монгольское нашествие XIII–XV вв., османская экспансия последней четверти XV в. – 1829 г., российская экспансия 1763–1864 гг.). После наиболее мощного центростремительного импульса, имевшего место в эпоху пщышхуэ Черкесии Инала (1427–1456), страна распалась сначала на два, а позднее на три княжества с политическими центрами на западе страны – в Причерноморье, в срединной части – на Кубани в урочище Майкоп и на востоке – в Пятигорье.

В период зрелого феодализма удельные князья «превратились в типичных феодальных государей с определенной территорией, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом» [Налоева 2015: 73]. Все уделы страны консолидировались в начале XVIII в. вокруг трех политических центров. Во главе этих княжеств стояли избиравшиеся по лествичному праву великие князья – пщышхуэ и сословно-представительные собрания / Хасэшхуэ. Политический строй феодальных княжеств Черкесии (на примере Кабарды) был идентифицирован Г.-Ю. Клапротом, как республиканско-аристократический [Адыги, балкарцы... 1974: 260]. В.Х. Кажаров, развив его идеи, через исследование аграрного строя и государственно-политических институтов пришел к заключению, что с XVI в. черкесские княжества стали представлять собой «сословно-представительные монархии в форме федеративных княжеских республик» [Кажаров 1994: 267]. Он называл политическую систему Черкесии также полицентрической или «децентрализованной сословно-представительной монархией в форме федеративной княжеской республики» [Кажаров 2012: 36]. Безусловно, в данном определении ключевое место принадлежит лексемам *полицентрическая* и *децентрализованная*, отражающим характерную черту черкесского политогенеза. Особенность управляться на протяжении веков в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы... 2001. Т. 1: 220] способствовала среди прочих факторов формированию внутри черкесского народа черкесских субэтнотосов, которые фигурируют в источниках XIX в. как черкесские «народы» или «племена».

Несмотря на то, что использование В.Х. Кажаровым понятия *федеративный* предназначалось, прежде всего, для отличавшейся от других черкесских княжеств многонациональностью Кабарды, которую он именовал также «малой феодальной империей» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 19], надо признать его условность. Необходимо подчеркнуть, что в Кабарде федеративное политическое объединение, как и во всех регионах Черкесии, было основано на древней традиции децентрализованного государственного устройства. Именно в соответствии с этой политической матрицей были объединены в «федерации» политические субъекты. Если в Кабарде имели место определенные культурно-языковые отличия нескольких субъектов (ингуши, назраны, карабулаки, тагаурские осетины, урусбиевские осетины, хуламцы, безенги-осетины, шестиродные абазины, карачавцы) [Кажаров 1994: 179, 180], то в подавляющей части страны принцип децентрализации существовал не по причине значительных языковых, правовых, политических, социально-экономических и культурных различий. Более того, источники подчеркивают полную идентичность в названных аспектах всех черкесских политий. К. Главани в начале XVIII в. их просто называл отдельными провинциями единой страны [Северный Кавказ... 2006: 142]. Во всех частях Черкесии действовала неписаная Конституция Черкесии или Адыгэ хабзэ, определявшая «порядок сношений, разрешений споров» внутри княжеств, «формы их объединений и руководства ими» [Катанчиев 2003: 33]. Сан великого князя продолжал играть роль института и символа политической интеграции. Несмотря на политическую

децентрализацию, потомки Кеса-Инала Иналиды [Леонтович 2002: 165], правившие в Черкесии в XIII–XIX вв., являлись единственными государями Черкесии и составляли единый и четко очерченный класс князей-пщы. С.М. Броневский очень тонко подметил этот важный нюанс политической системы Черкесии, подчеркивая, что княжеские роды управляются каждый в своем уделе как «властные владельцы, а в народных собраниях, как члены федеративного общества» [Броневский 1823: 112].

Чрезвычайно важен для изучения государственно-политического устройства Черкесии вывод В.Х. Кажарова о том, что Кабарда (а, соответственно, и другие черкесские княжества) не пошла в своем развитии дальше сословно-представительной монархии, как это было в типологически близких черкесам по социально-политическому устройству и менталитету обществах Западной Европы. К примеру, во Франции этот переход к абсолютной монархии состоялся в 1661–1715 гг. Ученый показал, что даже в наиболее сильной своим аристократическим классом Кабарде «в господствующих структурах власти и собственности не выработались альтернативные им элементы (даже в самой зачаточной форме), которые впоследствии, в другом историческом контексте, стали бы переходным этапом к образованию абсолютной монархии» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 14]. Таким образом, традиция государственного управления через мелкие политии и их союзы стала фактором, который наряду с внешними экспансионистскими вызовами воспрепятствовала формированию не только на территории всей Черкесии, но и в отдельных княжествах, как, например, Кабарда, абсолютистской системы власти.

В свое время большой заслугой советских этнологов стало выявление такой важнейшей специфики черкесской социально-политической системы, как развитие феодальных отношений под оболочкой различного рода патриархальных институтов и обычаев. Заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он продолжил эти исследования на структурно-институциональном уровне. Всестороннее осмысление одного из главных элементов системы государственного управления Черкесии – хасэ, привело историка к выводу, что под этой лексемой в различные периоды истории черкесов скрывались разнообразные по своей сущности и характеру институты. Эта лексема обозначала как 1) архаичные народные собрания, так и 2) феодальные законодательные сословно-представительные собрания. В.Х. Кажаров отмечал, что такое словоупотребление не может быть случайностью. Он выявил пять общих параметров в функционировании архаичного народного (Нартхасэ, хасэ нартов) и сословно-представительного собраний (хасэ уделов и княжеств). Первая и наиболее очевидная сходная черта заключалась в том, что они представляли собой политические институты, являвшиеся высшими органами власти в рамках того общества, где они функционировали. «Во-вторых, вся общественная жизнь, как нартов, так и адыгов в период феодализма вращалась вокруг хасы. В-третьих, эти советы были отделены от основной массы народа. В-четвертых, их состав не избирался. В нартскую хасу могли приглашать особо прославленных героев, но сам народ не избирал их. Внешне примерно так же (во всяком случае, до 60-х годов XVIII в.) обстояло дело и на феодальных советах, в которых князья и знатные дворяне участвовали в силу своего наследственного статуса и положения вотчинников. В-пятых, деятельностью этих советов руководил пожизненно избираемый председатель...» [Кажаров 1994: 209, 210]. Однако, как отмечал В. Х. Кажаров, несмотря на ряд общих характеристик, хасэ в феодальную эпоху не были генетически связаны с хасэ архаической эпохи. Феодальные хасэ возникли на основе княжеского совета и представляли собой новообразование. Кажаров показал, что феодальные хасэ не были застывшими институтами, что они эволюционировали в процессе развития феодальных отношений от неструктурированных, аморфных совещаний к системно организованному (упорядоченному) сословно-представительным собраниям [Кажаров 1992: 14].

В Кабарде эта трансформация была связана с именем великого князя (пщышхуэ) Кабарды Беслана II (1498–1525).

Произведенный В.Х. Кажаровым сопоставительный анализ черкесского феодального парламента хасэ с парламентом Англии, Генеральными штатами Франции, сеймом Польши выявил их типологическую близость [Кажаров 1994: 17, 18]. Она подтвердилась и ходом дальнейшей эволюции хасэ в последней трети XVIII – первой половине XIX в. в трехпалатные, а в ряде провинций Западной Черкесии – во всесословные законодательные Собрания. Время существования двухпалатного сословно-представительного собрания в Кабарде было им датировано XVI в. – 1767 г. [Кажаров 1992: 15]. Тогда в результате крупнейшего антифеодального восстания, по решению хасэ Кабарды оно преобразовало себя в трехпалатное собрание. В Западной Черкесии процесс демократизации зашел еще дальше: на месте двухпалатного хасэ возникло (в течение XVIII в.) сначала трехпалатное хасэ, а с 1803 г. по решению Печетникского съезда в Шапсугии и в малых демократиях (Абадзехия, Шапсугия, Натухай, Убыхия) – трехпалатные феодальные парламенты трансформировались в демократические всесословные законодательные Народные собрания. Анализ этих трансформаций делает очевидным, что многие из обычаев, регулировавшие деятельность архаических народных собраний, превратились в феодальный и демократический периоды, соответственно, в феодальные адаты. Общие черты представительных учреждений Черкесии на демократическом протяжении тысячелетий можно объяснить их тесной связью с ментальностью черкесского этноса.

Историк внес важный вклад в системное изучение институциональной истории феодальной Черкесии и, прежде всего, структурообразующей единицы черкесского феодального социума вотчины-общины (кьуажэ). В капитальной монографии «Адыгская вотчина» В.Х. Кажаров показал, что структурообразующей единицей черкесского феодального общества являлась не сельская община, как это считалось ранее, а вотчина-община (кьуажэ), где лексема *вотчина* отражала сущность этого социального института, а лексема *община* – его форму. Именно в силу этой особенности социально-политического развития черкесов имело место противоречие между различными сведениями источников: одна часть показывала высокий уровень феодальных отношений, а другая – отмечала бытование в Черкесии черт архаической общины. Благодаря фундаментальным философским познаниям В.Х. Кажарову удалось раскрыть бытование феодальной вотчины в *форме* архаической общины, что позволило снять имевшийся гносеологический конфликт. Таким образом, заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он извлек из архаической «оболочки» ее содержание – феодальную вотчину.

Историк показал, что вотчина «была тесно взаимосвязана со своим антиподом – сельской общиной» [Кажаров 2012: 3]. Он выявил, что аграрная структура феодального общества Черкесии состояла из наложенных друг на друга двух систем (феодальное землевладение и общинное землепользование) [Кажаров 1981: 72] и трех подсистем (вотчина / структурообразующий элемент, многосословность, элементы общины [Кажаров 1992: 32]). В результате трансформации сельская община «перестала существовать как социальная организация, будучи полностью поглощенной вотчиной» [Кажаров 1994: 132]. Однако, ее внутренняя структура, будучи исторически наиболее стабильной формой общественной жизни, стала одним из главных факторов, поддерживавших сохранение многих традиционных черт черкесского феодального общества. Так, на протяжении всего периода существования феодальных отношений сохранялся раннефеодальный порядок, когда хозяйство феодала не было значительно крупнее хозяйства крестьянина. При этом феодал входил в общину наряду с другими членами на правах ее привилегированного члена – главы общины. Так проявлялось привилегированное положение сеньора, чьи права на землю были закреплены не юридически, а

фактически. И именно в силу этого феодал обладал правовыми, экономическими и политическими привилегиями. Эксплуатация крестьян, представлявшая собой различные виды феодальной земельной ренты, прикрывалась «оболочками», представлявшими собой традиционные для архаической общины институты взаимопомощи.

Вслед за Е.Дж. Налоевой исследовавшей феодальную вотчину в сравнительно-историческом и юридическом аспектах [Налоева 1980: 20, 21], В.Х. Кажаров осуществил анализ вотчины как социальной единицы черкесского феодального общества. Он отмечал, что вотчинный принцип пронизывал всю институциональную инфраструктуру черкесского феодального общества. Он выявил, что понятие *вотчина* в черкесском языке является крайне полисемантическим, это родовое понятие разделялось на несколько видов. Вотчина-деревня или вотчина-община – кьуажэ, где черкесское село кьуажэ представляло собой пространственную проекцию особой социальной единицы, являлась основной, но не единственной, единицей феодального владения. Помимо нее существовали «фамильные княжеские вотчины-уделы, частные княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (тлекотлешей и дигенуго), включавшие несколько деревень, вотчины поместья внутри села» [Кажаров 1993: 16, 17]. Таким образом, вся феодальная Черкесия была «разбита на десятки тысяч таких мельчайших вотчин, человек любого социального ранга свою свободу и неприкосновенность (при всей относительности в условиях феодализма) прежде всего, связывал с положением вотчинника» [Кажаров 1994: 126, 127].

В.Х. Кажаров отмечал, что утверждение Н.И. Карлгофа о том, что первый элемент общества составляет свободное семейство с его подвластными приблизило его к пониманию микроструктуры черкесского феодального общества. «Свободное семейство» Карлгофа, сохранив «оболочку» или внешние признаки родовой организации, представляло собой на самом деле социально-экономическую и социально-политическую единицу черкесского феодального социума – вотчину [Кажаров 1993: 83]. В.Х. Кажаров отмечал, что мелкие вотчины были «микроструктурой, микроэлементом, первичным элементом феодально-вотчинной системы, пределом ее делимости, за которым теряется ее основное качество. <...> Выражаясь образно, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей ее в одно целое» [Кажаров 1994: 121, 122].

Выводы В.Х. Кажарова подтверждаются исследованиями других авторитетных историков. В.А. Дмитриев, к примеру, на основе анализа сведений С. Хан-Гирея замечает, что описанные им адыгские роды или «семейства» (соответствовали латинской *familia* в значении родового названия) не сохранили «своей роли организатора пространства расселения его членов» и представляли собой «ментальные конструкции» [Дмитриев 2004: 118, 119]. А.И. Робакидзе, при всей спорности ряда положений его концепции «горского феодализма», точно подмечал, что сохранение формы «патронимической семьи» нового типа было обусловлено заинтересованностью самой феодальной системы «в наличии платежеспособных и трудоспособных семей, на которых держалось феодальное хозяйство» [Робакидзе 1978: 18].

Название всех видов феодалов-вотчин происходило от патронимов. Родовые названия или адыгская антропонимическая модель сложились у черкесов еще в античное время. Как и у древних греков и римлян к имени черкесов прибавлялось окончание – «сын», что соответствовало черкесскому – кьуэ (-ко, -ук). Эта антропонимическая модель получила дальнейшее развитие в период феодализма. В эпоху развития феодальных отношений она стала двучленной: к основному имени прибавляется имя отца (патроним), который впоследствии нередко становится родовой фамилией. Патронимы давали название всем видам феодалов-вотчин. Они

образовывались от имен владельцев вотчин с прибавлением на конце частички *-ай* или *-ой*. Вотчины («дворы», «кѳуажѳ») являлись административно-хозяйственными центрами феодальных владений разного уровня. Основной административно-хозяйственной, территориальной, социальной и административно-политической единицей была вотчина-община (кѳуажѳ) [Кажаров 1992: 15–17]. Из десятков кѳуажѳ состояли удельные вотчины, принадлежавшие фамилиям сеньоров, а они, в свою очередь, составляли княжества, принадлежавшие династии Иналидов.

Общепризнано, что «выявление вотчины как структурообразующего элемента адыгского феодализма, исследование глубинных основ вотчинной организации, ее взаимосвязи с особенностями менталитета адыгов» [Бгажноков 2009: 4], стало большой научной заслугой В.Х. Кажарова в исследовании вопроса об уровне и характере общественного развития черкесов в XVI–XVIII вв. и в спорах об «особом» историческом пути самого многочисленного некогда народа Кавказа – черкесов.

Проблема уровня социально-политического и социально-экономического развития Черкесии являлась одной из сложных в кавказоведении. В.Х. Кажаров отмечал, что в отечественной историографии доминировали взгляды, содержавшие в себе по существу «две антитезы в понимании их общественного строя: как общинно-родового и как феодального» [Кажаров 1994: 50]. Через изучение аграрного строя, процессов генезиса, развития и кризиса черкесской вотчины-общины с помощью метода компаративистики историк доказал, что сходство западноевропейской и черкесской моделей развитой системы вассалитета, на которое обращали внимание многие авторы XV–XIX вв., а также российские государственные деятели, не являлось случайным совпадением внешних признаков. Эта близость была порождена органическим сходством аграрной эволюции. В качестве особенностей черкесского феодализма назывались, прежде всего, следующие черты:

1. Пшцы (государи, князья), обладая феодальной собственностью на землю, будучи верховным распорядителем всей земли княжеств, как и другие сеньоры (уэркѳ'и) не имели своей запашки и участвовали наряду с крестьянами в регулярном переделе пашенных наделов, им принадлежала запашка, которая зачастую не превышала размера крестьянского надела, а если и превышала, то незначительно. В отличие от крестьян у них была привилегия на «полный плуг», на который полагалось 8 быков, в то время как максимальный надел крестьян составлял участок земли, вспаханный 3 парами быков [Кажаров 1994: 87–89].

2. Доходы пшцы и уэркѳ'ов складывались, прежде всего, из ренты, получаемой с различных категорий крепостных крестьян [Кажаров 1994: 179].

3. Вслед за Н.И. Карлгофом и В.К. Гардановым [Карлгоф 1860: 517; Гарданов 1967: 328], В.Х. Кажаров еще более убедительно показал, что полнокровные феодальные, а затем и демократические процессы развивались в Черкесии (XIX в.) исключительно внутри патриархальных и раннефеодальных форм – «оболочек» или «юридических фикций» [Кажаров 1994: 87].

Благодаря исследованиям Кажарова можно сделать в сравнительном анализе черкесской и европейских феодальных систем следующий шаг и сопоставить так называемые специфические черты черкесского феодализма с типологическими чертами западноевропейского феодализма. Так, С.Д. Сказкин выделял следующие характерные черты французского феодализма:

1. Сеньор, являвшийся феодальным собственником крестьянской земли, не имел «собственной запашки, или эта запашка близка по своим размерам к обычному крестьянскому держанию» [Сказкин 1973: 199].

2. «Основной доход сеньора составляли денежные и натуральные платежи земледельцев, живущих на территории его сеньории, а не доход от собственного хозяйства, от его собственной запашки» [Сказкин 1973: 199].

3. «Вплоть до XIX в. сеньориальный строй несет на себе следы своего раннефеодального происхождения» [Сказкин 1973: 199, 200].

Наглядно, что идентифицированные как специфические для черкесского феодализма черты представляют собой не что иное, как характерные признаки феодального строя Западной Европы. Таким образом, несмотря на географическую отдаленность Черкесии от этой части света, можно утверждать, что структурно-институциональные исследования В.Х. Кажарова подтвердили: черкесский феодализм не только был близок к европейскому типу феодализма, но и представлял собой один из его вариантов. Наряду с французским, итальянским и юго-западно-германским вариантами можно говорить и о черкесском варианте западноевропейского типа феодализма. Одно из объяснений такого совпадения состоит в общности древних архетипических начал общественного устройства в странах Европы и Черкесии, на что еще в 1848 г. обращал особое внимание Н.И. Карлгоф [Карлгоф 1860: 517].

На основе изучения вотчины-общины во временной динамике В.Х. Кажаров обосновал правомерность деления истории феодализма в Черкесии на три стадии: генезис, зрелость, кризис. Процесс генезиса феодальных отношений датировался им V–XIII вв. [Кажаров 1994: 115], когда формировалась вотчина-община (кьюажэ) как социальная единица черкесского феодального общества. В XIV–XVII вв. феодализм достиг зрелости, доказательством чему является установление в черкесском обществе: 1) безраздельного господства феодальной земельной собственности; 2) безусловного торжества ее организационного воплощения – вотчины; 3) раскол общества на два резко поляризованных класса, исчезновение архаического слоя свободных общинников. В XVI–XVII вв. феодализм в Черкесии «обнаружил пределы своего роста» [Кажаров 1994: 135]. Таким образом, на основе трудов историка можно выделить следующие этапы развития феодализма в Черкесии: 1. Генезис. V–XIII вв.; 2. Зрелость. XIV–XVII вв.; 3. Кризис. XVIII–XIX вв.

С проблемой кризиса феодализма в Черкесии самым непосредственным образом была связана концепция В.Х. Кажарова о дивергенции путей общественного развития Востока и Запада Черкесии с конца XVIII в. Этот процесс был обусловлен тем, что кризис феодальных отношений в Черкесии протекал двумя разными путями. В соответствии с этим территория страны разделилась на демократически устроенный «запад» и оставшийся аристократическим «восток». В основе этой дифференциации лежали возникшие в период кризиса феодального строя территориальные различия в аграрном строе и появившиеся на этой основе отличия в социальном устройстве и политическом управлении на западе и востоке страны.

Такая дивергенция путей социального развития внутри одной этнической общности или страны для той эпохи была, скорее, типичной, чем уникальной [Сказкин 1973: 199]. Заслуга В.Х. Кажарова состоит в том, что он выявил основу дивергенции путей общественного развития Запада и Востока Черкесии – изменение аграрного строя на Западе страны. Он показал, что до демократических преобразований на территории всей Черкесии имела место полная идентичность (даже в деталях) аграрного строя: в формах землепользования, характере земледелия, особенностях землевладения, формах феодальной ренты и, соответственно, в социально-политической системе. Очевидно, что подобное тождество могло возникнуть «только в рамках одного этносоциального организма, приобретая в нем устойчивую структуру. <...> Неизменное функционирование этой системы на западе и востоке <...> доказывает долгую предысторию ее формирования в рамках одной древнеадыгской народности» [Кажаров 1994: 112, 113]. В процессе эволюции общества и классовой борьбы в западной части страны возник отличный от востока страны тип земельного «утеснения». Последствием этого стала замена возникшей в процессе становления феодальной вотчины древней черкесской системы общинно-передельного землепользования системой частного подворного землевладения.

В.Х. Кажаров видел причины такой трансформации, во-первых, в горном ландшафте и малоземелье, а, во-вторых, и особенностях экономики на западе и востоке страны. В горных областях страны из-за сложившегося типа земельного «утеснения» со временем стала доминировать система интенсивного полеводческого хозяйства. Здесь кьуажэ состояли из 5–10 дворов и располагались «сплошной цепью по ущельям и речным долинам», границы между ними были нечетки и размыты [Кажаров 1994: 127]. Со стороны это смотрелось так, будто они располагались сплошной полосой. Обрабатываемые участки примыкали к усадьбам мелких вотчинников и передавались по наследству. Таким образом, в Западной Черкесии, как это было и в Западной Европе, земледельцы, вопреки субъективным устремлениям своих господ, добились превращения своего прикрепления к земле в его противоположность. Земля была превращена в наследственное достояние непосредственного производителя, который «стал считать себя собственником земли не в меньшей мере, чем его господин» [Сказкин 1973: 208]. Трансформация феодальной системы сопровождалась в Западной Черкесии упадком традиционной вотчинной организации, в том числе и вотчины-общины (кьуажэ) и «широким распространением мелких тфокотльских (лхукьуэлI) вотчин нового типа» [Кажаров 1994: 127].

Важнейшим аспектом проблемы демократизации в Черкесии и дивергенции путей общественного развития является впервые поднятый историком вопрос о демократических реформах в Кабарде. Институциональные исследования позволили В.Х. Кажарову «изнутри» увидеть процессы демократизации в Кабарде. Он показал, что кризис феодальных отношений привел к тому, что Кабарда также как и Западная Черкесия, была охвачена демократическими идеями. Более того, именно Кабарда стала первым черкесским княжеством, где состоялись институциональные демократические реформы. Однако эти преобразования были проведены не «снизу», как в Западной Черкесии, а «сверху» и во главе их стояли не представители лхукьуэлI'ей, а правящий класс в лице князей (пщы) и дворян (уэрк'ов). Одним из ярких подтверждений демократических реформ в Кабарде служит деятельность известного черкесского философа и общественного деятеля, советника пщышхуэ Кабарды Асланбека Кайтукина (май–сентябрь 1732; 1736–1739) Жабаци Казаного. Он вошел в историю как защитник крестьянства [История философии 1968: 486, 487], что, очевидно, было связано с усилиями по предупреждению социально-политических преобразований в том радикальном виде, как они имели место несколькими десятилетиями позднее на западе Черкесии. В 1767 г. под давлением самого крупного в истории Кабарды лхукьуэлI'ского восстания, по инициативе правящих кругов двухпалатное сословно-представительное собрание было преобразовано в трехпалатное» [Кажаров 1994: 280, 281] и внесены определенные изменения относительно правового положения лхукьуэлI'ей.

В Кабарде лхукьуэлI'ское или народное представительство в хасэ было сформировано не на основе соседской общины нового типа, как на западе Черкесии, а на основе феодальной вотчины-общины (кьуажэ). «Логично предположить, что многие из «старшин» попросту назначались их владельцами» [Кажаров 1994: 280], – отмечал В.Х. Кажаров. В силу отсутствия у вотчины-общины в Черкесии большого потенциала для развития институтов самоуправления, социально-политические реформы в Кабарде не обладали той широкой социальной базой, какую они имели в западно-черкесских землях и политический фасад феодальной системы здесь не претерпел существенных изменений. Именно в результате этих процессов демократизация в Черкесии пошла на западе «снизу», а на востоке – «сверху». Демократические преобразования «снизу» привели к социо- и политико-генетическим процессам, в результате которых на месте княжеств Хегайкия, Жане и части территорий Бжедугии и Кемиргоя появились, говоря словами Г.В. Новицкого, «малые демократии» [Акты... 1878: 890]: Абадзехия, Шапсугия, Натухай и Убыхия.

Историк выявил, что в основе «консерватизма» Кабарды лежал сложившийся на равнинах Черкесии тип земельного «утеснения», способствовавший сохранению традиционной для феодальной Черкесии системы переложно-залежного земледелия. «Сила» правящего класса Кабарды позволила ему монополизировать земельную собственность в своих руках, став ее «единственным субъектом», а также произвести демократические реформы «сверху», предотвратив западно-черкесский вариант демократизации общества. Здесь вотчина-община не только не была разрушена, но даже получила дальнейшее укрепление [Кажаров 1994: 35, 105, 106]. Таким образом, несмотря на значительное сходство институциональных преобразований в Западной и Восточной Черкесии (создание трехпалатного сословно-представительного собрания хасэ, изменение ряда норм неписанной черкесской Конституции Адыгэ хабзэ, регулировавших межсословные отношения, изменение системы композиций), установившаяся разница в аграрном строе двух частей страны, привела к дивергенции социально-политического развития Запада и Востока Черкесии.

Взгляд В.Х. Кажарова на историческое значение демократических процессов в Черкесии отличался некоторой противоречивостью. Его оценка сущности демократических преобразований совпадала с оценкой В.К. Гарданова [Гарданов 1967: 250, 251, 328], считавшего демократические преобразования в Черкесии проявлением внутрiformационного кризиса. Валерий Хаширович писал: «Как бы не оценивались предпосылки и результаты общественно-политического переворота у шапсугов, натухайцев и абадзехов, он означал не межформационный, а внутрiformационный кризис феодализма, т.е. он не был буржуазной революцией. Тем не менее, социальные изменения у них были настолько велики, что термин «революция», употребляемый авторами первой половины XIX века не кажется гиперболой» [Кажаров 1992: 121–123]. В то же время историк отмечал, что если предположить, что развитие индивидуальной частной собственности в Черкесии было вызвано внутренними причинами, то надо согласиться и с тем, что феодализм «разлагался в силу наличия капиталистического уклада» [Кажаров 1994: 6].

В.Х. Кажаров также считал, что возникшее в XVI в. третье сословие в Черкесии, так и не сформировалось, при этом историк указывал на различия в положении лъхукъуэл'ей на востоке и западе страны. В условиях Кабарды лъхукъуэл'и действительно находились зачастую на правах оброчных крестьян Юэгу. Тем не менее, юридически они были свободны и принадлежали, как писал генерал Потемкин к «простому народу» [Кабардино-русские... 1957: 360], т.е. к третьему сословию. Очевидно, что принадлежащая В.Х. Кажарову концепция развития и кризиса феодального строя в Черкесии имеет еще очень большой потенциал для плодотворного исследования характера и значения демократических преобразований в Черкесии в XVII–XVIII вв.

* * *

В.Х. Кажаров, будучи человеком широкой научной эрудиции, превосходно знавшим историю, как России и Кавказа, так и европейских стран, тонко чувствующий специфику различных исторических эпох, всегда своими мыслями возвращался в долину реки Баксан. Именно к ней, к малой родине, к сакральному центру так любимой им феодальной Кабарды, а через нее и ко всей Черкесии, о которой он располагал глубокими познаниями, были прикованы его мысли и самые трепетные переживания в последние годы жизни, когда я его знала. Можно сказать, что эти переживания о будущем своего народа в значительной степени сыграли роковую роль в его судьбе, лишив его жизненного покоя. В этом смысле можно сказать, что он остался верен себе до конца... Как и средневековые рыцари Черкесии, о которых он так много писал, В.Х. Кажаров не изменил своему жизненному кредо: «Честь превыше жизни!».

Источники и литература

1. Абазов А.Х., Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н. Рахаев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов в работах В.Х. Кажарова // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей, посвященных 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 7–44.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / пер. и сост. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
3. Адыгская (черкесская) энциклопедия / под ред. М.А. Кумахова, В.Х. Кажарова. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2006. 1247 с.
4. Адыгские песни времен Кавказской войны / отв. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 436 с.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / под ред. Ад. Берже: В 12 т. Т. 7. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала гр. И.Ф. Паскевича (1827–1809). Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1878. 994 с.
6. Бгажноков Б.Х. Отыскать беспристрастную точку зрения // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей, посвященных 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 3–6.
7. Боров А.Х., Азикова Ю.М. Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 6–12.
8. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / под ред. А.И. Першица. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 178 с.
9. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. II. 485 с.
10. Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 437–454.
11. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
12. Губжоков М.Н. Валерий Хаширович Кажаров // Вестник науки / Адыгейский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2014. № 3 (27). С. 236–238.
13. Дмитриев В.А. Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 31–104.
14. История философии в СССР. В 5 т. Т. I / ред. В.Е. Евграфов. М.: Наука, 1968. 580 с.
15. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. XVIII в. / сост.: В.М. Букалова. 427 с.
16. Кажаров В.Х. Адыгская вотчина: К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик: Эльбрус, 1993. 136 с.
17. Кажаров В.Х. Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 500–511.
18. Кажаров В.Х. Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 160 с.
19. Кажаров В.Х. «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 326–344.
20. Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2012. 83 с.
21. Кажаров В.Х. Сельская община у адыгов: (Поземельные отношения): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982. 22 с.
22. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
23. Кажаров В.Х. У истоков общественной мысли кабардинцев // Исторический вестник. Нальчик, 2005а. Вып. I. С. 301–328.
24. Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населявших северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. II. С. 517–551.
25. Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право, его особенности. Изд. 2-е. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 193 с.

26. *Леонтович Ф.И.* Адады кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. I. 343 с.
27. *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 364 с.
28. *Налоева Е.Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды: Сборник статей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 5–27.
29. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2. С. 15–24.
30. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. 323 с.; Т. 2. 387 с.
31. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов / сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 393 с.
32. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с. (В соавторстве).
33. *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2. С. 3–17.
34. *Сказкин С.Д.* Избранные труды по истории. М.: Наука, 1973. 453 с.

CONTRIBUTION OF V.Kh. KAZHAROV TO THE CAUCASUS STUDIES

Ozova Fatima Anatolyevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Worker by Karachai-Cherkess Research Institute of Humanities ordered by «Sign of Honour» under Government of KCR, fo7799@rambler.ru

The circle of scientific interests of V.Kh. Kazharov fully corresponded to the development trends of world historical thought at the end of the 20th century. The historian developed many aspects of agrarian and ethnopolitical history, in particular the problems of innovations and transformations of the traditional political culture of the late 18th – 19th centuries, as well as issues of spiritual and intellectual history, mentality and historical consciousness of the Circassians. V.Kh. Kazharov, applying an analysis of the history of the basic institutions of the Circassian society (its social basis – the patrimony-community / *kuazhe* and the most important elements of the political system – legislative estate-representative assemblies / *hase*, grand duke / *pschysh-hue*, princely court / *hei*) structural approach, formulated the concept of the crisis of feudal relations in Circassia and resolved the question of the causes of divergence of the ways of social development of the East and West of the country at the end of the XVIII century. The research of V.Kh. Kazharov is of fundamental importance for understanding the socio-political history of all Caucasian ethnic groups.

Keywords: V.Kh. Kazharov, methodology, structure-forming unit, fiefdom-community, Circassian statehood, Circassian parliamentarism, land «oppression», divergence, Caucasus, Circassia.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-7-19

КЫЗБУРУНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (КЪЫЗБРУН ЗАУЭ) ПО ЧЕРКЕСКИМ ПРЕДАНИЯМ В ИЗЛОЖЕНИИ Ш.Б. НОГМОВА

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Черкесские исторические предания содержат ценные данные по раннему периоду политогенеза державы князя Инала и первых поколений его наследников. Кызбурунское сражение (Къызбрун зауэ) является одним из важнейших событий в истории Княжеской Черкесии XVI в. Исторические предания и поэтический текст песни, посвященные этому событию, нашли отражение в работе Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа». Основным содержанием этого исторического сюжета является междоусобная борьба третьего поколения Иналидов Кабарды, в которую вмешивается князь-изгой Идар Инармасов. В устных преданиях в редакции Ш.Б. Ногмова содержится ряд неточностей, которые можно откорректировать с помощью доступных нам письменных источников, а также генеалогических росписей Иналидов Кабарды XVII–XVIII вв. Это позволяет анализировать исторические события, мотивы главных участников и лидеров противоборствующих группировок. Аутентичный текст песни о Кызбурунской битве содержит имена предводителей и наиболее отличившихся воинов, позволяет реконструировать некоторые чисто военные детали битвы. В данном событии как в зеркале отражаются наиболее характерные черты феодальной эпохи позднесредневековой Черкесии. Его важнейшими результатами стали выделение Бесленевского владения из Кабарды, крайнее ослабление политических позиций князей Тохтамышевых и возвышение патронимии Идаровых.

Ключевые слова: Кызбурунская битва, Черкесия, Иналиды, Идар Инармасов, исторические предания.

Одной из основных проблем в изучении ранней политической истории феодальной Черкесии является скудость источниковедческой базы. Османские архивы плохо изучены, русские архивные источники дают содержательные материалы по политической истории Черкесии лишь с середины XVI в. Весь ранний период политогенеза позднесредневековой державы Инала и его ближайших наследников мы можем реконструировать опираясь почти исключительно на генеалогические росписи Иналидов, составленные уже в XVII–XVIII вв., и исторические предания черкесов. Первый историографический опыт подобного рода принадлежит перу Ш.Б. Ногмова, чей 225-летний юбилей мы отмечаем в этом году. Его «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев», конечно же не лишена недостатков. Этот труд появился в эпоху, когда академическая историография только начала формироваться. «История» Ш.Б. Ногмова полна противоречий и анахронизмов. Опираясь на весь комплекс исторических знаний, накопленных современным кавказоведением, мы отчетливо осознаем эти недостатки, противоречия, фактические ошибки автора [Кожев 2011]. Тем не менее, детальное изучение «Истории адыгейского народа», как ценного источника исторических преданий черкесов, записанных автором в первые десятилетия XIX в., на наш взгляд, не потеряло актуальности и по сей день. Особенно это касается сюжетов из

политической истории Кабарды и всей Княжеской Черкесии первой пол. XVI в. – эпохи непосредственно предшествовавшей установлению интенсивных дипломатических, политических, военных связей с русским государством, нашедших адекватное отражение в синхронных летописных и дипломатических письменных источниках Московского царства. Это позволяет полнее раскрыть эвристический потенциал черкесских исторических преданий, коррелируя их с данными архивных источников, в первую очередь русских.

Одним из таких сюжетов является история первого крупного междоусобия князей Иналидов, завершившегося сражением у «...Кызбуруна, на правой стороне реки Баксана», как пишет Ш.Б. Ногмов в своем труде [Ногмов 1994: 104]. Главным героем этого события выступает князь Идар, родоначальник широко известного по русским источникам XVI–XVII вв. княжеского дома Идаровых, к которому принадлежали пшышхуэ – великий князь Кабарды и тесть Ивана IV Грозного (1533–1584) Кемиргоко Идаров и его дочь Гуашаней, в крещении Мария Темрюковна Черкасская, а также многие другие политические деятели, как Черкесии, так и Московского царства [КРО 1957: 5, 9–10, 384]. Глава, посвященная князю Идару – «Повесть о князе Идаре и уничтожении Тмутараканского княжества (не дошедшая до русских бытописателей)», содержит баснословные сведения об его участии в войнах с Хазарским каганатом и Тмутараканским княжеством, делает Идара современником легендарного Редеди [Ногмов 1994: 101–102]. Это явный анахронизм и неубедительная попытка автора придать своему персонажу подчеркнуто выдающуюся роль в черкесской истории. Время жизни Идара мы можем уверенно датировать первой пол. XVI в., так как его сыновья хорошо известны как активные участники политической жизни Кабарды с 1557 г. [КРО: 5]. А Хазарский каганат и Тмутараканское княжество прекратили свое существование еще в XI в. Ш.Б. Ногмов также не точен в генеалогических преданиях. Например, князя Идара он называет внуком Инала – родоначальника правящей династии почти всей феодальной Черкесии XV–XIX вв. Кроме того, Ш.Б. Ногмов неверно указывает имя отца Идара: «...Инал был женат три раза. От третьей жены у него осталось два сына Унармес и Кирлиш. Унармес оставил сына Тохтамыша, владевшего Кабардой. Кирлиш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к родичу своему Хамишеву. Будучи у него она родила сына, которого назвали Идаром» [Ногмов 1994: 101].

На самом деле, как мы можем судить по сохранившимся генеалогическим росписям Иналидов Кабарды, в первой пол. XVI в. в Восточной Черкесии правило уже второе и третье поколение Иналовичей. То есть Идар был не внуком, а уже правнуком Инала Светлого/Сиятельного [КРО 1957: 383–384]. По данным черкесских преданий он, вероятно, действительно трижды был женат. Во всяком случае, Ш.Б. Ногмов в своем труде несколько раз повторяет эту информацию [Ногмов 1994: 96, 101]. После смерти Инала, созданное его усилиями государственное объединение было разделено на уделы многочисленными сыновьями. По классическому сценарию развития раннефеодальных государств держава Инала стала распадаться. «Должно полагать, – пишет Ш.Б. Ногмов – что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств, они разделились на три части: один из них остался в Хегаке, другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду» [Ногмов 1994: 90]. Такое троичное деление – Хегак, как крайний запад, низовья Кубани; Кемиргой, как центр и великокняжеский домен; и Кабарда, как крайний восточный предел государства Иналидов, выглядит закономерной и объективно обусловленной естественно-географическими факторами формой освоения пространства Черкесии. Кроме того, деление державы Инала на три части совпадает с преданием о трех браках великого князя и, соответственно, о трех линиях сводных братьев от разных жен. По некоторым косвенным данным, мы можем судить, что старшей линией Иналидов были именно

кемиргоевские князья. Из Кемиргоя, согласно черкесским преданиям, выделились княжеские дома Жанея и Хатукая, которые известны османско-крымским письменным источникам со второй трети XVI в. [Некрасов 1990:104, 107, 110–111; Ногмов 1994: 96–97]. Однако Болотоковы – старший линидж кемиргоевских Иналидов, вплоть до XIX в. удержали в своем владении географический центр Княжеской Черкесии – бассейн р.Белой (в равнинной части современной Адыгеи) и сохранили репутацию «князей из князей» («*пцым я пцызж*») [Нэгумэ 1958: 114; Ногмов 1994: 97]. К сожалению, подробные генеалогические росписи Иналидов Западной Черкесии историческому кавказоведению неизвестны, изыскания в этом направлении – это дело будущего и задача кропотливого исследования. Генеалогические же росписи Иналидов Кабарды, благодаря инкорпорации некоторых из них в состав высшей аристократии Московского царства, известны примерно с 40-х годов XVII в. [КРО 1957: 383–387]. Это ценный исторический источник, который позволяет скорректировать черкесские исторические предания в редакции Ш.Б. Ногмова. Неточности, допускаемые автором «Истории адыгейского народа» в определении генеалогического происхождения князя Идара вполне объяснимы. Линидж Идаровых в Кабарде прервался за несколько поколений до рождения Ш.Б. Ногмова [Налоева 2015: 13]. Отсутствие прямых потомков закономерно снижало возможности точного сохранения всех нюансов генеалогического предания о происхождении Идаровых.

Опираясь на известные генеалогические росписи «кабардинских и черкесских мурз и князей» мы можем уверенно утверждать, что первое поколение Иналидов в Кабарде состояло всего из двух человек – братьев Табулы (или Табулду) и Беслана, весьма вероятно, рожденных последней, младшей из трех жен Инала. У Табулы было четыре сына – Инармес, Джанхот, Минбулат, Кирклыш, а у Беслана – один сын Каноко. Князь Идар же был единственным сыном именно Инармеса – самого старшего из поколения внуков Инала в Кабарде [КРО 1957: 383–384]. Судьба Идара, а также всего третьего поколения кабардинских Иналидов и является сюжетообразующей в предании о Кызбурунской битве (*Къызбрун зауэ*).

Итак, Идар родился уже после смерти отца, в доме своего деда по матери бжедугского князя Эльжера Хамишева. Фактически он превратился в князя-изгоя, лишённого удела в Кабарде. Эпизоды, связанные с юностью и легендарными подвигами Идара в войнах с Тмутараканью и Хазарией мы рассматривать не будем как явные анахронизмы. Однако оценка историческим преданием неординарности личности Идара, очевидно, имеет веские основания, иначе он не смог бы реализовать свои права старшего среди кабардинских Иналидов и вернуть полноценный княжеский статус: «За его хороший характер и отличные способности дед его Хамишев Бжедугский, князь Эльжеруко и весь адыгейский народ, несмотря на юные его лета, страстно его любили и питали к нему особенное уважение. *Все находили в нем по приветливости и добродетелям великое сходство с князем Иналом* (разрядка наша – К.З.)» [Ногмов 1994: 101]. Сравнение с практически обожествленным предком – Иналом Светлым/Сиятельным, весьма характерно и косвенным образом подтверждает неординарность князя Идара в глазах современников и его выдающиеся личные качества. Тем не менее, несмотря на поддержку со стороны бжедугов, родственников с материнской стороны, уважение к его происхождению и личным достоинствам со стороны других черкесов, Идар решается заявить о своих правах только через два года после того, как в Кабарде начинается междоусобная распря. На наш взгляд, это могло произойти только после смерти Беслана Джанхотова – знаменитого Беслана Тучного (Беслэн ПцІапцІэ), который в предании о Кызбурунском сражении уже не упоминается, в отличие от его младшего брата Талостана [Ногмов 1994: 104]. Из Кабарды изгнали семью Тохтамышша Кирклышева, родоначальника фамилии Тохтамышевых, которые единственные из Иналидов, в последующем постепенно утратят полноценный княжеский статус

[Налоева 2015: 1]. В целом Ш.Б. Ногмов верно передает суть конфликта, как столкновение двоюродных братьев за высшую политическую власть в Кабарде: «Каждый из них хотел властвовать один над кабардинским народом» [Ногмов 1994: 103].

Идар, находившийся в Бжедугии, на правах старшего формально выступил как миротворец и защитник прав изгнанного из Кабарды Тохтамыша. Таким его изображают черкесские предания в редакции Ш.Б. Ногмова. Однако претензии на отцовское наследство, очевидно, были основным мотивом активного вмешательства князя Идара во внутривластную распрю в Кабарде. Старшинство Идара Инармасова среди других Иналидов Кабарды Ш.Б. Ногмову неизвестно, но в уста его послы к кабардинским князьям автор «Истории адыгейского народа» вкладывает следующие предложения: «Князь Идар желает примирить враждующих князей, чтобы они впредь жили дружелюбно и спокойно. Сверх того, он желает справедливого разделе кабардинского народа и требует себе и своим родным одну часть (курсив наш – К.З.)» [Ногмов 1994: 104].

Свои предложения Идар Инармасов выдвинул, опираясь на широкую коалицию союзников и родственников со стороны матери. По преданию для похода в Кабарду он собрал «...из кахов (т.е. *кахов* – досл. «низовых») черкесов – К.З.) или чапсогов, хегаков, бжедухов, махашев и прочих закубанских племен многочисленное войско» [Ногмов 1994: 103]. Под шапсугами в этом перечне западночеркесских или *кяхских* субэтносов, на наш взгляд, следует подразумевать жанеевцев, чьи земли и демографический потенциал шапсуги унаследовали в XVIII в. В XVI–XVII вв. шапсуги среди черкесских субэтносов неизвестны синхронным письменным источникам даже по имени [Волкова 1974: 17–21]. В войске Идара конкретно не упомянуты контингенты кемиргоевцев и хатукаевцев, хотя их участие в столь представительном ополчении более чем вероятно. Для того, чтобы сложилась такая широкая коалиция *кяхских* князей одних родственных связей с бжедугским владетельным родом Хашишевых было недостаточно, тем более, что они даже не были Иналидами [Султан Хан-Гирей 2009: 157–163]. Бжедугский контингент в армии Идара был далеко не основным. Историко-героическая песня о Кызбурунском сражении особо подчеркивает как военную доблесть, так и малочисленность бжедугской конницы [Ногма 1956: 59]. Следовательно, основные силы армии Идара Инармасова состояли из контингентов *кяхских* Иналидов. А для этого в их среде должен был сложиться консенсус по поводу легитимности феодальных прав князя Идара Инармасова на наследственный отцовский удел в Кабарде. Кроме того, была необходима прямая санкция со стороны самых влиятельных княжеских семей, в-первую очередь, кемиргоевских Болотоковых, которых статус *пщым я пщыж* («князя из князей») обязывал быть главными защитниками наследственного права в рамках разросшегося рода Иналидов. Войско Идара Инармасова оказалось настолько значительным, что кабардинские князья, не решаясь на открытое полевое сражение и готовясь к обороне, «...послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз» и собрали около 3 тыс. абазинской пехоты [Ногмов 1994: 104]. Генеральное сражение между противоборствующими сторонами произошло на правом берегу р. Баксан у горы Кызбурун: «Тут кабардинцы, соединив свои войска, сразились с войсками Идара. Кровопролитие было ужасное, жители, покрытые пеплом, и весь народ во время сражения производили страшный крик и вопль, проливая ручьями слезы. Предание говорит, что на этом месте погибло с обеих сторон неисчислимое множество людей» [Ногмов 1994: 104]. Описанию самого сражения посвящена историко-героическая песня «Къызбрун зауэ». В «Истории адыгейского народа» содержится авторский перевод этой песни [Ногмов 1994: 105–107]. Аутентичный текст оригинала на черкесском языке, подстрочный и поэтический переводы Г.Ф. Турчанинова изданы в первом томе «Филологических трудов» Ш.Б. Ногма [Ногма 1956: 57–63]. С небольшими отличиями от оригинала адаптированный к нормам современного литературного

кабардино-черкесского языка текст песни «Къызбрун зауэ» содержится также в варианте «Истории адыгейского народа», изданном на черкесском языке в переводе З.П. Кардангушева [Нэгумэ 1958: 124–125]. Вот аутентичный текст песни в оригинальной редакции, с сохранением особенностей кабардинского диалекта черкесского языка первой половины XIX в. и литературный перевод Г.Ф. Турчанинова.

*Ды Къызбрунмэ лыпсые бзагэхэр даушэ!
Ды нарт шухэр ГумпIэкIэ къызэрыдои.
ХъымыцкIэ Елжэры лыхъ[у]
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у]ц,*

*Пици сэхъур Елжэрыкъуэци, жанитIымэ укъыродалтэ,
Лъахъуэдыгъ[у] пчIэгъуэлаицхъуэр къалэбжэм къэцзубгъунж,
Къанокъуэм и таджыр зауэгъуэмэ къахалыдыкI,
Пхъуэбгъу бырухэр зэбгъузэнатIэ
Багъырсокъуэ Алтаймэ и натIэр шэкIэр[э] итхъуц.*

*ХъымыцкIэ Елжэры лыхъ[у]
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у]ц,
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, бырумэ унелтэ-къелтэ
КIэсэбихэ я Акъсакъалмэ и джатэтэ къытх[у]эйгэжэн
И майдэ къыгъэжэнамкIи къалэбжэ[мэ] къыхуитчIыкIиц;
КургIкъуэхэ ЖэнджэришIыри ды дзэ зэшэнымэ хэмыкI,*

*ХъымыцкIэ Елжэры лыхъ[у],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у],
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, икIыгуэмэ зэ[къы]цзубгъунж,
ПицыцIыкIу и къуитIумэ я жьакIэ Iэ къытхудалтэ:
«ГатэIэмэкIэ лыпсхэр догъэгъуц».
БагъырсокъуитIмэ брумэ зыцагъэбыддэц:
«Псогуэры ды Iэрыубыдиц» – жаIэрий я гатэпIэр зыралтхэж.*

*ХъымыцкIэ Елжэры лыхъ[у],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у],
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, бжъырыбжъыйхэр зиуннэма[х]уэ.
Мы Багъырсе эта мафI[э]уэ здычIагъанэ,
Дигулибгъуэй жылэхэр губгъуэ дзэкумэ цокъугъхэр,
Си Хуэшые къыдэкли лъэсхэмэ я цэнэкъхэр яIыгъыжхэц.
Шытимэ и тэгъыер зэрыхулагуэ,
Дзэпиблмэ я гухэр гатэпэкIэ нызадарель.*

*ХъымыцкIэ Елжэры лыхъ[у],
Айдар у[ы] къаны сэхъ[у]ц,
Пицы сэхъур Елжэрыкъуэци, зауэпэмэ умылIыгъэни[э]т.
Бжэдыгъу шухэр мачIэти, емынэ нэфт,
Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рилтээфэкIуэжси,
Бзылхугэмэ и къабзэхэмэ чIакIуэхэр задияшатырхэц,
Дохъшокуэмэ и тэгъыер къуэраишхэмэ къейгъэлажэ,
Къанокъуэхэ къуэрылху шухэр Кургъокъуэхэ ятрагъажэ,
Бжэдыгъу шухэмэ хакIуэжыхэр мафI[э]кIэ ягъэблаш,
[А]базэ лъэсхэмэ лыгъэгъуэхэр чIыбкIэрэ зырахъэ,
[Айдар] и дыцэ мэIур цэуэфкIэрэ арегъэкъутэ,
Идар ти[ы]мэ, хахуэжыгъэр ШытыкIэрэ Сэмэгу [е]йиц.*

Реки кровавые льются у нас в Кызбруне,
Всадники наши коней под уздцы словно нарты выводят.
Мужеством, славный Ельжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,

Князь Елжеруко – герой.
Саблей двуострой грозишься ты князь Елжеруко,
Конь тляходугский у враг крепостных опрокинут,
Всех затемняя, сверкает в сражении шлем у Каноко,
А у досчатой ограды четырехугольной
Лоб Багирсоко Алтая стрела мимолетом задела.

Мужеством славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
Князь Елжеруко, ты прыгаешь взад и вперед над оградой,
Саблю свою Аксакаль Касабий против нас заостряет,
Дверь крепостную своим бердышем отрубает,
А Жангери наш Кургоко всегда и везде среди войска.

Мужеством, славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
На переправе твой конь опрокинулся, князь Елжеруко,
Пшичника двое сынов в удовольствии бороды гладят,
Кровь на руках рукояткою сабельной сушат,
А Багирсоковы братья у самой стены укрепившись,
«Мы победим», – говоря, свои сабли в ножны опустили.

Мужеством, славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
Князь Елжеруко, копья острие твоя радость и счастье,
Бурей пожара охвачен аул Багирсоков,
На поле люд Дигулебгский среди войска рыдает,
А из Хошея что вышли мои – их оружие вилы.
Шипшев мундир среди других выделяется всюду.
Сабель клинками сердца семи войск вырезают.

Мужеством, славный Елжери Хамыш,
Твой приемыш Идар – преотважен,
Князь Елжеруко – герой.
Князь Елжеруко, среди сильных ты воин первейший,
Всадников мало бжедугских хотя, но неистово смелы,
Люд свой отвел одноглазый Каноко в селеня,
Стали палатками бурки для женщин прекрасных,
Поистрепал тегелей свой Докшоко, ныряя в бурьяне,
Всадники внуки Каноко коней обгоняет Кургоко,
Под верховыми бжедугскими лошади пламенем пышут,
Не расстанутся с копченой грудинкой в бою абазины,
Молнией будто расколотый щит золотой у Идара,
Шипшев Самог ты не князь, но смелее Идара [Ногма 1956: 57–63].

Литературный перевод Г.Ф. Турчанинова не всегда точно передает нюансы смысла, но выгодно отличается от того русскоязычного варианта, который содержится в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова. Текст песни весьма информативен. Имена Елжера Хамишева, а также его внука и воспитанника (*къан сэхъу(а)* – досл. «воспитанник преотважный/мужественный») Идара Инармасова повторяются в песне как постоянный рефрен. Вряд ли дед князя Идара, в силу преклонного возраста, принимал непосредственное участие в походе и генеральном сражении. По нашему мнению, еще один центральный персонаж песенного текста – «князь Елжеруко – герой» (Елжеруко досл. значит «сын Елжера») никто иной, как сын владетельного князя Хамышейской Бжедугии, родной дядя Идара

Инармасова с материнской стороны. Кроме политических и военных лидеров коалиции кяхских князей в песне упоминаются наиболее отличившиеся воины – Багирсоко Альтай, братья Багирсоковы, Касабий Аксакал, Жангери Кургоко, братья Пишицук, Шипш Самог. Возможно это самое раннее упоминание в исторических преданиях фамилий известных черкесских аристократов XVII–XIX вв., в том числе представителей отрасли бжедугского владетельного дома – мохошевских князей Богорсоковых [Султан Хан-Гирей 2009: 148]. Песня о Къызбрун зауэ особо выделяет бжедугов – *Бжэдыгъу шухэр мачIэти, емынэ нэфт* (досл. «Немногочисленные бжедугские всадники (подобны) слепой чуме»). Вплоть до XIX в. немногочисленность, как и характерная свирепость в бою, будут отличительными маркерами этого относительно небольшого черкесского субэтноса. Авторы песни не оставляют без внимания и тех, кто прячется от битвы – *Дохъшокуэмэ и тэгэ-лыер къуэрашхэмэ къейгъэлажьэ* (досл. «Тегелей (т.е. стеганный доспех) Докшоко истрепал(ся) бурьяном»).

По тексту историко-героической песни о Кызбурунском сражении мы можем судить о некоторых деталях битвы. Судя по упоминаниям о «вратах крепостных», «досчатой ограде четырехугольной», противники Идара Инармасова сделали опорой своей оборонительной позиции некие полевые укрепления, или один из княжеских замков – *пчыкIэу*. Со стороны обороняющихся в сражении приняли участие массы плохо вооруженных крестьян («их оружие вилы»), но в целом, песня характеризует простолюдинов как страдательных участников событий («на поле люд ... средь войска рыдает»). Примечательно, что авторы песни, как апологеты феодальной рыцарской этики, намеренно принижают статус абазинской пехоты, которая была вынуждена на себе переносить походную пищу-*гъуэмылэ* – *[А]базэ лъэсхэмэ лыгъэгъуэхэр чIыбкIэрэ зырахъэ* (досл. «Абазы пешие на спинах (своих) сушенное мясо носят»).

Судя по описанию Ш.Б. Ногмова, основанному на народных преданиях, Къызбрун зауэ ярко запечатлелась в сознании кабардинцев как грандиозная битва («ужасное побоище»), в которой приняли участие войска практически всей Княжеской Черкесии от Хегака до Кабарды. Численность противоборствующих войск точно определить невозможно, но по репрезентативным данным середины XVII в., оценивающим мобилизационные ресурсы всех княжеских владений Черкесии в 64 тыс., учитывая что в дальний поход Идар Инармасов мог взять с собой только отборное конное войско, речь может идти по меньшей мере о 10–12 тыс. человек с каждой стороны [Эвлия Челеби 1979: 56, 63, 64, 73, 75, 78, 86, 97]. В битве погибло пять князей, и в их числе Талостан Джанхотов – лидер самой могущественной патронимии Иналидов Кабарды, Тохтамыш Кирклышев и его сын Калиш [Ногмов 1994: 104]. Гибель лидеров линиджа Кирклышевых имела фатальные последствия для всего будущего рода Тохтамышевых. В родословной «кабардинских князей и мурз» А.М. Пушкина Кирклыш даже не упоминается среди детей Табулы («Табулду-мурзы»). В родословной же книге, А.И. Лобанова-Ростовского, которая содержит самую подробную роспись Иналидов Кабарды (Идаровых, Джанхотовых, Минбулатовых), Кирклыш упомянут, но о его потомках нет ни одного слова [КРО 1957: 383–387]. Для последних Къызбрун зауэ стала «катастрофической победой», от которой они так и не смогли оправиться. Потомки Тохтамышы не только оказались исключены из числа претендентов на титул *пчышхуэ*, как Минбулатовы/Джиляхстановы. К XVIII в. Тохтамышевы утратили полноценный княжеский статус и в 1744 г. упоминаются уже как вассалы князей Хатокшоко (Атажукиных) [Налоева 2015: 1, 14].

Реальный победитель в Къызбрун зауэ – Идар Инармасов, получил право поселиться в Кабарде где ему угодно, «...кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем ему повиноваться» [Ногмов 1994: 105]. Идар переселился в Кабарду, которой и правил некоторое время в качестве *пчышхуэ* – великого

князя, «...собственная его часть (бассейн Череча – К.З.) называлась Идарией» [Ногмов 1994: 105]. Еще одним последствием Къызбрун зауэ стало выделение владений Канокко Бесланова – *Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рилъэфэкӀуэжщ* (досл. «Канокко косою свое общество/племя отволоку») [Ногма 1956: 59, 63]. С 200 семей он переселился за Кубань в долину Урупа [Ногмов 1994: 106]. Очевидно, речь идет о 200 уоркских семей с подвластным населением. Так произошло отделение от кабардинского этнического массива и постепенная кристаллизация субэтнической группы бесленеевцев.

Датировка Кызбурунской битвы укладывается в очень узкие рамочные ограничения. Старший сын Идара – Кемиргоко, с 1557 г. известен русским источникам в качестве пщышхуэ Кабарды, следовательно его отец мог претендовать на этот титул примерно на двадцать лет раньше него [КРО 1957: 5]. У нас есть еще один важный маркер в определении датировки Къызбрун зауэ – это гибель Талостана Джанхотова, которому черкесские исторические предания приписывают организацию успешного похода на Бахчисарай [КъэрдэнгъуцӀ 2009: 273–280; НПИНА 1986: 51–54]. Последний мог состояться, по нашему мнению, только весной-летом 1535 либо 1536 г. [Кожев 2018: 45–54]. Учитывая, что по данным Ш.Б. Ногмова, Идар Инармасов вмешался в кабардинские междоусобия лишь через два года после их начала, складывается очень плотная ткань событий. В 1535/1536 гг. успешный поход на Бахчисарай, возможно, на фоне громких побед рост политических амбиций Талостана Джанхотова и изгнание семьи Тохтамышша Кирклышева из Кабарды, а в 1537/1538 гг. выступление Идара Инармасова и общечеркесская междоусобная война, завершившаяся Кызбурунской битвой. Уже в 1539 г. в Черкесию совершает свой первый крупномасштабный поход крымский хан Сахиб-Гирей (1532–1550). Период относительного затишья в крымско-черкесских отношениях, наступивший после смерти Мухаммед-Гирея I (1515–1523), заканчивается и начинается период жесткого противостояния Княжеской Черкесии крымской агрессии [Некрасов 1990: 104–111]. В новых условиях возникновение широкой коалиции *кяхских* владетелей с целью возвращения популярному князю-изгою наследственных владений в Кабарде стало бы непозволительной роскошью.

Источники и литература

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
2. КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 478 с.
3. *КъэрдэнгъуцӀ 3*. Тхыгъэ кыхъэхэхэр. Налшык: Из-во М.и В.Котляровых, 2009. 756 с.
4. НПИНА – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. I. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. 264 с.
5. Налоева Е.Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (Альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге Налоевой Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / сост. к.и.н. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с.
6. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 124 с.
7. *Нэгумэ Ш.Б.* Адыгэ народым и тхыдэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкэр тхыль тедзапӀэ, 1958. 240 с.
8. Ногма Ш.Б. Филологические труды. В 2-х томах. Т. 1. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 350 с.
9. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
10. Кожев З.А. Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. № 4 (42). С. 177–182.
11. Кожев З.А. Бахчисарайский поход (Бахшысэрей зекӀуэ): проблема датировки // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2018. № 4 (39). С. 45–54. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-45-54.

12. *Султан Хан-Гирей*. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.

13. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. Вып. 2. 288 с.

**KYZBURUN BATTLE (KYZBRUN ZAUE)
ACCORDING TO CIRCASSIAN TRADITIONS
IN THE PRESENTATION OF SH.B. NOGMOVA**

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head, Sector of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

Circassian historical traditions contain valuable data on the early period of political genesis of the power of Prince Inal and the first generations of his heirs. The Kyzburun battle (Kyzbrun Zaue) is one of the most important events in the history of the princely Circassia of the XVI century. The historical legends and the poetic text of the song dedicated to this event were reflected in the work of Sh. B. Nogmov “History of the Adychean people”. The main content of this historical plot is the internecine struggle of the third generation of the Inalids of Kabarda, in which the rogue prince Idar Inarmasov intervenes. The oral traditions in the editorship of Sh.B. Nogmov contain a number of inaccuracies that can be corrected using the written sources available to us, as well as the genealogical paintings of the Inalids of Kabarda of the 17th-18th centuries. This allows you to analyze historical events, the motives of the main participants and leaders of the opposing factions. The authentic text of the song about the Battle of Kyzburun contains the names of the leaders and the most distinguished warriors, allows you to reconstruct some of the purely military details of the battle. In this event, as in a mirror, the most characteristic features of the feudal era of the late medieval Circassia are reflected. Its most important results were the separation of Besleney principality from Kabarda, the extreme weakening of the political positions of the Princes Tokhtamyshs and the rise of the patronymic of the Idars.

Keywords: Kyzburun battle, Circassia, Inalids, Idar Inarmasov, historical legends.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-20-28

ХАТОКШОКО МАГОМЕТ АША: ВСТУПАЯ НА ПУТЬ ЛЕГЕНДЫ

Алов Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Уже более полутора веков фигура Хатокшоко Магомет Аша является одной из центральных в черкесском историческом сознании. Незаурядность его личности была признана еще современниками; если черкесы славили его имя и слагали в его честь песни, то и среди тех, кто с ним встречался на поле брани (хотя и не только там) в качестве противника его рыцарственные достоинства не оставались незамеченными. Однако жизнеописание этого персонажа до настоящего времени не становилось предметом специального исследования.

В данном тексте предпринята попытка реконструкции начальной стадии становления, узнаваемого в рамках черкесской культурной традиции образа безупречного мужа. Следует отметить, что решающую роль в выстраиваемом повествовании сыграли данные фольклора. Прежде всего речь идет об устных сообщениях жителей «Ульского аула» (современный Уляп в Республике Адыгея) с которыми неразрывно связан исторический дебют рассматриваемого персонажа. Также примечательными оказались интерпретационные возможности, открывшиеся при анализе песни номинально посвященной другому черкесскому воителю Ажджеруюко Кушуку. В соотношении этих данных с контекстом исторической ситуации, формируемым письменными источниками и решалась поставленная задача выяснения обстоятельств, определивших реноме князя с самого начала его вступления на историческую авансцену.

Ключевые слова: Хатокшоко Магомет Аша, князь, жизнеописание, черкесы, война, Кабарда, историческая песня

При описании жизнедеятельности людей, обладающих ярко выраженной исторической репутацией, исследовательская оптика, как правило, центрирована на выявлении драматических жизненных изгибов, непоследовательности поступков, неоднозначности психологического портрета или разнохарактерности социальной роли в зависимости от места, времени и обстоятельств действия объекта внимания. Иными словами, всякого рода нетипические проявления и нестандартные черты, выламывающиеся из нормативной модели и так или иначе накладывающиеся на действующую в конкретных исторических обстоятельствах личность подсказывают линии развертывания интерпретации. В этом отношении попытка жизнеописания князя Хатокшоко Магомет Аша с самого начала упирается в непредвиденное препятствие – устоявшийся образ *chevalier sans peur et reproche**. Показательно при этом, что черкесская иконография и российский нарратив комплементарны друг другу и вместе образуют и поддерживают конвенциональный образ эталонного рыцаря. В рамках настоящего текста предполагается обращение к первым шагам этого персонажа на стезе рыцарских свершений.

Несмотря на то, что Магомет Аша является отпрыском, пожалуй, наиболее известного кабардинского княжеского дома Хатокшоко довольно сложно однозначно ответить к какой ветви этой династии он принадлежит. Источники начала

* Рыцарь без страха и упрека (фр.)

XIX в. несколько раз фиксируют имя Хатокшоко Магомета («Магомет Атажукин»). Самое раннее из них наводит на мысль, что речь идет о сыне лидера черкесского Сопротивления первого десятилетия девятнадцатого столетия Хатокшоко Адилгирее [Сборник документов... 2003: 47]. В списках князей и уорков Кабарды составленных Шардан Якубом в 1825 г. упоминается живший на р. Шалушка и «бежавший за Кубань» человек с таким именем [Сборник документов... 2003: 71]. В подобном списке, составленном спустя четыре года, в августе 1829 г. опять фигурирует Хатокшоко Магомет. Единственная новая деталь которая обнаруживается в нем касается его возраста. Согласно документу к этому времени ему было 19 лет [Сборник документов... 2003: 151]. Принимая во внимание свидетельство Ф.Ф. Торнау встречавшегося с Магомет Аша в начале 1837 г. тот был «одних лет с ним» [Торнау 1999: 291]. Самому российскому офицеру тогда было 26 лет. Данное обстоятельство позволяет с наибольшей вероятностью отождествить с ним знаменитого черкесского воителя. Однако следует учесть, что в этот список попали, как можно полагать, князя не вовлеченные к этому времени в хаджретское движение. (Вместе с тем, принимая во внимание то обстоятельство, что в свои списки Шардан Якуб иногда ошибочно вносил персонажей, которых в оккупированной части Кабарды уже не было можно допустить возможность огреха и в данном случае.) По крайней мере источники говорят о вовлеченности Магомет Аша в хаджретское движение с середины 20-х гг. XIX в. Отталкиваясь от вышеприведенного наблюдения русского разведчика можно говорить о том, что в это время молодому князю вряд ли было больше 16–17 лет. Разумеется, учитывая сведения Ф.Ф. Торнау, следует помнить, что они были записаны спустя десятилетия и в связи с этим могло быть допущено определенное искажение возраста князя. С другой стороны, нельзя исключить и возможности несовпадения реального биологического возраста Магомет Аша и его «воспринимаемого» облика. В любом случае на вопрос о возможности его участия в рискованных предприятиях на острие боестолкновений в ходе конкретных операций отвечает достаточно обширная фактография черкесской военной культуры Средневековья и Нового времени. Для пушей ясности вспомним только одного героя великого Каламбия: «Четырнадцати лет Джераслан участвовал в набегах, видел не раз человеческую кровь и с юношеским пылом порывался всюду, где можно было подрагаться [Каламбий 1998: 116]. (Как может не показаться удивительным, но так получилось, что этот литературный герой, согласно фабуле каламбиевского текста оказался вместе с Магомет Аша в одном реальном сражении, которое мы затронем в другой работе.)

Согласно как фольклорным, так и нарративным данным, Хатокшоко Магомет Аша приходился племянником (по-видимому, как и Ажджеруюко Кушук) князю Карамурзе Али [Потто 1904: 197; Мехмет Риза Чанак: 2019]. И, якобы, именно при разгроме аула последнего в апреле 1825 г. он получил ранение руки из-за которого впоследствии получил прозвище *Іэшэ/Аша* (сухорукий, косорукий, беспальный, безрукий) [Мехмет Риза Чанак: 2019]. Письменные источники не упоминают об этом. Однако, они подробно сообщают об обстоятельствах его яркого дебюта на поприще рыцарских свершений. И связаны они были непосредственно со столь трагичным и прочно закрепившемся в черкесском историческом сознании событием. Как неоднократно отмечалось в исследованиях, бесленевский уорк Дохшоко Крымгирей незадолго до подхода русских войск предупредил князя Карамурзу Али о надвигающейся беде. Небеспристрастные к данному сюжету жители бесленевского аула Уляп спустя много лет описывали миссию своего тлекотлеша примерно в следующих словах. «Еще накануне вечером, когда совершенно стемнело, в аул Карамурзина (*Къэрэмырзей*. – *Т.А.*) прискакал незнакомый всадник, весь закутанный башлыком и буркою. Он тихо постучал в оконце княжеской сакли, и, вызвав самого Карамурзина (Карамурзу Али. – *Т.А.*), отвел его в сторону. ”Я служу русским, – сказал он, – но судьба детей и женщин твоего аула внушили мне

жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянут на вас русские – их ведет Вельяминов”. Заметив на лице князя раздумье, он прибавил: – “Поступай как знаешь. Я предупредил тебя и теперь еду к русским”. – “Скажи, как твое имя? спросил Карамурзин”. – “Я бесленеевский уздень Крым-Гирей Довшоков (Дохшоко Крымгирей. – Т.А.), отвечал незнакомец, и, ударив коня плетью, скрылся из виду”.

Карамурзин тотчас собрал на совет стариков, но его никто не послушал. “Сколько раз – говорили они, – нас поднимали ночью, заставляли бежать и всегда напрасно; ни Вельяминов, ни Коцарев никогда не доходили до нас. Мы живем позади бесленеевцев, которые не пропустят русских, да и русские не пройдут мимо, чтобы их не ограбить; следовательно, уйти всегда будет время». Карамурзин уступил этим доводам. “Хорошо, – сказал он, – я останусь с вами. Но если меня сегодня убьют, то передайте всем, что Крым-Гирей Давшоков предупреждал вас”» [Потто 1904: 191].

Последующее В.А. Потто описывает следующим образом. «Тревога, поднятая в ауле, мало по малу утихла, огни в саклях погасли и жители заснули безмятежным сном. Довшоков между тем возвратился назад и застал отряд еще на месте. Он сообщил Вельяминову, что ездил в аул Карамурзина, но никого не застал: кабардинцы уже удалились в горы”. “Известие это, – говорит Вельяминов, – показалось мне странным; я усомнился в нем, потому что войска шли по ночам и весьма скрытно; хотя и за всем тем движение их могло быть как-нибудь замечено или открыто посредством армян, торгующих на меновых дворах, но намерение мое напасть на аул Али-Карамурзина никак не могло быть известным, ибо множество других аулов имели столько же причин опасаться нашего нападения. Я решился идти далее с тем, что если не удастся напасть на аул, то по крайней мере заставить его совсем уйти к абадзехам, где кабардинцы находятся в весьма стесненном положении» [Потто 1904: 192].

Согласно рассказу Уляпских жителей «В это время к Вельяминову подъехал другой лазутчик Шавгуров (Шогур. – Т.А.) и шепнул ему на ухо: “Не верь Давшокову: он изменник и лжет. Я сейчас поеду сам и узнаю правду; никто не мог предупредить Карамурзина”. К вечеру он вернулся и сообщил, что аул стоит на месте» [Потто 1904: 192].

Вскоре войска были двинуты на аул и их нападение вылилось в невиданное побоище, в основном мирного населения, которое навсегда врезалось в память черкесского народа. Поступок Шогур огласился по всей воюющей Черкесии и имя его стало синонимом вероломства. «Спустя немного времени после убийства своего дяди», Хатокшоко Магомет Аша «подстерег Шавгурова, когда тот выехал из своего аула и положил его на месте выстрелом из винтовки». «По княжескому обычаю он снял с убитого оружие, положил его подле трупа, накрыл тело буркой и, стреножив коня, пустил егоazole. Один мирный кабардинец случайно наткнулся на убитого и поднял тревогу. Из аула выскочили жители, но никого не нашли – все поняли, что это была месть» за Карамурзу Али [Потто 1904: 197] Впоследствии, когда Магомет Аша спрашивали, как он убил злодея тот скромно отвечал: «Ержыбыжьыр гъуэгъуаш, Шогъурыжьыр гъуэгъуаш» («Ержиб (марка черкесского ружья. – Т.А.) старый прогремел, Шогур подлый заревел») [Марзей 2004: 168].

С учетом данных обстоятельств неудивительно, что имя Хатокшоко Магомета предстает в качестве одного из центральных в развернувшихся с наступлением осени в оккупированной части Кабарды боев. Они предстают, с одной стороны, как продолжение дела погибшего Карамурза Али (переселенческое движение кабардинцев на левобережье Кубани) и, в известной мере, как возмездие за апрельский погром его аула (разгром 29 сентября 1825 г. селения Солдатского). И то, и другое источники неразрывно связывают с именем Хатокшоко Магомета. Хотя в литературе имеются намеки на то, что на фоне напряженного противостояния в центральной Кабарде во второй половине 1825 г. речь может идти и о князе

Магомет Аша [Потто 1994: 477] и нельзя исключать его активной роли как при разорении Солдатского так и при развертывании череды кавалерийских операций сил черкесского Сопротивления против сконцентрированных в оккупированной части Кабарды русских войск все же определенно можно сказать, что протагонистом не меньшего масштаба, в контексте короткого периода осени начала зимы 1825 г. предстает другой его полный тезка Хатокшоко Магомет. На данном этапе безукоризненная дистинкция и уверенная идентификация персонажей-тезок в контексте эффективных действий черкесской конницы из «операционной базы» в Чегемском ущелье с сентября по начало зимы 1825 г. представляется чрезвычайно затруднительной.

Предстающая ввиду недоступности (по крайней мере, на данном этапе) письменных источников в которых фигурировало бы имя Хатокшоко Магомет Аша последующее пятилетие его жизни на первый взгляд образуют биографическую цезуру. Однако обращение к черкесскому фольклору и препарирование его данных в соотнесении с общей канвой военно-политической динамики в регионе в котором хаджретский фактор на десятилетия стал определяющим, думается позволяет эксплицировать позицию рассматриваемой фигуры в тогдашней актуальной политической повестке. Выстраивая отправную точку рассуждений о жизнедеятельности персонажа и реконструкции социального облика Магомет Аша в этот период правомерно избрать вариант опубликованной в 1918 г. в газете «Адыгэ макъ» песни «Ажджэрий и къуэ Кушыкупш» («Князь Ажджерюко Кушук»). Она начинается так:

«ЗекIуэ шухэр щыдэшэсыкIкIэ,
Шу джакIуэхэр (уэ) кIэльагъакIуэ;
Пхьэр шухэр къыщыкIэлъыкIуэм,
Iэрубдхэр къытхухэзыш, –
А шур хэтхэ ящыщ жыпIэмэ,
ХьэтIохъушокъуэ Мыхьэмэт Iэшэщ!»

В работе З.М. Налоева «Адаб Баксанского культурного движения» (Нальчик, 1991) дается следующий перевод данных строк:

«Походные всадники, когда на коней садятся,
Всадника-приглашателя за ним посылают;
Всадники погони, когда за тобой шли,
Пленных кто нам выводит –
Это всадник из рода какого, если спросишь,
Хатокшоко Магомет Криворукий это!»

[Налоев 1991: 282–285]

Ключевое значение с точки зрения задач настоящего текста имеет редакторская ремарка к этой песне, важность которой оценили в свое время Б.М. Керефов, и Р.У. Туганов [Торнау 1999: 408]. Публикуя песню, Нури Цагов посчитал необходимым предварить ее текст следующими пояснениями: «В старину кто бы [из отряда] ни совершал подвиг, [песню] заказывали на имя старшего. Эта песня о Хатокшоко Магомете Криворуком [хотя главным ее героем является Ажджерия сын Кушукпш] [Налоев 1991: 284]. Совершенно очевидно, что артикуляция подобного обстоятельства не могла быть случайной. Принимая во внимание канонический порядок исполнения песни, предполагающий предварительный рассказ о событийной канве лежащей в ее основе, представляется очевидным, что Нури Цагов не мог допустить эксплицитного выражения формально неочевидного обстоятельства без санкции референтной инстанции т.е. носителя / сказителя / певца. В пользу правомерности цаговской ремарки косвенно говорит и препарирование

текста «Аджигерийко Кучук-пши» в книге «Кабардинский фольклор» (1936). Несмотря на несколько иной, в целом более удачный, перевод текста здесь наблюдается практически идентичное начало песни:

«Если всадник садится на-конь,
За кем тогда шлют верхового ?
А если враг за тобою мчится,
Кто мигом берет его в плен ?
Вы спросите имя героя:
Это – Итоков Матыра»

[Кабардинский фольклор 2000: 413]

Как можно заметить, отличие между двумя вариантами песни опубликованных с хронологическим промежутком в восемнадцать лет относится только к имени героя. Составители книги сопроводили данную новеллу следующими комментариями: «Тлхукотл Итоков Матыра был одним из подчиненных Кучука, совершавшим геройские подвиги. Но все его подвиги гегуако приписал предводителю, – так «делалась» история» [Кабардинский фольклор 2000: 611]. Учитывая время и обстоятельства публикации, когда деформация имен (представителей «эксплуататорского класса») аутентичного текста не была чем-то недопустимой (и о чем нам уже приходилось писать) [Алоев 2019: 88] представляются очевидными идеологические мотивы подобных «интерпретаций». Ведь «восславление» в рамках одного произведения сразу двух знаковых фигур феодальной Черкесии оборачивалось откровенной апологией рыцарского (читай «княжеско-дворянского») мифа со стороны «угнетенных» масс. Представляется, что вымуштрованные к середине 1930-х гг. в соответствии с установками чуткого к классово чуждым проявлениям идеократического режима «работники советской науки» не могли пренебречь опасностями, таившими в себе подобный недосмотр. Непонятно, стали ли фальсификат продуктом самоцензуры составителей сборника или же результатом злой воли сил, напрямую к науке отношения не имеющих. Определенно можно говорить лишь о злоумышленном препарировании текста песни путем «переназывания» «неудобного» имени (сопровождаясь введением «удобной» легенды для него). Можно полагать, что в подобной процедуре была усмотрена возможность избегания неминуемого эффекта глорификации аристократического габитуса из-за встроенности в текст песни семантического модуля, связанного с Магомет Аша, как бы «удваивавшего» значимость проповедуемой черкесской знатью «рыцарской стези». Однако фабрикация казенного дискурса еще долго оставались бессильными радикально деформировать ороакустическое пространство черкесской культуры.

В ходе одной из фольклорных экспедиций, в 1973 г. в одном из хаджретских сел была записана очередная версия «Ажджэрий и кьуэ Кушыку и гьыбзэ» («Плач о Кушуке, Ажджерия сыне») [НПИНА 1990: 56–63]. В строфах песни не просто упоминалось имя князя – его образ явлен как обладатель присущей именно ему доблести («Егъзыгъэри дэ кьытхудэзыхыр ХьэтIохъушокъуэкIэрэ Мыхьэмэт Iэшэти»). В книге дается следующий перевод: «В беду попавших выручает Хатокшоко Магомет Косорукий», но представляется семантически более выверенным: «В беде спасение доставляющий...»). Это уточнение важно с той точки зрения, что именно данная характеристика стала одной из неотъемлемых элементов, сформировавших «финальный» образ князя в черкесском культурном контексте. Для решения задач настоящего очерка разъяснение вышеизложенных обстоятельств было необходимо и по той причине, что мы знаем дату смерти князя Ажджерияку Кушука. Хронологически это событие относится к первым месяцам 1830 г. [Алоев 2011: 26]. Соответственно, устоявшееся амплуа Хатокшоко Магомет Аша зафиксированное в песне/песнях, сложенных не позже этого времени, позволяет

предполагать его активное участие в мощных ударах черкесской кавалерии по имперской военной линии в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Не случайно В.А. Потто впервые упомянув князя Магомет Аша в третьем томе «Утверждения русского владычества на Кавказе» в связи с военными действиями 1825 г. в примечаниях посчитал нужным предупредить читателя о том, что «С ним мы еще не раз будем встречаться при описании дальнейшей борьбы нашей на правом фланге» [Потто 1904: 197]. Лишь приостановка реализации программы издания исторического труда не позволила В.А. Потто осуществить свое намерение.

В общих чертах таким представляется начало пути *cognomine** князя Хатокшоко Магомет Аша.

Источники и литература

1. Алоев Т.Х. Особенности динамики военно-политического положения хаджретской Кабарды в условиях трансформации международного статуса Закубанья (середина 1829–1830 гг.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. № 2 (162). 2011. С. 25–29.
2. Алоев Т.Х. Ходзинское кровопролитие 1868 г.: взгляд сквозь призму черкесской песни // Вопросы кавказской филологии. Вып. 12. Нальчик, 2019. С. 79–92.
3. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. 649 с.
4. Каламбий. Записки Черкеса. Нальчик, 1988. 271 с.
5. Марзей А.С. ЗекІуэ – черкесское наездничество (Из истории военного быта черкесов XVIII – первой половине XIX века.) Нальчик, 2004. С. 168. 505 с.
6. Мехмет Риза Чанак (Жэнакъ Мэмэт) – информатор, 1961 г.р., место рождения село Каракуй (Къундетей), округ Пинарбаши, ил Кайсери, Турецкая республика.
7. Налоев З.М. Адаб баксанского культурного движения. Нальчик, 1991. 440 с.
8. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. II. М., 1990. 487 с. – НПИНА
9. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897 гг. Т. II. 484 с.
10. Потто В.А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. 686 с.
11. Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. II. Тифлис, 1904. 590 с.
12. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 507 с.

НАТОКШОКО МОХАММЕД АША: EMBARKING ON A LEGEND

Aloev Timur Khazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

For more than a century and a half, the figure of Hatokshoko Mahomet Asha has been one of the central figures in the Circassian historical consciousness. The extraordinary nature of his personality was recognized by his contemporaries; if the Circassians praised his name and composed songs in his honor, then among those who met him on the battlefield (although not only there) as an adversary, his chivalrous merits did not go unnoticed. However, the biography of this character to date has not become the subject of special research. In this text, an attempt is made to reconstruct the initial stage of formation, recognizable in the framework of the Circassian cultural tradition of the image of an impeccable husband. It should be noted that folklore data played a decisive role in the narrative. First of all, we are talking about oral reports of residents of the Ulsky Aul (modern Ulyap in the Republic of Adygea) with which the historical debut of the character in question is inextricably linked. Also noteworthy were the interpretative possibilities that opened up when analyzing a song nominally dedicated to another Circassian warrior Ajzheriyuko Kushuk.

* По призванию (лат.)

In correlation of these data with the context of the historical situation formed by written sources, the task was set to clarify the circumstances that determined the prince's reputation from the very beginning of his entry into the historical proscenium.

Keywords: Hatokshoko, Mohammed Asha, prince, biography, Circassians, war, Kabarda, historical song.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35

**ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА РУБЕЖЕ 50-х – 60-х гг. XIX вв.***

Абазов Алексей Хасанович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alex_abazov@list.ru

В статье рассматривается финансовый аспект административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX в. Подробно анализируются проблемы управления финансами в политическом дискурсе государственных деятелей Кавказского комитета и Кавказского наместничества. Отмечается, что материалы переписки должных лиц, ответственных за проведение этих реформ, демонстрируют их склонность к достижению компромисса в этом вопросе и нацеленность на выработку оптимального решения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказский комитет, Кавказское наместничество, А.И. Барятинский, Терская область, военно-народное управление, административно-территориальное устройство, финансирование реформы

В современном кавказоведении не снижается актуальность исследования истории становления и развития системы военно-народного управления на Северном Кавказе в конце 50-х – 60-х гг. XIX в. [Малахова 2001; Муханов 2007; Гайдабура, 2007; Калмыков 2007; Калмыков, Прасолов 2007; Базарнов 2008; Кобахидзе 2009; Ибрагимова 2010; Урушадзе 2012; Бобровников 2015; Кузьминов, Урусова 2016; Глашева 2017; Дзамихов, Глашева 2017; Барнаш 2019 и др.]. В трудах ученых, в основном, рассматриваются особенности установления военно-народного управления в изучаемом регионе, определяется специфика административно-территориальных преобразований, изучаются их правовые основания, предпринимаются попытки определить истоки и авторов реформы, а также – охарактеризовать роль отдельных военно-политических и государственных деятелей в этом процессе. В то время как экономическое содержание реформы в историографии практически не затрагивалось. Тогда как ее исследование позволит глубже понять особенности инкорпорации проживавших здесь народов в политико-правовое пространство империи и их интеграции в социальную и экономическую жизнь российского общества, установить источники финансирования реформ, определить каналы пополнения и расходования средств бюджета, сформировать представления о мнениях отдельных политических деятелей по поводу проводимых преобразований и т.п.

К началу 60-х гг. XIX в. после образования на базе Левого крыла Кавказской линии Терской области и по мере включения в состав России восточно-кавказских народов расширялась и сеть административных учреждений, что создавало

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

дополнительную нагрузку на бюджет империи. Некоторые экономические аспекты установления системы военно-народного управления на Северном Кавказе обосновывалось в делопроизводственной документации и регламентировались нормативно-правовыми актами того времени. В частности, пути «достижения сбережения расходов, вследствие сокращенного порядка делопроизводства» как одной из целей военно-административных преобразований в крае отмечались в отчете Кавказского наместника генерала-фельдмаршала А.И. Барятинского за 1857–1859 гг. [Административная практика... 2012: 202]. В обстоятельном рапорте генерала-адъютанта князя Г.Д. Орбелиани военному министру генералу-адъютанту Д.А. Милютину от 28 января 1862 г. сообщалось о сложностях управления финансами и высказывались предположения о возможных каналах покрытия дефицита бюджета после образования Терской области (1860) [Административная практика... 2012: 220–226].

Круг этих примеров можно продолжить. Однако при исследовании экономического аспекта введения системы военно-народного управления на Северном Кавказе большой научный интерес представляют не только официальные акты власти, но и деловая переписка высших должностных лиц, на страницах которой обсуждались вопросы управления финансами в условиях проводимых реформ. В частности, большой массив данных по этой части содержится в переписке А.И. Барятинского в начале 60-х гг. XIX в. с Кавказским комитетом – особым межведомственным органом Российского правительства, учрежденным для решения вопросов включения Кавказа в состав империи [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436]. Рассмотрим основные моменты этой переписки в настоящем исследовании.

Так, по мнению А.И. Барятинского, дополнительные расходы на содержание административного аппарата в регионе нивелируют негативные проявления периода военного противостояния с местным населением. В официальном письме председателю Кавказского комитета от 28 августа 1860 г. он отмечал, что эти издержки «сравнительно маловажные, составляют в сущности значительное для казны сбережение, ибо можно сказать, что каждый рубль, положенный на местную администрацию, сокращает в тоже время десятки рублей в военных сметах» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 184 об.–185]. При этом власти осознавали, что пленение Шамиля и прекращение масштабных военных действий на Восточном Кавказе в конце 50-х гг. XIX в. не должно сдерживать административные преобразования на всем российском Кавказе. А.И. Барятинский в рассматриваемом письме обращал внимание председателя Кавказского комитета на то, что после «покорения Восточного Кавказа и в ожидании новых успехов на западной его части, существующее устройство военно-народных управлений еще не может быть признано окончательным» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 185].

В период военного противостояния России и народов северокавказского региона в качестве временных мер создавались имперские учреждения локального судебно-административного контроля за порубежными территориями, не охваченными сопротивлением. Зачастую финансирование их деятельности не имело системного характера. Однако по мере замены их на органы военно-народного управления в конце 50-х гг. XIX в. возникла потребность упорядочивания форм и методов управления финансами, т.к. средства на их содержание к тому времени не были «обеспечены положительным ассигнованием потребных на этот предмет сумм; необходимые расходы покрываются из разнообразных источников: частью случайными средствами, частью производятся заимообразно впредь до разъяснения вопроса» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 185–185 об.]. А.И. Барятинский по этому поводу сообщал в Кавказский комитет, что «в таком неопределенном положении невозможно далее оставлять содержание местных военно-народных управлений, необходимо привести в точную известность производимые на этот

предмет расходы и указать для покрытия оных соответственный источник» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 185 об.].

Этот вопрос в начале 60-х гг. XIX в. являлся особо актуальным для Терской области. Несмотря на административные преобразования в регионе в это время, основные управленческие структуры по-прежнему относились к подведомственности военных органов. В результате этого финансы, направляемые в Закавказский край, не могли расходоваться на содержание этой области. В это время, определяя объемы финансирования, власти продолжали опираться на утвержденный Императором еще 10 декабря 1857 г. штат. В соответствии с ним, на содержание военно-народных управлений Левого крыла Кавказской линии (в изучаемое время. – Терской области) выделялось 23 971 р. 90 к. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 186]. Схожая ситуация складывалась и на Правом крыле (в Кубанской области). Это привело к тому, что в 1860 г. «расходы по Правому и Левому крыльям превышали назначенные на покрытие их суммы на 2246 г. 40 к. в год» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 187].

Вместе с тем, открытие новых управлений в 1858–1859 гг. требовало увеличения объема финансирования. Власти по-разному подходили к решению этой проблемы. В одних случаях – для некоторых из вновь учрежденных управлений были выделены дополнительные штаты. В других – на основании распоряжений Императора необходимые средства направлялись на финансирование их деятельности за счет средств Государственного казначейства по сметам Военного министерства. Так, например, на управление наибствами Шатой, Чанты и Ако дополнительно выделялось по 5559 р. 25 коп., на управление галашевцами и карабулками – 497 р. 15 коп. и т.д. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 187 об.].

Однако фактические расходы на финансирование деятельности административных учреждений к концу 1859 г. существенно увеличились. Это было связано с тем, что после пленения Шамиля и прекращения сопротивления на Восточном Кавказе к военно-народным округам Левого крыла Кавказской линии были присоединены новые территории и появилась необходимость повышения объемов финансирования уже существовавших Кабардинского, Военно-Осетинского, Чеченского и Кумыкского округов. Это привело к необходимости проведения очередных административных преобразований. В результате на Левом Крыле Кавказской линии было создано еще два военно-народных округа (Аргунский и Ичкеринский) [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 249]. Для управления ими были составлены временные штаты, которые были направлены на утверждение Военного министра 2 сентября 1860 г. и были одобрены императором [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 255].

В 1860 г. на содержание административного аппарата Терской области, состоявшей из 6 военно-народных округов, требовалось уже 56 475 р. 80 коп. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 188 об.]. По сравнению с утвержденными 10 декабря 1857 г. штатами дефицит бюджета составлял 28 693 р. 90 к. Покрыть его предполагалось за счет заимствования средств из Интендантства Кавказской армии, «в ожидании разрешения вопроса о том, на какой источник окончательно будут отнесены все расходы по существующим военно-народным управлениям» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 188 об.]. А.И. Барятинский, учитывая, что принятый в 1857 г. трехлетний срок финансирования деятельности административных учреждений в регионе заканчивался, считал необходимым принять на высшем уровне новое положение о бюджете Терской области с учетом произошедших за это время изменений в системе управления. Для этого он предлагал каждый раз выделять для этих целей ненормированную сумму «сообразно с действительной потребностью и действующими штатами» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 188 об.], а расходы Военного министерства на эти цели передать в ведение Министерства финансов.

Наиболее оптимальное решение возникшей проблемы финансирования деятельности административных учреждений Терской области было предложено департаментом государственного казначейства Министерства финансов Российской империи в разъяснении, данном на имя управляющего делами Кавказского комитета 30 сентября 1860 г. В сопровождавшем это решение документе отмечается, что эти расходы на 1858–1860 гг. были отнесены к ведомству Министерства внутренних дел и Министерства юстиции в пределах, установленных 10 декабря 1857 г. сумм. Для указанных целей эти ведомства направляли средства в Военное министерство. Столь многоступенчатая форма финансирования деятельности административных учреждений в регионе стала основанием для того, чтобы император принял «предложение Наместника кавказского отложить до окончания срока, назначенного нормальными цифрами» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 215]. С другой стороны, на основании Высочайше утвержденного 22 ноября 1858 г. положения Кавказского комитета контроль над средствами, выделяемыми на нужды Закавказского края, был отдан в полное распоряжение Кавказского наместника сроком на 10 лет [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 215]. В состав этой суммы также включились: общий остаток от доходов, средства, сэкономленные от реализации расходных статей и в результате оптимизации учреждений гражданского управления в регионе; а также – средства, направленные из казначейства на покрытие издержек, возникавших в результате реорганизации административной системы по мере включения в состав России новых территорий. При этом отмечалось, что «затем никаких новых расходов по предметам гражданского управления и устройства Закавказского края, отнесенным на местные его доходы, не обращать на общие государственные доходы и другие источники, представленные в ведение и распоряжение министра финансов» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 216]. Получается, что сэкономленные средства в отчетном году должны были составлять резервную сумму на будущий.

Такой порядок финансирования противоречил сущности просьбы А.И. Барятинского, направленной в Кавказский комитет. К тому же проект штатного расписания Терской области, предложенный А.И. Барятинским, включал суммы на содержание начальников округов, их помощников, председателей окружных народных судов, наибов, депутатов от народа и медицинских работников [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 217 об.]. Это противоречило Положению 22 ноября 1858 г., в котором устанавливалось, что «все издержки, по гражданскому управлению и устройству Закавказского края [следует] относить на местные источники, представленные в распоряжение Наместника кавказского, не требуя при этом никаких сумм из Государственного Казначейства» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 218 об.].

Реагируя на сложившуюся ситуацию, А.И. Барятинский выдвинул ряд возражений, которые были оформлены в его официальном письме на имя управляющего делами Кавказского комитета статс-секретаря В.П. Буткова 28 ноября 1860 г. А.И. Барятинский отмечал, что «народы, обитающие ныне в пределах Терской и Кубанской областей, для управления которыми требуется дополнительное ассигнование 29 546 рублей 14 коп., пользуются совершенно исключительным положением» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 233]. Сущность такой исключительности, с точки зрения А.И. Барятинского, заключалась в том, что коренные народы этих регионов на тот момент в полном объеме еще не несли повинностей в пользу российского правительства (кроме милицейского сбора), а также «к ним не применено ни одно из общих постановлений, существующих для гражданских управлений в Империи, а даны в руководство особые постановления, основанные более на их обычаях...» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 233]. А внутренний порядок поддерживался военными силами. По мнению А.И. Барятинского, решение вопросов о снижении уровня дотационного финансирования региона и постепенного

перехода на самокупаемость следовало отложить до полной интеграции народов региона в политико-правовое и социально-экономическое пространство России [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 233 об.]. До этого времени они должны были оставаться в ведении военных структур и финансироваться из средств государственного казначейства.

Кроме того, А.И. Барятинский обращал внимание членов Кавказского комитета на то, что в его распоряжение переданы вопросы финансирования деятельности административных учреждений исключительно Закавказского края, тогда как в отношении Терской и Кубанской областей, «находящихся по северную сторону Кавказского хребта, то как области эти ни географически, ни административно никогда не входили в состав Закавказского края, то и издержки на устройство управлений в этих областях, даже в том случае, если бы управления эти были бы и невоенные, подобно ныне проектируемым, а положительно гражданские, на точном смысле приведенного Высочайшего повеления не могут падать на местные доходы с Закавказского края, а должны быть отнесены на Государственное казначейство» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 234].

В итоге по этому вопросу на заседании Кавказского комитета от 12 декабря 1860 г. было решено следующее:

«1. Недостающую по штатам военно-народных управлений Терской и Кубанской областей сумму, составляющую всего двадцать девять тысяч пятьсот сорок шесть рублей четыре копейки серебром в год, обратить на представленные в полное ведение и распоряжение наместника Кавказского местные доходы Закавказского края, внося оные в ежегодно составляемую финансовую смету расходов по гражданскому управлению сего края.

2. Предоставить князю [А.И.] Барятинскому разрешать производство добавочного содержания тем из должностных военно-народных управлений, кои, состоя по милиции, получают оное в меньшем размере против офицеров регулярных войск, так чтобы лица сии в общей сложности получают не менее армейского оклада жалования, соответствующего их чину. Расход на сей предмет обращать на общие остатки от штатных сумм военно-народных управлений; в случае же, если таких остатков не будет – на местные доходы Закавказского края;

3. Штаты военно-народных управлений Терской и Кубанской областей считать временными, предоставив Наместнику кавказскому и главнокомандующему Кавказской армией делать в них те изменения, какие по ходу военных обстоятельств будут оказываться неотложно необходимыми, испрашивая потом утверждения сделанных распоряжений установленным порядком, и

4. Суммы, отпускаемые ныне на содержание военно-народных управлений Терской и Кубанской областей из общих доходов государственного казначейства по сметам Министерств: Военного, Внутренних дел и Юстиции оставить в сих сметах и на будущее время, впредь до общего в отношении смет всех ведомств распоряжения» [РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. Л. 237 об.–238].

Таким образом, вопросы управления финансами в условиях административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. занимали важное место в политическом дискурсе руководства Кавказского наместничества и Кавказского комитета. От их правильного решения зависело качество управления регионами, присоединенными к империи. Материалы переписки должных лиц, ответственных за проведение этих реформ, демонстрируют их склонность к достижению компромисса в этом вопросе и нацеленность на выработку оптимального действенного решения. При этом было сформировано понимание невозможности избежать дефицит бюджета на данном этапе административного строительства в регионе до его полного включения во все сферы жизнедеятельности российского общества и государства. Тем не менее, качественное решение проблемы управления финансами на начальном этапе

введения системы военно-народного управления явилось одним из главных механизмов инкорпорации народов Северного Кавказа в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи.

Источники и литература

1. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.
2. *Базарнов М.А.* Правовые основы военно-народной системы управления Северным Кавказом // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 68–70.
3. *Барнаш А.В.* В Поисках исторического компромисса: некоторые особенности военно-народного управления на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2019. № 2 (202). С. 44–51. DOI: 10.23683/0321-3056-2019-2-44-51.
4. *Бобровников В.О.* Юг России в проектах имперской интеграции: военно-народное управление на Кавказе (1860–1917) // Историко-культурное наследие Юга России: Научно-практическая конференция. Научное общество кавказоведов. М., 2015. С. 114–139.
5. *Гайдабура И.Г.* Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.): Дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 217 с.
6. *Глашева З.Ж.* Особенности гражданского и военного управления Кавказом в 50–60-е годы XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 3. С. 45–53. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-45-53.
7. *Дзамихов К.Ф., Глашева З.Ж.* Особенности административно-территориальных преобразований у кабардинцев и балкарцев в 1858–1917 гг. // Всеобщая история. 2017. № 4. С. 66–75.
8. *Ибрагимова З.Х.* Военно-народное управление на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 9. С. 61–64.
9. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 232 с.
10. *Калмыков Ж.А., Прасолов Д.Н.* Кабарда и Балкария в системе военно-народного управления // История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. С. 209–212.
11. *Кобахидзе Е.И.* От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 107–128.
12. *Кузьминов П.А., Урусова А.М.* Попытки создания новой системы управления Кавказом в 50–70-х гг. XIX в. // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. № 1. С. 33–37.
13. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: Дисс. д-ра ист. наук. М., 2001. 504 с.
14. *Муханов В.М.* Князь А.И. Бяратинский и система военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: V Международный конгресс, Симпозиум XII. М., 2007. С. 89–91.
15. РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 436. – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Ф. 1268 «Кавказский комитет». Оп. 9 «О разработке положений об управлении Кавказом; об административном делении и управлении отдельными местностями Кавказа; о поземельных отношениях и о положении крестьян; о состоянии промышленности и торговли; об управлении учебной частью; дела по вероисповедным вопросам». Д. 436 «По предположению Наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской армией о преобразовании местного военного управления покорными племенами Кавказа и об издании штата сего управления».
16. *Урушадзе А.Т.* История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2012. № 6. С. 137–142.

**THE FINANCIAL DIMENSION OF THE ADMINISTRATIVE
AND TERRITORIAL TRANSFORMATION IN THE NORTH CAUCASUS
IN THE END OF 50–60 YEARS OF THE 19th CENTURY**

Abazov Alexei Khasanovich, Doctor of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alex_abazov@list.ru

The article discusses the financial aspect of administrative and territorial changes in the North Caucasus at the turn of the 50s – 60s years of the 19th century. The problems of financial management in the political conversation of statesmen of the Caucasus Committee and the Caucasus namestnichestvo are analyzed in detail. It is noted that the correspondence of the persons responsible for carrying out these reforms demonstrates their tendency to reach a compromise on this issue and their aim to find an optimal solution.

Keywords: North Caucasus, Caucasian committee, Caucasian namestnichestvo, A.I. Baryatinsky, Tersky oblast, military and national management, administrative-territorial device, reform financing.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-36-42

ТОВАРНОЕ САДОВОДСТВО НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

В статье исследуются процессы становления товарного садоводства в Нальчикском (Кабардинском) округе в XIX – начале XX вв. Определены характер и особенности его развития в условиях складывания рыночных отношений в пореформенный период. Установлено, что проникновение рыночных отношений в эту сферу сельскохозяйственного предпринимательства во второй половине XIX столетия сдерживалось рядом объективных обстоятельств. Главные из них – отсутствие перерабатывающих мощностей и удаленность от основных потребителей, продолжали оказывать свое негативное влияние на общий ход всего процесса. Отмечается, что не смотря на наметившиеся успехи в этой отрасли, проблема сдерживающих факторов не была решена вплоть до февральской революции 1917 г. Делается вывод, что темпы развития товарного садоводства заметно опережают темпы роста его рентабельности. Низкие показатели урожайности и товарности садоводства объяснялись не только проблемой удаленности от основных рынков, но и уровнем сельскохозяйственной культуры и техническим оснащением населения округа.

Ключевые слова: Кабарда, Нальчикский округ, товарное земледелие, садоводство, транспортная инфраструктура, торговля, товарность, рынок.

Как известно, ключевое значение для развития экономики народов Терской области, в том числе и населения Нальчикского округа, имели реформы 60-х годов XIX в. Последовавшие коренные изменения затронули не только социально-политическую жизнь, но и отразились во всех отраслях народного хозяйства населения края. Применительно к Северному Кавказу, наиболее ощутимо эти изменения проявились в трансформации традиционных занятиях горцев – земледелии и скотоводстве и дальнейшей их интеграции в рыночные отношения. Процесс превращения натурального хозяйства в товарное и его дальнейшее развитие в рыночном направлении, как нельзя лучше, прослеживается в эволюции торгового земледелия, в том числе, и в изменении характера садоводства, издавна являвшегося неотъемлемой отраслью традиционного кабардинского хозяйства.

Проникновение капиталистических отношений в эту отрасль происходит уже в конце 70-х гг. Вместе с тем, реальные подвижки стали заметны далеко не сразу. Сдерживающим фактором являлись отсутствие стабильного рынка сбыта для садовой продукции и удаленность края от транспортной инфраструктуры. Определенную негативную роль в процессе развития рыночных отношений в садоводстве сыграли также и особенности традиционного менталитета. Долгое время кабардинцы – наиболее многочисленная часть населения Нальчикского округа, не могли по достоинству оценить коммерческие перспективы этого направления. То обстоятельство, подчеркивает Т. Боцвадзе, что в Кабарде в диком состоянии в обилии росли яблони, груши, деревья алычи, кизила и др. в какой-то степени помешало планомерному развитию садоводства [Боцвадзе 1965: 31]. По-видимому,

именно это обстоятельство имел ввиду Христианович, утверждавший, что в таких условиях не было особенной охоты трудиться над возведением искусственных садов [Христианович 1929: 207]. Общую картину дополняют замечания И.П. Дельпоцо, который в 1808 г. писал, что кабардинцы «фруктовых деревьев не разводят, но великие охотники до фруктов, арбузов, огурцов, дынь и винограда, яблоками, грушами и прочими довольствуются лесными» [Косвен 1957: 383]. Иначе говоря, кабардинский обыватель не испытывал насущной необходимости разбивать сад, т.к. его потребности вполне обеспечивали дикорастущие лесные плодоягодные культуры. Когда же в хозяйстве возникала потребность во фруктах, кабардинец, соответственно сезону, запрягал лошадь в арбу или сани и отправлялся в ближайший лес, где в обилии встречались плоды диких яблонь, груш, слив, алычи, винограда и проч.

Сбор лесного «урожая» происходил в соответствии с целым набором правил и предписаний, суть которых сводилась в уважительном отношении к деревьям, исходя из пережитков друидических верований и представлений о космологических функциях растений. Естественно, что со временем, такая сакральная составляющая сбора лесных плодов ослабевает. Примечательно, что в соответствии с правилами хорошего тона, большую часть собранного в лесу урожая, полагалось раздать соседям и детям. Эта традиция наблюдается в Кабарде еще в XX в.

Фруктовые деревья, по свидетельствам путешественников, были широко распространены и в крестьянских усадьбах, но выполняли скорее сакральную, иногда декоративную функцию. Во многих дворах кабардинцев произрастали принесенные из леса и одомашненные яблони – (ср. со сказаниями о нарских яблонях «золотых деревьях» – «нартхэ я дышэ жыг»). Считалось также хорошей приметой, посадить и вырастить перед воротами лесную грушу – дерево языческого бога Созереша, покровителя скотоводов и земледельцев. Орех же, в соответствии с народными верованиями, полагалось высаживать как можно дальше от ворот, так как разросшийся орешник являлся плохой приметой и вел к неизбежной смерти старшего рода.

Эти пережитки древних верований, свидетельствуют о том, что садоводство было известно адыгам с древнейших времен, но не получило дальнейшего развития, в коммерческом понимании этого термина, в силу ряда объективных факторов. Садоводство кабардинцев – это, по – сути, архаическая форма друидизма, сохранявшаяся веками и лежащая вне сферы предпринимательства. Напрашивается закономерный вывод: кабардинцы издавна знали и в определенной мере практиковали садоводство. Другое дело, форма и методы садоводческой практики. Кабардинские «сады» располагались в лесах, на них не распространялось понятие частной собственности, доступ к ним имел любой желающий. Как правило, это остаток некогда одичавших садов на местах древних городищ и селищ периода средневековья. Уход за такими «лесными садами» был самый минимальный.

Отсутствие же «культурных садов», коммерческой составляющей этого предприятия, по мнению некоторых дореволюционных исследователей, и являлось наглядным свидетельством того, что кабардинцам вовсе не свойственно занятия садоводством и огородничеством [Сталь 1852; Баратов 1860]. Отчасти эту точку зрения разделяли и авторы советского периода. Пожидаев П.П. вообще приходит к выводу что садоводство как и огородничество появляются в Кабарде к концу XIX в.. По его словам, садоводство было привнесено в край отставными русскими солдатами, особенно малороссами, благодаря которым: «в Кабарде появился сад, а в саду вишни, яблоки, груши, сливы и другие плодовые деревья». И далее: «Но сами кабардинцы, ведя полукочевой образ жизни, долго оставались глухи к этому хорошему делу и, хотя охотно потребляя русские фрукты и овощи, у себя дома не заводили садов» [Пожидаев 1925: 77].

Развивая свою мысль об исключительных заслугах русских отставников в возникновении садоводства в крае, Пожидаев отмечает: «Старики-кабардинцы

знают это и помнят, и с признательностью отзываются о своих первых учителях в огородничестве и садоводстве – отставных крепостных солдатах...» [Пожидаев 1925: 75]. В подтверждение автор приводит ответ одного из своих информаторов, некоего П.К. – жителя селения Кармово, который на вопрос «как давно появилось у них это дело» (занятие садоводством и огородничеством – Т.Д.), «не стесняясь и не скрывая правды» отвечал, что они, кармовцы, «до прихода русских не знали огородов и научились возделывать овощи, и главным образом, картофель, от солдат» [Пожидаев 1925: 75], которые несли службу в расположенной по близости от села крепости.

Довольно спорное утверждение, особенно в той его части, что касается приусадебного огородничества. Еще академик П.С. Паллас отмечал, что кабардинцы «возделывают огородные растения, вроде моркови, репы, брюквы, лука, тыквы, арбузов» [Паллас 1974: 222–223], Ш. Ногмов, автор первой серьезного труда, посвященного истории адыгов, впервые вышедшего в 60-х годах XIX столетия, присовокуплял к этому списку возделываемых кабардинцами культур еще «лук, чеснок, редьку, свеклу и проч.» [Ногмов 1994: 71].

Нет никаких сомнений, что садоводство известно в крае с древних времен. Яркие свидетельства тому сохранились в устном народном творчестве Кабарды. Не вдаваясь в излишне подробный анализ фольклорных материалов, приведем лишь один показательный пример. Речь идет о кабардинском варианте сказания о Бадиноко.

В кабардинской версии Нартиады герой Бадиноко объясняет отцу свое опоздание тем, что: «В наших нартских местах совсем не осталось фруктовых деревьев ... и новые не растут. Нарты, по этому поводу беспокоясь собрались; с переживающими не сопереживать разве можно, вот я и присоединился к ним...» [Фонотархив КБИГИ, инв. № 663-ф/6.]. Т.е., иначе говоря, занятие садоводством уже на момент создания героического эпоса адыгского народа являлось свершившимся фактом.

Вместе с тем, нельзя не заметить то обстоятельство, что кабардинские садоводческие практики остались без должного внимания историков, занимавшихся проблемами народного хозяйства Кабарды. Вместе с тем, эта научная лакуна отчасти заполняется благодаря усилиям ученых – фольклористов и этнологов. Дендрологические представления в этнокультурной традиции адыгов великолепно освещены, например, в блестящей работе Кудяевой З.Ж. [Кудяева 2008].

Возвращаясь непосредственно к истории становления товарного садоводства, следует отметить, что процесс этот затянулся на долгие десятилетия. Документы показывают, что темпы развития этого вида предпринимательства в Кабарде, в второй половине XIX столетия, оставались весьма скромными. По сведениям 1867 года в Кабарде насчитывалось всего 26 садов [Кумыков 1959: 39].

Обращает на себя внимание и тот факт, что рыночная специализация в садоводстве садоводство, в указанный период, слабо развита не только у горцев, но и у русского населения края. Похвастаться положительными результатами в этой области не могут также и колонисты края – немецкие колонии Александровская, Гнаденбург, греческая Эдесси и др. Обилие дикорастущих фруктовых деревьев в лесах Кабарды, находящихся в общем пользовании и удаленность от основных промышленных рынков России сводят на нет все усилия окружного начальства по распространению практики товарного садоводства.

Именно это явление и побудило издателя «Терского областного Календаря» в 1890 г. пессимистически заметить, что: «садоводство и огородничество за единоличным исключением не обращает на себя внимания жителей и не имеет потому в экономике области существенного значения» [Пожидаев 1925: 76]. Пожидаев называет такое состояние хозяйства «летаргическим». Ученый отмечает: «Садоводство как промысел, как подсобное занятие, имело в Кабарде вплоть до войны

и революции непродолжительную историю и, сравнительно, небольшое значение. Прошлое этого промысла насчитывает за собою в Кабарде не более 50–70 лет». Положение в товарном садоводстве действительно выглядело печально.

Ситуация несколько преобразуется в середине 80-х годов XIX в. В 1885 г. начальник 2-го участка фиксирует необычное явление – увеличения доли земледелия в традиционно скотоводческом хозяйстве Кабарды. Говоря о состоянии дел на вверенной ему территории он отмечал один очень интересный факт: «Народное хозяйство в участке заключается в хлебопашестве, скотоводстве, коневодстве, овцеводстве, пчеловодстве, садоводстве и огородничестве, но заметно, что скотоводство и коневодство стало уступать занятию хлебопашеством как выгодной отрасли хозяйства. Экономическая деятельность населения заключается исключительно в поддержании хлебопашества и пчеловодства, ... Русское население кроме того успешно ведет садоводство и огородничество...» [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 24.].

Аналогичное явление наблюдается и в 3-м участке. Садоводством и огородничеством занимаются жители русских поселений, преимущественно в станицах: Луковской, Екатериноградской и Прохладной, и сбывают плоды и овощи на ближних рынках. В станице Курской занимаются садоводством и сбывают плоды в окрестных селениях за *деньги и посредством промена на хлеб*. Остальное же население ни тем, ни другим не занимается. Разведением винограда и выделкой вина занимаются в станицах Луковской, Екатериноградской, Павлодольской, Курской и местечке Эдессии, в частности, в станице Екатериноградской, в которой добыто винограду 1480 пуда, выделано вина – 3925 ведер [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 53 об.]. Показатели товарного садоводства и в дальнейшем демонстрируют положительную динамику. В 1896 г. по округу площадь всех фруктовых садов составила 41 десятину. Фруктов собрали 1135 п., ягод 140. Продано на сумму 1339 р. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 414. Л. 84.].

Процесс развития товарного садоводства заметно ускоряется в начале XX в. Площадь садов и виноградников только за первые тринадцать лет (с 1900 по 1913 гг.) увеличилась почти в 9 раз, а доход от реализации товарной продукции возрос за это же период времени в 16, 5 раза [Белоусов 1955: 25]. С 1900 по 1909 года количество садовых хозяйств, ориентированных на выпуск именно товарной продукции, возрастает с 42 до 454 [Саблиров 2001: 30]. Вместе с тем, из-за высокой конкуренции на рынках страны, урожаи в основном реализовывались на базарах Нальчика, Баксана и Докшокова, что естественно сдерживало темпы роста этой отрасли. Если в 1894 г. выручка от продажи, произведенной местными садоводами продукции, составила 1866 рублей, то прибыли за 1906 г. едва дотянули до отметки в 26000 рублей [Саблиров 2001: 30].

Тем не менее, товарное садоводство занимает прочные позиции в горском хозяйстве. В начале XX в. житель Атажукино III Афашагов М. имел прекрасный фруктовый сад, состоящий из 350 деревьев. Свидетельством растущего интереса населения к товарному садоводству служит увеличение числа прошений, о выделении участков земли непосредственно под закладку новых садов. Одно из них, датированное 1911 г., принадлежит Тхашугоеву Х.Н. из Кошерокова. Он обратился к доверенным Кабарды и Балкарии с заявлением об отводе участка земли в районе Шалушки «... для разведения фруктового сада и питомника культурных деревьев». В конце XIX в. некий Магомет Тхашугоев, на деньги из Общественной Кабардинской суммы, проходил обучение в стенах Императорского Никитского училища садоводства и виноделия, возможно это его сын или близкий родственник [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 705. Л. 26]. Как бы то ни было, сам факт назначения такой стипендии также свидетельствует о растущем интересе в Нальчикском округе к занятию садоводством.

Наиболее интенсивно товарное садоводство развивалось в административном центре округа. В 1901 г. общее число фруктовых садов в Нальчике достигает 30,

под них отведено 8 десятин, фруктов собрано 900 пудов, ягодных садов нет, продано 500 пудов на сумму 526 руб. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 538. Л. 77 об.].

В 1903 г. в слободе Нальчик насчитывалось 32 сада, занимавших 9 десятин земли. Фруктов было собрано 2500 п., продано – 1200 п., на сумму в 600 р. Ягоды не культивировались [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 97].

В 1909 г. в слободе Нальчик имелось уже 120 фруктовых садов, общей площадью – 50 десятин. Фруктов собрано – 1050 п., ягод – 10 п. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 28. Л. 115]. Там, в том же 1910 г., число фруктовых садов достигает 150, занимаемая площадь, увеличивается до 56 десятин. Совокупно по слободе, удалось собрать: фруктов – 1000 п., ягод – 20 п. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 79].

Сходная динамика наблюдалась и по округу в целом. Всего в 1901 г. по Кабарде отмечено 420 фруктовых садов, расположенных на 136 десятинах земли. За этот период было собрано 5792 п. фруктов и 426 п. ягод. Продано 2475 п. фруктов и 264 п. ягод на сумму 2701 р. Винограда собрано 20 п. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 538. Л. 78 об.].

К 1903 г. товарных фруктовых садов по округу в насчитывалось уже 461. Площадь отведенной под них земли достигла 157 десятин. Удалось даже собрать неплохой урожай: фруктов – 6740 п., ягод – 400 п., но транспортные проблемы и в этот раз не позволили реализовать собранную продукцию в полном объеме. Фруктов было продано – 2890 п., ягод – 170 п. Всего, если верить окружной статистике, садоводы-предприниматели смогли выручить 1926 р. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 97 об.].

Сумма достаточно скромная и явно не соразмерная затраченным усилиям. Это обстоятельство и послужило основанием для скепсиса со стороны окружного начальства, когда в ежегодном отчете была сделана приписка: «Садоводство в округе не особенно развито, но среди населения, как туземного так и русского, замечается стремление к разведению садов и насаждению фруктовых деревьев, преимущественно лучших зимних сортов. В отчетном году намечался особенный урожай на фрукты, но ввиду неимения сбыта, население употребило фрукты для себя в запасе на зиму, и на продажу было только 2890 р.» [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 26].

В 1910 г. общее число фруктовых садов в округе достигло 458, при чем сосредоточены они были преимущественно в 1 и 2 участках. Площадь садов составляла 148 десятин. Фруктов собрали 6075 п., ягод – 50 п., на общую сумму – 1345 р. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 48].

Не осталось в стороне и виноградарство края. Общая площадь виноградников в десятинах – 276, при чем в 1-м участке – 3 дес., в 4-м – 273 десятины. В других, как явствует из документов, виноград не выращивали. Ситуация с виноградарством была в более выигрышном положении, так как сырье на месте перерабатывалось в вино и легко находило сбыт в ближайших русских и казачьих селениях. Всего в этот период удалось реализовать вина на сумму – 31733 р. [УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 791. Л. 48].

Таким образом, можно констатировать, что не смотря на наметившиеся успехи в этой отрасли, проблема сдерживающих факторов не была решена вплоть до февральской революции 1917 г. Главные из них – отсутствие перерабатывающих мощностей и удаленность от основных потребителей, продолжали оказывать свое негативное влияние на общий ход всего процесса.

Подводя общие итоги, следует отметить, что на рубеже XIX–XX столетий начинается подъем экономики кабардинцев, разложение традиционного патриархального хозяйства, проникновение в его среду новых капиталистических отношений. Интеграция в общероссийский рынок, вынуждает производителя постепенно отрываться от земельной общины, приводит к росту его мобильности,

перестройке хозяйства в соответствии с требованиями рынка. Революционный, по своему характеру, переворот произошел в культуре хозяйствования. Он выразился в постепенном переходе от обеспечения «себя в продолжении года» [Кригер 1864: № 34] к товарному производству. Процесс развития товарного садоводства, одного из наиболее ярких проявлений предпринимательства в сельском хозяйстве Нальчикского округа в начале XX в., является прямым следствием этих значимых изменений.

Вместе с тем, нельзя и не отметить тот факт, что темпы развития товарного садоводства заметно опережают темпы роста его рентабельности. Низкие показатели урожайности и товарности садоводства объяснялись не только проблемой удаленности от основных рынков, но и уровнем сельскохозяйственной культуры и техническим оснащением населения округа.

Источники и литература

1. *Баратов Т.Е.* О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. № 73. 1860.
2. *Белоусов А.Б.* Экономическое развитие Кабарды. Нальчик, 1955. 153 с.
3. *Боцадзе Т.Д.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. Тбилиси, 1965. 123 с.
4. *Косвен М.О.* Архивные материалы по географии и этнографии Кабарды (1808–1834) / Ученые Записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XIII. Нальчик, 1957. С. 381–419.
5. *Кригер Б.* Состояние хозяйства и промышленности туземцев Терской области // Терские ведомости. 1864. № 34.
6. *Кудаева З.Ж.* Мифопоэтическая модель словесной культуры. Нальчик, 2008. 296 с.
7. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, Нальчик, 1994. 232 с.
8. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 179–1794. / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 214–215.
9. *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925 г. 106 с.
10. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX–XX вв. Нальчик, 2001. 231 с.
11. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа (1852) // Кавказский сборник. № 21. Тифлис, 1900. С. 136–173.
12. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
13. Фондохр. КБИГИ, инв. № 663 – ф/6. Исп. Салих Маиров: 1904 г.р., с. Ст. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец. Звукозап. 27.09.1984. г. З. Налоева. Выписка с магн. ленты З.М. Налоев. Перевод на русский язык – А.А. Ципинов.
14. *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. Труды по обследованию Кабарды. Воронеж, 1929. 213 с.
15. *ЦГА РСО-Алания* – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

COMMODITY GARDENING IN THE NALCHIK DISTRICT AT THE TURN OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

Dzughanov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and New History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzughanov@mail.ru

The article explores the main points associated with the establishment of commercial gardening in the Nalchik (Kabardian) district in the XIX – early XX centuries. An attempt is being made to determine the nature and characteristics of its development in the conditions of the post-reform period and the development of market relations. It is established that the penetration of

market relations into this sphere of agricultural entrepreneurship, in the second half of the 19th century, was restrained by a number of objective circumstances. The main ones – the lack of processing facilities and remoteness from the main consumers, continued to exert their negative influence on the overall course of the whole process. It is noted that despite the emerging successes in this industry, the problem of constraints was not resolved until the February Revolution of 1917. It is concluded that the pace of development of commodity gardening is noticeably ahead of the pace of growth in its profitability. Low yields and marketability of horticulture were explained not only by the problem of remoteness from the main markets, but also by the level of crops and the technical equipment of the population of the district.

Keywords: Kabarda, Nalchik district, commodity agriculture, horticulture, transport infrastructure, trade, marketability, market.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-49

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-50-58

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ
В ПРАКТИКАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ***

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», dmprasolov@gmail.com

В статье рассматриваются основные тенденции трансформации военной культуры кабардинцев и балкарцев в результате их интеграции в социально-политическое пространство Российской империи. Содержанием этого процесса являлись восприятие символических атрибутов, встраивание в институциональные структуры и адаптация к мобилизационным механизмам общероссийской военной культуры. Одним из важных каналов данной интеграции стала деятельность самобытных институтов местного не земского самоуправления. Опыт взаимодействия региональных властей со съездами доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ способствовал конструктивному обсуждению приемлемых условий привлечения коренного населения к государственной военной службе, закреплению традиционных и новых престижных военных атрибутов в организации государственно-политических мероприятий, а также мобилизации воинского состава, финансовых средств Кабардинской общественной суммы, материального снабжения, медицинской и социальной помощи в периоды военных конфликтов Российской империи. Таким образом, к началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции кабардинцев и балкарцев в общероссийский военно-культурный контекст.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, военная культура, съезд доверенных, не земское самоуправление, Нальчикский округ, Терская область, Российская империя.

Идеологические, символические и поведенческие принципы военной культуры традиционного кабардинского общества проявлялись во всех сферах жизни. Воинская слава являлась приоритетным фактором политического лидерства князей и дворян. Пространственная организация поселений в равнинных областях Кабарды, полевых работ и лагерей охраны, сопровождавших табуны и отары в отгонный период, свидетельствовали о постоянной готовности жителей, пахарей и феодальных владельцев к отражению возможного нападения; специализация ремесла, промыслов и коневодства была ориентирована на удовлетворение потребностей феодальной знати воинским снаряжением и средствами передвижения; почти все ценности и идеалы господствующего класса сосредотачивались вокруг войны во всех их проявлениях; система воспитания, особенно в аристократической среде, духовно и физически готовила будущих мужчин к повседневному военному быту; духовная культура, песни и предания были пронизаны военным духом,

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

и даже народная празднично-обрядовая культура, пародировавшая феодальную иерархию, носила военизированный характер. [Прасолов 2015; Мирзоев 2015; Мирзоев 2019].

В 1822 г. с учреждением Временного суда в Нальчике завершается включение Кабарды в административно-политическую систему Российской империи. Часть кабардинцев, не приняв условий интеграции, ушла за Кубань и продолжала участвовать в сопротивлении до завершения Кавказской войны в 1864 г. Военная культура, как один из маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев, постепенно утрачивала социокультурный контекст, в котором она культивировалась в традиционном обществе, и который получил наибольшую известность связи с событиями Кавказской войны. Потеря политической независимости Кабарды подорвала основной побудительный мотив, во имя которого веками генерировалась военная культура. Крах феодальной системы разрушил блистательную аристократическую субкультуру, являвшуюся идеологической и практической средой военной организации. Под запрет коронных властей попали соционормативные институты, прежде воспроизводившие военную традицию – аталычество и наездничество. В условиях деформации рыцарской идеи, некогда облагораживавшей силовые акции дворянства, наездничество постепенно вырождается в примитивные грабежи и конокрадство, осуществляемые организованными преступными группами, порой многонационального состава. Для военно-политической элиты сфера бытования традиционной военной культуры постепенно переместилась из прикладной в идеологическую плоскость. Она сохранялась в передаваемых по наследству коллекциях военных аксессуаров, отчасти в декоративных элементах национальной мужской одежды, фольклорных интерпретациях и воспоминаниях о славном прошлом адыгского рыцарства [АЭ 2006: 370].

Вместе с тем некоторые специфические черты традиционной военной культуры постепенно вписываются в общероссийский военно-культурный контекст. Событийным проявлением этого стало участие кабардинцев и балкарцев в военных кампаниях России второй четверти XIX – начала XX в.: Кавказской войне, подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., Крымской 1853–1856 гг., русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войне.

С завершением активной фазы Кавказской войны на территории Кабарды традиционные критерии воинского авторитета, бывшие неотъемлемой частью социального статуса князей (пши) и дворян (уорк), растворяются среди других, прежде второстепенных мотивов общественного признания. Тем не менее, военная служба по-прежнему относилась к занятиям преимущественно привилегированных сословий. Адаптируя привычные социальные роли к общественно-политической реальности, кабардинский дворянин перестает быть воином в привычном представлении предшествующих поколений, реализуя наиболее престижные в его этнокультурной среде амбиции на службе в российской армии или в местных правоохранительных органах. Вместе с тем, офицеры, увольнявшиеся из российских военных частей, становились носителями новых привычек. Нередко с трудом они встраивались в традиционный сельский социокультурный мир, чувствуя себя более комфортно в северокавказских городах и слободах – Владикавказе, Пятигорске, Нальчике, Кисловодске и т.п.

Представители привилегированных сословий, прошедшие военную службу, использовались и в качестве кадровых ресурсов при комплектовании местной администрации и интеграции выходцев из коренного населения в систему управления Российской империи на Северном Кавказе. С учреждением военно-народного управления в числе российских офицеров капитан Т. Шипшев в 1860–1861 гг. занимал должность начальника Черекского участка Кабардинского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 28]. В чине майора в 1863–1864 гг. он возглавлял Шапсугский округ. В 1910 г. первым кабардинцем – начальником Нальчикского

округа был назначен подполковник С. Клишбиев, исполнявший свои обязанности до марта 1917 г.

Престижность российских воинских статусов проявлялась в делопроизводстве съездов (сборов) доверенных – регулярных совещаний представителей сельских обществ под председательством начальника округа. Некоторые из общественных приговоров первыми подписывали офицеры в порядке старшинства, а затем уже представители знати, не имевшие званий [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1265. Л. 12; Д. 1279. Л. 2]. Такая иерархизация не являлась бюрократическим стандартом и соблюдалась в совершенно разных по тематике постановлениях: по земельному вопросу, начиная с Акта 20 августа 1863 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13–13об.], при назначении стипендий кабардинцам и балкарцам, обучающимся за пределами Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 81; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 594. Л. 18–18об.], в ходатайстве о разграничении территориальной компетенции основного и горского отделений Нальчикского горского словесного суда [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 62–62об.] и т.п. Можно предполагать, что этот делопроизводственный прием использовался для придания общественным постановлениям большей весомости фактом участия в их принятии наиболее высокопоставленных и влиятельных офицеров из кабардинцев и балкарцев. Особенно это было характерно в период активной общественной деятельности генерала Т. Шипшева в 1880–1890-х гг., для которого воинское старшинство среди соотечественников было средством мобилизации и консолидации социального капитала других земляков, имеющих нижестоящие офицерские звания [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1318. Л. 13об.]. Многочисленные ходатайства и комиссии во главе с генералами Т. Шипшевым, Т. Алтатдуковым и Ж. Джамбековым, санкционированные съездами доверенных, использовались для постановки и решения актуальных общественных вопросов и имели широкий резонанс в Терской области [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 49. Л. 2; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 11об.; П. 1905; Дышеков 2000]. Тем самым сопричастность к общероссийской военной культуре, статусность в этой среде, выступали значимыми факторами в практиках окружного местного самоуправления.

Одной из развивающихся тенденций трансформации военной культуры кабардинцев со второй четверти XIX в. стало восприятие российских идеологических и институциональных армейских принципов и атрибутов (долг, присяга, субординация, полковые муллы). Высокую престижность приобретают новые маркеры воинских достижений, выраженные в офицерских званиях, наградах и т.п. Причем, воинские отличия из сугубо индивидуальных приобретают новые коллективистские масштабы.

В 1844 г. «по особому Высочайшему повелению» вместе с грамотой Николая I, в которой отмечалось «постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия противу враждебных горцев, оказываемые кабардинскими жителями», последним было пожаловано знамя, которое предлагалось «употреблять при ополчении против неприятельных Империи Нашей народов» [Кудашев 1913: 126–127]. Этот престижный атрибут сопричастности к имперской военной культуре выступал и символическим средством мобилизации. Подобные «высочайшие» пожалования обязывали к регулярным ответным репрезентациям. Поэтому этикетной особенностью военной культуры кабардинцев и балкарцев, служивших в российской армии, на завершающем этапе Кавказской войны становится формализация верноподданнического усердия и мобилизационной готовности. Свидетельством этому стало ходатайство группы офицеров из Кабардинского округа, поданное 28 января 1864 г. на имя начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. В документе, оформленном на русском и арабском языке, заявлялось: «Осведомившись, что Чечня волнуется, Большая и Малая Кабарда просят

дозволить им быть в передовых войсках для усмирения непокорных. У кого есть конь и оружие, все готовы идти. Мы будем счастливы, если удостоверитесь приказать нам явиться с нашими всадниками доказать нашу кровью признательность за попечения, коим мы осчастливлены Вашею о нас заботливостью» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 20. Л. 3–5]. Обращение 28 января 1864 г. подписало более 20 представителей кабардинской и балкарской аристократии, причем не в порядке сословной иерархии, а согласно воинской субординации [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 20. Л. 3–5].

В честь пожалования знамени в начале мая 1844 г. на средства из Кабардинской общественной суммы (далее – КОС) были организованы всенародные гуляния в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 6–6об.], а впоследствии выплачивалось жалованье штатному знаменосцу из горцев-военнослужащих [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 956. Л. 6]. Знамя стало обязательным элементом ритуального протокола при встрече высокопоставленных лиц, проезжавших через Кабарду [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 123. Л. 2об.]; использовалось в общественных мероприятиях, например, при встрече во Владикавказе в 1888 г. Александра III [Потто 1889: 43], праздновании «высочайшего пожалования» Зольских и Горных пастбищ в постоянное неотъемлемое пользование кабардинского народа и горских обществ (Нальчик 1889; Слобода Нальчик 1889).

Для поддержания в надлежащем состоянии знамени и грамоты, сопровождавшей его пожалование, средства КОС выделялись до Первой мировой войны [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 1. Л. 91; Т. 2. Л. 651]. Эта воинская реликвия сопровождала кабардинских и балкарских добровольцев в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг., а в мирные годы хранилась в квартире начальника Нальчикского округа. В августе 1914 г., когда Кабардинский конный полк готовился к отправке на фронт Первой мировой войны, было признано необходимым также взять и знамя [Опрышко 2014: 23]. По свидетельству очевидца, «народное знамя» сохранялось в Нальчике и после Февральской революции 1917 г. окружным комиссаром Временного правительства Г. Чижоковым [Арсеньев 1972].

Съезды доверенных санкционировали расходы для организации национальных делегаций на разнообразные верноподданнические мероприятия. В подарках, которые преподносились высокопоставленным лицам, всегда доминировала военная атрибутика, как наиболее престижная в иерархии традиционных ценностей кабардинцев и балкарцев. В январе 1883 г. съезд доверенных постановил «изготовить собственного изделия шашку для поднесения Государю Императору в день священного коронавания» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–5]. По этому же поводу сбором 12-ти доверенных балкарских обществ «на наш общий счет» из КОС было позаимствовано 500 р. на изготовление и поднесение императору «азиатской винтовки», а в составе делегации на коронацию командирован подполковник Х. Урусбиев [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 59, 62, 70, 145–146об.]. В мае 1883 г. полковник Т. Шипшев «на счет народных сумм во внимание деятельности его на пользу народа» был включен в число участников в коронации Александра III как ассистент для поднесения «почетной азиатской шашки» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 16, 23]. В ходе путешествия императорской семьи по Кавказу в 1888 г., во Владикавказе Александр III принимал представителей всех народов Терской области. Членам его семьи были подарены богато отделанные традиционные черкесские костюмы, фамильное оружие кабардинской аристократии, а также четыре лошади лучших заводов. Кульминационным моментом встречи стал выезд самого императора «на белом кабардинском коне». Репрезентация символической взаимосвязи военных традиций прошлого и современности проявилась в ритуальном первенстве в кабардинской делегации действующего генерал-майора Т. Шипшева и столетнего Э. Анзорова, служившего в императорском

Конвое еще при Николае I. При этом старик был облачен в фамильный панцирь, который носил его предок, участвовавший в штурме Астрахани войсками Ивана Грозного [Потто 1889: 26-27, 33, 43-44]. Примечательно, что вслед за этим событием в благодарность за «старинную фамильную шашку» Атажукиных, безвозмездно уступленную для подарка «наследнику цесаревичу», приговором съезда доверенных в декабре 1888 г. с наследников Асламбека Атажукина были сложены долги в КОС. В октябре 1907 г. съездом доверенных была назначена «депутация для поднесения шашки наместнику его императорского ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе графу Воронцову-Дашкову» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 874. Л. 79].

С объединением кабардинцев и балкарцев административным пространством Кабардинского округа в 1858 г. развиваются новые мобилизационные механизмы, в которых значимую роль играли съезды доверенных, на которых обсуждались и вопросы, связанные с военными обязательствами кавказских подданных по отношению к российскому государству.

В марте 1884 г. газета «Казачий вестник» сообщала, что осенью 1883 г. «была объявлена горским племенам, населяющим Терскую область, воинская общегосударственная повинность, несение которой в ближайшем или отдаленном будущем возложится». При этом автор статьи сожалел, что миссия объявления высочайшей воли была возложена на «низших агентов власти в области», которые оказались не на высоте положения и своими объявлениями вызвали тревогу, усиливая стремление части населения к переселению в Турцию [Из Терской области 1884]. Основные направления последующего поиска имперскими властями способов распространения всеобщей воинской повинности на мусульман Северного Кавказа рассмотрены в статье М.А. Арсанукаевой [Арсанукаева 2015]. Однако, автор не осветила реакцию горского населения на эти намерения, ограничившись фрагментом сообщения современника, который объяснял возросшую обеспокоенность горского населения не отторжением идеи военной службы, а плохой подготовительной работой местной администрации, которая вызвала недоразумения и нежелательные слухи. Автор этого мнения Я. Абрамов, в 1884 г., ссылаясь на сведения очевидца, писал, что вопрос о предстоящем введении воинской повинности оживленно обсуждался «в каждом из аулов, расположенных на плоскости и высотах кавказского хребта, можно было наблюдать в продолжении долгого времени, изо дня в день с ранней зари до поздней ночи, густые толпы аульчан всех возрастов, начиная малыми детьми и кончая дряхлыми стариками, стоящими небольшими группами, по 10-30 человек у сакель или у мечетей, шумно и оживленно говорящими о предстоящей реформе» [Абрамов 1991: 246-247].

Интересно, что в Нальчикском округе вопрос об отбывании воинской повинности обсуждался съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ еще 16-17 августа 1883 г. Владикавказская газета «Терек» сообщала, что собрание началось с выступления начальника округа Браккера «который коротко высказал, что по воле Государя, они [кабардинцы и балкарцы. – Д.П.], как равноправные подданные России, должны нести, наравне с другими и самую тяжкую из повинностей — повинность воинскую... Некоторые, говоря о своих поправных правах, положительно восставали против введения воинской повинности и поговаривали о переселении в Турцию; говорили и совершенно противное, т.е. что повинность эта не так страшна, как кажется; что требованию начальства должно подчиниться и спокойно оставаться дома. Это говорили большей частью те из кабардинцев, которые побывали в русской службе; этого же мнения придерживались почти все горцы [балкарцы. – Д.П.]. Куда девалась их апатия и равнодушие, какими отличались прежние срочные съезды, когда все вопросы решались несколькими заправилками. Серьезная озабоченность выражалась на этот раз на всех лицах; видно, что дело касается собственной кожи. Почти у всех представителей, конечно, есть свои собственные дети и другие близкие, которых воинская повинность

должна коснуться, и потому вопрос этот для них – вопрос жизни и смерти. Не удалось также поэтому обычным законам решить вопрос по-своему; они получили такой отпор, что многие из них со стыдом должны были ретироваться. Ни на чем не порешив, отправились они держать свой ответ пред начальством округа, которому и объяснили, что воинская повинность всегда была для них страшным пугалом и поэтому, чтобы избавиться от нее, они готовы на всякие жертвы; что они до сего времени содержали на свой счет милицию и готовы еще прибавить на содержание ее, а в случае войны – снарядить из себя, на свой счет полк. Г. Браккер, выслушав это, обещал принять все к сведению и что возможно сделать в интересах народа...» [Нальчик 1883].

В ноябре 1883 г. обсуждение вопроса продолжилось в совещании под председательством начальника штаба Кавказского военного округа, в котором от народов Нальчикского округа участвовал генерал-майор князь Анзоров. Как пишет М. Арсанукаева, «офицеры из горцев высказывались за распространение воинской повинности на горцев «без всяких временных изъятий из общего Устава», а наиболее предпочтительной признавалась служба в иррегулярных частях [Арсанукаева 2015: 17].

Определенный интерес представляют частные реакции на происходящие события. Немного комичным проявлением недовольства перспективами воинской повинности стало дело, рассмотренное Нальчикским горским словесным судом, которому первоначально придали едва ли не антиправительственный характер. Поводом для разбирательства стало донесение, что 20 сентября 1883 г. в одном из питейных заведений вблизи Нальчика, находясь в нетрезвом состоянии П. Пазов не лестно отозвался об императоре и его намерении привлечь мусульман к отбыванию всеобщей воинской повинности, провозгласив: «а все-таки кабардинцы служить не будут». Постановлением суда Пазов на 2 недели был заключен под арест на Нальчикской гауптвахте. Вскоре после отбытия наказания, ввиду незначительной опасности совершенных действий, особый надзор за П. Пазовым был отменен по рекомендации товарища министра внутренних дел [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 8. Д. 378. Л. 1–1об, 2, 6].

В декабре 1883 г. аптекарский ученик Э. Кудашев обратился к начальнику Нальчикского округа за свидетельством «для подачи в университет к предстоящему экзамену на степень аптекарского помощника», о том, что он не подлежит отбыванию воинской повинности [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 44. Л. 68].

Очевидно, приняв во внимание общественные настроения, 28 мая 1886 г. Александр III подписал «высочайшее повеление» «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей», в котором оговаривалось, что «для лиц мусульманского исповедания поставку новобранцев заменить временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход Государственного Казначейства, присвоив сему сбору наименование *налога взамен исполнения воинской повинности натурою*» [Высочайшее... 1886: 1].

Однако и к началу XX в. перспективы регулярной военной службы не переставали беспокоить горцев [Ом 1901]. Автор «Каспия» Близкий в конце 1902 г. считал, что «туземцев не так пугает сама служба, как обстановка, при которой им бы пришлось отбывать повинность», в частности, трудности соблюдения религиозных требований. При этом высказывалось мнение, что такие страхи можно преодолеть, «создав отдельные пехотные и кавалерийские части из туземцев» [Близкий 1902]. Однако в другой очерке автор признавал и другие основания недоверия к российской военной службе, бытовавшие среди части привилегированных сословий. Имея возможность пристроить своих детей в элитные военные части, кабардинские князья опасались, что их сыновья «будучи поставлены в детском возрасте в иные жизненные условия учебных заведений и находясь далеко от родины

и родных в Петербурге, отвыкнут от всего своего, даже могут забыть свой язык и религию» [Близкий 1903]. Другие аспекты общественных опасений зафиксировал в своем инспекторском отчете в 1908 г. представитель дирекции народных училищ Терской области: «Один хаджи указал мне, что кабардинцы думают, что школою хотят подготовить их к отбыванию воинской повинности, чего они очень боятся, а потому и не посылают детей в школу. Этот хаджи, бывший капитан русской службы, пользуется большим влиянием в обществе и школа в этом селении самая многолюдная» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 9. Д. 67. Л. 5].

Еще одним обстоятельством, вызывавшим неприятие всеобщей и регулярной военной службы, стала пространственная отдаленность российских войн. Еще на завершающем этапе Кавказской войны в картине мира кабардинцев менялась географическая локализация военных действий. Ситуация, когда их мирный быт протекал в контексте регулярных военных угроз ушла в прошлое. Военная повседневность все больше дистанцировалась от территории Кабарды, оставляя более четкие границы с мирным бытом. «Их война», мотивированная необходимостью защиты своей малой родины, прекратилась. Если в традиционном виде она представлялась как некая совокупность угроз, располагавшихся непосредственно у порога жизненного пространства, то теперь, в войнах России, она происходила на неприемлемой дистанции, пугающей своей отдаленностью от малой Родины, исчезая за пределами обозримого географического горизонта в Закавказье, в Маньчжурии, в Галиции и т.п. Эти пространственные представления резко изменятся в 1918 г. с развертыванием Гражданской войны, которая вновь восстановит ощущение включенности Кабарды в водоворот военных действий, еще и с крайне обострившимися локальными и интерсоциальными противоречиями.

К концу первого десятилетия XX в. вопрос о воинской повинности вновь начал прорабатываться в переписке МВД с начальниками Терской и Кубанской областей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1110. Л. 1–18]. В 1911 г. в среде черкесской интеллигенции высказывалась разнообразная обеспокоенность слухами и реальными перспективами привлечения к военной повинности. Х. Хаджемор осуждал попытки привлечения традиционно конных кабардинцев к пехотной службе [АП 2005: 61–62]. М.-Б. Хаджетлаше поддерживал идею службы в Кубанском казачьем войске [АП 2005: 308–309]. П. Коцев рассказывал о том, как этот вопрос рассматривался на «собрании выборных» «из представителей туземного населения» Кубанской области, но «совещание уполномоченных не пришло ни к какому решению». Обобщая прозвучавшие сомнения, автор писал: «Представители, высказав о своей культурной и экономической неподготовленности, о своем незнании с организацией того или иного рода службы, наконец, не уверенные, что центральная власть именно в данное время желает привлечь их к военной службе, разъехались, чтобы обсудить этот вопрос совместно с широкими слоями населения». При этом также отмечалась тревога за перспективы службы в казачьих частях [АП 2005: 181–184].

На фоне интеллектуальной рефлексии интеллигенции по поводу возможностей кабардинцев, как и других адыгов, адаптироваться к восприятию военной культуры Российской империи, произошло новое нормативное оформление общественного мнения. 15 марта 1911 г. доверенные Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ в присутствии начальника округа С. Клишбиева приняли приговор об отбывании воинской повинности «натурою в форме отдельной кавалерийской части по образцу осетинского дивизиона и избрании по этому поводу особой депутации к наместнику» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 11].

Тем не менее, общественное волеизъявление не получило практического воплощения – до конца Российской империи всеобщая воинская повинность так и не была распространена на мусульманское население Терской области. Гораздо более значимыми для региональных властей оставались возможности мобилизации

не только человеческих, но и материальных ресурсов, облакаемые в верноподданническую и патриотическую форму. В марте 1904 г. внеочередной съезд доверенных санкционировал пожертвование из средств КОС 10 тыс. руб. «на нужды отечественного флота» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 727. Л. 55]. И уже вне экстремальных обстоятельств военного времени октябрьский съезд 1910 г. выделил 200 руб. на нужды военно-воздушного флота [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 933. Л. 23].

В наибольшей мере мобилизационные возможности институтов окружного самоуправления оказались востребованными с началом Первой мировой войны. 24 июля 1914 г. внеочередной съезд доверенных обратился к начальнику Терской области с просьбой: «Разрешить населению Кабарды и пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28]. В течение Первой мировой войны сельское и окружное самоуправление осуществляло разнообразные меры по экстремальной мобилизации ресурсов в форме конской и военно-воловьей повинности [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33. Л. 64], снабжению оружием и обмундированием Кабардинского полка [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 150–153; Т. 4. Л. 36], в том числе и в 1917 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 36. Л. 131, 134]. Наряду с этим на средства КОС организовывались торжественные мероприятия при отправлении на фронт основного состава и дополнительных подразделений [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 12] и встрече воинов с фронта в 1917 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 36. Л. 132]. Помимо этого, финансируемые КОС медицинские общественные учреждения были дополнены лазаретом для раненных российских воинов, а на сельские общества возлагалось социальное попечение семей, чьи кормильцы ушли на фронт [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 169–169об.].

Таким образом, к началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции кабардинцев и балкарцев в общероссийский военно-культурный контекст. В немалой степени этому способствовал опыт взаимодействия региональных властей со съездами доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, сложившийся при обсуждении приемлемых условий привлечения коренного населения к государственной военной службе, организации государственно-политических мероприятий, а также мобилизации воинского состава, финансовых средств, материального снабжения, медицинской и социальной помощи в периоды военных конфликтов Российской империи.

Источники и литература

1. *Абрамов Я.* Кавказские горцы // Из истории русско-кавказской войны. Документы и материалы / сост., автор предисловий, комментариев и примечаний А.М. Эльмесов. Нальчик, 1991. С. 203–247.
2. АП 2005 – Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 360 с.
3. *Арсанукаева М.С.* Отбывание воинской повинности горцами Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12 (132). С. 16–19.
4. *Арсеньев А.А.* Воспоминания о службе в кабардинском конном полку. Март 1917 г. – март 1918 г. // Военная быль. 1972. № 117 // Электронный ресурс: <http://lepassemilitaire.ru/vospominaniya-o-sluzhbe-v-kabardinskom-konnom-polku-okonchanie/> (Дата обращения: 10.12.2019).
5. АЭ 2006 – Адыгская (Черкесская) энциклопедия / гл. ред. М.А. Кумахов. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. 1247 с.
6. *Близкий.* Туземцы Северного Кавказа // Каспий. 1902 № 268. С. 2.
7. *Близкий.* Туземцы Северного Кавказа // Каспий. 1903. № 5. 13 декабря. С. 5.

8. Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. 5 с.
9. *Исторические сведения о кабардинском народе*: [К 300-летию дома Романовых / изд. В.Н. Кудашева]. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 с.
10. Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / сост., автор комментариев – О.Л. Опышко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.
11. *Мирзоев А.С.* Кодекс чести черкесского дворянства // Кавказский сборник / под ред. В.В. Дегоева. М.: ООО Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 306–332.
12. *Мирзоев А.С.* Некоторые аспекты традиционной военной культуры черкесов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 5 (67). С. 171–177.
13. *Нальчик* // Терек. 1883. № 103. С. 2.
14. *Ом.* Воинская повинность мусульман Северного Кавказа // Приазовский край. 1901. № 200. С. 2.
15. *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. 236 с.
16. *Прасолов Д.Н.* Военная культура кабардинцев после Кавказской войны // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Средне-азиатско-кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 315–319.
17. Слобода Нальчик (Терской области) // Кавказ. 1889. № 175. С. 2.
18. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
19. *УЦДНИ АС КБР* – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
20. *ЦГА РСО-Алания* – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

**TRANSFORMATION OF MILITARY CULTURE
OF KABARDINIANS AND BALKANS
IN PRACTICES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX C.**

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dmprasolov@gmail.com

The article discusses the main trends of transformation of the military culture of Kabardians and Balkans as a result of their integration into the social and political space of the Russian Empire. The content of this process was the perception of symbolic attributes, integration into institutional structures and adaptation to mobilization mechanisms of the all-Russian military culture. One of the important channels of this integration was the activities of the unique institutions of local non-terrestrial self-government. The experience of the regional authorities' interaction with the congress of the entrusted Grand and Minor Kabarda and the five mountain societies has contributed to a constructive discussion of the acceptable conditions for the participation of indigenous people in State military service, Consolidation of traditional and new prestigious military attributes in the organization of public-political events, As well as the mobilization of military personnel, funds of the Kabardin public sum, Material supplies, medical and social assistance during the military conflicts of the Russian Empire. Thus, by the beginning of the 20th century, some progress had been made in the integration of Kabardians and Balkans into the all-Russian military-cultural context.

Keywords: Kabardians, Balkars, military culture, congress of entrusted, non-terrestrial self-government, Nalchik district, Tersk oblast', Russian Empire.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-50-58

УДК 811.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-59-64

ТРУДНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА Б. МАЗИХОВА «БОЖИЙ ЛИК»

Алхасова Светлана Мтихайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alhas55@mail.ru

В статье ставится задача рассмотреть разные подходы к художественному переводу. В частности, некоторые исследователи подчеркивают, что переводчик должен в совершенстве владеть языком оригинала (родным языком), так как он находится в постоянном контакте с этим материалом, и его подстерегает соблазн калькирования форм этого языка. Исторически сложилось так, что нередко происходит восприятие и усвоение чуждых языковых форм. Это касается многих переводов прозы с русского языка на кабардино – черкесский язык. Вторжение чуждых форм, происходящее в период постоянных взаимоотношений с другим языком, как правило, влечет за собой искажение и исчезновение естественных форм родного языка. Часть исследователей считает, что вторжение иноязычных элементов развивает и обогащает язык. Они доказывают, что проникновение новых идей и понятий сопровождается внесением новых элементов. Однако развитие языка происходит благодаря его внутренним возможностям, заложенным в самом языке путем выявления собственных форм и их навыков, а не копированием или калькированием чуждых форм. Поэтому задача автора статьи состоит в том, чтобы выявить, что является единицей перевода в данном случае: дух произведения или его лексико-семантическая матрица, в зависимости от теоретического подхода к данному тексту.

Ключевые слова: Перевод, оригинал, калькирование, рассказ, идейно-тематическое содержание, кабардино-черкесская литература.

Один из лучших рассказов Бориса Мазихова в сборнике «Ночь безлунная» – это рассказ «Тхьэнапэ» («Божий лик» или «Икона») [2]. В нем повествуется о судьбе кабардинки Зили, ставшей женой осетина Сослана. Происходит столкновение религиозных интересов супругов, конфликт разгорается из-за разности вероисповедания. Мусульманка Зили вышла замуж за христианина Сослана. Конфликт доводит до разрыва между любящими супругами. На первый взгляд, кажется, что суть конфликта состоит именно в разности религиозной веры: чья вера лучше, правильнее. В доме Сослана висит икона. Мать Сослана набожная христианка, которая не только молится перед иконой, но и крестится (как и положено) перед каждой трапезой. Теперь свекровь пытается заставить новоявленную невестку тоже сложить пальцы в пучок и перекрестится по-христиански... Однако и замысел рассказа, и его содержание гораздо глубже. Рассказ «Божий лик» о высокой нравственности, любви, преданности и предательстве, о борьбе нового поколения со старым.

Вот почему в процессе перевода с кабардино-черкесского на русский рассказа «Божий лик» Б. Мазихова пришлось расставить несколько иначе акценты, провести

«чистку» по всему тексту. Хотя акценты изменены в небольшой мере, рассказ стал строже по форме. В рассказе была неясно выраженная позиция автора, в результате чего у читателя могло создаться впечатление, что конфликт разгорелся все же из-за веры: чья религия лучше, христианская или мусульманская. Вот поэтому мы сделали акцент на идейно-нравственной части семейных взаимоотношений. Рассмотрим подходы к данному переводу.

В оригинале:

Н. 85. « – Сьт лажэ мыгъуэ къэхуар?

– Къэхуари? – Зилэ и щхьэр къеIэт, а сыхьэтым и нэр плланэпэм фIэль тхьэнапэм хуозэ. Тхьэнапэм абы нащхьэ кыхуещIри IупшIэ ещIыж, и Iупэхэр хишу кышодыхэшх. Шынэуз зэфыкIым ещхуэ, Зилэ и Iэхэр и нэм IуепIэ.

– АфIэклa схуэхьыжынкъым, ща-э, емыкIу сыхьыумышI!..»

Перевод на русский язык:

«– Что стряслось? – Зиля подняла голову и тут же ее взгляд невольно повернулся к темному, ненавистному ей углу, где висит икона. Изображение на иконе подмигивает ей, оттопыренные губы насмешливо вытянуты, по-старушечьи, противно так ... Зиля, будто не в своем уме, закрывает лицо руками.

– Я больше не могу, не могу!..»

На первый взгляд может показаться, что между оригиналом и переводом есть сильные различия. Ведь именно в попытке наиболее точного и адекватного воспроизведения смыслового содержания оригинала и заключаются творческие возможности переводчика. Но здесь особый случай: рассказ следовало перевести на другой язык так, чтобы донести до читателя главную идею рассказа, которая при этом скрыта глубоко, она не на поверхности. Понятно, в каком трудном положении оказался переводящий.

Существует еще *свободный, или вольный* перевод. Он применяется в особых случаях, когда не требуется передачи стиля подлинника, или когда воспроизведение стилистических особенностей оригинала сопряжено с большими трудностями (например, при переводе старинных, фольклорных, к примеру, текстов), или когда перевод делается для информации узкого круга лиц. В вольном переводе можно сокращать подлинник, опуская второстепенные подробности и интерпретируя трудные для понимания места. Конечно, вольный перевод специальных текстов может быть квалифицированно выполнен лишь специалистом. Адекватный (полноценный) перевод А.В. Федоров определяет как «перевод, соответствующий подлиннику по функции» [4, 159]. По «функции» – означает, что предполагается полноценность передачи текста по выбору средств переводчиком (полноценность языка и стиля). Как мы увидим далее, функциональная точность, характерная «для адекватного перевода, не только допускает, но нередко и требует отказа от формальных словарных соответствий. Именно через функциональные соответствия подлиннику достижимо воссоздание единства содержания и формы на другой языковой основе. При этом важно помнить, что перевод – не простое механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи» [4, 157]. Таким образом, исходной точкой перевода должно быть «...целое представление об оригинале, а не отдельные его элементы» [4, 159]. Не следует думать, что сказанное об адекватности перевода имеет отношение только к переводу художественной литературы. Как указывает В. Федоров, даже научно-технический и научно-популярный текст, простая газетная информация обладают своим стилем, который должен быть воспроизведен в переводе. Но конечно, это должен быть стиль, свойственный данному жанру в языке перевода.

Посмотрим, какими средствами эта адекватность перевода достигается в конкретных случаях.

Н. 86. «Зилэ и япэ льягъуныгъэм куэд мыщIэу псоми игу лъатащ. Абы Сослан зэрщIыгъу сыхьэт зы-тIур къемэщIэкI хуат. Зилэ и нэр льягъуныгъэм

кышхьэрпхъуат. И къуажэгъу хьыджэбзым: «Ар осетинш, уэ уадыгэщ, уишапэми, дауэ узэрыдэкІуэнур?» – кышчыжриІэм, тхьэмахуэ псокІэ епсэлъэжакъым, абы иужькІи и гурыль хуиІуэтэжакъым. «ФІуэ пльагъумэ, зышчы лъэпкъыр сытым шыщ? Лъагъуныгъэр бзэ щхьэхуэ хуей?» – жиІэу ежъэжат».

Перевод на русский язык:

«А ведь было, было иное время, вспоминает Зиля. Чудесное то было время! Два-три месяца, которые она прожила тогда, стоят всей жизни. Это были дни, когда она познакомилась с Сосланом. Зиля жила словно во сне, нет, не по земле она ходила, а подобно ласточке, почувствовавшей раннюю весну, летала, летала. Любовь Зили заметили. Односельчанка однажды сказала ей: – Он осетин, ты адыга, неужто пойдешь?».

Зиля обиделась, целую неделю не говорила с ней, и больше своих мыслей ей не доверяла. «Если любишь, разве важно, на каком языке он говорит? У любви свой, особый язык», – решила она, не замечая, что это не ее слова, а давно другими сказаны, но она принимала их как свои. В том, что и Сослан ее любит, никто не сомневался».

По существу, это предложение содержит два сообщения, и по-русски логичнее передать их отдельно. Для кабардино-черкесского языка, разумеется, более свойственно начинать сообщение с подлежащего, а не с второстепенных членов предложения, как в русском языке. В данном случае – с обстоятельств времени и места. Здесь мы уже поставлены перед полной «невозможностью хотя бы для проверки понимания воспользоваться предварительным дословным переводом, так как он приводит к абсурду» [3, 158].

Как мы видим, соответствие подлиннику достигается и путем полного изменения конструкций текста, и путем замены и добавления слов и понятий. В других случаях может понадобиться и исключение слов подлинника. Важно упомянуть о закономерности замены образов при переводе.

Сущность адекватного перевода очень метко и правильно была в свое время выражена еще В.Г. Белинским: «Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы верно передать иной образ или фразу, в переводе их иногда должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же, как и соответствующая фраза, состоит не всегда в видимой соответствии слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального» [1, 295]. Под «духом» подлинника, который Белинский противопоставляет его букве, он, очевидно, понимает его идейное содержание и стиль. К примеру:

Н. 87. «Дауэдапщэр зэфІэкІыу зыхыхьа унагъуэм шыщ хъуауэ гуащэм и деж шыщІыхьэм, цыхубз хьэлү, абы пэшыр щэхуу зэпиплъыхьаш. КъаскІэри мусльымэн адэ-анэм къызэралъхуар занщІэу игу къэкІыжаш, игъашІэм дин къридзэу шымыта пэтми: жьантІэ плІанэпэм тхьэнапэ шыфІэдзат, абы и бгъум кІэртоф уэздыгъэнэф цыкІу шыблэрт. Гуащэм къыжриІэр зэхимыхьажу Зилэ и лъэр щІэщІащ: «Сэри джэур сыхъуауэ ара?» А гупсысэр и щхьэм илъу, ищІэри жиІэри имыщІэжу абы жэщ игъэхуащ. Сослан къызэрысыжу гъуэгъу зыпщІэхидзаш.

– Сыт уэ абы щхьэкІэ ущІэнэщхьейр, Зилочкэ? – дыхьэшхаш Сослан. – Сыт си чыристан, уэри сыт уи мусльымэн? Ар – ди анэрщ. УемылІалІэ. Уэ зыми зыкІи ухигъэзыхьыркъым, – жиІэурэ ІэплІэ къришэкІри и нэпсхэр бакІэ игъэгъушыжаш.

Сослан хуиІэ лъагъуныгъэмрэ щІалэгъуэмрэ тІэкІу-тІэкІуурэ ар и плэм ирагъэувэжаш. Ауэ гуащэм и пэшым щІыхьэху тхьэнапэм и щІыб зэрыхуигъэзэнэм яужь итт. ІуплъэхукІэ, абы и гукъыдэжыр кыккъутэрт».

Перевод на русский язык:

«Прошли свадебные торжества, Зиля вошла в другую семью, переступила новый порог, и, войдя к свекрови, по-женски оглядела комнату. И застыла, заметив в

углу небольшой образок, вспомнилось, что родилась от мусульман, хотя и не так уж часто пробуждались в ней религиозные чувства. В углу, в полумраке, висел образ, сбоку горела маленькая лампадка. Зиля не слышала, что говорит ей свекровь, ноги ее дрожали. «Неужели я стала гяуркой?» – думала она. И как только вернулся Сослан, бросилась ему на шею, и тихонечко даже всплакнула.

– Ну стоит ли из-за этого расстраиваться, – засмеялся Сослан, – какой же из меня христианин, и какая из тебя мусульманка?! Ну, а мать, она, конечно... – не договаривал он до конца, уходил от чего-то, прятал как бы, трусил. И что-то горькое осталось на сердце у Зили, какая-то досада...».

На первый взгляд перевод далек от оригинала. Более того, может показаться, что здесь присутствует языковая небрежность и неряшливость стиля. Однако вдумавшись в текст глубже. Чтобы не отрешиваться от «непонятного и трудного» в теории перевода [25], как некоторые переводчики-практики, предпочитающие избегать объяснения, объясним, почему переводчик пошел по данному пути.

Вот пример:

Н. 88. « – АтІэ, тхьэшхуэ Георгий фыкьихьумэ. Іэпэ жор фщІыи фэдзакъэ, – жиІаш.

Сослан Іэпхьуамбищ зэгуэльымкІэ жор ищІри стэкан цыкІур иІэтащ. Зиля, мывэу жам ещхьу щыст, стІол лъабжьэм щІэплъэу. Асыхьэтым и анэр щІэкІати:

– Уи Іэм ушысхьрэ, щІы жыхуиІэм хуэдэу, слІо уи гугъэ абы кыкІыр? Хьэмэ сэ дин си фІэш хьу уфІэшІрэ? Ди анэм и жагъуэ сымышщІыну аркъудейщ. Уэри нобэ абы и жагъуэ умыщІ, – ехьуцэцащ ар Зилэ.

Адрейри кьыщІыхьэжати мыэрэзыуэ и нысэм:

– Узыыхьам я хабзэр пщІэн хуейщ, тІэсэ, пщІэрт узыджкуэр, – жиІэри кьехьурджэуаш. Зилэ Сослан дежкІэ плъаш: абы и нитІыр лъаІуэрт. Зиля бжьын жылэ хисэм ещхьу и Іэпхьуамбищыр зэгуилъхьэри кыиІэтащ, удын хьэлъэ кьытехуам ещхьуи и Іэр фІехуэхьыжаш».

Перевод на русский язык:

«В тот вечер свекровь сама накрыла по-своему воскресный стол, даже поставила графин с первачом. На столе хватало всяких угощений. Старуха долго стояла в углу на коленях, шепча молитвы и крестясь. Сослан и Зиля ждали. Наконец, уставши, отмолившись, старуха села за стол, налила в стаканы.

– Да хранит вас господь, перекреститесь и ешьте, – сказала она. Сослан тремя сложенными пальцами коснулся лба, плеч, груди, и поднял свой стаканчик. Зиля сидела, глядя под стол.

– Руки что ли тебе жалко, не обижай мать, – шепнул ей Сослан. Старуха услышала, недовольным голосом обратилась к Зиле:

– Уж если вошла в семью, будь добра, делай что положено. Знала, куда идешь!

Зиля посмотрела на Сослана. Потом сжала три пальца, как будто собиралась сейчас лук сажать, подняла руку, да нескладно у нее вышло. Рука словно сама собою вниз опустилась.

– Не могу, – призналась Зиля, глядя с мольбой на мужа».

Здесь мы применили вольный способ перевода: «Все сделаю, и за труд не считаю, постираю, обошью твою мать, подам на стол, слова поперек не поставлю, скажет, намекнет только, побегу, угожу, но избавьте меня от того, к чему я не привыкла.

Старуха вмешалась, сказала:

– А мне твои услуги ни к чему. Благодарение богу, все в его милостивой воле, покамест сама еще могу поднести ложку к своему рту, не калека... – И с укором глянула на сына, всегда ей послушного, давно устрешенного и приведенного к вере, сказала, наставляя и поучая: – А ты уши не развешивай! Слишком много она у тебя воли берет, куда это годится! Ты глава, столб семьи, на твоих плечах дом держится. Понимать надо. Да не забывать».

Зиля посмотрела на мужа. А он склонил голову перед старухой, промолчал...».

Заметим, что в данном случае возможность использования в переводе не шаблонных решений вносит элемент подлинного творчества в переводческий труд. Совершенно одинаковые по лексике обороты переводятся по-разному в зависимости от жанровых особенностей текста. Здесь нужно внести некоторую ясность: следует различать буквальный или дословный перевод, что часто смешивают. Дословный перевод состоит в передаче структуры предложения без изменения конструкции и без существенного изменения порядка слов. В тех случаях, когда русское предложение имеет структуру аналогичную кабардино-черкесскому, и ее можно использовать без нарушения грамматических норм и логического хода мысли, дословный перевод допустим. Трудно возражать против дословной передачи таких предложений, как, например: «АфIэкIа схуэхьы-жынукъым, ма-э, емыкIу сыкъьумыщI!..» «– Я больше не могу, не могу!». При дословном переводе на русский язык получится: «Я больше не могу вынести это, не смейся надо мной!». Другое дело – буквальный перевод, всегда приводящий или к искажению мысли подлинника, или к нарушению норм кабардино-черкесского языка. Вот буквальный перевод: «Я больше не могу нести, не стыди меня!». На русском непонятно: Что нести?

Следовательно, вполне понятный и легко воспринимаемый кабардино-черкесский текст далеко не всегда может переводиться дословно. Вот характерный пример: «Сыт лажэ мыгъуэ кэхъуар? – Что стряслось?». При всей легкости понимания этот текст не поддается дословному переводу. Во-первых, из-за несоответствия структуры членов предложения и естественному ходу мысли на русском языке. В переводе пропущено «лажэ мыгъуэ» – фразеологизм, которому в русском сложно подобрать адекватное выражение. И потому не представляется возможным сохранить кабардино-черкесскую структуру предложения в переводе. Куда проще пропустить вводные слова «лажэ мыгъуэ».

С тем, чтобы внести ясность в отношении свекрови к невестке Зиле, этот текст значительно расширен на русском языке вольным способом перевода. Отношение мужа Сослана к всей этой ситуации и его позиция по отношению к жене и матери были неясны. При переводе мы постарались эту неясность устранить.

Все это убедительно свидетельствует о том, что для четкого и полного перевода мысли прежде всего необходимо правильно понять и перевести связанные смысловые группы слов, составляющие эту мысль. Следовательно, при оценке перевода надо учитывать не только то, насколько верно переведено все предложение, абзац, текст в целом, но и то, насколько точны найденные переводчиком частные решения: распространение текста, добавление или сокращение предложений и т.д. Передача только общей мысли, общей нити повествования может привести к парафразе, адаптации, пересказу и т.д., что никоим образом не соответствует переводу в строгом смысле слова.

Источники и литература

1. Алхасова С.М. Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе. Нальчик: издательство КБНЦ РАН, 2006. С. 8–9; 44.
2. Белинский В.Г. Избранные сочинения литературной хрестоматии, М., 1971, Т. 1. С. 295.
3. Борис Мазихов. Икона. Новелла. // Мэзыхэ Борис. Мазэхэ жэщ. Новеллэхэр. Повесть. «Эльбрус» тхылъ тедзапIэ. Налшык, 1975, 159 с.
4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. С. 134–135.

THE USEFULNESS OF LANGUAGE AND STYLE IN THE TRANSLATION OF BORIS MAZIKHOV'S STORY «THE FACE OF GOD»

Alkhazova Svetlana Mikhaylovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

In the previous work, we noted that «the translator must be fluent in the original language (native language), as he is in constant contact with the language of a stranger, and at every step he is tempted to calcify the forms of this language» [1, 8–9]. Historically, there is often a perception and assimilation of foreign language forms. This applies to many translations of prose from Russian into Kabardino-Circassian.

«But the invasion of alien forms, occurring in a period of constant relationship with another language, as a rule, entails the distortion and disappearance of the natural forms of the native language» [1, 44]. It happens that, forgetting about the richness and multicolour of the native language, the translator for accurate transmission of thought refers to a foreign language and at the same time complains about the lack of appropriate means of expression in the native language. Some researchers believe that the invasion of foreign language elements develops and enriches the language, and prove that the penetration of new ideas and concepts is accompanied by the introduction of these new elements. This is certainly the case. But we should not forget that the development of language is due to the internal capabilities inherent in the language itself, by identifying their own forms and their skills, and not by copying or calculating other people's forms. The task of the author is to identify: what is the unit of translation in this case: the spirit of the work or its lexical and semantic series, depending on the theoretical approach to that.

Keyword: Translation, original, calculus, ideological and thematic content, Kabardino-Circassian literature.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-59-64

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ НОВЕЛЛЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Бегуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), betuganovaelena@yandex.ru

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с проявлением лирического начала в прозаических произведениях. В работе определяется идейно-художественная специфика лирической прозы в новеллах Н. Лукожевой, Б. Кагермазова, З. Шомаховой, Б. Мазихова, Р. Ацканова. Факт взаимовлияния поэзии и прозы, приводит к смещению лирических и эпических форм, нередко порождающий новый вид произведения, зачастую уникальный по своей родовой природе. Вследствие сказанного прослеживается соотношение эпического и лирического, выявляется степень преобладания того или иного начала. В работе также рассматривается современное состояние проблемы взаимодействия содержания и формы различных родовых стихий – лирики, эпоса. В структуре новелл выявляются художественные приемы, создающие «лирическую атмосферу», характеризуются закономерности использования поэтических и стилистических средств художественного изображения в лирической прозе.

Ключевые слова: лирика, проза, новелла, художественные приемы, пограничный, эпическое.

В лирической прозе – пограничном, маргинальном образовании – поэтическая мысль, или лирический образ-переживание, раскрывается и традиционными лирическими средствами, и преображенными под влиянием лирического. Это порождает ряд специфических особенностей поэтики произведений в прозе.

Своеобразие лирической прозы закладывается с начального структурного уровня – фабулы. В малых жанровых формах фабула может отсутствовать полностью. «Фабульная наметка» (Ю. Тынянов) в этом случае включает те эпизоды, которые совпадают с поэтическим состоянием души, связаны с особой концентрацией мыслей и чувств. Основное внимание авторов новелл акцентируется не на внешней выразительности событий, а на их значении для внутреннего мира. Иными словами в лирической прозе событием становится то, что вызывает спектр внутренних переживаний, волнений, чувствований. Эпическое, настроенное по «камертону» чисто личных, субъективно значимых образцов, позволяет полно-весно выразить переживание, связанное с переломным моментом в судьбе. Если эпос основывается на правде факта, лирика – на правде чувства, в лирической прозе правда чувств рассматривается как факт, документ, касающийся отдельной личности.

Лирика в прозе – так можно определить жанр рассказов-раздумий, рассказов-настроений, созданных Н. Лукожевой. Они возникают как бы от наплыва чувств, охвативших рассказчика, и принимают произвольную форму, воплощая в себе богатство эмоционального мира художника. Рассказы Н. Лукожевой имеют особое содержание, описывают отдельное душевное состояние. В его основе лежат образ-чувство, образ-переживание, наброски, сделанные в определенный момент

под воздействием той или иной мысли. Малая форма как раз позволяет передать сиюминутные настроения, моментально вспыхнувшие мысли, показать миг жизни, концентрирующий жизненную субстанцию. Так, в рассказе «Гурыгъуз щэху» («Потаенные мысли») Н. Лукожева делится своими переживаниями по поводу того, что она не состоялась в личной жизни. Внимая советам близких и родных, как надо правильно жить, она так и не обрела женское счастье. Автор пишет: «Хьунукъым! Хьунукъым!» – же!э и анэм. – «Ар хьурэ, агъу?!» – же!э и адэм, и дэльхуми зегъэткйи. «Хьунукъым, – жа!э благъэм, – бгъуэтынщ чэзур къэблагъэм» [Лукожева 1998: 39] («Нельзя! Нельзя!» – говорит мать. «Разве так можно?!», – говорит отец, брат тоже строг. «Нельзя, – говорит родня, – когда придет время, найдешь свое счастье. А счастье так и не пришло»).

Встречаются тексты, в которых нет указаний на эмоциональное состояние лирического героя, но за всем сказанным ощущается предельное умственное и духовное напряжение говорящего, то есть писателя, передающего путем описания каких-то предметов и явлений свое мироощущение, что и свидетельствует о присутствии лирического начала, или медитативности. При этом воссоздаваемое в лирическом рассказе духовно-мыслительное состояние чем-то спровоцировано. Оно указывается, подразумевается, сопровождаясь эмоциональными высказываниями. Толчком, побуждающим к поэтическому размышлению в рассказе Б. Кагермазова «Мастэмрэ щы!умрэ» («Игла и пуговица») стало нереализованное личное счастье. Лирический герой возмущается, что его лишили «свободы»: «Лэжъап!эф! кыпхуэзгъуэтащ, жып!эри !уданэ быдэк!э джанэбгъэм сибдащи, зызгъэхъей мыхъужу, хуитыныгъэ гуэри симы!эжу сыкъэбгъэнащ. Ар гъащ!э сытми!» [Кагермазов 2006: 218]. Внемя его словам, пуговицу оторвали от рубашки. Он получил столь желанную свободу, но счастья ему это не принесло. Пуговица остро ощущает свое личное одиночество, болезненно переживает свою неудавшуюся жизнь, обнаруживает глубокую неудовлетворенность собственной жизнью, горько иронизирует, говоря о своей «свободе»: «Иджы абы уэшхри къытошхэ, уэсри къытосэ, къэзыхъумэн гуэри и!экъым. Щы!ум, ш!егъуэжашчи, зэрыта джанэр къелъыхъуэж ик!и, ар игъуэтыжыркъыми, куэдрэ игу къок!ыж абы и бгъэм лыдыжу щита зэманыр...» [Кагермазов 2006: 218] («Теперь он мокнет под дождем, снегом. Он лишил себя хранителя. Пуговица сожалеет, ищет рубашку, на которую была пришита, но тщетно. Часто он вспоминает, как был украшением рубашки»). Таким образом, в рассматриваемых рассказах лирическое (медитативное) начало предельно обнажено. Автор непосредственно передает эмоционально окрашенное размышление лирических героев.

В рассказе З. Шомаховой «Райская птица» («Жэнэтбзу») переживания героя сочетаются с каким-то определенным событием: а именно со смертью супруги главного героя Мурата. Ее жизнь унесла неизлечимая болезнь. Спустя время в дом стала прилетать загадочная птица, которую герой стал отождествлять с любимой женой. Такое мировосприятие было неслучайно. Принцип оживления природы традиционен в адыгской прозе, восходит в своей «первооснове» к эпическим фольклорным произведениям. Адыги считали, что со смертью жизнь человека не прекращается. «И псэр хэлъэтащ» («Его душа улетучилась»), «И псэр хьэршым хыхъэжаш» («Его душа в поднебесье ушла»), – говорили они. В народе такую птицу величали Райской. Этим можно объяснить, что для главного героя это была не просто птица, а душа любимой супруги. Жизнь шла своим чередом, надо было воспитывать оставшихся у него на руках маленьких детей. Это вынудило Мурата жениться, но в день свадьбы он увидел необычную картину: «Мурат нэбгъузк!э зыгуэр къиубыдащ. Еплъыпэмэ – Жэнэтбзу ц!ык!урат! Ар нысаш!эр къызыщ!ашыну унэм и к!арниз к!апэм къытетыхъауэ къапльэрт... Мурат къыф!эщ!ащ ар нэщхъейуэ, къыщиуду гъын хъэзыру...» [Шомахова 2009: 82] («Мурат краем глазом что-то увидел. Присмотрелся повнимательнее – это

была Райская птичка. Она расположилась на карнизе дома, откуда должны были вывести невесту... Мурату показалась птичка очень грустной, словно вот-вот расплачется»). Через образ Райской птицы автор тонко передал чувства женщины, теряющей любимого человека.

В сюжете лирической новеллы изобразительная стихия эпического повествования, «экстенсивная» по своей природе, вступает в борьбу со стихией лирической, которая стремится к сжато, лаконичному выражению. Поэтическая мысль автора ведет повествование, сдерживая и прерывая его экстенсивную устремленность, и как бы поджидая случая, чтобы «излиться, наконец, свободным проявлением». Обстоятельство, вызвавшие переживания героя, не излагается подробно, а только называется, в данном контексте оно подразумевается, порождая мысли лирического героя.

В новелле Б. Мазихова «ПщыхьэпIэ» («Сон») старик Кушбий переживает, что не видит сны. Он с грустью говорит своей жене: «ПщIэрэ, фызыжь, Iэджэ щIауэ зы пщыхьэпIэ кIапэ слъагъуркъым, – жейбашхъуэ макъкIэ жеIэ Кушбий» [Махихов 2008: 37] («Знаешь, старушка, я не вижу ни одного сна, – говорит Кушбий»). Обращает на себя таинственный, полный загадок разговор между супругами, который дает понять читателю, что столь сильное желание старика видеть сны неспроста: «– Уэ къыбгурыIуэнкъым ар, – жи. – КъызгуроIуэ, тхъэ, – шабэу къыпоув абы Пщэху. – КъызгуроIуэ, лIыжь, зи уимыгугъэ къызгурымыIуэу. Сэ къызгурымыIуэмэ, хэт къыгурыIуэн?» [Мазихов 2008: 37] («Тебе не понять этого, – говорит он. – Понимаю, – ласково отвечает Пшах. – Понимаю, старик, не думай, что не понимаю. Если я не пойму, то кто поймет?»). Несмотря на то, что он все-таки увидел сон, Кушбий не успокаивался, что-то мучило его. Лишь в конце автор объясняет причину столь сильного желания старика видеть сны: «Услъагъуну сыхуейт, фызыжь, уэлэхьи, сыщIобэгым си пщыхьэпIэм зэ нэхъ мыхъуми укыхыхьэным, – шэху дыдэу, зэхэпх къудейуэ жеIэ Кушбий, и башыр къиIэбэрэбыхьыжу... Илъэс Iэджэ щIат Кушбий нэф хъуауэ IэпэкIэ къызэрырашэкIрэ» [Мазихов 2008 : 40] («Я хочу тебя видеть, старушка, я мечтаю, чтобы хоть раз ты появилась в моем сне, – еле слышно проговорил Кушбий, пытаюсь найти свою палку... Вот уже много лет, как ослепшего Кушбия родные водят за руку»).

Конец новеллы непросто неожиданен, но и противоположен ожидаемому, проявляется словно сбоку, – и только тогда читатель видит, что некоторые мелочи намекали на возможность такого конца. «Эта – неожиданность трюковая, играющая с литературными навыками читателя, сбивающая с толку. Новелла построена так, что до самого конца не видно, в чем, собственно, загадка, куда, вообще, клонятся описываемые события. Конец не только служит развязкой, но и обнаруживает суть завязки, смысл происходившего. Он даже не заводит на «ложный» путь, как это обычно делается в новелле тайн, а действует при помощи двусмысленности, недоговаривания или едва заметных деталей...

По мнению современного болгарского философа К. Василева, любовь состоит из противоречивости компонентов человеческой психики. В этом заключается причина ее нелогичности, противоречивости с точки зрения логики познания. Но в любви элементы иррациональности и неразумности проявляются особенно ярко.

В новелле «Лъэгъуныгъэ лъэпцIэрышэ» («Обнаженная любовь») Р. Адканов воссоздает внутренний мир влюбленного юноши, его чувства, эмоции, переживания. Сердце молодого человека покорила соседская девушка. Однако чувства его так и остались безответны.

В самом начале новеллы автор подробно описывает, как молодой человек пытается поймать птицу в клетку. Образ птицы пронизан иносказательностью и символикой – олицетворяет юношу, который подобно птице окажется в плену первой любви. Новелла представляет собой мозаику чувств, эмоций, фрагменты единого развивающегося лирического переживания, палитру чувств. Лирическое

переживание находит свое отражение в мотиве неразделенной любви. Новелла сохраняет характерные для этого жанра ряд устойчивых черт, таких, например, как печаль, раздумья, камерность, мотивы разочарования, несчастливой любви. Это и радость при виде любимой девушкой, искренние переживания, и глубокая тоска. «Дизэ сымылъэгъуныр Іэмалыншэ хъуат. СщІэрт абы сьзэрыгупльэу си бзэр зэриубыдынури, езыр аргуэру кьызэрызэпэгкынури, дыркьуэ си гум кьызэры-тридзэнури, ауэ сымылъагъуу зэрысхуэмышэчынури нэхьыфЫжу сщІэрт. Си гур пызыкъузыкІ а гурыщІэм иджыри сышыукытэжырт... Си гур кьильэту хуожьэ. Іэнльэм щІэзубыдауэ шыта бзур сигу кьокыж. Абы игу цыкІури апхуэдэу кьеуэрт абы шыгъуэм... [Ацканов 1993: 17] («Мне было необходимо видеть Дизу. Я знал, что ничего не смогу ей сказать, что она будет холодна со мной, что это причинить мне боль, но еще тяжелее было ее не видеть... Я сам стеснялся своих чувств... Мое сердце готово было выскочить. Я вспомнил птицу, которую запер в клетке. Ее сердечко стучало так же»).

Передаёт автор и чувства отверженного парня. В смятении, желая покорить любимую девушку, отчаянный влюбленный решил ее удивить, очаровать. Он поджег шутиху, что спровоцировало пожар. Автор тонко передает через образ пожара, огня переживания юноши, ждущего отзвука или ответа на свои чувства, но встречающего равнодушие и даже иронию.

В другой своей новелле Р. Ацканов так же говорит о прошедшей мимо любви. Новеллу открывает разговор случайный знакомых, взор которых привлекла цветущая крапива «Шыпсыранэр дахащэу зэрыгъагъэр пщІэрэ? – кьызоупщІ ар, набдзэ кырым кьыщІэплъу, «си Іэ фЫкІэ нуІусэ жиІэурэ...» [Ацканов 1993: 29] («Знаешь, как красиво цветет крапива? – посмотрел он на меня, приговаривая, «пусть мое прикосновение принесет тебе добро»...).

Далее он продолжил свои рассуждения: «Ар си гупсысэм иукІащ, – жи кьыбгурыІуэркьэ, си гупсысэм...» [Ацканов 1993: 29] («Ее убила моя мысль, понимаешь, мысль»).

Навеянные крапивой воспоминания перенесли его в прошлое. Он вспомнил свою первую любовь, которую в силу гордого нрава нарекли крапивой. Со временем они поженились. Казалось, их ждало спокойное, доверчивое, нежное счастье. Но вместо ожидаемого счастья – внезапный холод отчуждения. Главный герой чувствовал, что пора первой любви прошла, а теперь наступает что-то новое, и прежняя жизнь ему стала неинтересна. Он увлекся подругой жены настолько, что захотел, чтобы жены не стало. Мысль материализовалась: абсолютно здоровая она умерла. «ФЫгуэ ильагъур Іэпэгъу хуэхъуа иужь ар щІэхъуэпсу щІедзэ абы и лІэныгъэм. Куэд дэмыкыуи, щІалэм нэрыльагъу шохъу «зыщІэхъуэпсар»: лажьэ зимыІэ и щхьэгъусэр кьытохуэри дунейм йохьж. И льагъуныгъэр хуэгъэпэжакъым щІалэм – фЫгуэ ильагъу бзыльхугъэр гупсысэ ІейхэмкІэ иукІащ: «Сегупсысаш, – псальэр кьыпипыгЫкІащ абы, – си щхьэгъусэр лІагэмэ, и ныбжьэгъур кьэсшэнт жысІэри» [Ацканов 1993: 29] («Он пожелал, чтобы супруга умерла. Вскоре его мечта сбылась. Здоровая супруга заболела и умерла. Не смог он сохранить свою любовь – убил своими мыслями любимую супругу: «Я подумал, – выдавил он из себя, – если бы умерла жена, – я бы женился на ее подруге»).

Автор завершает произведение следующими словами: «КьыщыІузгъэ-зыкыжым, си нэгу кьыщІидзам сыкъегъащтэ: дахащэу гъэгъа шыпсыранэр, «сымис!» жиІэ хуэдэ», бжыхьым кьыдоплъ. Уэшх ткІуэпсхэр абы и тхьэмпэхэм топщІыпщІыкІ, ауэ езыр нэхьейуэ кьысфЮщІ... [Ацканов 1993, 35] («Когда я собрался уходить, увиденная мной картина смутила меня: цветущая крапива словно хотела сказать «я здесь!». Капли дождя сверкали на листьях, но мне показалась она печальной»...).

Первая фраза (разговор о крапиве) – камертон, к которому прислушивается писатель, поверяя и сохраняя стилистическое единство. Важное место в передаче

основного тона занимает пейзаж, глубоко эмоциональный, соотношенный с переживанием героя. В контексте новеллы – это крапива, ее описание, полное тонкого лиризма и психологизма. Бесконцовочность у Р. Ацканова имеет интересную функцию. Рассказ о несостоявшемся счастье, о поэзии и прозе человеческих отношений, психологических нюансов, о душевных движениях, в которой иной раз трудно разобраться самим героям. Вопросительные интонации в ацкановских финалах как бы зовут читателя домыслить, доисследовать, досказать недосказанное. Это лирическое раздумье автора, это безответный вопрос не столько к герою новеллы, сколько к читателям. Вместо финалов – поучений, вместо морализующих концовок – финал-вопрос, дающий простор мыслям, толкающий на раздумье, на размышление. Таким образом автор отказывается от голого морализирования, дидактичности, от навязывания читателю готовых выводов и рецептов.

Много размышляет в своих новеллах «Щасэ» («Любимая»), «Гыбзэ» («Проклятие») о любви, ее противоречивости Р. Ацканов.

Своеобразный зачин новеллы «Гыбзэ» («Проклятие») являет собой непосредственную мотивацию дальнейшего, происходящего по мере развития сюжета. Вот как автор начинает свое повествование: «И льякьуэм кьытехуа пхьэр кьещтэри, быдэу зыпеплгыхь, жэуап гуэр кьыпыхыну хэт хуэдэ, итланэ, «мафIэм уис» – желэри, пхьэ кьутар иришэну кьыгьэхьэзыра Iэжьэм иредзэ» [Ацканов 1993: 42] («Главный герой внимательно рассматривает полено, которое придавило ему палец, словно хочет получить от него ответ на беспокоящий его вопрос, потом со словами «гори в огне» складывает его в сани»). Этот случай навеял на него неприятные, тяжелые воспоминания: «Уэ си гыбзэр кьызэрыптехуэным хуэдэу сызэбг псоми ятехуэну шытам арат» – йогупсыс Хьэсин, арщхьэкIэ икIэшIыпIэкIэ тобэ кьехьыж, игу кьэкIар зэрыгушIэгьуншэр кьыгурыIэжауэ. Гыбзэм и кьарур зыхуэдэр ищIэртэкьэ абы» [Ацканов 1993: 42] («Так как тебя коснется, мое проклятие, пусть коснется оно каждого» – подумал Хасин, но тут же попросил прощения у Бога, поняв, что, то о чем он подумал, жестоко. Он-то знал, какова сила проклятия»). Воспоминания перенесли его в пору молодости, когда он познакомился с любимой девушкой... Девушку, в которую Хасин был тайно влюблен, пригласил на танец односельчанин Нану. Приревновав ее к другу, не совладав с эмоциями, он проклял его: «НьыбжьышIитIыр кьафэрт, уафэм шызелъатэ тхьэрыкьуйтIым ещхьу. Льягьуныгьэр кьызышыпкI нэхэмкIэ а тIур шызэлуплгьэкIэ, Хьэсин и гум мастэ кьыхаIу хуэдэт. Сытыт кьыхуэнэжыр ефыгьулIэныгьэм зи нэр кьышхьэригьэпхьа Хьэсин? «Алыхьым уригьэлIыкI!» – желэри йобг, кьафэу тет шIалэм, зэрыхьур езым имышIэжу» [Ацканов 1993: 43] («Молодые красиво танцевали, словно голубочки. Когда они соприкасались взглядами, Хасину словно иголку вкололи в грудь. Что оставалось Хасину? «Что б ты умер!» – проклял он незаметно для себя танцующего соперника»). Нану неожиданно упал. Врач оказался бессилен. Жизнь Хасина стала невыносима. Чувства, собственно говоря, и спровоцировали роковой случай.

Автор не до конца выражает мысль, предоставляя читателю догадаться, что именно осталось невысказанным. «Икьутар Iэжьэм шрильхьэм, нетIэ зэбга пхьэ кьутахуэр кьещтэри, и кьарум кьызэрихькIэ шыгьуэгуьмкIэ едз...» [Ацканов 1993: 44] («Когда он клал срубленные деревья в сани, он берет именно то полено, которое проклял и со всей силой бросает его на дорогу»).

Потусторонний план повествования не проявляет себя открыто, зримо, в доступном для разума образе, эту силу герой ощущает внутренне. Произведения завершаются смертью героев, по-видимому, вызванные вмешательством сверхъестественных сил, – исполнением проклятия или потаенных мыслей. Поставленная в этой новелле проблема рока свидетельствует о невозможности чисто рационального постижения действительности, о таинственности человеческих взаимоотношений. Автор следует традициям романтической новеллы. Романтическая новелла

понимала «удивительное» по-другому и гораздо шире. Удивительное «неслыханное» у романтиков было и прямо сверхъестественное, то есть мистическое, необычные психологические обстоятельства (возникающие в «граничных» ситуациях за счет особой чувствительности героев или их подсознательных влечений). Тяготение к исключительному и неслыханному соответствует одновременно и специфике романтизма как стиля и специфике новеллы как жанра. В новеллах Р. Ацканова разрабатывается в типичном для романтизма виде идея судьбы, сплетенной с роковой страстью.

В лирической новелле, отличающейся лапидарностью, ослабленной событийной канвой, большая конструктивная нагрузка приходится на долю интонационно-речевой организации. Она создает мелодию, которая цементирует произведение, придает дополнительную крепость художественному миру. Все исследователи единодушно отмечают высокую поэтичность речевого строя лирической прозы. Слово вне стихового способа организации сохраняет поэтическую насыщенность, усложненность, особую «сгущенность», которая вполне сопоставима с лирической.

В лирической новелле, как и в лирике, слово поставлено в условия активного наращивания смысла через ассоциативную связь с другими элементами текста. Установка на семантическую активизацию обусловлено основной задачей лирического повествования – передать настроение, провести явления внешнего мира через «душу живую». Основная емкость художественного смысла достигается в лирической прозе многими чисто лирическими средствами: выбором эпитета, использованием эмоциональной окраски слов, метафоризацией. Экспрессивные сравнения, олицетворения воспроизводят не столько свойства самих предметов, сколько состояние воспринимающего субъекта, лиризм его взволнованного чувства. Лирический герой новеллы А. Камергоева «Сыщлӧплӧ уи нитӧым» («Смотрю в твои глаза») концентрирует свое внимание на глазах любимой женщины, ему кажется, что взгляд любимой женщины отрывает его от земли и уносит его в сказочную даль. Он попадает в особый мир, в котором таинственные небесные существа – Вагъуэгуащэ, Вагъуэкъан – пытаются нарушить гармонию любви, но никакие силы не в состоянии одержать победу над силой пленительного женского взгляда. Светило – Нэхушвагъуэ – тоже бессильно перед чарами любимой: «Нэхушвагъуэм зыкызыегъэлӧлӧ: и псэр кызыегъэхуэбылӧ, ...си гъащӧэм кысхухолыдэ, ауэ си Ӧупльэгъуэр кысхукӧрычыркъым уи нитӧ си гъусэм» [Камергоев 2007: 20] («Утренняя звезда заботится обо мне: согревает своей душой..., озаряет мою жизнь, но не может оторвать мой взгляд от твоих глаз»). Ему кажется, что глазами он может выразить больше, нежели словами: «Псалъищэ нэхърэ нэм и зы хуаскӧэр шынэхъ хуаби, шынэхъ лъэщи, шынэхъ дзакъи гъащӧэм куэдрэ кышхуэ» [Камергоев 2007: 22] («В жизни так часто бывает, что одна искра глаз теплее, мощнее, острее, нежели, чем сто слов»). Средства художественной выразительности воспроизводят состояние воспринимающего субъекта, лиризм его взволнованного чувства.

Таким образом, авторы лирических новелл в рассматриваемый период своими творческими поисками оказали значительное влияние на развитие лирической прозы. Конечно, лирическая проза существовала и в прозаических произведениях предшествующих писателей. Однако в новый период формирования истории литературы понятие и сущность лирической прозы приобрели новую форму и содержание, возникли новые пути ее проявления.

Источники и литература

1. Ацканов Р. Стихи. Новеллы. Нальчик: Эльбрус, 1993. 320 с.
2. Кагермазов Б. Очевидец. Стихи, поэмы, миниатюры. Нальчик: Эльбрус, 2006. 232 с.

3. *Камергоев Т.* Двойник. Новеллы и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. 92 с.
4. *Лукожева Н.* Шорох. Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1998. 144 с.
5. *Мазихов Б.* Осенние мотивы. Новеллы, очерки, рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2008. 168 с.
6. Молодая ветвь. Стихи и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 79–83.

LYRICAL BEGINNING IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN NOVELLA OF THE POST-SOVIET PERIOD

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), betuganovaelena@yandex.ru

The article is devoted to the study of issues related to the manifestation of lyricism in prose and the study of the features of lyrical prose, ways of manifestation of the lyrical principle in prose works. In the work is determined by the ideological and artistic specificity of the lyrical prose and lyricism, and explore ways of manifestation of lyrical beginning in the novels of N. Lecouvey, B. Kagermazova, Z. Somehowo, B. Misikova, R. Arkanova. The fact of mutual influence of poetry and prose leads to the displacement of lyrical and epic forms, often giving rise to a new kind of work, often unique in its generic nature. As a result of the above, the correlation between the epic and the lyrical is traced, the degree of predominance of one or another beginning is revealed. The article deals with the current state of the problem of interaction of content and form of various generic elements-lyrics, epic. The structure of the novels reveals artistic techniques that create a «lyrical atmosphere», characterized by patterns of use of poetic and stylistic means.

Keywords: lyrics, prose, borderline, epic.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-65-71

РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ В ЭПИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. МЕЧИЕВА

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tbittir@mail.ru

В статье рассматриваются основные культурно-художественные истоки поэмы К. Мечиева «Бузжигит», ее связь с произведениями предшественников, новаторство поэта в реализации творческой задачи. В исследовании отмечается роль поэмы «Бозигит» кумыкского автора 19 века Абусуфьяна Акаева в расширении тематики карачаево-балкарской поэзии в предписменный период ее развития. Поэма «Бузжигит» К. Мечиева анализируется в сравнительно-типологическом аспекте с учетом художественных составляющих национальных версий в родственных по языку тюркских литературах, определяется место произведения классика карачаево-балкарской поэзии в лироэпическом наследии балкарцев и карачаевцев. В работе отмечаются основные фабульные линии поэмы К. Мечиева, восходящие к библейскому и кораническому сюжетам об Иосифе Прекрасном и Зулейхе.

Ключевые слова: карачаево-балкарская поэзия, восточные дастаны, Абусуфьян Акаев, Кязим Мечиев, традиции, новаторство, поэма «Бузжигит».

В этническом сознании карачаевцев и балкарцев понятие «Восток» определялось местами проживания представителей мусульманской культуры, не определяя Восток в географическом смысле. В духовной культуре современных карачаевцев и балкарцев значительное место занимают, определенные в научной литературе как «восточные», поэмы «Тахир и Зухра», «Бузжигит», «Юсуф и Зулейха». Понятие «шарк адабият» – «восточная литература» в представлении карачаевцев и балкарцев прошлых веков и дней сегодняшних охватывает богатую средневековую литературу классического периода. Помимо поэм Кязима Мечиева существуют большое количество списков – вариантов восточных поэм, созданных в разное время неизвестными авторами.

Поэма «Тахир и Зухра» встречается практически во всех национальных литературах тюркского мира: у народов Поволжья, Сибири, Крыма, Средней Азии, Турции и Ближнего Востока. Поэмы, в которых высокое чувство – любовь – становится трагической судьбой влюбленных, переходя из поколения в поколение, становится частью культуры народов. С течением времени меняется материальный мир человека – жилище, одежда и даже еда – самая консервативная часть этнокультуры – но остается вечным стремление человека к счастью, к миру и справедливости.

Великие поэты Востока, следуя традиционному сюжету, исходили из конкретных реалий своей эпохи. В то же время известный литературный памятник служил объектом творчества. Высокохудожественное произведение становилось отправной точкой, импульсом для творчества. Художественное пространство небольшого количества поэм вбирало в себя почти весь мусульманский мир, зачастую выходя и за его пределы. По утверждению Н. Конрада, «воссоздание на своем языке литературного произведения, написанного на другом языке, всегда акт

творчества. Появление перевода представляет в той или иной степени обогащение собственной литературы» [Конрад 1978: 29].

Творчество Кязима Мечиева многожанрово. Им написаны лирические и социального характера стихи, баллады и поэмы. До сегодняшнего читателя дошло пять поэм автора – «Бузжигит», «Жаралы жугътур», «Сары къош», «Тахир и Зухура» и «Моулюд». Последняя поэма, написанная на коранический сюжет о пророке, имеет полное основание занять место в данном списке лиро-эпики поэта, поскольку в ней соблюдены все законы жанра поэмы, начиная от внешних его форм, заканчивая полнотой идейного содержания. Поэма Кязима Мечиева «Бузжигит», будучи оригинальным произведением, восходит в своих сюжетных линиях и идейных концептах к средневековой тюркской традиции и в этом плане, несомненно, представляют интерес авторские произведения, написанные на крымскотатарском, кумыкском и татарском языках, как близких балкарцам и карачаевцам по языку и географически.

Первая известная авторская поэма «Юсуф и Зулейха» на крымскотатарском языке была написана в XIII веке Махмудом Кырымлы и была найдена впоследствии в частных коллекциях библиофилов в Германии и Турции [Кемал Конграт. Электронный ресурс]. В дальнейшем следование сюжету поэмы Махмуда Кырымлы стало поэтической традицией в тюркском мире. Вполне закономерно, что каждый автор вносил что-то новое в структуру поэмы, в характеристику основных ее персонажей, обновляя их в соответствии с художественными задачами своего времени. История любви Юсуфа и Зулейхи, переложенная поэтами Средневековья, отличалась от известных восточных поэм тем, что она была навеяна священными книгами, тогда как истории Хосров и Ширин, Лейли и Межнун, Фархад и Ширин и др. светских поэм имели в своей основе конкретные события, со временем ставшие мифическими.

Все талантливые версии «Юсуфа и Зулейхи», как правило, имеют две идейно-художественные линии – поэтическое изложение древней легенды и социально-политические проблемы современной автору действительности. Из всех названных авторов карачаево-балкарскому читателю были близки поэмы, созданные А. Акаевым и это, прежде всего, «Юсуф и Зулейха». Он ее опубликовал трижды – два раза до революции и один раз после революции [Акаев Абусуфьян 1992: 229].

В корпусе восточных поэм только поэма «Юсуф и Зулейха» восходит к библейскому сюжету. Из предшествующих поэм Кязимом заимствован образ Зулейхи, а Бузжигит по своему содержанию тяготеет к героям эпических сказаний, несмотря на то, что несет совершенно новые идеи по сравнению с идеями, заложенными в героических песнях и балладах.

Сюжетное развитие поэмы в известных авторских вариантах почти полностью повторяет фольклорное повествование. Но существует определенная художественная тенденция. Если образы Иосифа, его отца Якуба и девяти его братьев каждый автор старается наполнить новой по отношению к предыдущей легенде информацией, образ Зулейхи достаточно статичен. Она, как и многие героини восточной поэзии, пассивна как объект социума. Образ Зулейхи в отрыве от образа Юсуфа не имеет самостоятельного значения. В понимании Зулейхи ее возлюбленный – идеальный человек. Этому соответствует и его внешний облик. В частности, Зулейха из поэмы Абусуфьяна говорит об Юсуфе такими сравнительными оборотами: «Мамукъ кибик жумушакъды кёкюрегинг» – Твоя грудь мягка, как вата; «Янгы битген тал чыбыкъдай бармакъларынг» – Как прутья молодой ивы твои пальцы; «Инжи-маржан тизилгенлей тырнакъларынг» – Ногти твои как жемчужины; «Янгы айдай назик сени къашларынг бар» – Твои брови похожи на молодой месяц (перевод. – Т.Б.).

И все же, если судить по таким примерам, в поэме А. Акаева, как позже произойдет и в поэме К. Мечиева о любви Бузжигита и Зулейхи, тюркская художественная

ментальность разрушает традиционный набор эпитетов и сравнений, принятых в восточной классике. Но сама система характеристик и общепринятый круг «объектов» описания (глаза, брови, пальцы, грудь и т.д.) остаются прежними и позволяют рассматривать поэму как образец классической восточной поэзии.

Следы позднего мусульманского влияния можно увидеть уже в первом монологе Юсуфа, когда он в ответ на восхищение его красотой отвечает Зулейхе, что красота сиюминутна и рано или поздно человек превращается в прах. Он дает неприглядную картину тления человеческого тела (Вспомним про основной мотив карачаево-балкарских мунажатов: неизбежность загробной жизни и неминуемость расплаты за грехи – «къабыр азап»). Истинны, по его словам, только добрые дела и в потустороннем мире «тенг бола чакъ кёр ичинде ариу, эриши» – в могиле и красавец, и урод становятся одинаковыми (равными).

Кумыкские поэты начала XX века творчески перерабатывали известные сюжеты. Поэмы были близки и понятны балкарцам и карачаевцам, и по языку, и по заложенным в них идеям. Их переписывали многократно, заменяя некоторые непонятные слова (как правило, это были заимствования из фарси или арабского).

Существует множество версий-переложений этих поэм неизвестными авторами. Эти народные версии, сохраняя основной сюжет, несут отпечаток своего времени, тяготея к разделению лиро-эпического повествования на отдельные песни-рассказы. Фрагменты поэм часто рассказываются как легенды или как поэтические отрывки, уже выпавшие из структуры текста. К примеру, стихотворение «Къарт бабайны хапары» («Рассказ старого деда») существует как самостоятельный фольклорный текст. Однако он является частью поэмы о Бузжигите.

Одной из вершин карачаево-балкарской поэзии в лиро-эпическом жанре дописьменного периода следует считать поэму Кязима Мечиева «Бузжигит». Данное обстоятельство было обусловлено личностью ее создателя. Кязим был образованнейшим человеком своего времени, знатоком Корана и тафсиров, мусульманского права и философии, законов тюркского стихосложения и персидской классики. Об этом свидетельствовали современники, которые отмечали его образованность, живость ума, блестящее остроумие и скромность.

История создания Кязимом Мечиевым поэмы «Бузжигит» нам неизвестна. В отличие от лирических произведений и поэм, о «восточных поэмах» автора и истории их создания не осталось никаких свидетельств, и это было связано, на наш взгляд, «книжным» характером произведений. Они создавались не по конкретным событиям и фактам горской жизни, как бывало до сих пор, а по известным литературным сюжетам. Кязим Мечиев соединил в своей поэме коранический сюжет об Иосифе Прекрасном и сюжетные линии тюркской светской поэмы о Бозигите – Бузжигите. В поэме ярко выражены основные жанровые и структурные особенности «восточной» поэмы – детерминированность поступков героев, власть рока и относительность свободы. В этом произведении отчетливо выделяются три темы – любовь Бузжигита и Зулейхи, философское осмысление задачи творца и тема личной свободы. Это триединство взаимообусловлено, решение одной темы связано с двумя другими, каждая сюжетная линия и черта характера того или иного героя составляют концептуальные линии повествования. Поэма по своей структуре состоит из 24 глав, в каждой из которых своя тема.

Если в карачаево-балкарских лиро-эпических поэмах основной персонаж – это возлюбленная лирического героя, то в поэмах Кязима Мечиева главенство принадлежит герою-мужчине, рыцарю, подобного одинокому герою историко-героических эпических поэм-песен. Его подвиги во имя любимой женщины в сюжете доминируют.

В главном герое поэмы «Бузжигит» автор воплотил свою философскую концепцию о смысле бытия, о достоинстве человека-творца. Еще в ранней своей лирике поэт много говорит о предназначении человека. Здесь же подводится итог

его многолетним размышлениям о добре и справедливости, о несовершенстве мира. И рождается трагический образ, вызванный несоответствием устремлений человека уровню отношений в обществе. Приведенные стихи были порождены горьким опытом поэта, как и личным, так и его близких, родных и друзей. И тем не менее, они были в диссонансе с его принципами, с его верой. Кязим Мечиев с малых лет читал Коран, совершал намаз, постигал глубину веры, но многое в жизни общества не соответствовало тем идеалам, по которым должно было жить человеческое сообщество. Бог справедлив, но почему Он допускает несправедливость? – на этот вопрос он искал ответ в первых своих стихах, и они порождали трагическое ощущение несовершенства мира. Преодолению этой трагедии поэт посвятил много времени, пока не нашел ответы на все свои вопросы в священных книгах.

Трагедия Бузжигита заключается именно в том, что он не может быть свободен от обстоятельств. При этом поэт (а вслед за ним и его герой) вначале уверен, что мастерство и воля могут изменить ход событий. Он вкладывает это утверждение в уста старого мастера, отца Бузжигита:

Рать мастеров несметна,
В них и свет, и мощь добра.
Да, мастерство бессмертно,
Хоть смертны мастера.
Мы для труда родились.
Мы, люди мастерства, –
Чтоб камни превратились
В поющие слова!

(Пер. С. Липкина) [Кязим 2013: 189]

Однако логика развития отношений Бузжигита с внешним миром ставит все на свои места – настоящей свободы, которая могла бы позволить раскрыться всем человеческим достоинствам и чувствам, нет. Человек совершает те или иные поступки под влиянием обстоятельств, он уже *arjog* не свободен. И выбор, который он совершает, продиктован внешними силами. Как ни парадоксально, свобода Бузжигита ограничена его чувством. Он привязан к Зулейхе и в какой-то миг забывает слова отца о том, что мастер приходит в мир, чтобы оживить холодные камни.

В этой поэме основным является конфликт между чувством и долгом. Противоречие между Бузжигитом и отцом Зулейхи – второе по значимости при решении общеподобной задачи, обозначенной К. Мечиевым в начале поэмы.

Бузжигит – «культурный» герой Востока, привитый в карачаево-балкарскую этническую среду. Он одновременно и новый тип героя карачаево-балкарских лиро-эпических песен. В отличие от своих предшественников, скачущих на конях и разрезающих на фэтонах, Бузжигит строит дворцы и ведет интеллектуальные беседы с отцом и ханом. Но объединяет поэму с народным лиро-эпосом преданность прекрасной даме, беззаветное служение ей, верность чувству. Он сравнивает любовь с райской птицей. Эта крылатая метафора в данном случае означает все ценности мира, вершину желаний человека. Этой метафорой он как бы связывает два мира – фантастический и реальный – «Хаух дуня» (призрачный) и потусторонний мир) и «Хакь дуня» (истинный мир). Птица и рай – они оба на недостижимой высоте и стремление к ним заложено в природе человека.

Реализм поэмы проявляется во всем – в структуре произведения, в содержании образов, во взаимоотношениях героев, в выборе выразительных средств, как ни парадоксально для «восточной» поэмы, даже в развитии сюжета. Кязим, как великий мастер слова, понимал, что в горской среде невозможно раскрыть художественно достоверно лирическую линию поэмы в русле восточных традиций.

Он «отправляет» своего героя на Восток – строить дворец для хана – отца Зулейхи. Здесь и развивается лирическая коллизия. «В отличие от своих предшественников – певцов трагических любовных историй – К. Мечиев не романтизирует дастан о любви, он создает произведение реалистическое. Герои поэмы приземлены, их поступки реалистичны, глубоко связаны с жизнью народа. Образ влюбленного – Бузжигита – обрисован в традициях горской этики, воспитывающем в каждом своем представителе хорошего человека. Носителем горской этики выступает и отец Бузжигита, старый мастер», – пишет А. Теппеев [Очерки истории балкарской литературы 2010: 127].

«Бузжигит» К. Мечиева – это первая карачаево-балкарская поэма, отвечающая требованиям реалистического искусства. Сказочное, фантастическое в ней не имеет доминирующего характера, хотя внешние признаки художественной системы сохранены. Идеальные герои, необычайные обстоятельства в жизни героев, вещий сон, сентиментальная любовь, болезнь от любви, тюрьма – все это есть в поэме Кязима. Эти типологические параллели не обусловлены сходными обстоятельствами жизни, одинаковыми сторонами быта, общностью психологии, а являются необходимыми внешними атрибутами восточной поэмы.

Лирическая поэма, в которой рассказывается о печальной судьбе двух влюбленных, существует во всех национальных литературах, и это явление – общемировое. Ее сюжет и основная идея, преломляясь во времени и судьбах, могут иметь самые разные поэтические формы, однако вечными в ней остаются чувства влюбленных, о чем так убедительно сказал исследователь поэзии Востока Михаил Курганцев: «Дань времени платят неизбежно все, даже самые славные творения духа, но для стихов о любви она минимальна или ее нет совсем. Лирические герои здесь – наши живые собеседники, порой наши двойники, почти мы сами. Вся полнота переживаний, породившая эту лирику, доступна нам и зачастую изведена нами. И голос влюбленного поэта, звучащий из невообразимой дали времен, по своему и щедро помогает восполнить сегодняшний дефицит счастья» [Курганцев 1988: 43].

Источники и литература

1. *Акаев Абусуфьян*. Пайхамбарны ёлу бла. (Тропою пророка). Т. 1 / сост. Г. Оразаев. Махачкала. Дагестанское книжное издательство. 1992. 349 с.
2. *Кемал Конгурат*. Электронный ресурс: <https://leylaemir.org/rus/history-page/kemal-qonurat/kemal-qonurat-k-istokam.php> (Дата обращения: 05.10.2019).
3. *Конрад Н.И.* Избранные труды: литература и театр. М.: Наука, 1978. 469 с.
4. *Курганцев М.* Любовная лирика классических поэтов Востока. М., 1988. 347 с.
5. *Кязим*. Стихи и поэмы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2013. С. 189
6. *Очерки истории балкарской литературы*. Нальчик, 2010. 808 с.

THE ROLE OF EASTERN CLASSICS IN THE EPIC HERITAGE OF K. MECHIEV

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor of Philology, Leading Scientific Associate of the Karachay-Balkarian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tbittir@mail.ru

The article considers the main cultural and artistic origins of K. Mechiev's poem «Buzzhigit», its connection with the works of its predecessors, the poet's innovation in the implementation of the creative task. The study notes the role of the poem «Bozigit» by the Kumyk author of the 19th century Abusufyan Akayev in expanding the subject of Karachay-Balkar poetry in the pre-tribal period of its development. The poem «Buzzhigit» By K. Mechiev is analyzed in a comparative typological aspect, taking into account the artistic components of national versions in Turkic

literatures related to the language, the place of the work of the classic of Karachay-Balkar poetry in the lyroepic heritage of the Balkar and Karachay people is determined. The work notes the main plot lines of the poem by K. Mechiev, Dating back to the biblical and Quranic stories about Joseph the Beautiful and Zuleikh.

Keywords: Karachay-Balkar poetry, Eastern dastans, Abusufyan Akayev, Kazim Mechiyev, traditions, innovation, poem «Buzzhigit».

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-72-77

**СТАНОВЛЕНИЕ КАБАРДИНСКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.
ТРИ СТАТЬИ ДЖ. НАЛОЕВА**

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

В статье анализируются предпосылки для генезиса и начальных этапов становления национального литературоведения, обозначены основные социально-политические тенденции, в условиях которых предпринимались первые попытки научно-критического осмысления первых художественных опытов поэтов и писателей. Представлена краткая характеристика жизни и деятельности одного из первых литераторов, видных общественных деятелей Джансоха Налоева. Анализируется статья Дж. Налоева «Поэты Кабардино-Балкарии», в которой представлен краткий очерк современной кабардинской и балкарской поэзии. Автор анализирует творчество первых советских поэтов Кабарды и Балкарии: Борукаева, Шекихачева, Шогенова, Лукожева, Блаева, Пшенокова, Кожаева, Гуртуева, Шахмурзаева, Отарова, Темоева и др. Статья Налоева «От мертвому к живому» явилась первым литературоведческим аналитическим произведением, в котором были подведены итоги национальной литературы Кабарды и Балкарии за 12 лет существования советской власти. В статье Дж. Налова «Литература Кабардино-Балкарии» отражена трансформация взглядов автора на кабардинский фольклор. Дж. Налоев явился первым профессиональным литературоведом и литературным критиком, который заложил основы отечественного кабардинского литературоведения, глубоко и всесторонне осмыслил сложный период формирования молодой кабардинской литературы начала века.

Ключевые слова: кабардинское литературоведение, интеллигенция 30-х годов, первые литераторы, сталинский режим, литературная критика, первые художественные произведения.

Адыгская литература рождалась в недрах смутного трагического времени, когда в стихии тотальных политических, социальных и культурных сдвигов была вызвана к жизни талантливая плеяда первой советской национальной интеллигенции. Она сформировалась на гребне демократической волны, повлиявшей на сознание передовых деятелей культуры, которые вобрали самую суть народного национального духа. В условиях всеобщей разрухи и обнищания масс, глубокого экономического кризиса, бесконечной смены враждующих партий и режимов, идеологической и культурной дестабилизации, тотального ужесточения правовых норм, героические усилия горстки энтузиастов кажутся немыслимыми, учитывая масштаб и значимость достигнутых результатов. Начальный этап формирования черкесской советской литературы, литературоведения и литературной критики можно назвать одним из самых трагических в истории народа. Почти все представители первой кабардинской и балкарской советской интеллигенции стали жертвами сталинского террористического режима; большая часть была уничтожена в 1936–1937 годах, остальные сосланы в лагеря.

Становление национальной литературы, ее первые робкие успехи, формирование жанров, целый ряд больших и малых проблем, насущных нужд на всех

этапах становления большей частью были глубоко осознаны самими литераторами, в первую очередь, Джансохом Налоевым, Али Шогенцуковым, Сосруко Кожаевым, Хачимом Теуновым, Тутой Борукаевым, Таусултаном Шеретлоковым. Они были всесторонне проанализированы блестящим знатоком адыгского фольклора М. Талпой, другими представителями русской народной интеллигенции – П. Максимовым, Столяровым и др.

Одной из наиболее ярких личностей среди первых литераторов Кабарды являлся Джансох Налоев. После окончания староурухской средней школы юноша устроился на учебу в совпартшколу при ЛУГе. В 1929 году был призван в Красную Армию, после демобилизации работал инспектором политпросвета областного отдела народного образования, являлся управляющим агентства «Союзкино». В 1932 году Дж. Налоев был рекомендован аспирантом историко-лингвистического отдела Ростовского горского научно-исследовательского института. Некоторое время (1933) проработал в должности заместителя учебной части Пятигорского педагогического института. В начале 1934 принял деятельное участие в создании первого КБНИИ в Нальчике, возглавлял его, но вскоре по прошествии нескольких месяцев был рекомендован на должность председателя кабардино-балкарского отделения Союза Писателей. Налоев был избран делегатом на Первый всесоюзный съезд писателей.

Большое значение Налоевым уделялось развитию и становлению национальной литературы, он принимал самое активное участие в создании кабардинского алфавита на русской графической основе. В 1936 году Налоев был арестован по ложному обвинению в «участии контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, ведению работы по созданию террористических групп», осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. В августе 1957 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР был реабилитирован.

За свою недолгую жизнь Джансох Налоев не только руководил первым национальным НИИ и возглавил только что созданное Правление Союза Писателей, но явился духовным лидером национальной творческой интеллигенции. Он заложил основы кабардинского эпического жанра (рассказ «Новизна»), драматургии (пьеса «Каригот», написанная в соавторстве с П. Шекихачевым), литературного перевода. Обладая хорошей теоретической подготовкой и художественным чутьем, Налоев проявил себя замечательным координатором и теоретиком. В трех литературоведческих статьях, написанных в середине тридцатых годов, он одним из первых осмыслил и проанализировал процесс формирования и становления национального литературного процесса.

Краткий очерк современной кабардинской и балкарской поэзии представлен в статье Дж. Налоева «Поэты Кабардино-Балкарии».

Автор анализирует творчество первых советских поэтов Кабарды и Балкарии: Борукаева, Шекихачева, Шогенова, Лукожева, Блаева, Пшенокова, Кожаева, Гуртуева, Шахмурзаева, Отарова, Темоева и др. К старшему поколению кабардинских поэтов он относит Т. Борукаева и П. Шекихачева, между которыми просматривается «колоссальная разница и в творчестве, и в мировоззрении». Дж. Налоев руководствуется советской методологией переходного периода, когда преобладающее значение в интерпретации художественных произведений придавалось классовому антагонизму и социальному происхождению автора.

Особенности поэтики Т. Борукаева, в основе которого лежит чувство классового неравенства, объясняется «батрацким происхождением» поэта, социальная поэтическая детерминанта усугубляется его увлечением и хорошей «вооруженностью» основами классиков марксизма, которые занимают «большое место в домашней библиотеке» поэта. Автор отмечает эмпирику, народность, «детскую» простоту стихотворного творчества. Стихи кабардинского поэта «мастерски

вплетают драгоценные нити в создаваемые образы нашей эпохи, они оригинальны и в своей оригинальности неподдельны. Он без всякой «хитрости принимает вещи в их естественном виде, ярко скрашивает их в своей поэтической лаборатории» [Налоев 2004: 107]. В качестве критической претензии исследователь указывает на отсутствие авторского «я». Кроме стихов автор статьи анализирует целый цикл *басен*, который свидетельствует об умении поэта мастерски осмысливать темы в «юмористическом духе». Но поэтическое мастерство в области нового жанра басни требует своего дальнейшего развития и совершенствования, так как «кабардинская литература растет несколько односторонне».

Творчество другого кабардинского литератора П. Шекихачева по мнению исследователя не проявлялось до начала реконструктивного периода. «Он был пассивен, молчалив и занимал какую – то выжидательную позицию». Автор статьи полагает, что импульс к творчеству был вызван революционными преобразованиями, которые позволили проявиться поэтическому потенциалу Шекихачева «очень ярко». Поэт вошел в литературу созданием нескольких эпических произведений и циклом бытовых песен. Зрелый этап его творчества увенчался созданием нескольких десятков стихотворений, весьма актуальных по проблематике и значительных по художественным характеристикам. В свое время поэтические произведения Шекихачева приобрели заметную популярность в Кабарде. Дж. Налоев, отводя большое значение социальному происхождению и образованию, полагал, что для творческого роста поэту следовало бы преодолеть зависимость от догм мусульманской религии, учитывая то обстоятельство, что П. Шекихачев закончил медресе. Автор статьи возлагает большие надежды на творческие перспективы поэта.

Достаточно высоко оценивается поэтическое творчество молодых кабардинских поэтов, таких как Шогенов, Пшеноков, Лукожев (в тексте Дж. Налоева отмечены лишь фамилии без имен – М.Х.). Однако фактором, объединяющим их творчество, автор считает подражательство: «У каждого из них есть избранники, у которых они учатся и которым в некоторых случаях подражают. И если в их творчестве, – продолжает исследователь, – есть какая-нибудь формальная разница, то ее можно объяснить только различием в творчестве их избранников» [Налоев 2004: 108]. Автор указывает на положительное влияние поэтов старшего поколения (Т. Борукаева, П. Шекихачева, П. Кешокова). По представлению молодого исследователя, именно императивность этого творческого пробуждения выводили молодых поэтов из рамок национальной кабардинской поэзии. Поэтому вполне закономерно проявлялась тяга к творчеству Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Анализируя особенности индивидуального творчества молодых поэтов, Д. Налоев большой акцент делает на критических замечаниях. Так, говоря о поэтике Шогенова, он отмечает, что автор «потерял понятие об отдельной личности... У него поет не колхозник, а колхоз, не школьник, а школа, не пионер, а пионеротряд и т.д. Личность растворяется в коллективе и немедленно приобретает тот цвет, который носит коллективная среда» [Налоев 2004: 109]. Но если у Маяковского, на стиль которого ориентируется молодой кабардинский поэт, выражена убедительная художественная мотивировка, то у Шогенова она «слаба и неубедительна».

Острой критике подвергается творчество Пшенокова, при этом автор позволяет себе открытую иронию. («Пшеноков – большой оптимист. Для него все темы, какие бы они ни были, одолимы») [Налоев 2004: 109]. Стихи молодого поэта, по мнению Налоева, преимущественно слабы, грешат схематичностью или «политическими ошибками».

Характеристику балкарской поэзии предваряет яркая экспозиция, в которой достаточно негативно оценивается дореволюционная жизнь Балкарии, которая «влачила свою жизнь в темноте и в окружении дикой и властной природы» [Налоев 2004: 110]. Этому «темному» периоду истории противопоставляется этап

описываемых тридцатых годов, когда «балкарский народ в союзе с братской Кабардой и русским рабочим классом сбросил своих князей, и жизнь его начала расцветать настоящим цветом культуры и цивилизации. Он создал свою письменность, выдвинул из своих недр прекрасные таланты – Гуртуева, Шахмурзаева, Отарова, Тоттаева, Теммоева и др.» [Налоев 2004: 110].

Творчество Б. Гуртуева, по мнению автора, смыкается с творчеством литературной молодежи «и вместе с ней поднимается на вершины русской классической поэзии» [Налоев 2004: 111]. Молодой балкарский поэт явился новатором, усвоившим технику русского классического стиха, на ее основе им были внесены коренные преобразования в структуру старой балкарской песни. Автор подчеркивает, что Гуртуев целенаправленно изучал балкарский фольклор, положенный позже в основу его творчества. В результате балкарский народный стих стал более строго и точно рифмованным, обрел новое музыкальное звучание. Подобный яркий творческий феномен, по мнению исследователя, не смог бы состояться без поэтического влияния поэтов старшего поколения, в частности, Шахмурзаева и Отарова. Автор называет Гуртуева «первым поэтом Балкарии». Его стихотворение «Октябрь» может быть поставлено рядом с лучшими образцами современной пролетарской поэзии.

Дж. Налоев подводит итог развития поэтических произведений: стихи молодых авторов весьма популярны среди населения, «передаются из рук в руки», оправдывая репутацию настоящей народной поэзии.

Вместе с тем, автор отмечает ряд общих недостатков, характерных для творчества балкарских поэтов тридцатых годов: замкнутость на себе, творческую разобщенность; как следствие творческого индивидуализма – отсутствие необходимой литературной среды, призванной формировать «новые кадры». Однако исследователь указывает на существование реальных предпосылок, которые позволяют балкарской поэзии в перспективе «одолеть кустарщину» и принять более организованную форму.

Статья Налоева «От мертвому к живому» явилась первым литературоведческим аналитическим произведением, в котором были подведены итоги национальной литературы Кабарды и Балкарии за 12 лет существования советской власти. Осмысливая с позиции советской модернизации значительный масштаб изменений, которые произошли в культурной жизни республики, автор делает следующие выводы:

1. Возникновение кабардинской и балкарской литературы позволило совершенно опровергнуть бытовавшее реакционное понятие (имеется ввиду, очевидно, соответствующее представление со стороны царского правительства дореволюционной России – М.Х.) об отсутствии возможностей для создания национальных литератур в регионе.

2. Произошла заметная трансформация кабардинского и балкарского языков за счет литературного, который заметно обогатил арсенал народного языка общения, благодаря чему прежний крестьянский язык утратил свою лапидарность.

3. Созданы предпосылки для дальнейшего творческого роста литераторов.

4. Преодолена «социальная немота», характерная для прежних дореволюционных времен, появилась живая заинтересованность в литературе со стороны общества и общественных организаций.

5. Появление письменности открыло большие перспективы во всех сферах культурной жизни. Возникновение читательской среды, письменной литературы и печати создали условия для непосредственного взаимообусловленного влияния.

6. Поэты отошли от фольклорной традиции; по образному выражению Дж. Налоева «перестали ...ходить в дырявой поэтической рубаше Сосуру». Представители молодой национальной литературы начали формировать свой литературный стиль, мотивы, темы и художественные приемы.

Дж. Налоев одним из первых отметил ведущее значение литературного метода и посвятил ему большую часть статьи «От мертвого к живому». Подчеркивая слабость, незрелость литературного метода тридцатых годов, он определяет его как «эмпиризм», под которым подразумевается «поверхностный рассказ о событиях или вещах». В противоположность этому выдвигается альтернативная методологическая модель, которая заключается в отражении сущности целостного подхода.

С другой стороны, по мнению исследователя, литературный метод должен быть дуальным («двояким»): каждый молодой автор должен расти формально, как художник, но ему необходимо развивать методологический подход, который заключается в необходимости изучения марксизма-ленинизма. Увлекаясь большевистскими идеями, Налоев признает, например, что молодому писателю следует рекомендовать учиться у Толстого или Лермонтова, хотя «они не могут быть целиком приемлемы... без Маркса – Ленина» [Налоев 2004: 116].

На ранних этапах творческого становления, (которые хронологически соответствовали написанию статьи «От мертвому к живому»), Дж. Налоев сам переживал мировоззренческий и методологический радикализм: помимо крайнего увлечения классиками марксизма-ленинизма, он нивелировал значение кабардинского фольклора в формировании литературы. Свое представление об основных принципах литературного метода автор заключает известным положением Сталина о том, что «художественная литература должна быть... национальная по своей форме и социалистическая по своему содержанию».

Говоря о формировании литературной традиции, Дж. Налоев ориентируется на опыт мировой и особенно русской классической литературы. Становление современной национальной традиции, по мнению автора, не может опираться на прошлое, оно диктуется «самой практикой социалистической стройки». Имея ввиду богатый опыт социалистического строительства в России, автор подчеркивает необходимость заимствования у русского народа «закон, по которому построена его литература, по которому может быть построена и наша» [Налоев 2004: 117].

В статье большое внимание уделяется анализу и критике сборника «Первый шаг». Исследователь проявляет недовольство по поводу того, что «писательский актив» в нем представлен далеко неполно, в сборник, например, не вошли стихи П. Шекихачева, Т. Борукаева. Подавляющее большинство представленных произведений, состоятельных в идейном и политическом смысле, далеки от художественного совершенства, отличаются значительной «пестротой» и незрелостью. Автор противопоставляет им высокое художественное мастерство А. Шогенцукова и П. Шекихачева. Статья содержит критику стихов Шакова, которые определенно грешат отсутствием стилевого единства: в стихотворении «1 Мая», например, первые строчки рифмованы русской рифмой, вторые – старинной кабардинской, третьи совершенно лишены рифмы. В стихах нет не выдерживается размер, нет образов, стихи сухие, «неудобоваримые». Вместе с тем, критика направлена исключительно на исправление недостатков, автор верит в успех поэта, «свидетельством этого может служить его стихотворение «Цыхубз усэ», которое сделано с «известным вкусом и знанием дела».

Примерно такой же откровенной критике автор подверг творчество Афаунова, которое характеризуется невысоким художественным уровнем, отсутствием цельности, завершенности, наличием подражательности Д. Бедному и пр.

Дж. Налоев одним из первых высоко оценил значение творчества А. Шогенцукова, силу дарования, яркие художественные особенности его произведений: «Особое внимание надо обратить на Шогенцукова, этого богатейшего молодого самородка, стихи которого поражают читателя необычно ярким блеском. Стихи Шогенцукова наиболее полно и безупречно отвечают основному лозунгу: за большое искусство большевизма. Вместе с тем наряду с большой художественной цельностью стихи Шогенцукова жизненно... актуальны. В тематике он идет

от Шогенцукова – лирического тенора к Шогенцукову – большому политическому поэту... Тематика его разнообразна. Яркий, прочно мотивированный образ, богатый лексикон и умелое пользование им, фантазия, красивая, очень близкая к действительности, большая сочность, большое знание темы и любовь к ней, планомерность, законченность и определенная целеустремленность... Все творчество его динамично, монолитно, неподдельно... У него нет печали, он оптимист и в своем оптимизме – творец. Он хочет быть упрямым господином природы, ее повелителем и заботливым отцом» [Налоев 2004: 122]. Характерно бережное, заботливое отношение Д. Налоева к любому таланту, дарованию. Говоря о блестящем творчестве кабардинского поэта, автор заключает, обращаясь к коллегам: «Неизвестно, как пойдет дальнейшее развитие поэта, но он должен быть поощрен и окружен известной товарищеской теплотой, чтобы не засохло то прекрасное начало, которое ему уже дано» [Налоев 2004: 122].

Статья «От мертвого к живому» явилась по существу первым профессиональным исследованием, посвященным проблемам национальной литературы. В ней сделана попытка выделить ее приоритетные направления на этапе начального развития, представлен объективный критический анализ творчества поэтов-современников, определяется роль и значение каждого из них в рамках национального литературного процесса. Обозначенная Дж. Налоевым около ста лет назад идея интеграции с мировой, в том числе, русской классической литературой сохраняет острую актуальность в наши дни и непосредственно проецируется на проблемы современности. Вместе с тем, очевидны заблуждения молодого исследователя, его тотальное отрицание кабардинского фольклора и мифологии для развития молодой литературы. Название статьи «от мертвому к живому» представляется с амбивалентной семантикой: имеется ввиду «мертвенность» фольклора, относящегося к дореволюционному прошлому, в противоположность этому утверждается актуальность молодой национальной традиции, связанной с соответствующими «вечно живыми» идеями марксизма-ленинизма. С высоты прошедшей эпохи обнаружилась ошибочность подобной позиции; последующее развитие национальной литературы обозначило кабардинский фольклор как самую плодотворную мощную основу для развития всех литературных жанров.

В статье Дж. Налова «Литература Кабардино-Балкарии» отражена более поздняя трансформация взглядов Налоева на кабардинский фольклор. Если в предыдущей статье он определяется как «мертвое» наследие «проклятого прошлого», то в данной статье исследователь приходит к противоположным воззрениям. «Творчество эпохи иныжей нам известно в громадном своем большинстве в виде легенд, загадок и былин, в то время как *нартовская эпоха кладет начало не только песнетворчеству, но и кабардинской прозе* (курсив мой – М.Х.), – пишет Налоев. – Причем проза здесь проявляется в виде толкования происхождения той или иной песни, длинных комментариев тех или иных имен, которыми очень богаты эти песни... Эпоха Нартов, родившая песнетворчество, дала толчок развитию творчества и в жанровом отношении. Мы знаем появление первой кабардинской эпиграммы, связанной с именем Сосуко, Баданоко и других великих Нартов, но следует заметить, что эпиграмма как жанр – позднее (явление? – М.Х.) очень рано вышла из обихода, и анализ посленартовского эпоса не находит ее существования» [Налоев 2004: 124].

Статья отражает авторский резонанс «по изучению и публикации...эпоса», предшествующий исторической публикации «Кабардинского фольклора» в 1935 году. Любопытно, что некоторые тезисы прямо противоположны соответствующим положениям предыдущей статьи. Так, говоря о фольклоре, Налоев отмечает: «мы ищем своего предшественника... поскольку современность нашей литературы своими корнями, правда, бесформенно, но все же уходит в глубокую седину древности» [Налоев 2004: 125]. В качестве живого доказательства

фольклорного влияния на литературу, Дж. Налоев приводит в пример пьесу «Коригот» (в соавт. П. Шекихачева и Дж. Налоева), несколько рассказов на кабардинском и балкарском языках.

Пионерами новой художественной литературы, полагает автор, являются П. Шекихачев и Т. Борукаев. Их творчество воплощает переход от фольклорной традиции к литературной. Дж. Налоев подробно останавливается на личностном и творческом становлении кабардинских писателей, влиянии на молодых поэтов, благодаря чему можно говорить о преемственности поэтической традиции и школе мастерства. Автор называет имена молодых перспективных поэтов: М. Пшуноков, П. Кешоков, М. Афаунов, А. Пшеноков. Из этой группы особенное внимание исследователя привлекает творчество Абдула Пшенокова, который положительно повлиял на структуру современного кабардинского стихосложения благодаря хорошей теоретической подготовке и великолепному знанию русской и мировой поэзии. Его стихи «прекрасны и неподдельны».

В этой статье, так же, как в предыдущей, Д. Налоев особое внимание уделяет творчеству А. Шогенцукова: «Шогенцуков характерен как наиболее ярко сверкающий талант-самородок, по-новому и уже как-то особенно сказавший о тех вещах, о которых говорили десятки поэтов. Жизненные явления он берет в их собственном виде... Он окрашивает их в яркие и неподдельные цвета, и пред вами вырастают убедительные монументальные образы, поражающие вас своей красотой, необычным блеском и свежестью. Точное знание языкового материала и достаточное владение им, знание нескольких языков и умелое сцепление их образов в единую систему дают возможность Шогенцукову делать поэтически совершенные вещи... В кабардинской поэзии Шогенцуков играет крупную ведущую роль...» [Налоев 2004: 130].

Налоев отклоняет привычные литературные параллели между Лермонтовым и Шогенцуковым, Есениным и Шогенцуковым. Если Есенин, например, видел в «железном госте» гибель старой России, то кабардинский поэт в железном «коне» видит ее спасение. Автор статьи отмечает радостное, оптимистическое начало в творчестве кабардинского поэта. Вместе с тем, Налоев не теряет критического взгляда на его творчество, отмечая недостаточный уровень теоретической подготовки, желает укрупнить поэтический «размах», все еще недостаточный для поэта.

Дж. Налоев обеспокоен состоянием *кабардинской и балкарской прозы*; в тридцатые годы она была представлена преимущественно *очерком* («проза родилась в виде очерка»). К числу основоположников этого жанра принадлежат Х. Теунов, З.Б. Максидов, М.А. Афаунов, среди балкарских авторов – С.Ш. Хочуев, А. Ульбашев. Среди кабардинских авторов-прозаиков особенно выделяется С.М. Кожаев, «как последовательный основоположник прозы, давший наиболее значительную по своей художественной зрелости и актуальности... повесть «Молодняк». Дж. Налоев отмечает значимость выбранной темы, посвященной современности, так как все остальные прозаики (включая и автора статьи) «пишут на отвлеченные темы: Ульбашев А. оформляет эпизоды гражданской войны, Хочуев С. пишет о перевоспитании беспризорников в эпоху революции и гражданской войны; Налоев рисует картину гражданской войны и гибели кабардинского княжества» [Налоев 2004: 133]. Автор приводит краткий анализ художественных особенностей повести С. Кожаева: «В ней с большой яркостью даны глубокие человеческие чувства любви, зависти, дружбы, ненависти, применительно к конкретной социально-политической обстановке» [Налоев 2004: 133]. К ряду достоинств исследователя причисляется реалистичность художественного произведения. Вместе с тем, автор обращает внимание на слабые стороны: плохо развита «женская тема», образы героинь характеризуются непоследовательностью, недостаточной выразительностью и полнотой. Автор отмечает недостаток художественных средств выражения, язык повести «местами избитый, суховато-канцелярский».

Большое внимание в статье уделяется обзору балкарской литературы. К числу поэтов старшего поколения автор относит С.О. Шахмурзаева и Р.К. Отарова. Оба явились родоначальниками балкарской поэзии и детской художественной прозы. Р. Отаров «по преимуществу – создатель детских книг на балкарском языке, несколько стихотворений автора вошли в школьные хрестоматии» [Налоев 2004: 134]. Среди плеяды молодых балкарских поэтов выделяется Б. Гуртуев; тематика его художественных произведений всегда актуальна, современна и значительна.

Балкарская проза, так же, как кабардинская, родилась значительно позже поэзии. Первым прозаическим произведением явилась повесть молодого балкарского прозаика С. Хочуева «Сафар», в которой освещается актуальная тема беспризорников, оставшихся после гражданской войны. Со временем некоторые из них становятся активными революционерами и передовыми советскими трудящимися. После выхода повести были написаны «1919 г.» А. Ульбашева, ряд новелл Х.Х. Кадиева, Р.К. Отарова и др.

Д. Налоев подвел итоги начального периода становления национальной литературы, обозначил появление литературных жанров, таких как повесть, рассказ, очерк, поэма, стих, песня, басня, народная драма. В связи с тем, что литература выросла столь «быстро и разнообразно», автор отмечает необходимость знакомства с ней широкого круга читателей. Возможность такой реализации он видит через Союз Писателей, обозначает возможность серьезного овладения литературой через учебу.

Три статьи Дж. Налоева явились определяющими для кабардинского литературоведения начального периода. Несмотря на относительную лаконичность, они, тем не менее, содержат основные характеристики наиболее значимых тенденций и проблем национальной литературы. Налоев дает определения литературным жанрам, их стадильности, особенностям их развития. Определяется место и значение индивидуального творчества каждого писателя и поэта Кабарды и Балкарии в литературном процессе. Молодой исследователь впервые дает высокую оценку поэтическому творчеству А. Шогенцукова.

Блестящий литературовед, Дж. Налоев выступает и как яркий, талантливый литературный критик. Однако традиции, заложенные им в области литературной критики, в целом не получили достаточного развития в истории кабардинской литературы по целому ряду объективных и субъективных причин.

Характерно, что ранние наиболее показательные тенденции молодой литературы, впервые отмеченные и сформулированные Дж. Налоевым, сохранились почти неизменными вплоть до наших дней, что позволяет говорить об устойчивых особенностях, присущих национальному литературному процессу.

Содержание статей отражает динамику мировоззрения молодого исследователя; по некоторым проблемам оно меняется порой радикально. Это касается, в частности, отношения к кабардинскому фольклору. Если в статье «От мертвого к живому» Налоев относит его к отжившему, «мертвому» субстрату, который может представлять лишь исторический интерес, то в более поздней статье «Литература Кабардино-Балкарии» автор определяет его «предшественником» молодой кабардинской литературы. Такая стремительная динамика роста индивидуального эстетического и культурного представлений интересна с точки зрения исторической ретроспективы, так как может служить в известной степени зеркальным отражением развития литературоведческой мысли в целом. Вместе с тем, статьи молодого талантливого исследователя способны отражать особенности рефлексии в отношении литературного процесса со стороны отдельных представителей творческой интеллигенции тридцатых годов.

Дж. Налоев явился первым профессиональным литературоведом и литературным критиком, который заложил основы отечественного кабардинского литературоведения, глубоко и всесторонне осмыслил сложный период формирования

молодой кабардинской литературы начала века. Глубоко веря в неисчерпаемые перспективы национальной культуры, он сумел консолидировать вокруг себя представителей первой творческой интеллигенции: писателей, поэтов, журналистов. Название его повести «Начало» сочетается с начальным периодом становления юной кабардинской литературы, собственной творческой и личной судьбой, оборвавшейся в самом начале, на тридцать втором году жизни. По той же иронии судьбы завершающий абзац последней статьи Налоева («Литература Кабардино-Балкарии») посвящен «большому другу литературы», секретарю обкома Беталу Калмыкову, при непосредственном участии которого осуществлялся процесс массовых репрессий сталинского режима, в том числе лучших представителей первой советской творческой интеллигенции Кабарды. Трагично сложилась судьба многих кабардинских литераторов начального периода, погибших в застенках НКВД в августе 1937 года, другая, меньшая часть была сослана в лагерь. Но живые традиции, заложенные талантливой плеядой первых кабардинских литераторов, нашли отражение в развитии будущих поколений поэтов и писателей, определили их общее направление.

Источники и литература

1. *Нало Жансохъу*. Литературей щӀэиныр. Налшык, 2004.

THE FORMATION OF KABARDIAN LITERARY CRITICISM IN THE 30s OF THE TWENTIETH CENTURY. THREE ARTICLES BY J. NALOEV

Hakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

The article analyzes the prerequisites for the genesis and the initial stages of the formation of national literary criticism, identifies the main socio-political trends, under which the first attempts were made to scientifically and critically interpret the first artistic experiments of poets and writers. A brief description of the life and work of one of the first writers, prominent public figures of Dzhansokh Naloev is presented. The article is analyzed by J. Naloev's «Poets of Kabardino-Balkaria», which presents a brief outline of modern Kabardian and Balkarian poetry. The author analyzes the works of the first Soviet poets of Kabarda and Balkaria: Borukaev, Shekikhachev, Shogenov, Lukozhev, Blaev, Pshenokov, Kozhaev, Gurtuev, Shakhmurzaev, Otarov, Temoev and others. D.D. Naloev's article «From Dead to Living» was the first literary analytical work in which the results of the national literature of Kabarda and Balkaria over 12 years of the existence of Soviet power were summed up. The article by J. Nalov «Literature of Kabardino-Balkaria» reflects the transformation of D. Naloev's views on Kabardian folklore. J. Naloev was the first professional literary critic and literary critic who laid the foundations of Russian Kabardian literary criticism, deeply and comprehensively comprehended the most difficult period of the formation of young Kabardian literature of the beginning of the century.

Keywords: Kabardian literary criticism, intelligentsia of the 30s, the first writers, the Stalinist regime, literary criticism, the first literary works.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-78-86

УДК 398.223

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-87-96

ЭФФЕКТ НЕОЖИДАННОСТИ И УДИВЛЕНИЯ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АДЫГОВ (по материалам цикла об Андемиркане)

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

В настоящее время в адыгской фольклористике существует ряд научных трудов, посвященных изучению поэтики и стилистики народного эпоса. В частности, была проведена огромная работа по освещению вопросов, касающихся его генезиса и эволюции, сюжетно-тематического состава, функциональных характеристик персонажей, изобразительно-выразительных средств и др. Однако, несмотря на это, многие проблемы остаются до конца нерешенными. В статье впервые на материале сказаний адыгского историко-героического эпоса анализируются характерные особенности использования эффекта неожиданности и удивления как одного из важных способов в художественном повествовательном тексте. Для этой цели в качестве примера рассматриваются варианты песни и сказания цикла об Андемиркане, где названный эффект играет значительную роль в изображении и идеализации героя. В работе отмечается, что самыми популярными в младшем эпосе ситуациями, создающими эффект неожиданности и удивления, являются социальное положение и молодость героя. В связи с этим в статье особое внимание обращается на конкретные формы реализации мотива «предварительной недооценки». Значительный интерес представляют также некоторые художественно-изобразительные средства (гипербола, литота, сравнение и др.), которые во многих случаях представлены в качестве эффектов преувеличения, преуменьшения, неожиданности и т.п. Статья написана с опорой на фундаментальные исследования отечественных ученых А.М. Гутова, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, А.П. Скафтымова, а также с привлечением обширного фактического материала, отобранного для включения в очередной том антологического свода адыгского фольклора.

Ключевые слова: адыгский фольклор, историко-героический эпос, эффект неожиданности и удивления, мотив «предварительной недооценки», богатырь, нартские сказания, цикл об Андемиркане.

В отечественной филологической науке давно и достаточно продуктивно исследуются основные композиционные приемы фольклорных произведений, к числу которых относится эффект неожиданности и удивления, без чего не обходится практически ни одно художественное повествование. Как было отмечено А.П. Скафтымовым, «на тревогах загадочности неопределенного колебания действующих сил строится занимательность огромного большинства эпических и драматических произведений, начиная с простонародного анекдота, бульварного романа и кончая высокими образцами классических трагедий» [Скафтымов 1958: 5]. Например, согласно теории комического, выдвинутой В.Я. Проппом, «мы смеемся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку

внешних, физических данных» [Пропп 1999: 176]. Другими словами, как пишет А.А. Балдынова, «...если сознание неожиданно замечает в каком-либо объекте недостаток, отклонение от нормы, то это, как правило, вызывает смех, вызванный противоречием» [Балдынова 2011: 242].

В историко-героическом эпосе подобные эффекты имеют несколько иной характер. По справедливому замечанию А.М. Гутова, «событийная основа, на которой основывается сюжет в младшем эпосе, в большинстве случаев или действительно имела место в жизни, или же, во всяком случае, могла восприниматься как вполне вероятное реальное явления» [Гутов 2009: 137–138]. Поэтому для данного вида эпоса отступлением от нормы можно признать, например, встречающиеся здесь типичные для персонажей нартского эпоса, волшебных и богатырских сказок мотивы чудесного рождения, быстрого роста, а также элементы, характеризующие необычайные свойства героя, его коня и оружия, которые возникли на базе мифологических представлений древних людей. И, если следовать суждениям ученых, наличие этих элементов в повествованиях позднего эпоса вызывает повышенный интерес у слушателя к тому или иному объекту, в нашем случае – к образу Андемиркана.

В адыгском фольклоре он представлен как реальная личность (как считают ученые, он жил в XVI в. [Гутов 2000: 34–35]). Вместе с тем, в его образе наличествуют черты, указывающие на необычайное происхождение. Как говорится в варианте Сохова Мамизы (1856 г./р.), отец изгоняет свою дочь; в лесу она встречается *мезитля* (лесной человек), и становится его женой; от этой брачной связи рождается Андемиркан [Адыгэ ІуэрыІуатэхэр 1969: 219–220]. Согласно другой версии, на берегу Хазас-моря живет какой-то богатырь; он совершает набег и похищает дочь Карабовых; у них рождается Андемиркан [Кабардинский фольклор 2000: 308–313]. В сказании «Тума» Андемиркан происходит из богатырского рода, живущего на каком-то острове [Кабардинский фольклор 2000: 303–308].

Следует обратить внимание и на место рождения героя. Как было отмечено В.Я. Проппом, в архаическом фольклоре лес, край за горизонтом, за морем и пр. символизируют иное царство [Пропп 2000]. В адыгских сказках, например, самая красивая девушка живет там, «где восходит» солнце, чтобы добраться до этого места, герою нужен чудесный богатырский конь (Алып), и, как оказывается, он тоже обитает за рекой [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 1037]. В нартском эпосе пастух, от которого рождается Сосрыко, находится по ту сторону реки [Нарты. Адыгский эпос... 2012: 181]; отец Татаршао – из края за рекой [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-м. П. 4]; мать Химыща и Озырмеса – из подводного мира [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 4]; мать Батраза Испы-Гуаша – из края испов (карликов), а мать Шауея – из края иньжей (великанов) [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 2]. Подобно им, в варианте Сохова Андемиркан рождается в лесу (в пещере), в двух других – за морем (между двумя морями). Однако на этом еще не завершается рассказ о чудесном происхождении героя. В приведенных примерах очередным композиционным элементом выступает универсальный мотив «переправы героя из иного царства в наш мир» (см. об этом: [Кудаева 2012]): в первом и в третьем вариантах на младенца налетает огромный орел и он приносит его в Кабарду, а во втором – функцию орла выполняет река (море): мать запирает мальчика в сундук и бросает его в море (в реку), и его находят на берегу.

Как видно, Андемиркан наделяется некоторыми чертами чудеснорожденного богатыря архаического эпоса, и тем самым «на вершину внимания выносятся» его образ: он отличается от других храбростью, богатырской силой, героизмом и пр., потому что, во-первых, его отцом является или сверхъестественное существо мезитль или богатырь; во-вторых, рожден в краю «за горизонтом» (за морем); и в третьих, переправляется в Кабарду необычным образом – при помощи громадного орла (в сундуке). Согласно мнению А.М. Гутова, «совершенно очевидно, что

отголоски древнего мотива в данном случае по-прежнему сохраняют свои функции – выделяют героя из общей среды персонажей, характеризуемых только как люди во всем обыкновенные» [Гутов 2009: 29].

Таковую же функцию в его образе выполняет и мотив «предварительной недооценки». Как известно, часто в нартских сказаниях, волшебных и богатырских сказках центральный персонаж в начале повествования характеризуется как «низкий», «не подающий надежд». По замечанию Е.М. Мелетинского, такой герой «занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги...» [Мелетинский 1958: 213]. Подобное явление в фольклоре, по мнению А.П. Скафтымова, следует отнести к эффектам неожиданности и удивления, и, как считает ученый, «загадочность, неожиданность и иные интригующие и удивляющие эффекты, сообщая рассказу и ходу действия увлекательность напряжения и подъема, содействуют художественному самозабвению читателя и зрителя и скорее всего достигают цели привлечения и закрепления интереса к рассказу», т.е., по его словам, они «выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным» [Скафтымов 1958: 5–6].

В ранних формах сюжета о рождении Андемиркана мотив «предварительной недооценки» характеризуется следующими обстоятельствами: а) его родители неизвестны; б) он найденный:

«Андемыркъан абы [мэзым] џаклуэм кыџагъуэтац, бгъэ абгъуэм илгу. Къаншуйей џыц Шормэн Андемыр инац» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10] – *«Охотники нашли Андемиркана там [в лесу] в орлином гнезде. Его воспитал Андемир Шорман из Канишуей»*.

«Андемырыжъыр џаклуэ џыџау џлэту кыгъуэтыри, бгъэжъ абгъуэм кыџагъуэтыри ихъа» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 2] – *«На охоте старый Андемир <...> нашел <мальчика> в орлином гнезде и взял <на воспитание>»*.

Однако черты «низкого героя» более отчетливо проявляются в его образе в более поздних версиях сюжета. В них одними из распространенных ситуаций, мотивирующих недооценку, являются социальное положение и молодость героя. Социальное положение Андемиркана определяется тем, что он является *тумой* (букв.: незаконнорожденный), при этом его мать – *унаутка* (букв.: рабыня). В эпизоде, сообщающем о социальном положении героя, действие разворачивается следующим образом (здесь учитываются морфологические элементы, предложенные В.Я. Проппом на материале волшебной сказки [Пропп 1969: 30–31]):

1. Один из членов семьи отлучается (определение – *отлучка*, обозначение *e*). В варианте Чеченова Мурида [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 9] *отлучка* имеет усиленную форму (по обозначению В.Я. Проппа – *e²*), представляющую собой смерть жены князя: *«Андемыр и къуэжъым и фызыр лати...»* – *«У старого <...> Андемира умерла жена и...»*.

2. В некоторых версиях, в частности, в варианте Тумова Гура [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 18], функция *e²* (*отлучка*) заменяется элементом недостачи (*a*). Для обозначения этого элемента В.Я. Пропп предлагает следующую формулировку: «Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо» [Пропп 1969: 37]. В нашем случае это отсутствие в семье детей, точнее – наследника у князя (*a¹*): *«Ахъло и къуэжъым и фызыр лхуэтэкъым, фызыр мылхуэт»* – *«Жена старого <...> Ахло не могла иметь детей, <она> была бесплодной»*. Ср.: в варианте Амшокова Мухадина [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 6]: *«Елъыху и къуитым я зым и фызыр лхуэтэкъым»* – *«Жена у одного из двух сыновей Этлуха не могла иметь детей»*.

3. К герою обращаются с запретом (*запрет* (*b*)). В рассматриваемом цикле прямое обращение к герою с запретом отсутствует, но есть косвенные признаки, указывающие на это, и они основываются на табу на внебрачную половую жизнь и на брак между представителями различных сословий.

4. Запрет нарушается (*нарушение (b)*): князь вступает во внебрачную связь с унауткой, вследствие чего рождается Андемиркан: «Альхо и кьуэм и унэЛутым кьыригьэльхуац сабий гуэр» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 5] – «Унаутка родила ребенка от сына <князя> Альхо»; «Андемыркъаныр, нэхъыжсэхэм зэраЛуатэмкIэ, Джьылэхъстэней Бесльэнеицым и унэЛут гуэрэм кьильхуац. УнэЛут цIыхубзыр нэчыхъыниэу лъэщыджэ хьуат» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 23] – «Как рассказывают старшие, Андемиркана родила какая-то унаутка князя Гиляхстаней (Малая Кабарда) Беслана. Унаутка стала беременной вне брака».

5. Следующим звеном в структуре рассматриваемого сюжета является функция *вредительство (A)* (по определению В.Я. Проппа: «Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб»). В цикле об Андемиркане она соответствует форме A^{10} . В сказке эта форма имеет следующую трактовку: антагонист «приказывает кого-либо бросить в море (A^{10}). Царь сажает дочь и зятя в бочку, а бочку велит бросить в море... Родители высаживают спящего сына в море на лодочке...» [Пропп 1969: 35]. Выше мы рассматривали те случаи, когда герой переправляется из «иног царства» в наш мир в сундуке. В данном случае речь идет о форме реализации функции «вредительство» в поздних версиях сюжета о рождении Андемиркана. И, как показывает анализ материала, здесь она представлена в ослабленном виде. Во многих сказаниях присутствует мотив удаления героя – элемент широко известного в мировом фольклоре и литературе «Эдипова сюжета»: новорожденного (Андемиркана) бросают (оставляют в лесу, на обочине дороги). В сказке антагонист (царь, князь, хан и т.п.) совершает подобное действие, чтобы погубить героя, а в сказаниях об Андемиркане – с целью сокрытия обстоятельства рождения младенца. Т.е., здесь мы сталкиваемся с ситуацией, о которой писал В.Я. Пропп: «...ребенка, назначенного на смерть, одновременно спасают от смерти» [Пропп 1976: 272]. По его словам, «получается впечатление, что ребенка снаряжают вовсе не на смерть, а на далекое путешествие, причем делают все, чтобы он остался жив и был благополучно воспитан» [Пропп 1976: 273]. И, как принято в фольклоре, такой персонаж должен отличаться от других мужеством, героизмом, силой и т.п. Именно таким героем Андемиркан представлен в сказаниях, но, как правило, в начале повествования он проходит тот же «путь», отмеченный В.Я. Проппом: по варианту Амшокова Мухадина, бездетный князь, по совету своей жены, вступает во внебрачную связь с унауткой (подобное действие княгини объясняется элементом недостачи a^1), и впоследствии рождается Андемиркан. Это становится побудительным мотивом для удаления новорожденного (см. выше: *нарушение запрета (b)*): чтобы скрыть поступок князя, младенца относят и оставляют на обочине дороги, по которой будущий *аталык* (воспитанник) должен возвратиться домой: ««Сыту напэтех, мыр дэ кьыддалъэгъуну, цIыхум зэхыху!» – жишэри хуабжъу гузэвац. Аурэ яцIэныр ямыщIэу, зекIулэхэр зыщызекIуэ гьуэгум яхъри тралъхьац» – «Какой же позор <для нашего княжеского рода>, чтобы такое видели в нас, чтобы люди слышали такое о нас!» – говоря, встревожились <представители рода>. Так и не зная что делать, отнесли и оставили на обочине дороги, по которой наездники должны были возвращаться домой». Ср.: в варианте Тумова Гур: «<Альхьохэ> я унэЛутыр ягьэлъэщыджэжэри укIытэжсац» – «Унаутка зачала от <князя из рода> Альхо, и им [представителям княжеского рода] стало стыдно <из-за этого>».

Возвращаясь к теории комического В.Я. Проппа, следует сказать, что если в смеховых жанрах фольклора скрытые недостатки обнаруживаются по мере развития сюжета, то в рассматриваемых сказаниях центральный персонаж наделяется ими в начале повествования, а «внезапным открытием» являются неведомые до поры до времени подлинные достоинства: богатырская сила, мужество, героизм, рыцарское благородство.

Из приведенных примеров видно, что Андемиркана недооценивают, недолюбливают с самого рождения, потому что он – сын унаутки, незаконнорожденный, найденыш (подкидыш). Однако неожиданно этот персонаж проявляет свои богатырские качества еще в колыбели:

«Ар [Андемыркъан] гуцэм ханхауэ и анэр псыхъэ кӀуащ. Абы гуцэпсыр зэтиудри гуцэм итӀысхьауэ джэгуу гуацэжьбым ильагъури пцым цыжыриӀэм, хуабжъу гузэващ, <...>. Унафи ицӀащ пцым: «Нэхъ быдэӀуэу хэфпхэ!» – жиӀэри. ВытӀошыцӀӀэкӀэ ханхащ, ари зэтиудри гуцэм кӀытӀысхьэжауэ джэгуу яльэгуащ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 5] – *«Его [Андемиркана] уложили в люльку, а мать пошла за водой. Княгиня увидела его [младенца], который, разорвав ремни люльки, приподнялся и стал играть, и когда об этом сообщила князю, он сильно заволновался <...>. Князь распорядился: «Запеленайте покрепче <...>». Запеленали ремнем из шкуры вола, но его тоже он разорвал, приподнялся и снова стал играть. Вот так его увидели».*

Совершенно очевидно здесь влияние архаического эпоса, где подобным образом обозначено богатырство Батраза и Ашамеза.

В сказании «Жизнь и смерть Андемиркана», опубликованном на русском языке в книге «Кабардинский фольклор» [Кабардинский фольклор 2000: 288–295] молодость героя изображается следующим образом: *«Андемиркан своей ловкостью привлек внимание гостей. «Мальчик совсем еще дитя, – вели между собой разговор тиш, – но все же, давайте спросим его мать, не отпустить ли его с нами. С тем и пошли к матери. Она им в ответ: «Он еще мал. Трудно вам будет возиться с ним...».* Однако, только благодаря ему, всадникам удается достичь цели (пригнать лошадей) и успешно вернуться домой: он ночами сторожит коней, добывает огонь и спасает их от холода, находит еду и кормит их и т.д.

В «Сказании об Андемиркане» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-д. П. 7] он сам просит князя Альхшу и Андемира взять его с собой на охоту со словами: *«Сыздэфшэ сэри пцафӀэу» – «Меня тоже возьмите с собой <хотя бы > поваром».* Но ему отвечают: *««Дэнэт уэ..., уэ шым утешцхьэнти...» – «Тебя, куда там..., навалишься ты на коня...».* Так сказав, охотники уезжают без него. Но Андемиркан находит какого-то старого, невзрачного коня и, оседлав его каким-то старым седлом, садится на него и пускается за ними. Он догоняет их, но некоторые охотники, выражая свое недовольство, относятся к нему с пренебрежением. Но, как правило, он совершает подвиги: добывает чудесных коней, как и в приведенном варианте, спасает их от голода и от холода.

В сказании «Андемыркъан и таурыхъ» («Таурих об Андемиркане») [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 7] герой представлен в юношеском возрасте. Увидев на берегу моря чудесных богатырских коней, мальчик решает добыть одного из них. Узнав об этом, мать всячески старается удержать его, потому что он еще слишком молод, поэтому не доверяет ему: *«Хьэуэ, укӀуэдыниц» – «Нет, ты пропадешь»* – говорит мать и отказывается приготовить для него дорожные припасы. Но он идет и добывает чудесного коня. В подобных случаях герой бросается на спину богатырского коня и укрощает его: *«АтӀанэ, жыгым зыкьыридзыхыри шым зытыридза, шыбзыр цӀӀцӀэфтыри, нэбгъэфым кӀытехуэри, зэпыриха» – «Потом <Андемиркан> прыгнул с дерева и бросился на кобылицу, но кобылица отскочила в сторону, и <Андемиркан> очутился <на спине> жеребенка, и тот перенес <его через море>»* – говорится в другом сказании [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 2]. В данной ситуации кобылица заменяется жеребенком, и это неслучайно. Часто в богатырской сказке и в старшем эпосе герой выбирает из целого табуна неказистого жеребенка, из которого в дальнейшем выходит настоящий альп, т.е. богатырский конь. В приведенном примере Андемиркан, хотя он еще и мал, обладает огромной физической силой. Несмотря на это, ему едва удается укротить жеребенка, но этим подчеркивается не слабость героя, а сила

богатырского коня, и таким образом на вершину внимания выносятся его образ. В варианте Тумова Гура [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 18] мотив добывания коня имеет несколько иную форму объективации, но и здесь для идеализации его образа используются эффекты неожиданности и удивления: только что родившийся жеребенок перепрыгивает через свою мать; из его ноздрей летят искры: *«Шыцлэр и анэм ельэу-кьельэу, и пэцхьынхэм хьуасклэр кьильэлыу <Андемиркьан> ильэгьуацц»* – «<Андемиркан> увидел, как жеребенок перепрыгивает через свою мать, и как из его ноздрей искры летят». И, как это принято в эпических жанрах героического цикла, Андемиркан выбирает из других лошадей именно этого жеребенка, и в дальнейшем на нем совершает подвиги. Более того, неуязвимость героя связана с ним и с его мечом (луком): *«Тхуэукьынулым, – жааацц, жи, – и сагьындакьыр иыгыгыу, и джатэр иыгыгыу, и шым тесыжу цытым. И джати и сагьындакьи имылыгыгыу и шым тесым дытекьуэнулым, – жааацц»* – «Не сможем одолеть его, – сказали, говорит, – пока при нем будут его лук и меч, пока будет на своем коне. Не сможем одолеть его, пока он будет на своем коне, даже если он без меча и лука» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10].

Очень часто в цикле для усиления названных эффектов используется гипербола (иногда – в сочетании с литотой). Персонаж, которого недооценивают в начале повествования, в дальнейшем наделяется следующими способностями: *«Андемиркьан кьэгубжьам и кий макьым цьыху игьаццтэу иллыкьынкьэ хьун хуэдизу пхьащэт»* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10] – «Андемиркан был настолько суров, что от окрика, изданного им в гневе, мог умереть человек»; *«<шууитлым> ябгьурихуэри цаццлэкием, шууитлри цтэри шым кьехуэхацц»* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 8] – «приблизился <Андемиркан к всадникам> и крикнул, от испуга оба всадника упали со своих коней»; *«Ар кьэгубжьам и цхьэцым зыкьырисэти пылэр кьилэтырт. Ахуэдэу хьуацц, и сагьындакьыпэри сысацц. <...> Еуэцц аби, и клэпкьым и цхьэклэ цытехуэри и бгьэмклэ кьыпхыкьлри и жьэгьум техуацц и пэбгыр кьызыштудыжри ар Бесльэн Пцлаццлэжьым и гульэмыжым техуэри и гур гульэф хьуацц. <...> Пелуант, жааа, вийкьэ зэрывэ пхьэлэццэр клуэрыкьуэм зэрытету цери укьуэдия пхьэлэццэр зэрывэр кьыфлхри флильхьэжст, жааа. Унэм цыщлхьэм цыгьуэ бгьукьэ флэкла цлэхуэтэлым, жааа. Бгьунжу гьуэлым-цэ, и бгырыпхыпэмкьэ джэдур хуиту цлэжст, жааа»* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10] – «Когда он был в сильном гневе, его волосы становились дыбом и от этого приподнимался шлем. Так и случилось <на этот раз>, задрожали и наконецники стрел. <...> Выстрелил он <в оленя>, и <стрела> попала чуть выше хвоста, <прошла через все тело>, пробила грудь, отсюда попала в подбородок <оленя>, раздробила ему нос, потом она попала в ось колеса арбы Беслана Тучного, <пробила колесо к оси> и арба остановилась. <...> Он был богатырем, – говорят, – при вспашке на ходу снимал <с ярма> натянутую цепь плуга, в который были запряжены восемь волов, и обратно привязывал, – говорят. В дом заходил, повернувшись боком, так как не вмещался <в дверной проем>. Когда лежал на боку, под его талией кошка могла пробежать легко, – говорят».

Несмотря на такие достоинства Андемиркана, князь Беслан Тучный и его сподвижники недооценивают его: они отказываются признать его благородное происхождение и причислить к «чистокровным князьям». Но и Андемиркан тоже стремится доказать свое превосходство над ними. И данное обстоятельство становится причиной возникновения конфликта между ними. Как отмечает А.М. Гутов, «...герой не может соперничать с настоящими князьями, пока не докажет свою полную состоятельность в соперничестве с ними. Поэтому единственная возможность для него самоутвердиться – в проявлении незаурядных личностных качеств» [Гутов 2009: 144]. В принципе, это и является главным сюжетобразующим компонентом большинства сказаний рассматриваемого цикла. Поэтому, чтобы акцентировать внимание слушателя на это, повествование «прибегает» к

эффектам неожиданности и удивления. Так, в варианте Чеченова Мурида [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 9] князь Беслан, чтобы напомнить ему о его происхождении и заодно унижить его, обращается к нему со словами: «– Хьэ-уэ, уэ уфIкьым, уи хьэ дауэ фIы хьун?! Бесльэнхэ пицы лъэпкъыц, уэ упицы-тумэц. Пицы-тумэрэ хьэ-тумэрэ зыхэбгъыхьэ хьунукъым, – жиIац Бесльэн» – «– Нет, ты сам низкий <человек>, может ли у такого как ты собака быть благородной?! Беслановы – из <чистокровного> княжеского рода, а ты – князь-тума. Нельзя причислять князя-туму и собаку-туму к тем, <у кого благородное происхождение>, – сказал Беслан». В этот момент князь и его слуги были заняты охотой. Слуги подгоняли к нему животных, и он подстреливал их, сидя в арбе. Беслан трижды промахивается, а Андемиркан одним выстрелом пригвозждает кабана к колесу арбы. Потом обращается к Беслану: «– Бесльэн ПцIапцIэу гурышэ, си шэм и кIуэкIэр уигу ирихьа? – жиIэри» – «– Беслан Тучный, которого возят на арбе, понравился ли тебе полет моей стрелы? – говоря».

В этом противостоянии Андемиркан, как можно судить, исходя из законов элементарной логики, терпит неудачу – он погибает. Однако эффект неожиданности и удивления проявляется в том, что физическая гибель героя оказывается его духовной победой. Согласно сюжету о его гибели, его побратим, Канибулат, нарушает клятву дружбы и выводит его на открытое, осажденное врагами место. Герой оказывается перед целым вражеским войском без своего могучего меча и богатырского коня. Т.е., в этом эпизоде Андемиркан представляется не во весь рост: он ослаблен, уязвим, никто не надеется на него. При этом силы врага преувеличиваются. По наиболее распространенной версии, в засаде его ожидает целое войско: с одной стороны – пешие стрелки, а сзади его атакуют хорошо вооруженные всадники. Однако, несмотря на это, он, неожиданно для всех, затевает с ними битву, проявляя доблесть и героизм: «*АштIым зацIэкIэ лIибгъу иукIац...*» – «*Одним кулаком девятерых витязей убил*», – говорится в вышеуказанном варианте Керефова Шумихи [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10]. Более подробно эта ситуация описывается в версии Шхагапсоева Амбия: «– *А Къаниболэт, сыбгъапцIэри шIым и пцIананIэм сыкъипишэц! – жиIэри, къызIэбэкIри и жьакIэр пигъэциц, и Iэхьуамбицири дигъакIуэци, – Уащыгъуциэнкъым, – жиIэри и нэкIум дамыгъэр тридзац. И джатэр ирихри яхьхьэци, мэл жьагъэ хабзэу зэрихуэрэ зыбжани зэтриукIэри, езыр абдежкIэм къыцаукIац*» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 4] – «– *Эх Канибулат, обманув меня, ты на голое [открытое] место меня вывел! – говоря, <Андемиркан> оборачивается и ему бороду отсекает, заодно три его пальца отрубает, – Тебя не забудут, – говоря, на его лице клеймо <позора> ставит. <Потом> обнажив свой меч, направляется <к врагам> и, гоня их овцам убойным подобно, многих сражает, и сам погибает <в этом сражении>*».

Здесь надо иметь в виду общее для эпохи рыцарства представление о том, что гибель в сражении открывает прямую дорогу к благоденствию в потустороннем мире. Поэтому она не означает поражения в духовном смысле.

Эффектами неожиданности и удивления наполнена и песня об Андемиркане, при этом здесь они, благодаря сочетанию литоты и гиперболы, принимают усиленную форму. Как и в прозаических повествованиях, он рождается в Междуморье, на него налетает орел, приносит в Кабарду, и сразу же после того, как опускается на землю, начинает совершать подвиги (ср. в нартском эпосе в пшинатлях о Батразе: «*Зи гум из, гумызищэр зыкIуэцIыль, Ныбэм илгу лъыр зыцIэж...*» – «*<Витязь> доблестный, ста доблестным равный, Еще в утробе находясь, за кровь <отца> отомстивший...*» [Нарты. Адыгский эпос 2017: 130]). Эта ситуация обстоятельно характеризуется, например, в варианте Хажмурата Жилетежева, и для наглядности считаем необходимым привести большой отрывок, в котором наличествуют формулы, определяющие мощь героя:

<...>

*Щыльэми носыри, тшаггъуэ гуэрэнти, ноув,
Табын увыгъэти, гуаццлэвий хабзэти, зэццлэсэ,*

<...>

*Хьуниццлэ кьшиццлэ кьшиццлэ шууиццлэ пиццлэ дэр фцлэ маццлэ ццлэ,
Бийм наццлэ окцлэ иери, мэл жьагъэ хабзэти, зэрехуэ,
Джатэр црехьыри – бийм я гуиццлэ Лури и гьуэгуиццлэ,*

<...>

*Зэдытырапхъэри – и афэ гьуапэр и мэлуиццлэ,
Бжыиццлэ хьуэ и шыгъыр лыхьу-лыиццлэ хьэ нэлум и лыст,*

<...>

*Узэрыццлэ алэрэ хьэццлэ хьэрылуэгур пхуимыкцлэ,
Пщым я нэхьыкцлэти, Къаниболэтыр уи егьут,
Жэрэгьум и тхьэр Къаниболэтым хыгъуэж,
Тхьэкцлэ сегьащцлэри щыиццлэ и пиццлэ напцлэ ем сьрешэ,
Сыкьыдырейшери, Хьууиццлэ хьэ мэзти, сыццлэ шэ,
Сяпкцлэ сыплэем – лъэсым и фочауэр кьыщыст,
Сыкьеплээкцлэ жыкцлэ – джатэ кцлэ щцлэ шухэр кьэсаш,
Сывдэджэгуиццлэ, си джатэ кцлэ щцлэ и гьуэджэщцлэ,
Сынывэлэгуиццлэ, Жэман-Шырыкьым сытескьым,
Сывдэлэ хьуиццлэ, си шырыкьуиццлэ тыр си лъэхьуиццлэ,
Щыиццлэ ятцлэ ам, лъакьуэ зэбгьуриццлэ ти, сафцлэ олъэ,
Джатэр си баиццлэ ти, лыхьур ццлэ джэщцлэ т, хьэццлэ ащцлэ ццлэ,
Битури носыри и лъэкцлэ мпцлэ шэр спылуедз,
Зыкьыццлэ эдзэ кьыри жьакцлэ ццлэ маццлэ эр пызгъэщцлэ,
«Узэхэццлэ гуиццлэ», – жьыцлэ эри и нэлум дамыгъэр кьытездзэщцлэ,
«Сыиццлэ гуиццлэ энкьым», – жьыцлэ эри и ццлэ хьуамбищцлэ тыр дэзгъакцлэ гуиццлэ,
Хьуу икцлэ кьыуей гуиццлэ т, хьэ кьыуей лъэрыиццлэ ти, докцлэ кьыж*

[АЙГИКБНЦРАН. Ф. 2. Оп. 1. П. 21-г. П. 1].

<...>

*На землю опускается, <он>, густому туману подобно, становится,
Табуном выстроились <враги>, <Андемиркан с силою> восьми
мощных волов <им> противостоит,*

<...>

*Чтобы <в одиночку> устроить нападение, сотни <вражеских>
всадников для него мало,
Крикнет на врагов – <их>, овцам убойным подобно, гоняет,
<Он> меч обнажает, и тела врагов – его дорога,*

<...>

*<Стрелами> осыпают друг друга, рукав его кольчуги ему щит,
Наконечник копья, которого в его руках – для лица мужа
доблестного [противника достойного] – жало,*

<...>

*С юных лет твое бешеное [храброе] сердце не успокаивается,
Самый скверный среди князей, Канибулат – <он> твой враг,
Бог-покровитель дружбы пусть Канибулата покарает,
<Он меня> клятвой <ложной> обманывает
и на голое [открытое] место выводит.
Выводит меня, там Хеу-лес, и <туда меня> заводит,
Вперед гляну – стрелки пешие сидят <в засаде>,
Назад гляну – с короткими мечами всадники близко [явились],
Посостязался бы с вами – мой короткий меч недоступен,
Перепрыгнул бы через вас – не на Жаман-Шарыке я сиду,
Впередgonки побежал бы с вами – мои сапоги мне обуза,
Ловчую яму, что вырыли <мне>, двумя ногами я перескакиваю,
Меч вместо посоха <опорой> мне <в руке> был, витязь
отважный сражен,*

Биту прибывает, ногу кривую мне подставляет,
Разворачиваюсь, <у него> бороду редкую отсекаю,
«Ты наездник», – сказав, на лице клеймо <позора> ставлю,
«Меня не забудешь», – сказав, три его пальца заодно отсекаю.
Хеу без брода был, о горе, оставшиеся <в живых>
узкой тропой выходят <из ущелья>.

Исходя из всего сказанного, можно отметить, что эффект неожиданности и удивления является характерной чертой и для историко-героического эпоса. Он выполняет важную роль в сюжетосложении и в архитектонике образа центрального персонажа фольклорных произведений, объединяемых под обозначенной разновидностью адыгского эпоса. Анализ материала, который опирается на сказаниях об Андемиркане, показал, что здесь встречаются те же средства достижения названного эффекта, что и в архаических жанрах устного народного творчества адыгов, в частности, в богатырских сказках и нартском эпосе. Это, в первую очередь, мотив предварительной недооценки героя в силу его молодости или социального положения. Для этой цели используются также различные поэтические тропы – эпитет, гипербола, литота, сравнение и т.д. Благодаря им на вершину внимания выносятся сила, мужество, доблесть, героизм, благородство героя, в образе которого воплощены черты адыгского средневекового рыцаря.

Источники и литература

1. Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. Томитгу / зэхэз. КъардэнгъушI З.П. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1969. 2 т. Н. 286. (Адыгский фольклор. В 2-х томах / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1969. Т. 2. 286 с.).
2. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
3. Балдынова А.А. Роль эмоции удивления в организации структуры немецкого анекдота // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 2 (49). С. 241–244. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-emotsii-udivleniya-v-organizatsii-struktury-nemetskogo-anekdota> (Дата обращения: 25.09.2019).
4. Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
5. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 219 с.
6. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 651 с.
7. Кудалева З.Ж. Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 84–89.
8. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 264 с.
9. Нарты. Адыгский эпос. Озырмес. Батраз. Ашамез / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ИГИКБНЦРАН, 2017. 468 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2-%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (Дата обращения: 22.10.2019).
10. Нарты. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., коммент. И.В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. 336 с.
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
13. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). (Собрание трудов В.Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю.С. Рассказова. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/propp/index.php (Дата обращения: 25.09.2019).

14. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.
15. *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов: «Саратовское книжное издательство», 1958. 392 с.
16. *ФАИГИКБНЦРАН* – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

**THE EFFECT OF UNEXPECTED AND ASTONISHMENT
IN THE HISTORICAL AND HEROIC EPIC OF ADYGS
(based on the materials of the Andemirkan cycle)**

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Sector of the Adyghe Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

Currently, in Adyghe folklore there are a number of scientific works devoted to the study of poetics and stylistics of the folk epic. In particular, a huge amount of work was done to cover issues related to its genesis and evolution, plot and thematic composition, functional characteristics of characters, visual and expressive means, etc. However, despite this, many problems remain unresolved. For the first time on the basis of the legends of the Adyghe historical and heroic epic, the article analyzes the characteristic features of using the effect of unexpected and surprise as one of the important ways in a literary narrative text. For this purpose, as an example, the variants of the song and the legend of the cycle about Andemirkan are considered, where the named effect plays a significant role in the image and idealization of the hero. The work notes that the most popular situations in the younger epic, creating the effect of unexpected and astonishment, are the social position and youth of the hero. In this regard, the article focuses on specific forms of implementation of the «preliminary underestimation» motive. Of some interest are also some artistic and pictorial means (hyperbole, litota, comparison, etc.), which in many cases are presented as effects of exaggeration, understatement, surprise, etc.

The article is based on the fundamental researches of Russian scientists E.M. Meletinsky, V.Ya. Propp, A.P. Skaftymov, A.M. Gutov, as well as involving extensive factual material selected for inclusion in the next volume of the anthological code of Adyghe folklore.

Keywords: Adyghe folklore, historical and heroic epic, effect of unexpected and astonishment, motive of «preliminary underestimation», hero, Nart legends, cycle about Andemirkan.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-87-96

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Гулиева (Занукова) Фаризат Хасановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gfariza37@mail.ru

Статья посвящена изучению механизмов реализации довольно распространенного в мировом фольклоре мотива оборотничества на материале волшебных сказок карачаевцев и балкарцев. Отмечается, что этот мотив напрямую связан с древними воззрениями данного этноса, в частности, мифологией, тотемизмом и магией. Исследование показало, что превращение может быть добровольным, случайным и вынужденным, насильственным. В первом случае оборотничество может быть чудесной способностью персонажа или же являться следствием применения каких-либо волшебных средств, во втором – быть связанным со свойствами того или иного предмета, субстанции, в третьем – являться результатом проклятия, магического воздействия. В карачаево-балкарских сказках оборотничество может быть одноактным, т.е. однонаправленным (человек – животное / птица, животное / птица – человек и т.п.), либо многоактным (от 2 до бесконечности; человек – животное – другое животное – птица – человек, животное – другое животное – третье животное / человек – исходное животное, золотая рыбка – человек – золотая рыбка и т.д.) действием. Трансформации могут подвергаться не только человеческие герои, но и животные, демонологические, сверхъестественные персонажи. Анализ текстов карачаево-балкарских волшебных сказок позволяет сделать вывод о том, что мотив оборотничества нашел в них широкое применение, получил детальную разработку и реализован во множестве вариаций.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебная сказка, оборотничество, тотемизм, магия, чудесный предмет.

В научной литературе волшебная сказка выделяется с определениями волшебная, волшебнo-фантастическая, чудесная и т.п. Главным ее жанрообразующим признаком в карачаево-балкарском фольклоре, как и в фольклоре многих народов, является наличие элемента чуда, которое «может выражаться в необычности главного героя (чудесное рождение, быстрое взросление, гиперболизация его физических и моральных качеств), сверхъестественности его противников (ведьм, колдунов, оборотней, эмегенов, драконов и т.п.), наличии чудесных помощников (люди со сверхспособностями; различные духи; мудрые звери, умеющие говорить и перевоплощаться в людей, домашних животных и различные предметы; чудесные говорящие кони, способные не только быстро скакать по земле, но и подниматься в небо, опускаться и плавать под водой; чудовища-эмегены, выполняющие в нартском эпосе роль исключительно отрицательных персонажей; пойманная и отпущенная на волю ведьма-оборотень, которая также может порой оказаться спасительницей, мудрой советчицей и помощницей героя), волшебных предметов (дубинка-самобой, чудесные мечи, шапка-невидимка, скатерть-самобранка, войлочная плетель, волшебное зеркало, показывающее все, что в мире творится, пули / стрелы, сообщающие об опасности, грозящей герою, или о его смерти, и т.п.), в самом пути разрешения конфликта, который в реальной жизни невозможен» [Гулиева

(Занукоева) 2016: 95]. Кроме того, существуют определенные механизмы, способы и приемы, через которые элемент чуда реализуется в волшебных сказках. Одним из них является оборотничество.

Изменение облика персонажа является довольно распространенным мотивом в фольклоре практически всех народов мира. В сказочном эпосе он также нашел широкое применение. Для обозначения данного действия в научной литературе применяются такие термины, как *превращение*, *перевоплощение*, *преображение*, *оборотничество* и др. Трактование их у разных исследователей может отличаться. Так, Л.Н. Виноградова понимает превращение как фольклорный мотив, «в котором отражаются народные поверья о способности живого существа или предмета изменять свой облик, внешний вид, ипостась, т.е. о возможности стать другим существом, растением, предметом, камнем и т.п. ... вид метаморфозы, произошедшей навсегда (либо на неопределенно долгое время)», и отделяет его от оборотничества, «приписываемого, прежде всего, демонологическим персонажам, а также “знающим” людям, склонным менять свой вид лишь на определенное время (умеющим оборачиваться “туда и обратно”») [Виноградова 2004: 67]. Н.А. Ашихманова считает перевоплощение (включая и оборотничество) и преобразование двумя вариантами превращения, а отличие перевоплощения от преобразования видит в том, что «внутреннее содержание героев не меняется, и это часто используется соответствующими персонажами как обманный мотив» [Ашихманова 2015: 78]. Б.А. Коломакина же полагает, что оснований для разграничения понятий оборотничества (магической перемены облика одушевленного персонажа) и превращения (изменение одной материи в другую, происходящее, как правило, путем наложения заклинаний) нет и все виды перехода из одной материи (состояния) в другую в фольклоре предлагает определять как превращение [Коломакина 2012: 19]. Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что термин «превращение» имеет более широкое значение, которое не ограничивается рамками оборотничества, являющегося одной из его разновидностей, но связано также с прогрессом и регрессом внешности героя (преображением, уродством, резким взрослением, старением, омоложением и т.п.), окаменением, переходом в разряд флоры и т.д.

Интересно отметить и тот факт, что оборотничество, традиционно понимаемое в европейской и американской культуре как зависящее от фаз луны превращение человека в волка, ставшее следствием укуса оборотня, в карачаево-балкарском устном творчестве не встречается. По суеверным представлениям этого народа в волков могли превращаться *обуры* и *куртха* (ведьмы) с целью причинения ущерба скоту, но и в этом случае речь не шла о заражении через укус. Возможно, данное обстоятельство связано с тем, что волк считался тотемным животным, к тому же борющимся с нечистью. Считается, что это единственный зверь, который не только может видеть джиннов, шайтанов, но и уничтожает их детенышей. Так, в этнографическом рассказе «*Бёрю бла адам*» – «Волк и человек» повествуется о том, как в давние времена волк, поддавшись на провокацию лисы, напал на стада Апсаты, которые должен был стеречь, и оказался изгнанным. С тех пор он воспринимается как враг человека и скота. Однако и сегодня он приносит пользу человеку: «если бы не волки, землю захватили бы шайтаны. Роды шайтанов видят только алмосту и волк. Как только у шайтана начинаются роды, волк, украв и убежав, поедает его дитя. ...»

В дом, где есть волчий тулуп или волчья шкура, шайтаны не входят. Раньше, чтобы шайтан не тронул, на колыбели вешали кусочки волчьей шкуры, волчий зуб или волчий череп» [Къарачай-малкъар фольклор 1996: 55].

Культ волка отразился и в карачаево-балкарском нартском эпосе: предводитель нартов Ёрюзбек был вскормлен волчицей. Он же являлся обладателем чудесного волчьего полушубка и боролся с разного рода нечистью [Гучева, Гулиева (Занукоева) 2016: 77–78].

Таким образом, исходя из сведений, собранных исследователями традиционных форм культуры, и данных конкретного сказочного материала, *оборотничество* можно понимать как перевоплощение одного одушевленного субъекта в другой одушевленный субъект, т.е. как трансформацию формы при сохранении содержания. Чаще всего оно связывается с превращением человека в животное / птицу / рыбу / рептилию или животного / птицы / рыбы / рептилии в человека, а также превращением одного человека в другого или изменением пола.

Встречающаяся в фольклорных произведениях способность героя изменять свой внешний облик восходит непосредственно к древним воззрениям, главным образом к мифологии, тотемизму и магии. Даром перевоплощения в них обладают мифические персонажи (божества, джинны, девы-птицы, ведьмы и др.) и тотемные животные, обычный же человек сам по себе не может ни превращаться, ни превращать. Для этого ему необходим превращающий субъект (божество, ведьма, проклинающий, антагонист), чудесный предмет, растение / плод или субстанция.

Превращение как волшебный акт может включать в себя ряд позиций:

- превращающий (субъект);
- превращаемый (объект);
- средство / способ превращения [Коломакина 2012: 20];
- условие возврата к первоначальному состоянию.

В случае, если субъект и объект превращения совпадают, оборотничество имеет добровольный характер. Оно свойственно главным образом так называемому «высокому» оборотничеству [Краюшкина 2008: 73], уходящему своими корнями в мифологию и тотемизм и являющемуся врожденной способностью персонажа. Достаточно вспомнить, что, согласно мифологическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, покровитель диких животных Апсаты и его дочь Байдымат / Фатимат могли принимать облик белого оленя и маралихи соответственно. В волшебных сказках данный мотив дается в трансформированном, «сниженном» варианте. В ряде текстов встречается эпизод об убитой и ожившей лани, которая на возглас удивления охотника отвечает, что это не диво, а про настоящее чудо расскажет такой-то (Индырбаев Магомед / Сокур Али и т.д.), но лишь в немногих он доведен до логического завершения. Так, в сказке «Эмеген и охотник» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 197–203] оказывается, что той ланью была дочь Сокура Али, превращенная в животное по воле некоего таинственного голоса с целью привести охотника в дом отца, чтобы тот отомстил эмегену и оживил ее братьев.

Отразился в карачаево-балкарских сказках и мотив женитьбы персонажа на тотемной супруге. Так, Солтан-Герий, герой одноименной сказки, еще будучи в колыбели оказывается помеченным царем змей – на нем находят необычную яркую бусину, появляется метка и на отцовском кинжале. По этим приметам после достижения 22-летнего возраста его узнают змеи и доставляют к своему повелителю, представляющему в образе дракона, для заключения брака с его дочерью. При первом знакомстве Солтан-Герий видит, что его суженая – змея, однако, заметив грусть жениха, змея уползает обратно в комнату и возвращается уже в виде прекрасной девушки. Несмотря на симпатию к супруге, герой не может забыть о своей бедной матери и односельчанах, страдающих от нехватки воды из-за дракона, перекрывавшего реку, и жестокого бия Мухарбия, который заставлял жителей села собирать всю дождевую и ледниковую воду в свой арык и орошать свои поля. Выведав потихоньку у жены единственный способ погубить дракона, улучив момент, герой убивает его и возвращается к матери и своей общине. Примечательно, что хотя в тексте превалируют социальные мотивы и Солтан-Герий, по сути, предал свою тотемную супругу и сбежал от нее, она, как и обещала, отомстила за него его обидчику, бию Мухарбию [Малкъар халкъ жомакъла 1992: 146–153].

По представлениям карачаевцев и балкарцев в змею или обычную девушку могла превращаться и дочь царя джиннов, на которой приходится жениться герою («Хан бла жашлары» – «Хан и его сыновья» [Малкъар жомакъла... 1959: 59–66]).

К этой же группе, по нашему мнению, примыкают сказки о чудесных супругах (девушках-орлицах, голубках, лебедях). Чаще всего в подобных произведениях герою удается заполучить такую невесту с помощью хитрости – похитив их одежду / личину («Жарыкбий» [Къарачай-малкъар фольклорну своду, т. III 2017: 159–178]) или выследив их жилище («Байталбатыр» [Малкъар жомакъла... 1959: 31–37]).

Следует, однако, оговорить, что встреча героя с девами-птицами не всегда связана с мотивом женитьбы, иногда они выступают только в роли чудесных помощниц, как в сказке «Аладин» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 90–97], где девушки-лебеди помогают главному герою пройти через брачное испытание (разговорить княжну-молчунью).

Встречается и мотив превращения в человека благодарной золотой рыбы, которая помогает отверженному сыну хана обрести жену, богатство и положение в обществе («Алтын чабакъ» – «Золотая рыба» [Къарачай-малкъар фольклорну своду, т. III 2017: 393–394]).

В карачаево-балкарских волшебных сказках добровольное оборотничество может быть связано и с образом *къуртха / обур* «ведьмы», которая для достижения своих целей принимает облик животного или другого человека. Так, в тексте «Фатимат» [Малкъар халкъ жомакъла 1992: 74–81] ведьма, для того чтобы по приказу ханши известить главную героиню, превращается сперва в старушку, а затем в старика. В произведении «Къызычыкъ бла къозучукъ» – «Девочка и ягненок» [Малкъар халкъ жомакъла 1992: 136–141] колдунья принимает облик девушки Илеуки, чтобы занять ее место и стать женой хана. В этом случае «оборачивание заключается в себе не только “принятие облика” других людей, но и выполнение функций, социальной роли того, в кого оборачиваются» [Коломакина 2012: 20]. Данное утверждение применимо к длительным превращениям, но не кратковременным, направленным на достижение всего лишь одной конкретной цели, после чего происходит развоплощение. В сказке «Обур эфенди» – «Эфенди-колдун» [Малкъар жомакъла... 1959: 126–133], чтобы выведать причину печали своей супруги, антагонист главной героини, обладавший способностью превращаться в любое живое существо, поочередно принимает облик ее подруги и отца, а, узнав, тотчас перевоплощается обратно и запугивает свою жертву.

В ряде сказок мы можем наблюдать также добровольное превращение человека в животное / птицу. Однако, как уже было отмечено выше, оно осуществляется не самостоятельно, а только при определенных условиях. Так, в тексте «Танду» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 351–356] главный герой, чтобы пробраться в комнату дочери царя джиннов, не испугав и не смутив девушку, обращается с мольбой к Аллаху и превращается в голубя. Развоплощение происходит тем же путем.

Исходя из этого, мы можем заключить, что добровольное оборотничество чаще всего является действием многоактным, повторяющимся и может быть кратковременным или длительным.

В ситуации, когда объект и субъект превращения не едины, речь идет о принудительном, насильственном оборотничестве. Оно может быть связано с кознями сверхъестественных существ или обычных людей, противостоящих героям. По сути, превращение в данном случае является либо испытанием, либо наказанием / возмездием. В первом варианте субъектом является антагонист (противник) героя, в роли которого могут выступать коварная жена, ее любовник («Магомед Индырбаев» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 189–192], «Бай улу Бат» – «Баев Бат» [Къарачай-малкъар фольклорну своду, т. III 2017: 285]), свекор («Бедняк и ханская дочь» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 52–56]). Превращающим предметом здесь выступает чудесная плеть, которая оборачивает ударяемого по желанию ударяющего в любое животное. Однако в карачаево-балкарских сказках

этот круг ограничен: описываются превращения в серого жеребца – черного жеребца – белую собаку – филина; осла – собаку – стрижа; осла – собаку – филина. Развоплощение в большинстве случаев происходит благодаря ведьме (*кьуртха*), которая была поймана героем в образе собаки и отпущена в обмен на обещание помощи. Она подсказывает, что герою следует потереться о плеть, чтобы вновь стать человеком. В сказке же «Бедняк и ханская дочь» главный герой Ахмат сам догадывается проделать эту манипуляцию. В текстах на данный мотив за превращением-испытанием следует превращение-возмездие: развоплотившись, герой завладевает плетью и обращает своих обидчиков в ослов и / или быка и корову / кабана и свинью.

Одной из форм наказания или испытания может считаться и превращение девушки в дракона за отказ выйти замуж за эмегена, встречающееся в сказке «Карабатыр» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 97–102]. Развоплощение происходит после гибели проклявшего ее эмегена.

Наказание проявляется и в превращении человека в животное через проклятие. Например, в тексте «Всадник в шкуре жеребенка» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 141–148] один из персонажей-помощников за нарушение запрета ездить в одиночку был проклят Богом и превратился в кабана. Развоплотился после того, как был похоронен Адильгиреем Зановым и его дружиной, и получил возможность выбираться из иного мира на помощь правоверным. В сказках «Хан бла жашлары» – «Хан и его сыновья» [Малкьар жомакъла... 1959: 53–58] и «Зар кьарындашла» – «Завистливые братья» [Малкьар халкъ жомакъла, т. II 1963: 14–22] отец и два старших брата главного героя за многократные попытки избавиться от младшего сына и завладеть его женой были превращены силой проклятия в животных. В первом тексте проклинаящей выступает умершая жена хана, к которой отсылают младшего брата за молитвенником, хан превращается в кабана, а братья – в охотничьих псов. Во втором произведении проклинатель – таинственный шейх, к которому герой отправляется опять-таки за молитвенником. Отец оборачивается черным кабаном, а завистливые братья – светлыми кабанями.

Превращение через проклятие имеет место и в записанной В. Прёле в Карачае сказке о трех дочерях одного мужчины [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 297–298], однако в данном случае происходит смена пола. Младшая дочь, по сути, выполняет те же функции, что и младший сын (по воле своего хана добывает шкуры златорогих оленя и быка, похищает дочь другого хана), а трансформация (превращение из девушки в парня вследствие проклятия похищенной) лишь ставит все на свои места: хан оборачивается черным кабаном, его приспешники – в собак, а девушка, привезшая дочь хана, обернулась юношей, который женился на похищенной и сам стал ханом. Другими словами, хоть в данном случае превращение и имеет насильственный характер, оно не может считаться наказанием. По всей видимости, данный мотив является отголоском периода перехода от матриархата к патриархату.

Встречается в карачаево-балкарских волшебных сказках и третий вид оборотничества – случайное превращение, когда субъект и объект перевоплощения совпадают, но действие является неосознанным. Чаще всего оно связано со съедением чудесных фруктов (сливы / груши – «Жарлы киши» – «Бедняк» [Малкьар халкъ жомакъла 1992: 40–43], «Пасынок» [Карачаево-балкарский фольклор... 1983: 162–165]) или испитием воды из водоема, откуда пили или через которое проходили животные («Къызчыкъ бла къозучукъ» – «Девочка и ягненок» [Малкьар халкъ жомакъла 1992: 136–141], «Илеука» [Балкарские и карачаевские сказки 1983: 37–43]). В первом варианте развоплощение происходит путем употребления в пищу другого фрукта (груши / яблока). Данный сюжет включает в себя и мотив наказания и укрощения коварной красавицы с помощью волшебных фруктов.

Во втором случае развоплощение предстает как более сложный процесс. Так, в сказке «Къызчыкъ бла къозучукъ» – «Девочка и ягненок» героиня погибает, чудесным образом воскресает и рассказывает свою историю, а в качестве подтверждения произносит фразу «Если я говорю правду, пусть ягненок рядом с тронном хана, превратившись в человека, подойдет ко мне». Тем самым она возвращает своему брату человеческий облик.

Становится очевидным, что случайное оборотничество в карачаево-балкарских волшебных сказках является обратимым, а следовательно многоактным действием.

Таким образом, анализ ряда текстов карачаево-балкарских волшебных сказок показал, что превращение может быть:

- по субъектно-объектным отношениям – добровольным, принудительным или случайным;
- по длительности – кратковременным или долговременным;
- по количеству стадий – одноактным (однаправленным) или многоактным;
- по возможности возврата к исходной форме – обратимым или необратимым;
- по применению вспомогательных средств – самостоятельным или нет (т.е. при помощи чудесных предметов / фруктов / субстанций, заклятий, проклятий).

Следует отметить и то, что в одном тексте могут сочетаться сразу несколько видов оборотничества.

Все указанное позволяет констатировать, что оборотничество, как один из способов реализации элемента чуда, нашло широкое применение в карачаево-балкарском сказочном эпосе и представлено в самых разнообразных вариациях.

Источники и литература

1. Ашихманова Н.А. Сюжетный мотив «превращение» как единица сказочного нарратива // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 73–79.
2. Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. М.: Дет. лит., 1983. 112 с.
3. Виноградова Л.Н. Славянские древности // Славяноведение. 2004. № 6. С. 67–70.
4. Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Карачаево-балкарская волшебная сказка. К вопросу определения жанровых границ // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 95–98.
5. Гучева А.В., Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Адыгский и карачаево-балкарский нартский эпос: традиционная одежда и обувь (с древнейших времен до средневековья) // История науки и техники. 2016. № 10. С. 69–79.
6. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
7. Коломакина Б.А. Мотив превращения человека в животное в волшебных сказках бурят и шорцев // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 19–23.
8. Краюшкина Т.В. Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 73–78.
9. Къарачай-малкъар фольклор: Хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: «Эль-Фа» басма ара, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: Хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
10. Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (Дата обращения: 18.06.2019).
11. Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле / жыйышдыргъан А.Х. Соттаев. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1959. 268 б. (Балкарские сказки, пословицы, загадки / сост. А.Х. Соттаев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 268 с.).

12. Малкъар халкъ жомакъла / жарашдыргъан Мотталаны С.М. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1992. 188 б. (Балкарские народные сказки / сост. С.М. Моттаева. Нальчик: Эльбрус, 1992. 188 с.).

13. Малкъар халкъ жомакъла. II том / жарашдыргъан С.А. Отаров. Нальчик: Къабарты-Малкъар китап басмасы, 1963. 323 б. (Балкарские народные сказки. Т. 2 / сост. С.А. Отаров. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 323 с.).

THE MOTIVE OF SHAPE-SHIFTING IN KARACHAY-BALKARIAN MAGIC FAIRY-TALES

Gulieva (Zanukoeva) Farizat Hasanovna, Candidate of Philology, Scientific Worker of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gfariza37@mail.ru

The article is devoted to studying of mechanisms of realization of rather widespread in world folklore motive of shape-shifting on a material of magic fairy-tales of karachais and balkarians. It is marked, that this motive directly related to the ancient views of the given ethnos, in particular, to mythology, totemism and magic. Research showed, that transformation maybe voluntary, accidental and compelled, violent. In the first case shape-shifting maybe wonderful capacity of the character or be the result of using of any magic means, in the second – to be connected with properties of some object, substance, in the third – be the result of a curse, a magical influence. In karachay-balkarian fairy-tales shape-shifting maybe one-act, unidirectional (person – animal / bird, animal / bird – person, etc.), or multiact (from 2 to infinity; person – animal – other animal – bird – person, animal – other animal – third animal / person – initial animal, gold small fish – person – gold small fish, etc.) action. Transformations can be exposed not only human heroes, but also animals, demonic, supernatural characters. The analysis of texts of karachay-balkarian magic fairy-tales allows to conclude that, the motive of shape-shifting has found in them wide application, has received detailed development and is implemented in many variations.

Keywords: karachay-balkarian folklore, magic fairy-tale, shape-shifting, totemism, magic, wonderful piece.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-97-103

ПЕСНЯ БАЛЛАДНОГО ТИПА В АДЫГСКОМ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Малая лиро-эпическая форма – одна из неисследованных областей песенной народной культуры адыгов. В статье впервые в адыгской фольклористике ставится задача установить на примере рассмотрения одной из песен лиро-эпического характера сам факт существования в адыгском фольклоре произведений балладного типа и определить их основные типологические признаки, а также отличительные особенности. Характеризуется состояние изученности проблемы на данном этноязыковом материале и устанавливаются причины, по которым рассматриваемый предмет не привлекал ранее внимания исследователей. К анализу привлекаются все известные записи песни, что позволяет установить диапазон варьирования на уровне содержания, устойчивости поэтического текста и географии бытования. Обращается внимание на такие общие признаки жанра баллады как наличие развернутого повествования, однопостановочность и однособытийность, драматизм ситуации и пр. в результате делается вывод о том, что баллада или песня балладного типа не получила самостоятельного жанрового статуса в адыгской песенной традиции, однако она занимает свое важное место в контексте общей поэтической и музыкальной культуры народа. Дальнейшие разыскания в данной области имеют благоприятную перспективу для установления социокультурной и художественной значимости баллады в адыгском фольклоре.

Ключевые слова: адыгский (черкесский) фольклор, баллада, песни балладного типа, Андемиркан, сюжет, драматизм, типология.

До настоящего времени малый лиро-эпический жанр адыгской народной поэзии не становился объектом научного рассмотрения. Исследователи порою и не упоминали о таком явлении музыкального фольклора как баллада. Впервые по отношению к некоторым песням адыгов этот термин употребила С.Ш. Аутлева, однако она чаще использует не само слово «баллада», а словосочетания «лиро-драматические произведения» или «песни балладного типа» [Аутлева 1973: 58, 93, 156, 183, 191, 195 и др.]. То же и у З.М. Налоева [Налоев 1986: 32]. Большинство других авторов, изучавших адыгскую песенную культуру, или всего лишь называют термин, или используют другое выражение [Унарокова 2004; Хут 2005; Паштова 2009 и др.]. Между тем, целый ряд песен, которые по содержанию и некоторым иным характеристикам относят к историко-героическому эпосу, с очевидностью обнаруживают формальные признаки баллады.

Задача настоящей работы – обратить внимание на балладу как явление адыгского фольклора и рассмотреть ее характерные признаки на примере одной из песен.

Органическое единство прозаического предания и эмоционально-оценочной песни в историко-героическом эпосе [Налоев 1986: 23-24; Гутов 2013: 7-8 и др.] делает необязательным наличие развернутого сюжета в поэтическом тексте. Помимо того, при всех иных расхождениях во взглядах, исследователи и европейской, и

русской традиционной культуры единодушны в том, что нельзя признавать идентичными явлениями баллады фольклорные и литературные. То же очевидно и относительно понятия баллады в различных языковых традициях – французской, итальянской, английской, немецкой, русской и пр., так как в каждом случае возможны свои особенности в зависимости от языка, локальной традиции, времени и обстоятельств [Аринштейн 1988: 55–57; Соколов 1941: 422 и др.].

Между тем, в адыгском фольклоре можно выделить песни, в большинстве своем историко-героического плана, которые по формальным признакам весьма близки к балладам в традициях других народов. Таковы, например, неоднократно опубликованные «Песня Боря Могучего», «Хатхов сын Кочас», «Хасанш Шогемоко», «Жамбот и Якуб Кушха» и др. По некоторым признакам можно с уверенностью предполагать, что и песня об Андемиркане, которая дошла до нас не в полной форме, также могла иметь балладную форму: согласно информации ряда исполнителей она состояла из семи глав, но из суеверных представлений ни один исполнитель не мог спеть ее целиком. Один из наиболее выразительных примеров, на котором мы хотим концентрировать внимание, представляет собой песня «Анзор Могучий», о гибели бывшего наездника, ставшего жертвой предательства. Нам известно всего 7 ее вариантов, причем все они записаны в XX столетии. Самая ранняя фиксация – вариант из наследия известного лингвиста Н.Ф. Яковлева, хранящегося в фонде акад. Н.Я. Марра [Архив АН СССР]. Записал его, согласно справке самого Н.Ф. Яковлева, ученый и писатель Т.М. Борукаев «1.08.1932 г.». Кроме того, в рукописном архиве ИГИ КБНЦ РАН хранится еще 4 варианта, записанные в 50-е годы XX в. (варианты Л. Амшукова, Х. Жекамухова, А. Шикова и безымянный «урухский») [Архив ИГИ: пасп. №№ 12, 13, 14, 15]. Еще два варианта представлены в звукозаписях. Один, вариант М. Дуарова (в комментариях фамилия приведена неверно – «Дууров» – А.Г.), фрагментарный, записан в 1949 г. (точная дата не указана), сотрудником Кабардинского научно-исследовательского института (ныне – ИГИ КБНЦ РАН) А.И. Альбековым [НПИНА 1986: 123–125], второй – в 1952 г., в Нальчике, в помещении Республиканского радио с голоса одного из носителей древней певческой традиции Амирхана Хавпачева [НПИНА 1986: 119–122].

Общее во всех вариантах то, что налицо развернутый сюжет, в отличие от большинства других адыгских историко-героических песен. Центральный мотив – одна из международных фольклорных универсалий, гибель героя в результате предательства. Анзор Могучий выезжает в поход или в сопровождении спутника-оруженосца, или, в вариантах, в компании всадников. По версиям Т. Борукаева и Л. Амшукова герой и его спутники совершили успешное «молодецкое» разбойное нападение. На обратном пути компания остановилась передохнуть у «надежного человека», но пока наездники спали, хозяин привел все их оружие в негодность. Подоспевшие преследователи предложили грабителям унизительные условия сохранения их жизни. Однако герой, не ведая о порче оружия и полагаясь на него, отвергает предложение, вступает в стычку и погибает. У Л. Амшукова эпизод «вредительства» отсутствует, но герой получает смертельное ранение. Также не указана причина гибели и в варианте А. Шикова: после того, как герой получил смертельное ранение, спутники приносят его отцу «плохую весть».

Наиболее презентативным в художественном отношении представляется вариант А. Хавпачева, дошедший до нас в звукозаписи, причем в композиционно более завершенной форме и в традиционном исполнении. В нем ясно выделяются основные компоненты сюжета: экспозиция, завязка, развитие действия и развязка. Как характерно для малой эпической формы, основные мотивы, образующие сюжет, представлены в «редуцированном» виде, и ни один из компонентов не получает более широкой разработки, чем обеспечивается пропорция между основными частями текста. Структура повествования ориентирована на последовательность изложения событий.

Экспозицию составляет лаконичная, но яркая характеристика героя и его вооружения:

Быранду – славный наездник...
Огню подобно его оружие...
Все отсекает его сабля...
Все разрушает наверхие его стрелы...
Седло его – кузнечные мехи. [НПИНА 1986: 121].

(Здесь и далее перевод наш).

Действие начинается с рассказа о выезде героя со двора в сопровождении оруженосца, которому дано ироническое имя *Угъурлыжъ – Старый Добряк* (вар. – *Приносящий добро*). Ирония раскрывается при дальнейшем развитии действий: проехав одно *теого* (расстояние в один конный переход), герой устраивает привал. Но пока он «на четверть часа» засыпает, его вероломный оруженосец успевает испортить оружие. В песне последовательно описано, как он совершает это:

<Он> его саблю добрую достает...
Его сабли лезвие зазубривает...
Его большое ружье достает...
Кресало спиливает...
Сагайдак достает...
Наконечники стрел отламывает... [НПИНА 1986: 121].

Этим эпизодом, и его развитием, т.е. рассказом о том, как проснувшийся герой, ничего не подозревая, продолжает свой путь, затем вскоре встречается с неприятельским отрядом, в стычке с которым он обречен на гибель, достигается характерное для баллады эмоциональное напряжение:

Доброе *теого* (расстояние от привала до привала – *А.Г.*) проехав...
Черноты массу он видит...

Кульминацией становится поступательное описание того, как, оказавшись безоружным, Анзор Могучий становится жертвой предательства:

Свое большое ружье он достает... –
Кресала на нем нет...
Сагайдак он достает... –
Наконечников стрел у него нет...
Свою добрую саблю достает... –
Лезвия у сабли нет... [НПИНА 1986: 122].

Враги без труда расправляются с обезоруженным воином. Сцена самой гибели певца мало интересует, и этому эпизоду посвящено всего два заключительных поэтических стиха:

Быранду – добрый наездник...
Добрый Анзор погибает. [НПИНА 1986: 122].

Далее следует только голосовое сопровождение, завершающее музыкальную строфу. Солист речитативом исполняет семантически значимую часть стиха, хор подхватывает мелодию голосовым невербальным сопровождением, образуя антифонную конструкцию, в полной гармонии партии запева с хором. Мелодия, несмотря на драматическое содержание песни, мажорная, с четко обозначенным ритмическим рисунком. Можно предположить в этом отразился отдаленный

отголосок происхождения баллады из древних ритуальных плясовых песен синкретического характера, в чем согласны многие исследователи [Никонов 1962: 422; Квятковский 1966: 55–57; Ницолов 1973: 144–145; Гаспаров 1987: 44–45 и др.].

Мы имеем основания считать, что в рассматриваемой песне налицо целый ряд существенных атрибутивных признаков, признаваемых для баллады родовыми. Прежде всего, это наличие развернутого сюжета. Причем, надо обратить внимание и на то, что содержание песни заключено в изложении одного события, описываемого в естественной последовательности происходящих действий и, кроме того, с неизменным доминированием эстетических принципов. Внимание концентрируется на одном герое и одном эпизоде из его жизни. Налицо также нарастающее психологическое напряжение по мере развития действия. Трагическая или же наполненная драматизмом концовка также один из жанровых признаков баллады. Еще одним атрибутом жанра считается бытовой, «негероический» характер сюжета. Правда, вопреки законам жанра, мы имеем в данном произведении описание гибели героя в сражении. Однако в данном случае достойны внимания два важных обстоятельства. Первое – для кавказца воинская атрибутика является частью его быта, поэтому данное обстоятельство можно считать особенностью адыгской традиции. Помимо того, немаловажно и то, что герой погибает не в сражении за свою землю, не во имя защиты каких-либо социально важных ценностей или собственного социально маркированного достоинства, а «бесславно». Это тоже в определенной мере снижает функцию песни, несколько снижает общественный резонанс и сближает ее с балладой.

Таким образом, сделанных наблюдений достаточно, чтобы отметить в ней основные родовые признаки баллады, а из этого закономерно предположить наличие песен с выраженными признаками этого жанра в адыгском песенном фольклоре. Есть уверенность, что более обстоятельные разыскания в данной области позволят установить типологические характеристики песен рассмотренного типа или же баллады как таковой в адыгской народной песенной традиции, а также определить их этнокультурные особенности.

Источники и литература

1. *Андзорьж и уэрэд*. Песня об Анзоре Могучем. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: 1986. 264 с. Звукозапись А. Альбекова (1949 г.: месяц и день не указаны), сотрудника Кабардинского НИИ, с голоса Мухаметмурзы Дуарова – 1883 г. р., партия голосового сопровождения – Бошир Хашкулов: с. Шордаково Кабардино-Балкарии.
2. *Андзорьж и уэрэд*. Песня об Анзоре Могучем. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: 1986. 264 с. Звукозапись Х.М. Секрекова (1952 год; месяц и день не указаны), сотрудника Республиканского радиокомитета, с голоса Амирхана Хавпачева, партия голосового сопровождения – Кру Тхагалегов, Маш Назаров, Хасан Хавпачев (все – с. Кахун Кабардино-Балкарии); 1952 г.
3. *Архив АН СССР*. Ф. 800 (акад. Н.Я. Марра). Оп. 1. № 1145.
4. *Архив ИГИ*. Папка 21. Пасп. №№ 12, 13, 14, 15.
5. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 228 с.
6. *Гаспаров М.Л.* Баллада. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 44–45.
7. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2013. 219 с.
8. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
9. *Налоев Заур.* Героические величальные и плачевые песни адыгов – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. С. 5–34.

10. Никонов В.А. Баллада. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 422–423.
11. Ницолов Лозан и др. Речник на литературните термини. София: Наука и изкуство, 1973. 1112 с.
12. Паштова М.М. Черкесская (адыгская) народная лирика. Традиционные необрядовые жанры. Майкоп: Изд-во З.В. Паштова, 2009. 262 с.
13. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
14. Хут Ш.Х. Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2005. 164 с.

SONG OF BALLAD TYPE IN ADYGH HISTORICAL AND HEROIC EPOS

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The small lyre-epic form is one of the unexplored areas of the song folk culture of the Adyghs (Circassians). The article for the first time in the Adyghe folklore aims to establish the fact of the existence of ballad-type works in the Adyghe folklore and to determine their main typological features, as well as distinctive features by the example of one of the songs of lyrical-epic character. The state of study of the problem on this ethno-linguistic material is characterized and the reasons why the subject under consideration did not attract the attention of researchers before are established. The analysis involves all known records of the song, which allows you to set the range of variation at the level of content, stability of the poetic text and the geography of existence. The attention to such General features of the genre of the ballad as the presence of the expanded narrative, *odnogolosy* and *onesometimes*, the drama of the situation and so the result is the conclusion that the ballad or ballad-type song has not received the status of an independent genre in the Adyghe folk song traditions, but it has its important place in the context of the overall poetic and musical culture of the people. Further research in this area has a favorable prospect for the establishment of socio-cultural and artistic significance of the ballad in the Adyghe folklore.

Keywords: Adyghe folklore, ballad, songs of ballad type, *Andemircan*, the story, the dramatic effect, the typology.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-104-108

НАЕЗДНИЧЕСТВО КАК ЭТАП ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В АДЫГСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), lyanagut@bk.ru

В статье рассматривается характер отражения в фольклоре института наездничества в традиционном адыгском обществе как одного из важных этапов жизненного цикла адыгского мужчины; в большинстве случаев он предшествует созданию семьи и даже может служить одним из способов инициальных испытаний молодого человека. Представлены сведения отечественных и зарубежных ученых о наездничестве в традициях адыгов. Анализируются тексты нартских и историко-героических сказаний, в которых отражено наездничество как род занятий. Также рассматривается адыгский вариант института «мужского дома», который отражен в сказаниях о нартах как «Нарт хасэ» – «Собрание нартов». В более поздней традиции такие собрания воинов известны под названием «шу пшыIэ» – «стан наездников». Они устраивались в определенное время года как многодневные кампании с тайными сборами в определенном месте с целью обучения молодежи и организации небезопасных походов иногда на довольно дальние расстояния. Представлены конкретные условия и правила, которых придерживались воины в таких домах или станах. Ведется также сравнительный анализ сведений фольклорно-этнологического характера с привлечением материалов русского фольклора и фольклора народов Кавказа.

Ключевые слова: зеко, Зекотх, пшинагль, иныж, нарт-хаса, стан наездников, рыцарь, очистительная песня.

Наездничество как образ жизни типологично и существовало у многих народов мира. На адыгском материале эту тему достаточно подробно освещали отечественные и зарубежные исследователи, в их числе Р. Скасси [Скасси 1816: 281–285], Ш.Б. Ногмов [Ногмов 1994: 232], Л.Г. Лопатинский [Лопатинский 1981: 1–10], Н.Ф. Дубровин [Дубровин 1991: 13–249]. Из современных исследователей особое внимание данному явлению уделяют Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 1983: 232], А.С. Марзей [Марзей 2000: 256] и др.

Большинство из них рассматривали институт наездничества более всего с историко-культурной точки зрения. Нас же интересует характер его отражения в фольклоре как этапа жизни человека традиционного общества. Несмотря на то, что после обряда инициации юноши получали право обзавестись семьей, далеко не каждый из них сразу совершал этот шаг, не проявив себя как воин-наездник. В значительной степени это было вызвано тем, что не каждая девушка, соглашалась связать свою жизнь с малоизвестным юношей, не отличившимся какими-либо достоинствами и прежде всего воинскими подвигами. Поэтому нередким явлением было участие в военных кампаниях молодых людей, которые еще не прошли обряд посвящения. В таких случаях это оказывалось частью испытаний. Согласно фольклорным стереотипам, даже молодожен мог отправиться в поход, тем самым обозначив свой переход в следующую стадию жизненного цикла. Существовало даже правило, согласно которому юноша отмечал переход в новую для себя

стадию женатого человека длительным походом. Этим он не просто символически обозначал свой статус, но и давал повод своей родне гордиться перед родственниками невесты, а тем – убедиться в верности выбора зятя. Кроме того, молодожен привозил подарки и своим родственникам, и невесте, и новым родственникам. Тем самым, умножалась его слава как истинно доброго наездника.

Несомненно, участие в успешных походах значительно повышало статус молодого человека в глазах и будущей невесты, и всей ее родни. Поэтому мы рассматриваем этот жизненный этап, одновременно находя идеальный образ героя, который не только проявляет себя как отважный воин, но вместе с тем, демонстрирует и другие свои рыцарские качества, в том числе как до, так и после женитьбы. Таков, например герой сюжета сказания о Красавице Елене и Карабатыре Занэ [Фольклор адыгов... 1979: 366]. Он, женившись, на красавице-Елене, сразу после свадебных торжеств отправляется в поход. По возвращении узнает, что его супругу похитили, и отправляется в дальний путь на ее поиски, встречает в пути надежного товарища, который помогает ему в его деле. В конце концов герой преодолевает многие трудности, возвращает жену, хотя на этом сюжет не завершается: в итоге он обретает другую жену, которая поистине достойна его и готова служить верой и правдой.

Возвращаясь к историческим сведениям о наездничестве, отметим, что одной из причин возникновения этого института было то, что Кавказ в силу своего географического положения (являясь воротами из Азии в Европу) и благоприятного климата был объектом постоянных нападений со стороны многих соседних и дальних народов. Кроме того, будучи раздробленными на множество субэтнических групп, адыги вели иногда и междоусобные войны, весьма характерные для эпохи феодализма. Ш.Б. Ногмов с душевной болью писал о средневековой Кабарде: «В ту эпоху Кабарда представляла вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчась, охранял свое имущество вооруженной рукой» [Ногмов 1994: 115].

О военизированном быте черкесов (в частности, натухайцев) Р. Скасси отмечал, что «...все мужчины возрастом от 13–15 лет и до старости приучены носить оружие. Воспитание детей все направлено к тому, чтобы внушить им величайшую храбрость. Храбрость у них первая добродетель» [Скасси 1816: 281–285].

Юноши, достигнув определенного возраста (16–18 лет), после обряда инициации получали уже полное право ездить в походы «зекІуэ», наравне со старшими представителями общины, хотя, как мы отмечали, им не возбранялось это и до инициальных церемоний.

Следует заметить, что наездничество могло быть основным занятием не только представителей княжеско-дворянского сословия, которые считались профессиональными воинами, но и вольных крестьян, которые нередко промышляли охотой. А между охотой и воинскими походами различие было не таким уж большим. По необходимости обретя привычку жить в постоянной готовности к нападению извне, адыги свыклись с осознанием опасности и превратили это в часть своей повседневности и в излюбленное занятие. «Адыге, – писал Л.Г. Лопатинский по этому поводу, – ищет опасности, так сказать из любви к искусству ...» [Лопатинский 1891: 5].

«ЗекІуэ» в основном совершались за пределы родных мест, так как совершать набег на ближнего соседа считалось недостойным и не приветствовалось. В то же время не считалось зазорным нападать на чужеземные поселения, тем более, если отношения с ними были враждебными «Набеги же на земли соседей, не связанных союзными отношениями, – пишет Н. Дубровин, – не только не считались преступлением, но и поощрялись [Дубровин 1991: 215].

Принадлежность к воинской касте не только доставляла молодому человеку общественное признание, но и накладывала на него и свои ограничения. Так, по сведениям многих авторов, настоящий воин-наездник должен был быть приучен

к преодолению всякого рода трудностей – от самоограничений в пище и неприязнительности относительно бытовых удобств до постоянной готовности выступить в поход по первому зову. В историко-героических преданиях общим местом является рассказ о том, как идеальный герой даже на зов среди ночи выходит из дому уже наготове, держа в одной руке свое оружие и снаряжение, а в другой – снаряжение верного коня. Герой не должен ссылаться на бытовые неудобства, на голод, холод и отсутствие теплой одежды.

Так, в одном из сказаний о мудреце Жабаги Казанокко излагается следующая история. Героя с сопровождающим его юношей застала ненастная погода, и неопытный спутник троекратно пожаловался на холод, ветер и снег. На третий раз герой, ни слова не говоря, взъехал на вершину кургана, где не было никакого укрытия, небрежно расстелил свою бурку, разлегся на ней, как будто в солнечный теплый день, и проспал с вечера до утра, ничем не прикрываясь, вынудив и своего спутника находиться около. Это было призвано послужить юноше уроком выдержки и готовности к любым неприятностям [Гутов 1998: 43].

Вместе с тем, воинский быт отчуждал человека от хозяйственных дел и занятий бытовыми проблемами. Они представлялись низкими и недостойными настоящего наездника, как это справедливо замечает Л.С. Хагожеева: «...Идеология и этические принципы феодальной верхушки предполагали отказ от любых форм хозяйственной деятельности. Недостойными для адыгского воина-наездника считались занятия сельским хозяйством, животноводством, торговлей. Главным их занятием были рыцарские походы странствия и войны – зеклуэрэ зауэрэ (походы и битвы – Л.Г.)» [Хагожеева 2016: 84].

Воины, отличившиеся в походах и сражениях умелым ведением военных действий, мужеством, силой, знанием тонкостей этикета, в том числе и проявлением определенной доли уважения не только к соратникам, но также и к достойному противнику, слыли в народе как настоящие герои, в честь таких людей слагались величальные песни и легенды.

Чаще всего героями песен оказывались не живые, а погибшие в сражениях. В этом случае в одной песне переплетались три разные функции. Во первых, песня была призвана сохранить имя и подвиг погибшего, значит, она была своего рода мемориальной. Во-вторых, в ней должен был быть отражен жизненный путь славного воина, поэтому одной из доминант было жизнеописание в величальном стиле. Наконец, в-третьих, песня слагалась или в день похорон или же в день памяти погибшего, а значит в ней должны были отразиться и мотивы скорби. Отсюда в героической песне нередко отмечается минорная тональность. Вне контекста традиционной культуры все это могло бы представиться несовместимым. Но специфика адыгской героической песни такова, что она призвана не только оплакать, но и обессмертить своего героя. В результате песенный герой преподносится как идеал подлинного рыцаря, достойный всяческого подражания. Исключением из правила считалось, когда воин-наездник при жизни удостоивался величально-мемориальной песни, хотя это происходило довольно редко. Так, например, в известной песне о Каракашкатауской битве, где объединенное войско горцев разгромило превосходящие по численности силы врага, прославляются не только погибшие воины, но и все, кто отличился в сражении [НПИНА 1986: 190–199, 200–204]. Такова же и «Песня о Бзюкской битве» [НПИНА 1986: 246–250].

Один из последних по времени случаев, как гласит предание, связан с именем легендарного героя Кавказской войны Кучука Аджигирева [НПИНА 1990: 52–63]. Воины его отряда стали невольными свидетелями беспримерного подвига своего предводителя, и это побудило их поручить песнетворцам-джегуако песню при жизни героя.

Таким образом, наездничество, как основное занятие сословия воинов, отражается и в народных песнях и преданиях адыгов, а их фольклорные образы становятся идеалом для младших поколений.

В древние времена, язычества и раннего христианства, среди почитаемых адыгами мифологических персонажей был и покровитель наездничества, ЗекІуатхъэ (зекІеуэ – поход, наездничество; тхъэ – бог) [Шортанов 1981: 146; Адыгэ мифологиим и энциклопедие 2012: 169–170]. Однако в архаическом нартском эпосе он непопулярен, видимо, потому, что институт наездничества сам по себе явление более позднее. Еще позднее функция покровительства наездникам и путникам стала замещаться языческо-христианским персонажем Даушгерги (Даушджэрджий) святым Георгием.

Как это ни представится парадоксальным, в архаических нартских сказаниях императивы поведения воина-наездника не системны. Более рельефно они представлены не в сказаниях о самых древних героях древнего эпоса (например, о кузнеце Тлепше, о матери нартов Сатаней-гуаше, о нартах Сосрко, Озырмесе, Батразе), а в циклах о типологически поздних персонажах.

Примером отражения наездничества в нартском эпосе можно признать цикл сказаний о нарте Шауе, который проявляет себя как идеальный наездник, доблестный воин. Он преодолевает разного рода суровые препятствия, иногда фантастические [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970: 13–123]. Так в сказании о его первом походе нарт Шауей проявляет подлинно идеальные рыцарские качества и необычайную сноровку в кругу нартов [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970: 43–55]. Он также становится идеальным помощником незнакомого наездника в сказании «Нарт Шауей и его гость» [Нартхэр. Адыгэ эпос: 67–76]. Это была своего рода инициация неопита, отправившегося впервые в поход наравне с бывальыми воинами. Видимо, поэтому сказание часто завершается женитьбой героя: действия его ассоциируются с инициальными испытаниями, пройдя которые юноша получает дозволение создать семью.

В историко-героическом эпосе ту же схему – отправление юного и скромного в поведении героя вместе с бывальыми наездниками, а затем обнаружение его превосходства над всеми – гораздо более основательно разрабатывается в цикле Андемиркана [Андемыркъан. Адыгэ лЫхъужэ эпос 2002].

Отметим, что нарт Шауей описывается как невзрачный юноша, ничем не выделяющийся среди остальных, но, в то же время, обладающий необычайным мужеством, выдержкой и скромностью. Это тоже типично для наездника средневекового времени формирования образа. Так, Шауей в отсутствие нартов сооружает для нартов удобные шалаши, добывает на охоте пищу, но не хвастается этим, он скромно умалчивает о своих заслугах, чтобы не задеть достоинства и чести старших. Наличие шалашей и обилие еды он объясняет тем, что на все это добро наткнулся случайно, а люди, находившиеся в шалаше, испугавшись могучих нартов, покинули жилище, оставив трапезу. Так он делает несколько раз, а нарты полагают, что обретают кров и еду благодаря своим славным подвигам. Нарт Шауей раскрывается лишь в конце повествования, когда в одиночку пригоняет нартам табун лошадей. Но и тогда чванливые нарты не желают делиться добычей с ним, ссылаясь на то, что будут делить все поровну по окончании похода. Однако здесь задевается честь юноши, и он вынужден продемонстрировать свою невероятную силу: он садится на своего скакуна в один миг вырубает несколько деревьев, сооружает загоны для лошадей и этим красноречиво демонстрирует свое превосходство. Все это, он делает быстро и не спешиваясь, а нартам остается только с большим удивлением наблюдать за Шауеем. Здесь уже становится очевидным, кто на самом деле добывал еду для нартов, строил жилища и обеспечивал их безопасность. Стоит обратить внимание и на образ коня героя, который на людях не отличается своей красотой и быстротой, но в нужный момент проявляет фантастические способности [Нартхэр. Адыгэ эпос 1970: 76–86].

Отдельные «родовые» признаки типичного наездника обнаруживаются и в сказаниях о других нартских героях. Но, судя по всему, воин-наездник со всеми

свойственными ему атрибутами – явление, характерное для эпохи раннесредневекового рыцарства. Поэтому в образах наиболее архаичных циклов нартского эпоса эти признаки не столь выразительны, как в цикле Шауея, героя поздней стадии Нартиады, и, тем более, – в цикле сказаний об Андемиркане, герое «поленартской» формации.

Даже из беглых наблюдений правомерно сделать вывод, что образ воина-наездника окончательно сформировался в эпоху раннесредневекового рыцарства с его строгими этическими императивами, сочетающими в себе скромность, мастерство в своем деле и беспредельное мужество. Но это явилось только завершением процесса, который наметился на более ранних стадиях истории общества, когда в человеческом сознании начали формироваться представления о добре и зле, о достоинстве и долге перед себе подобными. Образ воина-наездника и явился воплощением этих представлений в такой идеализированной форме, которая привлекала внимание всего общества и служила образцом для юношей, вступающих в жизнь.

Еще одна важная особенность наездничества – это временные жилища, «стоянки» которые выставлялись прямо в той местности, где обитают наездники. В этнологической литературе их называют мужскими союзами или мужскими домами. По мнению В.Я. Проппа, институт мужских домов «свойствен родовому строю и прекращает свое существование с возникновением рабовладельческого государства» [Пропп 2001: 33–34]. Однако, если первая часть этого суждения не вызывает сомнений, то истинность его второй половины не столь очевидна. Дело в том, что далеко не все явления культуры, возникшие однажды и санкционированные обществом, исчезают с исчезновением той социальной формации, которая их породила. Так, многие мотивы эпических и сказочных сюжетов, а порою и целые сюжеты, дошли до нашего времени в живом бытовании, миновав и первобытно-общинный, и раннефеодальный, и другие этапы, не говоря о том, что границы между самими формациями порою весьма условны. Институт мужских домов, как можно признать, одно из таких явлений. Он эволюционировал и в результате этого претерпел функциональные изменения, а в фольклорном отражении обрел эстетические функции.

На адыгском материале о мужских сообществах в прежние века писали Я. Потоцкий [Потоцкий: 227] и Ф. Торнау [Торнау 1991: 3–60]. В современной научной литературе заслуживают первоочередного внимания исследования Б.Х. Бгажнокова и А.С. Марзeya [Марзей 2000: 46–47; Бгажноков 1990: 5–44].

В фольклоре адыгов, в частности в нартском эпосе тоже упоминается о мужском доме, каковым является место, где проводятся собрания нартвов – нарт Хасэ. Это дом Аледжевых (Алыджхэ я унэ). На хасу допускаются только достойные воины, и каждый, кто имеет право посещать это собрание, в порядке очереди по решению богов, удостоивается кубка саны (горячительного напитка) [Нартхэр. Къэбэрдей эпос 1995: 37–40]. На сход нартвов не допускаются женщины, и о решениях хасы, женщинам не пристало интересоваться. В жанре более позднем, историко-героическом эпосе, очевидны не только большее развитие наездничества как образа жизни, но и доведение его до искусства, в чем немалую роль играет наличие такого явления как мужские дома, которым дается более точное наименование – мужские станы – относительно замкнутые сообщества со своими правилами, создаваемые временно и управляемые бывалыми воинами.

Как видим, институт наездничества в жизненном цикле адыгского мужчины играет немаловажную роль, так как основным занятием достойных мужей были многочисленные походы, в которых они видели образцы достойного владения собой, обретали такие важные для воина качества как мужество, выносливость, знание военного дела, а также совершенствовали свое рыцарское поведение в быту и в самых сложных военных обстоятельствах. Все это отражено не только в

исторических сведениях, но и в фольклоре адыгов. Юноши, ставшие известными благодаря своим подвигам, становились завидными женихами. Поэтому и сами молодые люди, не спешили с браком, до тех пор, пока не познают в полной мере военного быта, не проявят свои силы и умения и не получают громкого признания в кругу уважаемых старших воинов и всего общества.

Источники и литература

1. Адыгэ лыхъужь эпос. Андемыркъан / Зыгъ. КъардэнгъушцӀ Зырамыкуш. Налшык: Эльбрус, 2002. 372 н.
2. Адыгэ мифологиим и энциклопедие. Тхъэхэр, лыхъужьхэр, культхэр, нэщэнэхэр / Зыгъ. Мыжей Михаил, Пащты Мадинэ. Майкоп: «ИП Паштов З.В.», 2012. С. 169–170.
3. Адыгэ псалъэжъхэр / Зыгъ. ГъукӀэмыхъу А.М., КъардэнгъушцӀ З.П. Налшык: Эльбрус, 1994. 328 н.
4. *Андемыркъан*. Адыгэ лыхъужь эпос / Зыгъ. КъардэнгъушцӀ Зырамыкуш. Налшык: Эльбрус, 2002. 369 н.
5. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
6. *Бгажноков Б.Х.* Логос и игрища // Мир культуры. Нальчик, 1990. Вып. 1. С. 5–44.
7. *Гутов А.М.* Этюды о Кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 128 с.
8. *Дубровин Н.Ф.* Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик, 1991. С. 13–249.
9. *Лопатинский Л.Г.* Заметка о народе адыге и кабардинцев в частности // СМОМПК Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. 12. Отд. 1. С. 1–10.
10. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «зекӀуэ» // Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2000. 256 с.
11. *НПИНА* – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Гиппиуса Е.В. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 223 с.
12. *НПИНА* – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 231 с.
13. Нартхэр. Адыгэ эпос. В 7 томах / Систематизация, составление, вступительный очерк, комментарии А.М. Гадагатля / Къанджыкъо Шъэуай. Щэуей и япэ зекӀуэр. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. V. 336 с.
14. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. ЕтӀуанэ къыдэкӀыгъуэ. Къэбэрдей государственнэ тхыль тедзапӀэ. Налшык: Эль-Фа, Ашэмэз, 1995. 560 с.
15. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
16. *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступит. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 225–234.
17. *Пропп В.Я.* Мужской дом в русской сказке // Сказка. Эпос. Песня. Москва: Лабиринт, 2001. С. 33–34.
18. *Скасси Р.* Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году // АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. переводов, введ. и вступит. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 281–285.
19. *Торнау Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Адыги. Культурно-исторический журнал. Нальчик: Эльбрус, 1991. № 3. С. 10–11; 3–60.
20. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / сост.: А.И. Алиева. Нальчик, 1979. 404 с.
21. *Хагожеева Л.С.* Черкесское наездничество – «ЗекӀуэ» в традиционном образе жизни адыгской знати (на материале преданий) // Научные известия № 3. Июнь 2016. С. 83–89.
22. *Шортанов. А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 192 с.

RIDING AS A STAGE OF LIFE CIRCLE IN THE ADYGHE FOLKLORE

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philology, Senior Researcher Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), lyanagut@bk.ru

The article considers the nature of the reflection in folklore of the institute of horsemanship in the traditional Adyghe society as one of the important stages of the life cycle of the Adyghe man: in most cases, it precedes the creation of a family and even can serve as one of the ways of initial tests of a young person. The information of domestic and foreign scientists about riding in the tradition of the Adyghs is considered. The texts of Nart and historical-heroic tales which reflect equestrianism as an occupation are analyzed. Also there is the option institutes «man's house», which is reflected in the stories of the sledges as «Nart Khase» – «Assembly of the Narts». In later tradition such meeting of soldiers known by the name «shu pshya» – «the camp of the riders». They were organized at certain times of the year as multi-day campaigns with secret meetings in a certain place for the purpose of training young people and organizing unsafe trips sometimes for quite long distances. Presented specific conditions and rules, which adhered to warriors in such homes and camps. Comparative analysis of folklore and ethnological data is also conducted with the use of materials of Russian folklore and folklore of the peoples of the Caucasus.

Keywords: zeko, Zekotkhe, pshinatl, inyzh, nart-khasa, stan riders, knight, the cleansing song.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-109-115

ОБРАЗНО-СТИЛЕВЫЕ СРЕДСТВА АДЫГСКИХ ПОСЛОВИЦ; МЕТАФОРА, СРАВНЕНИЕ, ЭПИТЕТ

Кудаева Зинаида Жантемировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры русской и зарубежной литературы Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, zina_777@bk.ru

В статье ставится задача выявления законов и принципов художественного построения адыгских пословиц, с использованием метафоры, сравнения и эпитета. Указанные средства художественной выразительности рассматриваются не только в качестве основных приемов создания образности в жанре пословицы, но в сопоставлении с их ролью и функцией в жанре адыгской загадки. В результате проведенного исследования выявлено сходство и различия в объектах и способах изображения для метафорического типа пословиц и загадок; определена специфика использования в художественном построении пословицы сравнения и эпитета. Выявленные закономерности и специфические особенности использования метафоры, сравнения и эпитета в жанре адыгских пословиц могут способствовать дальнейшему углублению исследований в области поэтики адыгского фольклора.

Ключевые слова: адыгские пословицы, поэтика, метафора, эпитет, сравнение.

Исследование поэтики адыгских пословиц и поговорок представляет собой один из актуальных вопросов, выдвигаемых комплексным исследованием системы жанров адыгского фольклора. Эта проблема лежит в русле интересов современной филологии, и не случайно разработку принципов исторической поэтики фольклора Н.И. Кравцов связывал с необходимостью «...раскрыть общие закономерности и процессы возникновения и развития художественных форм, способов и приемов изображения и выражения, основ сюжетосложения и средств создания человека» [Кравцов 1977: 10]. Выявление законов и принципов художественного построения адыгских пословиц – одно из средств, позволяющих определить и выявить их жанровое своеобразие что, в свою очередь, приближает к решению более широких проблем поэтики адыгского фольклора: общих принципов построения образов, приемы ритмической и композиционной организации текста и т.д.

Изучение поэтической организации пословиц предполагает анализ и выявление приемов образной и стилевой организации текста, композиционного построения, особенности эвфонической и ритмической организации пословиц. В данной статье ставится задача исследования некоторых образно-стилевых приемов, характерных для поэтики адыгских пословиц.

Пословичный фонд адыгов представлен, как и во многих других культурных традициях, пословицами с образной мотивировкой (метафорическими пословицами) и с прямой мотивировкой общего значения [Пермяков 1970; Пермяков 1975]. Соответственно, при анализе поэтической формы пословиц используется дифференцирующий подход, учитывающий ее принадлежность с одному из указанных типов. Художественная форма пословицы организуется с использованием большинства общефольклорных художественных средств и приемов –

тропов (метафоры, сравнения, эпитета, олицетворения и др.), поэтических фигур (анафоры, симплоки, антитезы) фонетических (аллитераций, ассонансов, звукоподражаний) и ритмических.

Следует отметить, определенное сходство внутренней структуры, внешней формы и способа организации образа в метафорических пословицах и загадках. В силу присущего сходства организации образа между этими жанрами становится возможным явление паремиологической трансформации [Пермяков 1975: 262; Башгёз 1978: 317–318; Милнер 1978: 317; Кууси 1978: 315–317].

Достаточно сопоставить метафорическую загадку, например, о перце: *Уд бын ди бжыхь гъуанэ кьыдоплъ. (Шыбжий)* – Семейство ведьм выглядывает из дырки в нашем плетне – с метафорической пословицей, например: *Дзыгъуибгъу зэдеГэмэ, кхъуей Кладацхьэр трач* – Если девять мышей вместе потянут, то могут сорвать крышку с кадки с сыром, – чтобы увидеть адекватность техники создания образа с помощью метафорической замены означаемого.

Для пословицы с образной мотивировкой общего значения и метафорической загадки характерны схожие приемы создания образа с помощью метафорической замены означаемого. Так, например, метафорическая загадка образуется отнесением образа уподобления к предмету отгадывания: *Уд бын ди бжыхь гъуанэ кьыдоплъ. (Шыбжий)*. – Семья ведьм выглядывает из дырки в нашем плетне. Перец. Предмет отгадки – «перец» соотношен и уподоблен «семье ведьм». М.И. Башгёз, основываясь на анализе турецких пословиц и загадок, приходит к выводу, что для того чтобы пословица сделалась загадкой, достаточно исключить подлежащее пословицы и сделать его ответом [Башгёз 1978: 318].

Метафорические пословицы соотносятся, как правило, с человеком, присущими ему свойствами, установками, закономерностями его поведения, мировоззрением. Объектом ее изображения является конфликтная ситуация, иносказательное разрешение и оценку которой (выраженную в прямой форме или через модальность) несет образ. Пословица ориентирована, нацелена на указание определенных свойств с помощью намека на некоторый сходный объект, которым, как правило, является человек со свойственными ему проблемами.

Цель загадки – иносказательное отнесение свойств некоторого объекта к мыслимому (загаданному) предмету. «В обоих случаях, – пишет известный исследователь Дж. Милнер, – говорящий не досказывает чего-то, что и так известно слушающему и без чего невозможно найти соответствие между мнимым и истинным сообщением. Элемент намека является, следовательно, общим для загадки и пословицы» [Милнер 1978: 317]. Образы пословицы и загадки выбраны так, что они способны объять целый пучок аналогичных по структуре явлений. Дж. Милнер, опираясь на К. Леви-Стросса, утверждавшего, что загадка – «...вопрос, рассчитанный на отсутствие ответа, а известные высказывания, эпизоды из мифов, истории и т.д., <...> ответы, к которым нет вопроса», высказывает мнение, что пословицы принадлежат ко второй категории жанров [Милнер 1978: 317].

Загадка, как правило, статична, объекты ее рассеяны преимущественно в предметно-бытовой области. Корпус загадок в каждой национальной культуре – это глобальная описательная и иносказательная номенклатура предметов и объектов, окружающих человека.

Область компетенции пословицы – соотношение взглядов, мыслей, представлений. Пословица, как правило, авторитарное разрешение конфликта, причем конфликта общественного, разрешаемого с точки зрения правил и установок, принятых в данном обществе. Пословица – это всегда истина. Однако истинность эта относительна, принята в данном обществе, у данного этноса, а иногда только у данной социальной группы. Поэтому в пословичном фонде одного народа можно встретить пословицы, выражающие абсолютно противоречивые истины.

Вышеприведенные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что метафорическая загадка организуется при помощи соотнесения образа уподобления и предмета отгадывания по принципу аналогии. Принципы построения образов метафорической пословицы и загадки тождественны. Денотатом того и другого метафорического образа служит объект, в самом тексте неназванный. Разница состоит в том, что загадка выдает его в виде отгадки, пословица же – в виде контекста, определяющего ее смысл. «Способы создания оппозиции в пословицах, – пишет Алан Дандис, – удивительно похожи на те, при помощи которых создается оппозиция в загадках. Однако, если в загадке противоречие разрешается ответом, то оппозитивная пословица сама как бы служит ответом на определенную ситуацию» [Дандис 1978: 32].

Метафора пословицы, в отличие от загадочной, не столь произвольна, что мотивируется, во-первых, тем, что пословица как фольклорный жанр лишена игрового характера; это не главная ее задача, в ее функцию не вводит создание соответствующей игровой экспрессии как в загадке. Во-вторых, образы пословицы и загадки различным образом мотивированы: цель загадочного образного описания – завуалирование объекта отгадки; цель пословичного образа – максимальная тождественность подразумеваемому в контексте объекту. В соответствии с этим образ пословицы должен обладать максимальным диапазоном принятых в данном обществе аналогий, т.е. быть общественно принятым (что, как правило, исключает индивидуальное поэтизирование), чтобы любой представитель данной языковой культуры мог автоматически соотнести приведенные признаки с предполагаемым объектом.

Однако метафора пословицы сама по себе обладает достаточно большим кругом ассоциаций, чтобы быть скорректированной другими членами пословичного текста аналогично функции второй части загадки. Например: *Мыцэр зыпIам йобэныж* – Медведь бросается на тех, кто его вырастил. *Цывыр у и пашэмэ, вэнвейм ухеша* – Если твой вожак жук – он приведет тебя в навоз; *Шыцхьэр пIэцIэкIэмэ, шыкIэм укIэлрьымыIэбэж* – Если ты упустил голову лошади, не лай вслед лошадиному хвосту. *ЯгьэфIэрей джэдур цхьэнтэтесу кьонэж* – Избалованная кошка остается сидящей на подушке. *Дыгьужьым мэл зыфIихьыну*р и *пыIэ шыгумкIэ кьеуцIэ* – Волк узнает того, у кого он унес овцу по верху его шапки; *Шым епсыху, шыдым шэскьым* – Слезая с коня, не садятся на ишака; *Хьушэм кьыкIэрыхуа мэлыр дыгьужьым пэцIохуэ* – Отбившаяся от стада овца становится добычей волка.

Присутствие в текстах метафорических пословиц и загадок, «корректирующих» элементов, уточняющих признаков, по каналам которых осуществляется связь между объектом и образом, является общей для этих двух жанров.

Предметно-образные реалии адыгских пословиц – отображение вызвавшей их к жизни действительности. Господством скотоводческого, земледельческого способа производства и связанного с ним образа жизни мотивировано частое употребление образов домашних животных, земледельческих орудий труда, диких и промысловых животных. Анализ состава метафор, употребляющихся в пословицах, мог бы способствовать выявлению специфики образной символики фольклора адыгов. Однако система образов пословиц других народов также мало изучена, что делает затруднительным такого рода исследование. В пословицах адыгов наиболее продуктивными являются следующие лексемы, употребляющиеся как метафоры: *вы* – вол, *жэм* – корова, *джэд* – курица, *шы* – лошадь, *хьэ* – собака, *ху* – просо, *хугу* – пшено, *джэдыкIэ* – яйцо, *джэджьей* – цыпленок, *мэл* – овца, *бжэн* – коза, *бжьэ* – пчела, *бзу*-птица, *бланэ* – лось, *дыцэ* – золото, *дзы-гьуэ*-мышь, *дыгьужь*-волк, *кхьуей*-сыр, *мэкьу* – сено, *мэи* – зерновые, *цIы* – земля, *былым* – скотина, *джэду* – кошка, *жыг* – дерево, *жьы* – ветер, *псы* – вода, *мывэ* – камень, *пхьэ* – дрова, *шыд* – осел, *дагьэ* – масло, *цхьуэ* – яд, *хьушэ* – отара,

блэ – змея, гъуэгу – дорога, къаз – гусь, уэих – дождь, щлакгуэ – бурка, шыр – детеныш, альп – сказочный конь, уицлэ – войлок, тхъэмадэ – старший (тамада, дед, старик), бгы – гора, гуащ-хъэ – холм, шыгъу – соль.

Перечисление само по себе образов, употребляющихся в пословицах, несет значительно меньше информации об особенностях национальной образности, чем описание их конкретных ситуационных смыслов, как правило, традиционных, приближающих эти образы к народной поэтической символической. Подобного рода исследование не является задачей данной работы, однако некоторые наблюдения свидетельствуют о продуктивности подобного рода исследований. Примером может служить анализ следующих образов: образ «къуий» – «лысый» – символ ничтожного, презираемого, никчемного объекта. «Кхъуэ» – «свинья» – образ, символизирующий средоточие самых низких качеств, «бгы, Гуащхъэ» – «гора, вершина» – символ возвышенного, прекрасного, добродетельного, например: *Щыгу здэщымылэм кхъуэр Гуащхъэм щыдокгуей* – Там, где нет человека, свинья забирается на вершину; *Кхъуэр зыщышынэн щымылэмэ, Гуащхъэм докгуей* – Свинья, если некого бояться, взбирается на курган; *Зи кхъуэ кгуэдам, «си кхъуэ кгуэдащ», желэ* – У кого пропала свинья, тот говорит: «У меня пропала свинья» (Примечание: «*Пфлэкуэдам уцлэуицлэжыну емыкрукъым*» *жыхулэщ* – Если у тебя что-то пропало, то» не стыдно спрашивать (даже если это свинья); *Кхъуэм щыгъэ иралъ-хъэрэ?* – Свинье бусы разве надевают? (Ср. русск.: Метать бисер перед свиньями). «Шы – лошадь» ассоциируется в сознании адыгов с благородным, возвышенным объектом, антиподом которого является «шyd – ишак» – глупость, ограниченность, отсутствие ума, например: *Шыр шыдым и гъусэмэ, шyd хъл зыхелъхъэ* – Если лошадь вместе с ослом – она перенимает его повадки; *Шyd хуэфэцэн и лъахъэщ* – У осла приличествующие (или соответствующие) ему пути; *Шым епсыхыу, шыдым шэскъым* – Слезая с лошади, не пересаживаются на осла.

Художественная выразительность, экспрессия пословиц достигается максимально точным использованием поэтических средств и приемов, сочетающихся с требованием предельного лаконизма в их использовании. Художественное совершенство пословиц с образной мотивировкой общего значения будет заключаться в употреблении точной, выразительной метафоры при отсутствии или же минимуме других образоорганизующих средств – эпитета, сравнения. Закон «экономии средств» предполагает одну образоорганизующую доминанту – метафору в сочетании с эвфоническими и ритмическими средствами и приемами. Например: *Бгъацхъуэ гушхуар жьындум жьэххуэри ишхащ* – Зазевавшийся орел (степняк) попался филину и был съеден. *Хъушэм къыкларыхуа жьмыр дыгъужьым пэцлохуэ* – Отбившаяся от стада овца попадается волку. *Хъумлэцлэджыр бзум зыицлэжыу лъатэри, къуаницлэхэм яшхащ* – Букашка, подражая птице, полетела и ее съели грачи: *Щлакгуэ нэхэрэ уэих нэхъ благъэщ* – Дождь ближе, чем бурка; *Быдышэр хъэкхъуафэм ираклэркъым* – Материнское молоко в пойло не льют.

Закон максимального лаконизма в использовании выразительных средств определяет незначительность применения адыгской пословицей полного сравнения, т.е. такого сравнения, где присутствует предмет, с которым сравнивают (объект сравнения), образ того, с чем сравнивают, и связующего слова или союза. Например: *Ди гъунэгъум я джэдыр къаз хуэдэщ* – Куры наших соседей как гуси. *Банэ хуэдэу зэхэплъхъэр данэ хуэдэу зэхэпхыжынищ, данэ хуэдэу зэхэплъхъэр банэ хуэдэу зэхэпхыжынищ* – То, что как колючки сложишь, разберешь как шелк; то, что как шелк складываешь, разберешь как колючки.

Проявлением вышеупомянутой тенденции к максимальному лаконизму текста обусловлено стремление свернуть сравнение, из полного сделать его минимально простым, чем мотивировано также опущение вспомогательных конструкций: союзов, союзных слов, например: *Хакгуэ мыхъу алацэщ* – Нестоящий жеребец – мерин; *Пиащэ зи щыпэдзэрэ, фызыжь мьдэжыфрэ* – Девушка, шьющая

впервые, (что) старуха, уже не умеющая шить; *Пицым ухуэлажьэмэ, бзу иццэн хуэццI, шьд иихын фIэих* – (Если) работаешь на пши, птичка сколько делает – сделай, ишак сколько съедает – съешь; *Уэркьым и жьэ и ццIопици, ипиц хуэдэр и джатэц* – Рот уорка – его кнут, его князь – меч; *Ныбгьуэр жьы хьумэ, адэжынэ мэхьуж* – Перепелка, когда стареет, становится стрепетом; *Лэжьбакьуэр кьыцицицтэм – цихьци, лэжьэныр зэфIэкIмэ, имансыци* – (Когда) берет на работу – святой, (когда) работа кончается – безбожник; *Былымыр уэсэпци, ццIыхупсэр маецц (IэфIиц)* – Скот – снеговая вода, человеческое сердце – сладостно; *Зауэ зьыцицицIа кьуажэрэ – ябгынэжа хэкужьэрэ* – Селение, в котором сражались, [подобно] и заброшенной, старой родине; *Кьрум шыр имыIэмэ, зы бзуц* – Журавль, не имеющий птенцов, (всего лишь) птичка.

Наиболее употребительно в адыгских пословицах сокращенное сравнение, в котором и предмет и образ как бы совмещены в одном слове. Подобные сравнения носят как бы промежуточный характер между собственно сравнением и метафорой, например: *ЛэжьэнкIэ уаихэцц, ихэнкIэ дыгьужьыц* – В работе – барсук, в еде волк; *Ахьшэр пшахьуэци, гьаццIэр нццIэццхьуэц* – Деньги – песок, жизнь – ласточка; *Бжэн мэл хьурэ, мэл бжэн хьурэ?* – (Разве) коза становится овцой, а овца – козой?

В адыгской фольклористике нет определенного представления о формах и границе сравнений, чем объясняется тот факт, что одно и то же по своей природе явление поэтики одними рассматривается как сравнение, другими как метафора. М. Талпа находил, что изобразительные средства кабардинской песни, в частности, крайне скупы и что в ней вообще малое количество метафор и сравнений. С.Ш. Аутлева, наоборот, находит, что «...самым распространенным средством поэтического языка в адыгских историко-героических песнях является сравнение и в меньшей степени метафора» [Аутлева 1973: 210]. Далее она приводит примеры, где наряду с полными развернутыми сравнениями стоят нераспространенные формы: *бгьэццхуэ хуэдэу мэлъатэ* – орлу серому подобно летит; *хьжьыем фэдэхэр уятэ игьэц* – морю подобно молоко твоего отца; *бгьэццхуэнкIий макьти мэзауэ* – (словно) орлиный крик сражается; *блэ ццIыкIэу зедз* – (словно) змея бросается; *чылэм зчэскIэпцагьо кореньшыгы мэуццIу* – прикоснется он к земле- скрученным туманом становится (адыгейск.) [Аутлева 1973: 210, 211]. Г.В. Турчанинов приводит в качестве сравнений также следующие тексты: *Бгьаццхуэ кIий макьти, мэзауэ* – Орлу серому кричащему подобный сражается; *Уэ, биймэ цьынэскIэ пшэ гуэрнэрэ мэуэ* – Он врага достигнет когда, как скрученное облако становится (адыгейск.) [Турчанинов 1956: 32]. Подобные конструкции исследователь поэтики нартского эпоса А.М. Гутов считает метафорами. «Наиболее характерная форма, – отмечает он, – наречие или существительное в адыгском обстоятельственном падеже, где существительное принимает форму наречия: «батыргьан льябжьэу схуэмытьэкIуэдыж» – «(как) борщевика корни неистребимый» [Гутов 1981: 16].

Метафора – явление древнее, но установлено, что явилась она в результате развития эпитета и сравнения, в результате большего поэтического абстрагирования. Но в отличие от сравнения и эпитета здесь не называется предмет и признак. В ней соединяются одновременно два значения: переносное, которое является образом высказывания. В метафоре надо проявить активность восприятия, угадать тот предмет, который выражен данным образом, и тот признак, на основе которого сближены предмет и образ.

Вышеприведенные тексты не представляют, на наш взгляд, собственно сравнения, полного сравнения, в котором присутствует предмет (то, что сравнивается), образ (с чем сравнивается) и связующие слова, союзы. [В сравнении] «наименование признака, – по утверждению Б.В. Томашевского, – сопровождается сопоставлением характеризуемого с предметом или явлением, обладающим в полной мере данным признаком» [Томашевский 1959: 208]. Одновременно трудно

отнести их к собственно метафоре, так как объект, к которому относится данный образ, достаточно определен и присутствует в тексте. Для того чтобы образ стал чисто метафорическим, необходимо, чтобы менее определенным было присутствие (семантических) элементов уподобления, сопоставления образа и объекта.

Присутствие в адыгской поэтической системе сравнения и метафоры в их классической форме не исключает, следовательно, теоретически существования между ними промежуточной формы, тем более, что она присутствует практически и создает вышеупомянутые трудности для процесса создания номенклатуры поэтических приемов адыгского фольклора. Степень распространенности того или иного тропа определяется жанровыми, стиливыми особенностями изучаемого произведения. Выявленная закономерность, заключающаяся в стремлении к лапидарности художественной формы, свойственная жанру пословиц, в сочетании с предельной ее выразительностью подтверждается превалирующей эстетической ролью эпитета в пословицах прямого смысла. В отсутствие метафоры в пословицах прямого смысла эстетической доминантой становится эпитет. Например: *Нысэ мыхъунур жьантIажэ мэхъури, мафIэ мыхъунур цхъэм що-лыд* – Никчемная невестка бегаёт на почетное место, никчемный огонь загорается сверху; *Ныбэр фэ цIынэц, лы цIынэци зэIокI* – Живот – сырая кожа, сырое мясо (поэтому) растягивается; *ЗыльэкI и джатэ кIыхъц* – Меч могущественного – длинный; *ЛъэIуэныр дыджц* – Просить – горько; *Нэр делэц, Iэр бланэц* – Глаза – глупые, руки – сильные; *ГъацIэр – гъуэрыгъуэ шэнтц* – Жизнь – стул, берущийся взаимно; *Жьырытэдж – шатэихц* – Рано встающий – поедающий сметану; *Гъатхэ уафэ – гъуанэц*. В пословицах с образной мотивировкой своего значения метафорический эпитет может брать на себя основную образоорганизующую функцию, например: *Дахэ и щIагъ фо щIэлъц* – Под красивым – мед лежит; *Дахэм блэр гъуэм къреш* – Красивая – змею из норы выводит; *Дахэм и щIагъ дыцэ щIэлъц* – Под красивым – золото лежит; *Зи бзэ IэфIым блэр гъуэмбым къреш* – У кого сладкий язык, (тот) змею из норы выводит; *Къуий здэццIэм мажъэ къыщрахкъым* – В присутствии лысого расческу не вынимают. Эпитет может быть выражен субстантивированным прилагательным.

В пословицах может присутствовать распространенный эпитет – определение: *Дыцэ уанэ зыгъэжыр гухъум тет псэжъым еуцIыжащ* – Золотые седла льющий, стоящую на ступе беспутную спросил. *Куэнышыбыжъ удзыр мэбатэ* – Выросшая на навозе старая трава обильна.

В пословицах, как и других произведениях устного народного поэтического творчества адыгов, употребителен суффикс –*жъы/жъ*, имеющий в зависимости от контекста разные значения: «старый», «добрый», «испытанный»: *Дыцэ унэ нэхърэ зы унэжъ* – Чем золотой дом, (лучше) старый дом; – и с негативным оттенком в значении «недобрый», «старый», «отвратительный»: *Гужъ зиIэр вакъэжъкIэ мауэ* – (У кого) недоброе сердце, (тот) бьет старым башмаком.

Для художественной стилистики пословиц и поговорок характерны (как и для нартских пшинатлей) постоянные эпитеты «дыщэ» – «золотой», «дыдж» – «горький», например: *Акъылыр лэндыцэц, гъэсэныр дыцэ жыгц* – Ум – позолота, воспитание – золотое дерево; *Сабырым и щIагъ дыцэ щIлацэ щIэлъц* – Под спокойным золотые листья лежат. Эпитет «дыдж» употребляется в значении «горький», «жестокий», «обжигаящий», например: *Къуажэтыр дыджмэ, я бгыкър эпоч* – Если князь жесток, то лопаются поясные ремни.

В адыгских пословицах употребительны также цветовые эпитеты: «хужъ» – белый, «дыфафэ» – золотистый, «фIыцIэ» – черный, «къарэ» – темный: *БэлагъыкIыр зыIыгъым хъэ къарибгъу цогугъ* – На того, кто держит конец балага (деревянная лопаточка для помешивания пищи), надеются девять темных собак: *Уэздыгъей фIыцIэ дгъэблати, вагъуэ зэрыблэкIэ тхъуэжащ* – (Мы) жгли черную лучину и сменили ее сверкающей звездой.

Определение «черный» может заменяться метафорическим эпитетом или метафорой, символизирующими для адыгов черный цвет, например: *Къуаргърэ нэт и шырым «хужь цыкГукІэ» йоджэ* – Ворона, и та своего птенца зовет «мой беленький».

Эпитету в составе метафорического пословичного текста свойственна черта, придающая своеобразие механизму воздействия и употребления этого тропа. (Как известно, поговорка обладает способностью восприниматься в прямом своем значении и иметь переносное. При понимании смысла поговорки на уровне ее первого – прямого значения, эпитет и представляет собой определение, выраженное большей частью прилагательным, например: *Бдзэжьей цыкГу псышхуэ итхьалэрэ?* – Маленькая рыбка (разве) тонет в большой реке? «Маленькая» в данном случае, при прямом понимании, представляет собой обозначение реальных параметров объекта, то есть рыбки. При переводе высказывания в иную плоскость – иносказательную, обусловленную ее употреблением в определенном ситуативном контексте, определение «маленькая» по отношению к «рыбке»-метафоре обретает художественно-эстетическую функцию и становится эпитетом. Примеры: *Гуацэрэ нэт данэ кланэ цоцІэ* – И княгине порой не хватает шелкового куска; *Дакъэжьми хьэцІэ къыкьуонэ* – И у старого пня остаются гости; *Къуий здэцыІэм мажьэ къыцхраккым* – В присутствии лысого расческу не вынимают; *Уи япэкІэ мывэ хьурей бгъажэмэ, ухуэзэжьынц* – (Если) будешь катить впереди себя круглый камень, то встретишься с ним.

Таким образом, художественная выразительность, экспрессия пословиц достигается максимально точным поэтических средств и приемов, сочетающийся с требованием предельного лаконизма в их использовании. Анализ принципов построения метафоры в поговорки и загадки позволяет констатировать, что денотатом того и другого метафорического образа служит объект, в самом тексте неназванный. Различие между ними состоит в том, что загадка объективирует его в виде отгадки, поговорка же – в виде контекста, определяющего ее смысл. Образы поговорок и загадок различным образом мотивированы: цель загадочного образного описания – завуалирование объекта отгадки; цель пословичного образа – максимальная тождественность подразумеваемому в контексте объекту. Закон максимального лаконизма в использовании выразительных средств определяет незначительность применения адыгской поговоркой полного сравнения. Наиболее употребительно в адыгских поговорках сокращенное сравнение, в котором и предмет и образ как бы совмещены в одном слове. Стремлении к лапидарности художественной формы, свойственная жанру поговорок, в сочетании с предельной ее выразительностью подтверждается превалирующей эстетической ролью эпитета в поговорках прямого смысла.

Источники и литература

1. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические народные песни XV–XVIII вв. Нальчик, 1973. 228 с.
2. Баигъэз М.И. Рефераты. Загадко-пословицы и проблема паремиологической трансформации // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 317–318.
3. Гутов А.М. Адыгские сказания о нартах // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 2. М., 1981. С. 5–16.
4. Дандис А. О структуре поговорки // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 13–34.
5. Кравцов Н.И. Историческая поэтика фольклора (Общие вопросы) // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977. С. 6–13.
6. Кууси М. Загадко-пословицы и проблема паремиологической трансформации // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 315–316.

7. Кудяева З.Ж. Паремнологические жанры адыгского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 1986. 21 с.
8. Кудяева З.Ж. Особенности художественной структуры адыгских паремий // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1994. С. 152–163.
9. Кудяева З.Ж. Адыгские загадки. Нальчик: Эльбрус 1997. 160 с.
10. Милнер Дж. Загадко-пословицы и проблема паремнологической трансформации // Паремнологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 317.
11. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
12. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
13. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение: курс лекций. Л., 1959. 535 с.
14. Турчанинов Г.В. Введение // Ш.Б. Нога. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. I. С. 24–39.
15. Чужакова Н.М. Художественные особенности адыгских сатирических пословиц и поговорок // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2013. № 3 (27). С. 44–46.

VISUAL-STYLE MEANS AND RECEPTIONS OF ADYG PROVERBS: METAPHOR, COMPARISON, EPITHET

Kudyaeva Zinaida Zhantemirovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Russian and Foreign Literature, Social and Humanitarian Institute of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, zina_777@bk.ru

The article explores some basic techniques of figurative and stylistic organization of Adyghe proverbs. The article sets the task of revealing the laws and principles of the artistic construction of Adyghe proverbs using metaphors, comparisons and epithets. The indicated means of creating the artistic expressiveness of the proverb are considered not only as separate components of the poetic means that form the genre, but also in comparison, in particular, with the poetic features of the organization of the image in the genre of riddle, which undergo a comparative analysis from the point of view of the image object that they distinguish from reality. The features of the use of these figurative-style means, identified as a result of the study, will help determine the genre identity of Adyghe proverbs, which, in turn, will allow us to come closer to solving the general problems of Adyghe folklore poetics. As a result of the study, similarities and differences between the methods and objects of the image, similar for the type of metaphorical proverbs and puzzles, were revealed; the specificity of use in Adyghe proverbs of comparison and epithet is determined.

Keywords: Adyghe proverbs, poetics, metaphor, epithet, comparison.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-116-123

ОБРАЗ КОНЯ В АДЫГСКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗКАХ И ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ (К проблеме взаимодействия фольклорных жанров)

Тхамокова Жена Галимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГи КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Как известно, проблема диффузии жанров не раз становилась объектом пристального изучения многих отечественных и зарубежных ученых. Значительное внимание этому вопросу уделяли и адыгские фольклористы: во многих трудах рассмотрен характер взаимодействия между двумя разновидностями (героическим и историко-героическим) эпоса, архаическими сказаниями о нартах и богатырской сказки и другими жанрами фольклора. Однако, несмотря на достижения в этой области, многие вопросы остаются до конца нерешенными. Например, в адыгской фольклористике до сих пор нет специальных монографических работ, в которых охарактеризованы мотивы, сюжеты, типы персонажей, художественно-изобразительные средства, являющиеся универсальными для богатырской сказки и историко-героического эпоса, чем и обусловлена актуальность обозначенной темы. Основная цель настоящего исследования – изучение роли коня – необходимого герою помощника для борьбы и побед в указанных разностадиальных жанрах. Рассматриваются мотивы: «добывание коня», «кормление коня», «укрощение коня» и другие. Анализируя значительный фольклорный и этнографический материал, автор приходит к выводу, что отмеченные мотивы перешли из богатырской сказки в историко-героические сказания в трансформированном виде как стадиально более позднее жанровое образование. Из историко-героических сказаний в качестве сравнительного материала приводятся примеры из цикла об Андемиркане – самом популярном герое адыгского эпоса.

Ключевые слова: жанр, эпос, сказания, сказка, чудесный конь, диффузия, мотив, чудесная сила, чудесное знание, герой, культ коня, стадиальность.

Обозначенная тема нашего исследования, как очевидно из названия, связана с проблемой диффузии жанров, и эту проблему затрагивают исследователи на материале фольклора разных народов или посвящают ей отдельные работы. «Изучение одного жанра в отдельности, – пишет исследователь абхазского сказочного эпоса С.Л. Зухба, – без учета ее связи с другими жанрами устного поэтического творчества народа, не может дать ясного представления о богатстве и своеобразии сказочного эпоса того или иного народа, так как произведения разных жанров фольклора часто переплетены и связаны между собой» [Зухба 1970: 161].

Статьи А.М. Гутова, посвященные проблеме диффузии жанров на материале цикла сказаний о Жабаги Казаноко и Андемиркана также указывают на перспективность и научную значимость исследований в данном направлении [Гутов 2003; Гутов 2000]. Задействовав значительный иллюстративный материал из самых разных жанров адыгского фольклора автор приходит к выводу, что «Историко-героический эпос, который со временем стал ведущим жанром адыгского народного устно-поэтического творчества и продолжал доминировать на протяжении затянувшейся эпохи адыгского средневековья, самым активным образом взаимодействовал

с различными фольклорными жанрами...» [Гутов 2003: 111]. В эту «затянувшуюся эпоху адыгского средневековья» приходится жизнь и деяния Андемиркана – «самого популярного героя историко-героического эпоса в адыгской фольклорной традиции» [Гутов 2018: 84].

Исследователь адыгских историко-героических песен XVI–XIX веков С.Ш. Аутлева отмечает известность имени Андемиркана – выходца из кабардинцев, и среди других субэтнических групп адыгов. «Песня об общадыгском (подчеркнуто нами. – Ж.Т.) герое Андемиркане, – пишет автор, – пользовалась большой любовью в народе в течение четырех веков. Она не исчезла из живого бытования и в наше время [Аутлева 1973: 31].

Подтверждением популярности его имени являются и следующие строки непревзойденного собирателя и исследователя адыгских народных песен и преданий З.П. Кардангушева, посвятившего этому герою отдельную книгу [Андемыркъан 2002]: «Андемиркана адыгский фольклор настолько лелеет, любит, что начиная от родившей его матери вплоть до того, как прошло его детство, юношество, как нашел своего коня Жеманшерика (подчеркнуто нами. – Ж.Т.), возмужав, какие совершал подвиги, каким образом его убили, не потеряв и не предав забвению курган, под которым он захоронен, донес до нашего времени)» [Андемыркъан 2002: 10–11].

Закономерен вопрос – в чем причина такой популярности и за что народ так упорно почитает Андемиркана, симпатизирует этому герою? Ответом может быть опять же следующее высказывание З.П. Кардангушева: «Адыги сочиняли песни, увековечивали нетленным для потомков имена тех героев, кто совершал много добрых дел для своего народа» [Андемыркъан 2002: 37].

Заключая свое пространное предисловие к вышеуказанной книге об историческом и фольклорном Андемиркане, З.П. Кардангушев в трех пунктах излагает его основные заслуги во благо своего народа:

1) Андемиркан – участник похода князя Талостана на Бахчисарай, где он проявил себя как самый сильный воин [Андемыркъан 2002: 37]; 2) он участник похода князя Беслана на Астрахань, в этом походе он разведкал и показал войску переправу через Индыл (Волгу), он дал возможность войску преодолеть реку, сдерживая противника, он же, по преданию, победил сына астраханского князя [Андемыркъан 2002: 38]; 3) Андемиркан является первым, кто, с обнаженным оружием выступил против князей, хотя и сам был одним из них. Многих из них он уничтожил, иных ограбил и награбленное раздал неимущим [Андемыркъан 2002: 38].

Возвращаясь к рассмотрению поставленной в данной статье проблеме – каким образом используются при создании историко-героических сказаний об Андемиркане мотивы сказки, как явление более архаичного, можно отметить, прежде всего, органичность взаимодействия жанров.

Переход к сравнительному изучению цикла историко-героических сказаний об Андемиркане, имея определенный научно-эмпирический багаж в изучении сказочного жанра [Адыгэ таурыхъхэр 2005; Адыгэ таурыхъхэр 2018; Тхамокова 2014], привел нас к следующим важным наблюдениям, изложению части из которых посвящена данная статья.

М.Е. Талпа в своих комментариях к текстам об Андемиркане одним из первых обратил внимание на наличие в образе коня героя сказочный характер [Талпа 1936: 605].

В своей содержательной и глубоко научно-обоснованной статье об историческом и фольклорном Андемиркане, А.М. Гутов выделяет в сказаниях о нем следующие архаичные мотивы, характерные и для структуры сюжетов богатырского нартского эпоса: рождение и младенчество героя; богатырское детство и добывание героем богатырского коня (подчеркнуто нами. – Ж.Т.); встреча с мифическими и реальными существами; столкновение с противниками; гибель [Гутов 2000:

35]. В результате сравнительного рассмотрения в отдельности этих тематических групп на обширном историко-этнографическом и фольклорном материале, автор приходит к выводу: «Вся совокупность сказаний о данном герое и песня о нем создаются... в результате переплетения типологически различных мотивов» [Гутов 2000: 36]. В развитие этих суждений можно отметить, что чуть ли не все ключевые мотивы представлены в богатырской сказке.

М.Ф. Бухуров, рассматривая проблему в данном ракурсе, приходит к заключению, что в формировании цикла сказаний об Андемиркане важную роль сыграл не только героический нартский эпос, но богатырская сказка [Бухуров 20017: 17–20]. Он выделяет шесть общих мотивов, которые образуют составные части композиционного строения сюжетов сказок и историко-героических сказаний: 1) чудесное рождение; 2) быстрый рост; 3) богатырское детство; 4) добывание чудесного коня; 5) героическое сватовство; 6) чудесные свойства коня и оружия [Бухуров 2017: 17–20]. Автор кратко останавливается на каждом из них, основываясь на материалы из образцов обоих жанров. При этом сам исследователь справедливо отмечает, что «приведенными примерами не исчерпывается многообразие сказочных мотивов в сказаниях об Андемиркане» [Бухуров 2017: 204]. Другими словами, по его мнению, существует обширный материал, который в дальнейшем необходимо задействовать и нам представляется, что более глубокое изучение материала, опубликованного в различных изданиях и хранящегося в архивном фонде ИГИ КБНЦ РАН, позволит расширить и углубить исследования по каждому из архаических мотивов, отмеченных автором, с привлечением дополнительного фактического – не только фольклорного, но и этнографического материала, ибо, фольклор отражает действительность по своим законам [Пропп 1976: 85].

Исходя из сказанного, в данной статье мы продолжаем поиски в оговоренном ракурсе, взяв не все выделенные выше исследователем мотивы, а один из них – четвертый «добывание чудесного коня, объединив его с частью шестого пункта, касающегося коня – мотив «чудесных свойств коня». Наш выбор объясняется тем, что конь в богатырских сказках и историко-героических сказаниях неотделим от героя для «борьбы и побед» – «сердцевины эпоса». Он сопровождает героя на всем протяжении его жизни, т.е. его образ, как и образ центрального персонажа, выполняет важнейшую роль в развитии сюжета повествования.

М.Е. Талпа отмечает типичность ведущей роли коня как в нартском, так и в историко-героическом эпосе. При этом он справедливо подчеркивает отличие функций коня в этих жанрах. «Конь, – пишет автор, – уже не беседует, как Тхожей с Сосруко. Но он – необходимое условие побед героя, он его ближайший друг» [Талпа 2000: 151].

Небольшой раздел «Культ коня» в работе А.Т. Шортанова «Адыгские культы» [Шортанов 2016: 423–424] при его расширении по глубине содержания мог бы стать основой монографического исследования. Обращая внимание на ключевую роль коня в эпосе, автор замечает: «...герой, и его конь представляют собою как бы неразрывное целое. Они вместе проходят все перипетии драматического столкновения с враждебными силами, и часто вместе гибнут в этой борьбе» [Шортанов 2016: 423]. Существовало также поверье, что они должны быть вместе и в загробном мире, поэтому вместе с погибшим героем хоронили и его коня [Шортанов 2016: 434–435]. Согласно одной из версий, Андемиркан тоже был похоронен в урочище Хеу вместе с его верным Жаманшарыком [Шортанов 2016: 434].

Согласно мнению А.И. Алиевой для адыгской волшебной сказки характерен общий образ героя и его коня, владение чудесным конем – свидетельство достоинства героя – седока. В своей глубокой обстоятельной монографии, рассматривая обширный материал художественно-изобразительных средств для создания образов персонажей адыгских волшебных сказок, автор указывает на отсутствие

формул, создающих облик героя без коня, и, наоборот, характерность обилия устойчивых формул описания всадника на коне. «Характеристики внешнего облика героя в адыгской волшебной сказке практически отсутствует, – пишет автор – ... Формула обращает внимание лишь на облик героя, восседающего на коне» [Алиева 1986: 136].

Народное представление о единстве героя и его коня нашло отражение и в обиходной речи адыгов, в частности, в крылатом словосочетании «шыфэллыфэ» (букв. – «вид коня – вид мужа»), что означает двуединство обликов коня и мужчины-седока. В пословице «Шыр лыым и гьуджэ-мажьэщ» – («конь – гребень и зеркало мужчины») выражена та же мысль. Поэтому неслучайно в адыгской средневековой действительности военно-походного уклада жизни на встречах князей и дворян – представителей военно-рыцарского сословия, характерным предметом разговора и горячих споров являлась тема коня, ожесточенного соперничества за обладание лучшим конем. Это отразилось и в сказаниях об Андемиркане. «Однажды, – повествует одно из сказаний об Андемиркане, – когда собралось много народу у князя Мудара, в беседе Мудар завел разговор: «Яраби, может ли у кого-либо быть конь, лучше чем конь сына Талостана и сына Гузера». Андемир, присутствовавший при этом, заявил: «Улахи, вы бы увидели коня, если бы увидели коня моего кана!» (Андемиркана. – Ж.Т.) [Андемыркъан 2002: 118–123]. Это становится завязкой действия.

Один из главных мотивов богатырских сказок и историко-героических сказаний – добывание коня. По справедливому замечанию А.Т. Шортанова, так же, как упомянутый эпизод, «этот момент служит завязкой, началом повествования и последующих действий» [Шортанов 2016: 423].

Рассмотренный нами материал показывает, что конь добывается героем двумя путями:

1. Герой получает богатырского коня благодаря обладанию чудесным знанием.
2. Герой получает коня благодаря обладанию богатырской силой.

Эти мотивы зарегистрированы в международном указателе сюжетов Аарне-Томпсона (далее АТ) за номерами 650–699 «Чудесная сила или знание (умение)»: обладая чудесным знанием или силой, герой достигает разных целей, в том числе добывает коня.

1. В первом случае в богатырских сказках «даритель» предоставляет герою возможность выбрать коня из целого табуна. Герой выбирает маленького, облепленного колючками, худенького жеребенка, ибо он по его одному известным признакам видит, что жеребенок из породы альп (мифический конь) [Фольклор адыгов 1979: 261–269; ФАИГИКБНЦРАН, инв. № 1037; Адыгэ таурыххэр 2018: 439–457].

Интересно заметить, что в другой богатырской сказке невзрачный вид жеребенка является результатом злодейства ведьмы – уд, владелицы коней: чтобы за службу ей герой не выбрал из его десяти коней, которых он охранял, альпа, он велит альпам притвориться больными, выглядеть жалкими, немощными, и наоборот, не альпам – резвиться с поднятыми хвостами и т.д. Герой все же распознает альпа [Адыгэ таурыххэр 2018: 89–97].

Этот мотив «невзрачного жеребенка», из которого вырастает чудесный боевой конь проникает из богатырской сказки в историко-героическое сказание об Андемиркане. До его отца Кура доходит слух, что турецкий султан, наслышанный тем, что в кабардинских табунах водятся богатырские кони альп, велел найти знатоков этой породы. Кур доставляет турецкому султану двух жеребят, которые, из-за невзрачности, не были признаны альпами, и Куру, за «подлог», выкалывают глаза. Впоследствии специальным кормлением и режимом, он доказывает султану, что эти жеребята были альпами [Андемыркъан 2002: 322–326].

В наездничестве, за ночной охраной табуна Андемиркан замечает другое необычайное качество только что родившегося жеребенка. В сказании он трижды

перепрыгивает через свою мать. Поняв, что это альп, из коней, предлагавшихся ему за ночную охрану табуна, герой выбирает этого жеребенка вместе с родившей ее кобылой [Кабардинский фольклор 2000: 63–65]. Данный мотив широко популярен в адыгских волшебных-богатырских сказках [Тхамокова 2018: тип 552А]. В частности, он представлен в большинстве вариантов популярной сказки «Трехногий вороной» [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 72–79].

Мотив роли чудесного знания и наблюдательности, также распространен в адыгском фольклоре. Он является сюжетообразующим в одной из наиболее популярных богатырских сказок «Череп альпа» [Тхамокова 2018: тип -АТ655*]. Благодаря обладанию способностью распознать альпа и получив возможность его получить, герой вырывается из плена (будучи похищенным, мальчик по признакам черепа погибшего коня определяет скакуна высокой породы – альпа; о его чудесном знании доносят похитителю, который, используя его, завладел такими конями (выявил в своем табуне или приобрел со стороны); после долгого выхаживания альпов, на одном из них, он совершает побег к родителям; ему удается уйти от погони благодаря знанию слабостей тех альпов, на которых его преследуют: один не выдерживает прямых лучей солнца, другой – бега по гальке; затем (реже) герой уносит своего похитителя на альпе и держит его у родителей столько же, сколько его держал в плену тот) [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 519–524].

В сказаниях об Андемиркане турецкий султан [Андемыркъан 2002: 322–326], русский царь [Андемыркъан 2002: 322–326] дают указание своим подданным искать знатоков альпа в Кабарде.

2. Мотив получения коня благодаря обладанию чудесной силой более разнообразен. В богатырской сказке о трех братьях младший превосходит старших в силе и решает за них трудные задачи. В частности, убив трех иныжей (великанов), отдает старшим в жены освобожденных от них женщин и возвращает их с полпути домой. Сам же он продолжает путь за невестой с определенными приметами. Он должен преодолеть большое водное пространство. По совету старухи, которая пасет гусей и которой он становится молочным сыном, герой забирается на ветку старого кривого дерева, стоявшего на берегу озера. Сюда подходят три чудесных коня «домбей хуара». Герой бросается на спину третьего коня, который поднимает его в облака, укрощает его ударами кизиловых веток, пока конь не клянется именем Уашхо (Бог неба): «Уашхъуэ мывашхъуэ кІанэ, уэ лЫ ухъум сэ шы сыпхуэхъункІэ!» «Если ты мужчина, то я достойный буду тебе конь!» [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 447–457; ФАИГИКБНЦРАН, инв. № 1037].

В сказании об Андемиркане в такой же ситуации герой получает совет как перебраться на другой берег моря (океана). И здесь совет дает встреченный на берегу старик, который пас гусей – мотив сугубо волшебных сказок [Андемыркъан 2002: 251–253]. Примечательно, что и здесь сохраняется характерная для волшебных и богатырских сказок троичность: на берег приходят три коня, среди которых один особый – «кьунажын» (кунажин – трехлеток). Герой с ветки дерева должен попасть именно на «кьунажын», которого позже он назвал Жаманшарыком. Примечательно, что, в отличие от вышеприведенной богатырской сказки, здесь уже, как образец эпоса более позднего жанра, отсутствуют мотивы «крылатого коня», «говорящего коня».

В одном из самых популярных сюжетов адыгской богатырской сказки (см.: АТ530 [Тхамокова 2018: 578]) герой (чаще всего младший брат), охраняя могилу отца, получает трех чудесных коней, ранее принадлежавших великанам, которых он убил [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 72–89].

М.Е. Талпа отмечает, что существует сказочная версия сюжета о добывании Андемирканом коня: «Андемиркан попадает в дом великанов, истребляет их и в конюшне находит коней, среди них богатырски сложенную кобылицу с собачьими лапами» [Талпа 1936: 603].

В богатырских сказках популярен мотив добывания героем коня путем открытия входа в погреб (пещеру), где он содержится. Вход завален огромным камнем «абрэ-мывэ», и герой должен обнаружить богатырскую силу, чтобы его отвалить. При этом оттуда вырывается чудесный конь, которого герой должен обуздать, укротить [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 79–89]. Этот архаический мотив встречается и в сказаниях об Андемиркане: он пристаёт к приемной матери разрешить присоединиться к группе всадников, которая отправляется в лес на охоту. Она соглашается с условием, если он откатит абрэ-мывэ, которым завален вход в конюшню и сесть на коня, который там находится. Андемиркан отбрасывает этот камень, выводит коня, затягивает у него подпругу, и садится на него. Здесь нет мотивов «обуздания коня», «укрощения коня», характерные для богатырских сказок [Андемиркан 2002: 247–248].

В данной статье объем не позволяет остановиться на мотивах свойств коня в рассматриваемых жанрах. Характерны мотивы: говорящий, крылатый конь, верный седоку конь. Например, в богатырской сказке в защите героя конь вступает в прямой поединок с конем антагониста. Когда последнему не хватает глотка воды для низвержения героя, и его конь хочет подать своему хозяину бурдюк с водой, конь героя выбивает этот бурдюк и тем самым герой побеждает противника [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 79–89]. Подобный мотив защиты конем своего седока зафиксирован и в сказаниях об Андемиркане [Кабардинский фольклор 2000: 317–318].

Приведенные примеры из двух рассмотренных жанров свидетельствуют о том, что, создавая образ своего любимого народного героя Андемиркана и неотделимого от него чудесного коня альпа, народ пользуется мотивами, художественными средствами богатырской сказки из стадияльно предшествующего жанра.

Из наших беглых наблюдений можно заключить, что в мифологии и фольклоре адыгов конь занимает исключительно важное и почетное место [Шортанов 2016: 423]. Есть необходимость проводить дальнейшие изыскания в этом направлении и вовлечь в научный оборот существующий на тему значительный фактический материал.

Источники и литература

1. Адыгэ таурыхьхэр. Новеллэ таурыхьхэр (Адыгские сказки. Новеллистические сказки) / сост., комментарии, указатель сюжетов Тхамоковой (Браевой) Ж.Г., ред. З.М. Налоев. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Т. 1. 833 с.
2. Адыгэ таурыхьхэр. Тельыджей таурыхьхэр (Адыгские сказки. Волшебные сказки) / сост., вступит. слово, комментарии, указатель сюжетов Тхамоковой (Браевой) Ж.Г., научн. ред. М.Ф. Бухуров. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2018. Т. 2. 592 с.
3. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
4. Андемыркъан (Андемиркан) / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 2002. 270 с.
5. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 226 с.
6. Бухуров М.Ф. Сказания об Андемиркане и богатырская сказка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6/72: в 3-х ч. Ч. 2. С. 17–20.
7. Гуттов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2018. 264 с.
8. Гуттов А.М. Слово и культура. Нальчик: Эльбрус, 2003. 159 с.
9. Гуттов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000, 219 с.
10. Зухба С.Л. Абхазская народная сказка. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 254 с.
11. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 651 с.
12. Пронн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.
13. Пронн В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.

14. *Талпа М.Е.* Комментарии и варианты // Кабардинский фольклор. Эль-Фа, 2000. С. 573–618.
15. *Талпа М.Е.* Общие замечания // Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 147–152.
16. *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 221 с.
17. *Тхамокова Ж.Г.* Сравнительный указатель сюжетов адыгских (адыгейских, кабардинских, черкесских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгэ таурыхъхэр. Тельдыджей таурыхъхэр (Адыгские сказки. Волшебные сказки). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. Т. 2. С. 553–588.
18. *ФАИГИКБНЦРАН* – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
19. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.
20. *Шортанов А.Т.* Адыгская (черкесская) мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 151 с.
21. *AT* – The Types of the Folktale. A classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961 (=FFC 184).

THE IMAGE OF A HORSE IN ADYGHE HEROIC TALES AND HISTORICAL AND HEROIC LEGENDS (On the problem of the interaction of folklore genres)

Tkhamokova Zhenya Galimovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

As you know, the problem of diffusion of genres has more than once become the object of scrutiny of many domestic and foreign scientists. Adyghe folklorists paid considerable attention to this issue: in many works, the nature of the interaction between the two varieties (heroic and historical-heroic) of the epos, archaic legends of the Narts and the heroic tale, and other folklore genres was considered. However, despite the achievements in this area, many issues remain unresolved. For example, in Adyghe folklore there are still no special monographic works that describe motives, plots, character types, artistic and visual means that are universal for a heroic tale and a historical and heroic epic, which determines the relevance of the topic. The main goal of this study is to study the role of the horse – the assistant needed by the hero for the struggle and victories in these genres with different stages. The motives are considered: «getting a horse», «feeding a horse», «taming a horse» and others. Analyzing significant folklore and ethnographic material, the author comes to the conclusion that the noted motifs passed from a heroic tale to historical and heroic tales in a transformed form as a stadially later genre formation.

Keywords: genre, epic, legends, fairy tale, wonderful horse, diffusion, motive, wonderful power, wonderful knowledge, hero, horse cult, staging.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-124-130

УДК 398(=353.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-131-137

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ В АДЫГСКИХ СКАЗКАХ

Хагожеева Лиана Славовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liana.1771@mail.ru

В статье изучается эстетическая функция и характер художественного отражения мотива защиты воинской чести в сказочном эпосе адыгов. В традиционном адыгском обществе понятие чести тесно связано с представлениями об авторитете и репутации воина-рыцаря. Именно поэтому для него, страстно жаждущего славы и признания, защита чести является долгом и смыслом всей его жизни. Соответственно, этот мотив стал приоритетным и для идеального героя в фольклоре, в частности, для сказочного героя, в образе которого, как нельзя лучше проявляются все грани рассматриваемого явления.

Обращение к данной теме продиктовано, прежде всего, необходимостью создания единой картины художественного восприятия, отразившегося в жанре сказочной прозы, позволяющего глубже понять специфику понятия воинской чести адыгов, выявить ее нравственные и эстетические особенности.

Рассматриваются формы объективации в фольклоре нравственно-этических установок и норм, которые составляли основу мотива рыцарской чести, в частности, уважение по отношению к другим и к самому себе, верность данному слову, благородство и снисходительность к человеку, независимо от социального статуса и возраста, искренность и прямоту, справедливость и добродетельность и т.д. Привлекаются сравнительные материалы из фольклорных и этнографических источников.

Ключевые слова: адыгское общество, воин-рыцарь, сказочный герой, образы, мотивы, сюжеты, честь, достоинство.

Как известно, фольклор характеризуется специфическими особенностями, одной из которых является типологическое сходство мотивов, сюжетов и образов у многих народов мира, что наглядно отражено, например, в известном указателе сюжетов Аарне-Томпсона [Thompson S 1961]. Однако налицо и существенные особенности в большинстве случаев они проявляются в характере отражения в нем менталитета, свойственного определенной этнической традиции. Другими словами, один и тот же мотив каждый народ пропускает через призму своих этических и эстетических представлений.

Издавна закрепившиеся в адыгском традиционном обществе нравственные и моральные устои нашли отражение в фольклоре и впитали в себя систему мировоззрения, особенности мышления адыгского традиционного общества и нередко являются главными маркерами в реализации фольклорных мотивов. Таким образом, один и тот же мотив каждый народ пропускает через призму своих этических и этикетных правил. Так, сюжет *AT 516 Верный слуга* [Сравнительный 2018: 576] является общим для многих народов, однако адыгская сказка отличается от сказок других народов тем, что в ней используются мотивы, основанные на обычаях адыгов. Например, существует правило, которое строго регламентирует пространственное расположение, которое должны занимать путники по отношению

друг к другу, в основе чего лежит модель «старший – младший». Согласно этикету, если путников двое, младший должен ехать (или идти) с левой стороны. Когда путников трое, самый младший находится с правой стороны. Если старшему понадобится послать его с каким-то поручением, ему не надо нарушать общий строй. Так в сказке «Сын батрачки» молодой князь узнает тайну трех всадников, с которыми он выехал на охоту: оказалось – его спутники девушки. Путешествие тут же прерывается, и по предложению спутниц княжича, они пускаются в обратный путь. Статус молодого князя меняется. Теперь он, мужчина, старший и, в соответствии с этим, изменяется и его место внутри группы: *«Теперь юноша ехал в середине, а девушка, которой он коснулся ночью, поехала слева – теперь она, как младшая, должна была обслуживать своих спутников. Когда вечером сделали привал на обратном пути, девушка пошла в лес, добыла козу, приготовила ужин. Юноше отдали лучшие куски, в знак уважения в его присутствии не садились»*. [Хагожеева 2018: 155–161].

Как видно, общефольклорный сюжет, впитал в себя правила адыгского этикета, отражая специфику данной этнической традиции. Подобное характерно не только для устного творчества адыгов, но и для фольклора всех народов мира, и благодаря этому, на наш взгляд, универсальный сюжет становится достоянием того или иного народа.

В этом плане интерес представляет мотив воинской чести в адыгских сказках. Так, в основу понятия воинской чести легла система нравственно-этических установок и принципов адыгского этикета – *адыгэ хабзэ* и более усложненной ее формы *уэркъ хабзэ* (дворянский этикет). Они в совокупности регулировали человеческие взаимоотношения и поддерживали лучшие черты личности индивидуума, его достоинства, самоуважения, уважения к ближнему. Даже незначительное отступление от этих установок в аристократической среде считалось нарушением правил рыцарской военной чести. В сфере художественного творчества, строгое следование данным принципам стало одним из способов идеализации фольклорного героя.

По сути, понятия *уэркъыгъэ*, *уэркъ хабзэ* содержат не только императивы поведения людей социальной элиты, но и всякого человека, сохраняющего собственное достоинство. Следовательно, понятие *уэркъыгъэ* определяет не только сословную, кастовую принадлежность, но и духовное состояние. В соответствии с этим, герои адыгских сказок, независимо от сословной принадлежности являются носителями воинской чести, неукоснительно следующие принципам и установкам *уэркъ хабзэ* и предстают ревностными блюстителями этических предписаний кодекса *уэркъ хабзэ*.

Таким образом, защита воинской чести, была основным мотивом в адыгских сказках, была ориентирована на добродетельность, великодушие и терпимость к окружающим и использовалась для идеализации фольклорного героя. По мнению Бгажнокова Б.Х. это «...право человека на уважение независимо от возраста, пола, социальной и расовой принадлежности. Устанавливается, иначе говоря, персональное правовое поле личности, в которое не должен вторгаться никто. Осуждается всякое посягательство на честь и достоинство личности» [Бгажноков 2010: 36].

Малейшее проявление невежества, высокомерия и унижения князя или уорка друг к другу и даже к низестоящим, лишает не только уважения окружающих, но самоуважения. Как заметил Б.Х. Бгажноков, в сознании адыгов лежит правило, «оказывая уважение людям, показываешь насколько ты уважаешь себя». Это правило выражается в суждении «Цыхум хуэщI пщIэр зыхуэщIыр уи щхъэш» – «Уважение, которое оказываешь другому, это уважение, которое ты оказываешь самому себе». Это правило действует, в первую очередь, для утверждения личного достоинства. Кроме того, это установка на взаимное почтительное отношение.

Проявляя уважение к окружающим, личность мотивирует ближнего на уважительное отношение к самому себе.

Это отчетливо отражено в мотиве социального неравенства, где во многих случаях, крестьяне оказывали честь достойному князю, не проявляя при этом лишнего самоунижения, а недостойному вправе были дать отпор, вне зависимости от социального статуса. Так, например, в сказке «Лыукъыкъуэ» – «Долина смерти мужчин» против князя Аслануко выступили герои из простого народа Исмел и его сын Озырмес, которые лучше него знали навыки охоты и превосходили его в мужестве. Чтобы избавиться от соперников, князь намеренно отправил в Долину смерти мужчин, сначала отца, затем и его сына. Но, Озырмес сумел вернуться из долины, откуда никто не возвращается, наказал жестокого князя и увел за собой всех жителей аула [Таурыхъэмрэ 1970: 72]. Далее в сказке говорится, что одичавший князь, оставшись без своих подданных, с приросшей к его голове шкурой с рогами, остался пастись в лесу вместе с козами. Подобное отражение образа князя в фольклоре, согласно мнению Бгажнокова Б.Х., связано с оппозицией «благородный» – «неблагородный», которая культивировалась правящим классом в целях оправдания господства над народными массами. «Противопоставление своего класса, класса благородных, классу угнетенных слоев населения было еще одной жизненно важной формой социальной активности князей и дворян» [Бгажноков 2011: 66]. В крестьянской среде подобная установка князей и уорков вызывала ответную негативную реакцию, в силу чего возникло двойственное отношение к феодальной знати, с одной стороны, они – защитники народа, а с другой стороны – угнетатели. Поэтому и в сказках находит отражение право подданных покинуть своего князя, если тот, вопреки понятию чести нарушал права и достоинство личности.

Понятие о чести как о строгом следовании нравственно-этическим правилам адыгэ хабзэ включало в себя и понятие верности данному слову. Следуя этому принципу, герой сказки проявлял стойкость и настойчивость на пути к выполнению данного им обещания. Герой сказки «Приключения Зедеба» отправился на поиски Молчаливой Сурет, обещав себе сдержать свое слово, каких бы усилий это не потребовало [Адыгские 1993: 127].

В сказке «Пшитль», иныжи взяли в заложники мальчика, который должен был помочь им украсть дочь ногайского хана. Мальчик просит их отпустить его и дает слово вернуться с рассветом. Ему поверили и отпустили. Согласно кодексу чести, мальчик сдержал слово, вернулся в обещанное время [Адыгские 1993: 218].

В сказке «Сын батрачки», князь, несмотря на то, что сам остается бездетным, отдает батрачке сына, поскольку обещал не забирать у нее ребенка, если он родится. И чтобы оставаться верным слову чести, после рождения мальчика, отдал его батрачке [Сказания 1987: 254].

В аристократической среде проявление этого принципа наблюдалось более ярко. Это выражено в образе князя Асланбека Конова, которого уместно представить в качестве доказательства.

Проезжая родное село, молодому спутнику князя Асланбека захотелось повидать мать и просит отпустить его к ней, обещая вернуться. Асланбек отпускает его и остается его ждать. Тот возвращается только утром. Конов, честно прождавший своего спутника до его возвращения наказывает невежу оригинальным образом, преподав ему урок этикетного поведения: *«Клуэ тIсэ, а фIыуэ плъагъу уанэм деж кIуэжи фыпсэу фызырегуакIуэу. Ар нэхъыфIиц. Уэ сэ гъусэ укъысхуэхъункъым дянэкIэ!»* – жиIэри, ицIалэр кыгъэнэжри, езыр кIуэжаиц» – «Иди, малыш, к своей любимой маме и живите с ней в радости. Так лучше будет. Моим спутником тебе больше не быть», – сказал он и уехал» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, Ф. 12. Оп. 1. Папка № 23-е. Паспорт № 5].

Герой предания проявляет все предписания кодекса чести адыгского воина: верность слову, сдержанность, благородство и снисходительность по отношению к значительно уступающему ему по возрасту и социальному статусу юноше.

Представления о воинской чести сопряжены с непримиримостью ко лжи, искренностью и прямодушием, как важнейшими качествами личности. В сказке «Долетмиз» этот принцип отражается в образе главного героя: «Если вернусь ни с чем – позор мне! Узнаю, что случилось с этим драконом–благо. Если возвращусь к людям с правдивым хабаром, мне не придется краснеть» [Адыгские 1993: 191].

Долг чести является одновременно и долгом справедливости и добродетельности. В соответствии с этим, адыгский воин мотивирован, делать добро. Именно поэтому, герои адыгских сказок выступают, прежде всего, защитниками слабых и угнетенных. Эту особенность адыгского менталитета отметил в свое время Эдмонд Спенсер. Он писал, что адыги очень милосердны. Долг чести любого адыга оказать помощь тому, кто в нем нуждается. Если вдруг человек останется без крова, потеряет стадо или урожай, долг каждого помочь ему. Сирота не останется бездомным при живых родственниках. Бедный не будет плакать у двери богатого, он получит необходимую поддержку [Спенсер Э. 1994: 117].

В кодекс чести адыгского дворянства скромность в характере считалась необходимым компонентом. Скромность подразумевала неприемлемость хвастовства и даже пространных рассказов о своих благих делах и подвигах. Считается непристойным восхваление не только собственных достоинств, но и достоинств своих близких. И, тем не менее, член общества был ориентирован на то, чтобы обрести славу и это побуждало его к действию. В этой скромности таилось его страстное желание к тщеславию. Он мечтал, чтобы заметили и оценили его достоинства. По мнению Б.Х. Бгажнокова, «желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех делах и к тому же гостеприимного и на черкесский манер галантного превратилось в господствующую тенденцию жизненных устремлений военно-феодалной знати, подчас остро, болезненно переживаемую. Это была страсть, близкая к состоянию *idée fixe*» [Б.Х. Бгажноков 1983: 84]. В соответствии с этими установками, пытаясь спасти свою честь герой сказки старый Ногай прибегает к лжи. Он обладал репутацией безупречного наездника, но сколько раз не пытался привести прекрасную Гагулез, ему этого не удавалось. Для того, чтобы сохранить свою честь старый Ногай решает прикинуться слепым и раскрывает правду только тогда, когда его сын привозит Гагулез [Адыгские 1993: 267].

Желание спасти свою честь заставило его пойти на такое безумие. Однако, представление о чести и высокие рыцарские качества сына не позволили ему больше скрывать правду.

Представители военно-аристократических сословий во всех жизненных обстоятельствах руководствовались понятием чести, которое диктовало поведение противников в сражении или поединке. Надо сказать, что без веских причин не принято было браться за оружие, сдержанность как достоинство ценилось так же высоко, как и мужество. Но если все же, дело доходило до открытого противостояния, противники должны были предложить друг другу право первого удара, делиться оружием и едой и в случаях, когда это было уместно, оказывали друг другу знаки гостеприимства. Таким образом, сражение сопровождалось правилами «благородной вражды». Об этом мы писали в статье «Семиотика поединка в адыгских сказках», но так как одни и те же принципы могут составлять основу разных мотивов, мы рассматриваем их снова, но преимущественно в другом ракурсе. Так в сказке «Бэчыр Къетыкъуэ и таурыхъ» – «Сказка о Бекире Кетуко», противник героя-богатыря девушка-воительница, переодетая в мужскую одежду, следует правилам «благородной вражды». Противники сражались три дня. После дневного сражения девушка-воительница назначала встречу на следующее утро, и, каждый раз приносила своему противнику то же самое, что сама ела: «Шейбжьыщ къыхуихъат, зы лэкъум цыкIу и гъусэу: «Сэ сшха дыдэр уэри къыпхуэсхъащи, мэ шхы!» – жиЭри». – «Возвратившийся всадник принес

три стакана чая и один лакум. «То, что я кушал, и тебе принес, на ешь!», – сказал» [Бухуров 2015: 84–85].

Отступление от кодекса чести было неприемлемым для адыгского воина. Нападение на безоружного считалось недостойным чести воина. Еще хуже, если имело место нападение на противника сзади. Не меньшим позором считалась гибель от удара в спину, что свидетельствовало о малодушии и бегстве. Эти принципы находят воплощение в фольклоре, в частности в сказочном эпосе. Так, например, в сказке «Три Магомета» (инв. № 1037) в ответ на предложение девушки убить спящего великана, он [главный герой / Магомет, сын князя] отвечает отказом: «Уэлэхьы, – жиІаш, – сэ апхуэдэ сыхуэмей, «иныжь жеяр букІаш», – жыпІану». – «Уаллахи, – говорит, – мне не нужно, чтобы ты сказала: «Спящего великана убил» [Бухуров 2015: 26–27].

Понятие чести также диктовало правила поведения воина, который должен быть готов к любым жизненным ситуациям, и по первому зову отправиться в путь с незнакомым человеком. Это правило описывает принцип «*Лы (уэркъ) здашэ щІэупицІэркъым*» – «Мужчина (дворянин) не спрашивает куда его зовут» [Адыгэ 1994: 60]. Здесь мы пытаемся подчеркнуть, что это правило является не только свидетельством мужества воина, но и своеобразной проверкой достоинств рыцаря, вызовом на защиту чести. Так, в сказке «Сын батрачки», незнакомый всадник бросает вызов молодому князю: «*Асланмиз, если ты такой храбрец, как о тебе говорят, поехали с нами!*» [Адыгские 1993: 279].

Другим примером объективирующим защиту чести героя является нежелание обладать добычей, доставшейся без боя, поскольку это считалось поступком недостойным мужчины. Так, герой сказки «Младший сын старика», украв девушку у иныжа, не спеша пустился в дорогу, чтобы тот смог догнать его и вступить с ним в поединок. [Адыгские 1993: 118].

Для адыгского воина попасть в плен значило потерять честь. Он предпочтет славную смерть, чем сдастся в плен, спасая свою жизнь. Даже женщины в аристократической среде подставлялись под пули, спасая себя от бесчестия, которое их могло ожидать в плену. Это подтверждают путешественники, которые писали, что адыгский воин сражается до последнего и никогда не сдастся в плен. [Бларамберг 1992: 40; Спенсер 1994: 108; Сталь 1900: 142].

Чтобы не попасть в плен, герой сказки «Большой Нормэр», просит своего противника убить его, пытаясь спасти свою честь: «*Не позорь меня, лучше сразу убей*», – *попросил я [Большой Нормэр] пленившего меня богатыря*» [Адыгские 1993: 229].

Понятие воинской чести самым тесным образом связано с защитой чести женщины. Никогда воин-рыцарь не позволит себе небрежное, снисходительное отношение к матери, да и вообще к противоположному полу. «Храбрые рыцари прежних времен никогда не оказывали более уважительной галантности к прекрасному полу, чем эти простые горцы...», – пишет Эдмонд Спенсер, заметив, что даже к бедной униженной женщине, которая на Востоке не будет пользоваться почетом, адыгский воин не может не проявлять уважения [Спенсер 1994: 117]. Это одна из граней проявления его благородства к бедным и униженным. Вот почему в адыгской сказке часто встречается мотив защиты чести женщины. Герои этих сказок приходят на помощь женщине, оберегают от всякого зла и несчастий, считая ниже своего достоинства оставить женщину в беде. Особое место здесь отводится почитанию матери. Почтительное отношение к своей матери – долг чести адыгского воина. В ее обществе мужчина-воин ведет себя крайне обходительно, независимо от возраста и социального статуса, осознавая, что женщина – домашний очаг, чья-то (или в будущем) мать, воспитанница будущего поколения. Об этом свидетельствует история о Жабаги Казаноко, которая описана в книге Л.А. Гутовой «Путь женщины в свете адыгского этикета»: «Однажды, когда Жабаги Казаноко сидел,

беседуя со своими друзьями, он увидел проходящую мимо девочку лет шести-семи. При виде ее Жабаги привстал в знак приветствия. Друзья стали подтрунивать над ним: «Эй Жабаги, как ты, уважающий себя и соблюдающий все обычаи, всташь из-за такой девочки?» На это мудрец ответил: «Эта девочка вырастет и войдет в чью-то семью, у нее будут дети, и она станет одной из воспитательниц наших потомков. Я встал на встречу будущему нашего общества». Услышав такой ответ, друзья Казаноко ничего не смогли ему возразить» [Гутова 2010: 109].

По свидетельствам Л.А. Гутовой, если в пути мужчина встретил одинокую женщину, в его обязанность входило помочь ей и провести ее до нужного места. В аристократической среде это требование проявлялось более ярко. Так даже князь, обязательно оставлял своего спутника-оруженосца, чтобы тот оказал встреченной женщине необходимую помощь. Сам он оставался один. Как утверждает автор: «... это самый рыцарский поступок, поскольку остаться князю без своего оруженосца означало превратиться в обычного рядового человека» [Гутова 2010: 110].

С большим почетом относились даже к пленницам. Как утверждает Лапинский Т., их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня. Даже на войне не позволяли себе гнусности над женщинами [Лапинский 1995].

Соблюдение кодекса чести было не только обязанностью мужчин, но и женщин. Более того, они являлись носителями этого кодекса и, так как, он был основан на гуманизме и ориентирован на уважительное отношение к человеку, женщины, отвечали мужчине взаимностью.

Кроме того, что женщины являлись наставницами для будущего поколения, они выполняли очень важную функцию – формировали основные установки кодекса чести. «... Похвала женщины, – писал А.Г. Кешев, – подстрекала мужчину к отважным предприятиям, ибо сердце черкешенки принадлежало не тому, кто соединил в себе больше умственных и нравственных достоинств, <...> но лишь тому, кто соответствовал всем требованиям идеала наездника» [Кешев 1976: 337, 338]. Именно поэтому в адыгских сказках красавицы дают согласие на руку только после того, как жених пройдет все испытания, уготовленные для проверки его личностных и воинских качеств.

Нужно заметить, что, даже находясь вдали от своей родины, адыгская знать продолжала придерживаться принципов и установок адыгского кодекса чести. Это доказывает то, что в системе ценностей адыгского общества – следование принципам воинской чести было одной из важнейших его составляющих, смыслом всей его жизни.

Оно было одним из определяющих качеств личности в адыгском обществе, соответственно, и идеального героя в фольклоре. Это стало причиной появления в адыгском фольклоре мотива защиты воинской чести. В сказках он использовался для идеализации главного героя. При этом, в изображении идеального фольклорного персонажа особое внимание обращено на эстетическую функцию названного мотива.

Источники и литература

1. Адыгские народные сказания и сказки / сост., вступ. ст. и примеч. Ш.Х. Хута. Май-коп: Адыгейское книжное издательство, 1993. 336 с.
2. Адыгэ псалъэжъхэр (Адыгские пословицы) / сост. А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев; вступ. ст. А.Т. Шортанова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 223 с.
3. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 23-е. Паспорт № 5.
4. Бгажноков Б.Х. Антропология морали. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 128 с.
5. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.
6. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 509 с.

7. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1992. 240 с.
8. *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 160 с.
9. *Гутова Л.А.* Путь женщины в свете адыгского этикета. Нальчик: Издательство М и В. Котляровых, 2010. 212 с.
10. *Кешев А.* Избранные произведения / вступ. ст., подг. текстов Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с.
11. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-Фа. 1995. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Lapinskij/text12.htm> (дата обращения: 26.09.2019).
12. Сказания и сказки адыгов / сост., вступ. ст. и коммент. Ш.Х. Хут. М.: Современник, 1987. 320 с.
13. *Спенсер Э.* Путешествия в Черкессию [Электронный ресурс] / Э. Спенсер; предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994. 153 с. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/156/24240-2.php> (дата обращения: 26.09.2019).
14. Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгские сказки. Т. II. Волшебные сказки / сост., вступит. сл., коммент., указатель сюжетов Тхамоковой (Браевой) Ж.Г. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 592 с.
15. *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53–173.
16. Таурыхъэмрэ хьыбархэмрэ (Предания и сказки). Нальчик: Эльбрус, 1970. 156 с.
17. *Хагожеева Л.С.* Коммуникативные императивы в адыгских сказках // Вестник КБИГИ, 2018. № 4 (39). С. 155–161.
18. *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

PROTECTION OF MILITARY HONOR AS A SUBJECT-FORMING MOTIV IN ADYGE TALES

Hagozheeva Liana Slavovna, Candidate of Philology, Junior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liana1771@mail.ru

The article studies the aesthetic function and the nature of the artistic reflection of the motive for the defense of military honor in the fairy tale epic of the Circassians. In a traditional Adyghe society, the concept of honor is closely connected with ideas about the authority and reputation of a knight warrior. That is why for him, passionately hungry for fame and recognition, the protection of honor is the duty and meaning of his whole life. Accordingly, this motive has become a priority for the ideal hero in folklore, in particular, for the fairy-tale hero, in the image of which all the facets of the phenomenon under consideration manifest themselves in the best possible way.

The appeal to this topic is dictated, first of all, by the need to create a single picture of artistic perception, reflected in the genre of fairy tale prose, which allows one to better understand the specifics of the concept of military honor of the Circassians, to reveal its moral and aesthetic features.

The forms of objectivization in folklore of moral and ethical attitudes and norms, which formed the basis of the motive of chivalrous honor, in particular, respect in relation to others and to oneself, fidelity to this word, nobility and condescension to a person, regardless of social status and age, are examined. and straightforwardness, justice and virtue, etc. Comparative materials from folklore and ethnographic sources are involved.

Keywords: Adyghe society, warrior-knight, fairy-tale hero, images, motives, plots, honor, dignity.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-131-137

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-138-143

СИНОНИМХЭР АДЫГЭБЗЭМ КЪЫЗЭРЫХЭХЪУКИ ІЭМАЛХЭР

Дзыгъуанэ Рита Хьэбэлэ ипхъу, филологие шцэныгэхэмкІэ доктор, Урысейм ШцэныгэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шцэныгэ центрым Гуманитар къэхутэныгэхэмкІэ и институтым адыгэбзэмкІэ и къудамэм и шцэныгэ лэжыакІуэ пашэ, dzug.rita@yandex.ru

Бзэм и къулеягъыр зыгэбелджылыр синонимхэрщ. Синонимхэм псалъэ земыщхьэмкІэ зы мыхьэнэ къалуатэурэ бзэм и къарур, и зэфІэкІыр зыхыуагъашцІ, ар зыгурылым и къекІуэкІыкІамрэ и тхыдэмрэ щыгуазэ ухуашцІ. Мы лэжыгъэм и къалэн нэхьыщхьэр апхуэдэ синонимхэр бзэм къызэрыхэхъукІ Іэмалхэр къэхутэнырщ. Тхыгэ зэхуэмьдэхэм къыхэха шапхэхэмкІэ шцІэгэбыдэжауэ авторым кыигэнлуаш синонимхэр адыгэбзэм къызэрыхэхъукІ Іэмал зыбжанэ: аффиксхэмкІэ, псалъэпкъитІ е щы зэхыхьэкІэрэ, псалъитІу зэхэт фразеологизмэхэмкІэ, диалект, къызэрыгуэкІ, гумылу псалъэхэмкІэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: лексическэ синонимхэр, адыгэбзэ, псалъитІу зэхэт фразеологизмэхэр, псалъэпкъхэр зэрызэхэт, псалъальэ.

Дэтхэнэ бзэми и лексикэм къызэщІиубыдэ псалъэхэм я куэдагъым елыташ а бзэм и къулеягъэр. Псалъэ нэхьыбэ бзэм хэтыхукІэ, зэрыгурылуэгъуэщи, ар нэхь ІэтІэлатІэ, нэхь шэщІа, нэхь дахэ мэхъу, уи гурыгъу-гурыщцІ, гулсысэ зэхуэмьдэхэр нэгъсауэ уи псалъэгъум гурыбогъэлуэф, нэхь куууэ зэхыбогъэщцІэф. Бзэм куэдрэ ущрохьэлІэ зыплъыфгъуэр, зы мыхьэнэ гуэр, н. къ. зы псалъэкІэ къыщыпхуэмылуатэ. Апхуэдэхэм деж псалъэ земыщхьэмкІэ зы мыхьэнэр къэлутэныр, гьэнэхуэныр синонимхэм бзэм шаггэзашцІ, – ар синонимхэм я къалэн нэхьыщхьэщ. Синонимхэм я зыубгъукІэм бзэм и къарур зыхыуегъашцІ, абы кыикІуа гъуэгуанэр зыхуэдэми, ар зыгурылым и къекІуэкІыкІами, и тхыдэми щыгуазэ ухуашцІ.

Синонимхэр бзэм къыхэхъукІыныр езы бзэм зэрызиужь хабзэхэм ящыщ зыщ. ГъашцІэм сыт щыгъуи зиужь, зихъуэжурэ зэрыкІуэм ещхьу, бзэми зехъуэж, зеужь, йофІакІуэ. Бзэм хэт псалъэхэр хабзэ щхьэхуэ гуэрхэмкІэ зэпхаш, зэкІэлъыхьаш. Апхуэдэу щыщыткІэ, псалъэхэр зырызу мыхъуу, ахэр зыпыщІахэри, зи гъусэхэри бгэбелджылымэщ къыщыплъагъунур абы яІэ зыужыныгъэмрэ зыхъуэжыныгъэмрэ.

Апхуэдэу синонимэгъу зэхуэхуэ псалъэхэм куэдрэ зышахъуэж къохъу. Нэхь тэмэму жыпІэмэ, синоним гупу зэхыхьэхэм ящыщ зы псалъэр нэхьыбэрэ бзэм къышаггэсэбэп щыхъу щыІэщ, адрейр зэи къамыггэсэбэпыжу щыхэкІыжыпэри нэхьыбэщ. Языныкыуэхэм мыхьэнэ куэд яІэ мэхъу, адрейхэм зээмызэ фІэкІа бзэм уащрихьэлІэжыркыым. ШапхэхэмкІэ дызэхуепллынщ зи гугъу тщІы Іуэхугъуэхэм. Псалъэм папщІэ, *жыжъэ*, *пхыдза*, *пылудза*, *щІыкыуэ*, *тІупх*, *хьэдрыхьэщІ* – синоним гупыр зы мыхьэнэ нэхьыщхьэкІэ зэпхаш, «зы щІыпІэ гуэрым хуабжыу пылуа, мыІэгъуэ, мыгъунэгъу» жиІэу. Езы псалъэхэри бзэм нэхь къызэрышаггэсэбэпкІэ зэкІэлъыхьаш. Мы псалъэхэр зы мыхьэнэм къызэщІикыуэ щхьэкІэ, езыхэми зэщхьэщыкІыныгъэ гуэрхэр яІэжщ. А щхьэхуэныгъэхэр къэтхутэн папщІэ, зи

гугъу тшы синомимхэр хэту псалъэухахэр шапхэу кыэтхынщ. Абдеж налуэ шохуэ синомимэгъу зэхуэхуа псалъэхэр зэрызэкIуалIэмрэ зэрызэхъэщыкIымрэ.

Жыжыэ: зыщыпIэгъуэрым хуабжыу пылуха, мыIэгъуэ, мыгъунэгъу. *Жыгыщхъэм кыыщызэщIэжыгуэу цыта бзухэр хэку хуабэ жыжыэхэм лъэтэжати, гъащIэм зыгуэр хэщIауэ цэхут* [Дыгъужь 1983: 9].

Пхыдза: псоми куэдкIэ пылухауэ щыт. *Мыпхуэдэ щIыпIэ пхыдзахэм кыыщыппэщIэмыхуэмэ (тхъэкIумэкIыхъ) пльагъуххэнукъым* [Тыуаршы 1978: 12].

Щыкыуэ: **жыы** зыри здэмыкIуэ, зыми кыыщамыкIухъ. *Ауэ хэт ищIэрэт ахэр (Исмел и кыуэхэр) здэщыIэ кыуэладжэр, е цхъэрыуауэ цIыва шэм щигъэтIыльгыжа щIыкыуэр?* [КIэрэф 2009: 131].

Тлупх: **жыы** щIыпIэ бгынэжа. *Тлупх дадзэжын.*

Хъэдрыхъуэ: **гуемылу** егъэлеяуэ жыжыэ дыдэ. *Хъэдрыхъуэ щыпсэун.*

Шапхэхэм кыыхош синомим гупым жыы хуа псалъы, кызырэыгуэкI псалъэкIэри, щIыпIэ щхъэхуэхэм я къэпсалъыкIэхэри, гуемылу псалъэхэри зэрыхыхэр. Иужрейхэр художественнэ тхыгъэхэм, IуэрыIуатэм, псалъэжхэм нэхъыбэрэ кыышагъэсэбп.

Синомим гупым хыхъэ псалъэхэм я мыхъэнэр щызэтэхуапи урохъэлэ. Псалъэм папщIэ: *зэрыгъэщIэнтIэн = зэрыгъэбэкхъын. ЩIалэ цIыкIухэм къажыхурэ зэрыгъэщIэнтIат (зэрыгъэбэкхъат).* Проверб кы- пыувэу кыэхуа глаголхэу кыэщIэнтIэн, кыэбэкхъын псалъэхэм я мыхъэнэр зэтохуэ: «гузавэм кыыхэкIыу пщIантIэпс кыкIуэн». Шапхэ: *Мэру пльагъур кыэщIэнтIащ, сауIыну кыкIуащ жиIэри, и фэр ныкIауэ бзагуэ хуным нэсащ* [Кышокуэ 2006: 399]. Иджыри зы шапхэ: *ПсыниIэу кызырэкIуам иригъэша, хъэмэрэ гурыгъу-гурыщIэхэм гухэ ящIа ... – пщацэм и цхъэр мэуназэ, и лъэнкIанIэр щIокIэзызыкI, и Iэгухэр пщIэнтIащ, езыр кыэбэкхъащ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 142].

Адыгэбзэ грамматикэм и щхъэхуэныгъэ нэхъ гъэщIэгъуэнхэм щыщ псалъэ кызырэыху аффиксхэр зэрикуэдур. Ахэр, шэч хэмылбу, псалъэщIэ куэд бзэм кыыхэхуыкIынымкIэсэбэпышхуэмэху. АффиксхэмкIэ синомимхэркыбгъэщIыныр Iэмалгъуэздэжэщ. Глаголым хэль лэжыгъэр щигъэзащIэ щIыпIэр кыэзыгъэлыагъуэ суффикс зэхуэмыдэхэм зы псалъэ лъабжыэм кытрагъэхуыкIыфынуш синомим зэхуэхуэ псалъэ гуп. Псалъэм папщIэ, *те-уцэбы-хы-н = те-уцэбы-кIы-н* глаголхэм зы мыхъэнэщ кыагъэлыагъуэр – «зыгуэрым и гущIыIум телу зыгуэр уцэбын». Апхуэдэ дыдэуи проверб зэхуэмыдэхэр зы лъабжыэм пыувэкIэри синомим гуп кыагъэхуф: *фIэ-уцэбы-кIы-н = пы-уцэбы-кIы-н* «удынкIэ зыгуэрым и щхъэ, Iэпэ-лъапэ с.ху. уцэбын»: (*Мурат, цIыхубзым хуэгъэзауэ:*) – *Алыхъыр нахуэу зыгъэщIар сэращ, ... убалъэжыу игъуэжа а уи нэщIащэр лыпскIэ кыэщIытэжын хуэдэу ахъшэдэщ кыэну уи цхъэр фIэзмыуцэбыкIым!* [Елгъэр 1976: 112], *Iэпэр уадэкIэ пыуцэбыкIын.* Иджыри зы шапхэ: *пы-тIыс-хъэн = фIэ-тIыс-хъэн* «тIысыпIэ гуэрым тетIысхъэн (п.п., кыудамэ сыт хуэдэхэм)». (*Долэт зэлуцIэм яжриIэу:*) *Уеблэмэ зы жыгым фыпымтIысхъэ псори, кыуаргъым ещхуэ, ухуеймэ, жыг зырызым фыдэкIуей ...* [Кышокуэ 2005: 318], *Жындур уэнжакъым фIэтIысхъащ.*

Превэрбхэмрэ суффиксхэмрэ зы лъабжыэм здыпыувэкIэрэ синомим куэдрэ кыагъэхуэ. Шапхэ:

Пы-убэрэжы-кIы-н «зыгуэрым и щхъэр, и кIапэлыапэхэр уцэбын». *Езым (Долэт) и Iэгуфэ пхъащэ Iувым хищIа ажмыжхэр, уеуIуамэ тIыркъ-тIыркъ, жиIэу, кыутихъэм хуэдэу хэст, и Iэпхуамбэ пажэр пытыжыххэтэкъым, зыухъэным и цхъэл мывэр цуIуауэ цытрилхъэжыым пыубэрэжыкIри пахат* [КIэрэф 2009: 418]. А лъабжыэ дыдэм нэгъуэщI префикс пыувэу кыэхуа глаголыр япэ итым синомимэгъу хуохуэ: *фIэ-убэрэжы-кIы-н* «зыгуэрым и щхъэр пыуцэбыкIын». (*Гуацэмыдэ, Гуацэгъагъэрэ Салимэрэ хуэгъэзауэ:*) – *АтIэ нобэр кыыздэсым хэт зыщIэр Шэфудиныжыым и цхъэр фIэзубэрэжыкIауэ цытар?* [АбытIэ 1991: 212].

Щымылэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ аффикс *мы-* кIэ псалытI е нэхьыбэ зэхыхъуэ зэпыщIауэ къэхъуа псалъэ зэхэлъхэми синоним гуп къагъэхъуф. Щапхъэ: *ПсэукIэ-мы-щIэ* «цIыхум ялгъэщIымыхъэ, мыпсэуф». (*Мэжид и адэм къыжриIэу:*) *Уэ пхуэдэм уриунIэуту, жысIэпэници, урипцилIрэ зыхуейр къуипэсу, уигъэикIэу дунейм утетынущ, упсэукIэмыщIэмэ* [КIэбышэ 2013: 69]. Иджыри зы шапхъэ: *Уеблэмэ дэтхэнэ зы акъыл жан зиIэ джэгуакIуэ зи цIэр фейдэ хэхьыпIэ зымыщIми еицхъу ар (лIыжъыр) цхъэемыгугъут, хьэлэлт, хысэпрэ зэпэлытIрэ хэмылгу къыгуэлгъауэ дунейм зэрытетым цхъэкIэ псэукIэмыщIэкIэ* куэдрэ къеджэу [МафIэдз 1995: 183].

КIэгъуасэ-мы-щI псэукIэ зимылэ. *КIэгъуасэмыщI* цIы кIапэ зытес ицIыхуркъым (Псалъэжъ).

Синоним гуп щызэхыхъэм деж зы псалъэр щымылэныгъэ префикс *мы-*кIэ къэхъумэ, адреим щымылэныгъэ мыхъэнэр суффикс *-ниэ-*кIэ къыгъэлыагъуэу куэдрэ къыщыкIуэ щылэщ: *дзыхъ-мы-щI, таучэлы-ниэ, Iэнкун, цтIэлэцтаблэ* – псоми зы мыхъэнэ нэхьыщхъэ ялэщ – «гурыщхъуэщI, темыгушхуэ, сьтми шэч къытесыхъэ». Щапхъэ: *ЦIыхур хъэжэпхъажэу, цтIэлэцтаблэу, дзыхъмыщIу къызэхэнац* [Хъэх 2013: 149]. Щымылэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ аффиксхэмкIэ куэдрэ къохъу наречие зэсинонимэгъухэр. Щапхъэ:

зпымыуу «зэи мыувыIэу». (*Зырамыку*) и *цхъэм икIыртэкъым, Адэлбийр къытегушхуэнымIрэ ауан къищIынымIрэ къызыхэкIам зпымыуу* егупсысырт, и *гуцхъэр мафIэм кърысыкIыу* [Теунэ 1980: 413]. Иджыри зы шапхъэ: *Пцэдджыжъ нэмэзым япIуэкIэ Ботэц Фализунхэ я бжэIупэм къылууац, дыуэцI цыкIуэкIэ къыздицтэ и башыжъым тегъэцIарэ зпымыуу* и *кIуэцIыи ипсчыкIыу* [Къашыргъэ 1976: 12].

зпымычу «кIэ имыIэу». *Сабийхэми нысэми я гъацIэр IэфIын цхъэкIэ, ахэр зешинэу цымытын цхъэкIэ, сьт цIэн хуейр? – зпымычу* зэуицIыжырт ар (*ДамжъыкIуэ*) [Теунэ 1980: 89]. Иджыри зы шапхъэ: *А Андемыркъаныр абы цыгъуэ пцыхэм я бийт, фIыуэ ялгъагуртэкъым, зпымычу* зауэ ярищIылIэрт [Журт 2004: 19].

цIэмычэу «увыIэгъуэ имыIэу». *ЩIэмычэу Iуэху цIэн.*

мычэму «сытым дежи, мыувыIэу». *СыкIуэнт нэхъ псыницIэу схузэфIэкIым – Мычэму си шыр согъэлгъэху* [КIыщокъуэ 2004: 101]. Иджыри зы шапхъэ: *ЦIыхубзхэм, къыщIызэхуэса гуфIэгъуэри яцыгъутицэжауэ, мычэму иджы зытеспэлгъыхьыр ГъуэгулIрэ ар зыпIыжахэмрэт* [Журт 2004: 185].

теубыдэгъуэнишэу шэрдж. «мыбэяужу, мыувыIэжу». *КIэлындорым тет телефоным и макъыр къэхъуа хуэдэу теубыдэгъуэнишэу зуурт* [КIытIэ 1995: 112].

Синонимэгъуэ зэхуэжъу псалъэ гупым куэдрэ щыхыхъэ къохъу псалытIу зэпхауэ къакIуэ фразеологизмэхэр, е псалъэ зэхэлъ фразеологизм мыхъэнэ зиIэхэр, къарыкI мыхъэнэр доминантэм и мыхъэнэм екIуалIэмэ. Псалъэм папщIэ, мы синоним гуп зы мыхъэнэкIэ зэпхам хохъэ фразеологизм доминантэм мыхъэнэкIэ екIуалIэу: *къэмэхьын, къытехуэн, гур зIыхъэн* «и зэхэщIыкIыр фIэкIуэду джэлэн».

къэмэхьын – *Я насыпти, машинэри къапэцIэхуэри физ къэмэхар* сымаджэщым къагъэсац [КIыщокъуэ 2006: 9].

къытехуэн – *Иуарэ къэгужъейри къытехуац, и лъакъуитIыр цIэхури* [КIыщокъуэ 2006: 429].

(и) *гур зIыхъэн* – *Таужан и къуэр зэрилгъагуу и гур зIыхъэри* сыхъэт ныкъуэкIэ и *цхъэм хъыдан псыф тралгъэху бгъэдэсахэц* [ШэджихъэщIэ 1984: 232]

Синоним гуп къэгъэхъунымкIэ сэбэп мэхъу нэгъуэщIыбзэм щышу адыгэбзэм къыхыхъэ псалъэхэр. Щапхъэ: *Iэтицэхуэ, браслет* «нэхъыбэу гъушI лъапIэхэм къыхэщIыкIауэ Iэпщэм илгу зрахъэ цIыхубз хъэпшып». *НыкъуэкIур къызыхэкIари Украинэм щаукIа журт цIыхубзхэм яцыц зым къытаха дыцэ Iэпцэхур* яхузэрымыгъэгъуэшынырт [Къашыргъэ 1966: 213]. *Браслет* къэцэхун.

Языныкъуэхэм деж синонимэгъуэ зэхуэжъу псалъэхэр псори нэгъуэщIыбзэхэм щышу адыгэбзэм къыхыхъауэ урохъэлIэ. Псалъэм папщIэ: *грек, алыдж.* Иужьрейр

пасэм шыгъуэ грек лъэпкъым адыгэхэр зреджэу шыта цIэш, жьы хьуа псалъэхэм хыдогъэхьэ. *Алыдж бэнэКIэ. Зэнеуэм грекхэр цытекIуат.*

Апхуэдэу алфавит, азбукэ, алыфбей синомим гупыр псори нэгъуэщIыбзэхэм кыыхэкIащ. *Азбукэр* алфавитым урысыбзэкIэ зреджэ цIэш, урыс алфавитым и япэ хьэрфитIым зреджэм (аз, буки) кыитекIащ. Шапхьэ: *Адыгэ азбукэр хьэрф цэныкьуэм цIегъури, а кьомыр ахэм ебгъэцIэн цхьэкIэ, куэд хуейт* [КIыщокъуэ 2006: 528]. *Алыфбейр* алфавитым хьэрыпыбзэкIэ зреджэ цIэш. Мыращ езы алфавит псалъэм и кьежьапIэр. Шапхьэ: *Бильостэн Къэсболэт здигъэлэпыкьуурэ урыс алыфбейр зригъэцIауэ иджы тхыль кьеджэф хьуат* [Хьэх 2013: 78].

Лэжыгъэм и КIэм кышыдгъэналуэжынщ нэхьыбэу синомимхэр бзэм кызырэыхэжукI Iэмал нэхьыщхьэ кьэтхутахэр. Нэхьыбэ дьдэу, бзэм езым и Iэмалхэр кыгъэсэбэурэ кыыхэжукI псалъэхэм синомимхэм я бжыгъэр хагъахьуэ: псалъэм папщIэ, аффиксхэмкIэ, псалъэпкъ зэхыхьэкIэрэ кьэхьуа псалъэхэм. НэгъуэщIыбзэхэм шышу адыгэбзэм кыыхыхьа псалъэхэми синомимхэм я кьулеягъэм куэдкIэ зрагъэубгъу. ПсалъитIу зэпха фразеологизмэхэри я мыхьэнэкIэ синомим гупым хыхьэ псалъэхэм екIуалIэмэ, синомимэгъу яхуохьу. ЩыпIэ щхьэхуэхэм кыщапсэлъ диалект псалъэхэми, кызырэыгуэкI псалъэкIэм кыыхахахэми, жьы хьуа псалъэхэми, гуемыIу псалъэхэми синомимхэм я бжыгъэр ягъэбагъуэ.

ТегъэщIапIэ хьуа литературэр

1. *АбытIэ В.* Ирамышыжа нысашIэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. 264 н. (*Абитов В.* Несостоявшаяся свадьба. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1991. 264 с.).

2. *Дыгъужь Къу.* Бжыхьэ псыдзэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1983. 216 н. (*Дугужев К.* Осенний поток. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1983. 216 с.).

3. *Елгэр К.* Жэщ дыгъэ // Ухеймэ – улъэщ. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н. (*Елгаров К.* Ночное солнце. Налчык: Эльбрус, 1976. 348 с.).

4. *Журт Б.* Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н. (*Журтов Б.* Семья. Роман. Налчык: Эльбрус, 2004. 200 с.).

5. *КIэбышэ Л.* КъэнэКIафIэ // Гуашхьэмахуэ. Налшык: Эльбрус, 2013. № 6. Н. 67–90. (*Кебишев Л.* Легко отделался // Эльбрус. Налчык: Эльбрус, 2013. № 6. С. 67–90).

6. *КIэрэф М.* Сэфар // Лъэужь е лъэужь. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н. (*Керефов М.* Сафар // Оставить след. Повести и рассказы. Налчык: Эльбрус, 2009. 572 с.).

7. *КIытIэ Ф.* Гухэль ткIуэпс. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс кьэрал тхыль тедзапIэ, 1995. 128 н. (*Китов Ф.* Капли жизни. Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 1995. 128 с.).

8. *КIыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. I. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (*Кешоков А.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Стихи и поэмы. Налчык: Эльбрус, 2004. 512 с.).

9. *КIыщокъуэ А.* Хьуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (*Кешоков А.* Чудесное мгновение // Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Налчык: Эльбрус, 2006. 552 с.).

10. *КIыщокъуэ А.* Зи лъэрыгъыпс тIыгъа // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (*Кешоков А.* Чье стремя мы держали // Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Налчык: Эльбрус, 2006. 552 с.).

11. *КIыщокъуэ А.* Къалэн // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (*Кешоков А.* Обязанность // Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Налчык: Эльбрус, 2006. 552 с.).

12. *КIыщокъуэ А.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (*Кешоков А.* Корни // Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Налчык: Эльбрус, 2006. 552 с.).

13. *Кыщокъуэ А. ХьэщIэ лъапIэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (Кешоков А. Дорогой гость // Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Нальчик: Эльбрус, 2006. 552 с.).*
14. *Къаширгъэ Хь. Лъапсэ быдэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1966. 348 н. (Каширгов Х. Крепкие корни. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 348 с.).*
15. *Къаширгъэ Хь. ПшэкIухь. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 н. (Каширгов Х. Ореол. Нальчик: Эльбрус, 1976. 378 с.).*
16. *МафIэдз С. Гъыбзэ хуэфшэрт. Роман. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1995. 444 н. (Мафедзев С. Дстойны печальной песни. Роман. Нальчик: Эльбрус, 1995. 444 с.).*
17. *Теунэ Хь. Шэджэмокъуэ лъэпкъыр // Тхыгъэ нэхьыщхьэхэр томитIу. ЕтIуанэ Iыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1980. 568 н. (Теунов Х. Род Шогемоковых // Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1980. 568 с.).*
18. *Тьуаршы А. Сэтэнейр къэгъагъэмэ. Роман. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс къэрал тхылъ тедзапIэ, 1978. 424 н. (Туаршев А. Когда зацветет сатаней. Роман. Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 1978. 424 с.).*
19. *Хьэх С. Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н. (Хахов С. Тропинка ведет к дороге. Роман. Нальчик: Эльбрус, 2013. 624 с.).*
20. *ШэджыхьэщIэ Хь. Гум псори къонэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1984. 452 н. (Шекхачев Х. Все остается в памяти. Роман. Нальчик: Эльбрус, 1984. 452 с.).*
21. *ШоджэныкъыкIу I. Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1962. 232 н. (Шогенуков А. Весна Софят. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 232 с.).*

СПОСОБЫ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzug.rita@yandex.ru

В настоящей статье, учитывая важность лексических синонимов как определителя степени развитости словарного состава языка, рассматриваются возможные пути их пополнения в кабардино-черкесском языке. Принимая во внимание специфику исследуемого языка, на основе анализа фактического материала автор обнаруживает, что сложная морфологическая структура указанного языка способствует генерации семантически параллельных образований, что является одним из источников синонимии. В состав лексических синонимов часто включаются также двухкомпонентные фразеологические единицы, эквивалентные слову, которые значительно расширяют рамки синонимических рядов. Иноязычные заимствования способствуют не только пополнению лексического состава языка, но также и развитию синонимических связей и отношений.

Ключевые слова: лексические синонимы, кабардино-черкесский язык, двухкомпонентные фразеологизмы, морфологическая структура, словарный состав.

SOURCES OF COMPLETION OF THE LEXICAL SYNONYMY OF THE KABARDINO-CHERKESK LANGUAGE

Dzukanova Rita Habalovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

In this article, given the importance of lexical synonyms as a determinant of the degree of development of the vocabulary of a language, possible ways of their completion in the Kabardino-Circassian language are examined. Taking into account the specifics of the language

being studied, based on the analysis of factual material, the author discovers that the complex morphological structure of this language contributes to the generation of semantically parallel formations, which is one of the sources of synonymy. The lexical synonyms often also include two-component phraseological units equivalent to a word, which significantly expand the scope of synonymic series. Foreign borrowings contribute not only to the replenishment of the lexical structure of the language, but also to the development of synonymous connections and relationships.

Keywords: lexical synonyms, Kabardino-Circassian language, two-component phraseological units, morphological structure, vocabulary.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-138-143

АДЫГЭБЗЭ ПСАЛЪЭУЖЬХЭМ ЯБГЪЭДЭЛЪ ЦХЬЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Жылэтеж Хьэжысмел Чьлэний и кьуэ, филологие шлэныгъэхэмкIэ кандидат, Федеральнэ кьэрал бюджет шлэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шлэныгъэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр шлэныгъэ центр» «Федеральнэ шлэныгъэ центрим» и кьудамэм адыгэбзэ секторым и шлэныгъэ лэжыакIуэ нэхьыжь, hazismel@mail.ru

Мы статгяр теухуаш адыгэбзэм и псалъэужьхэм яIэ шхьэхуэныгъэхэр гъэбелджылыным. Мы Iуэхугъуэм ехьэлIауэ шлэныгъэлIхэм кьэхугтэныгъэ гуэрхэр ирагъэкIуэклэ пэтми, арэзы укыищIу, и кIэм нэсу щызэпкьрыха лэжыгъэхэр мащIэ дыдэщ. Къапштэмэ, ягъэзащIэ грамматикэ кьалэн елыгытауэ псалъэужьхэр зэрагуэш шьыкIэр зIубзу шыткьым, кьыхагъэкл гупхэм я бжыгъэри зэтехуэркьым, уеблэмэ, апхуэдэ гуэшыкIэр шыуагъэу кьэзылытыи шыIэщ. Гулыгытэ хэха зыгъуэтахэм ящыщ псалъэзэпыщIэ мыхьэнэ яIуэ бзэм кьышыкIуэ псалъэужьхэр, ахэр кьыхэгъэщхьэхукIын хуейуэ зэрщыгтым кьыхэкIыу. А зи гугъу тIаIа проблемэхэмкIэ Iуэху еплъыкIэ пыухыкIахэм дащыхуокIуэ мы лэжыгъэм.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, псалъэужь, псалъэуха, мыхьэнэ, грамматикэ кьалэн, кьытекIа, кьытемыкIа.

Псалъэужьхэр – ар адыгэбзэм и зэхэлъыкIэм иIэ шхьэхуэныгъэхэм ящыщ зыщ. Iэдэж псалъэу щыткIэрэ, ахэр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, лэжыгъэцIэхэм кьатекIа цIэ гъэпсыкIэ зилэхэм, кьэхьукIэцIэ языныкьуэхэм я гъусэу кьокIуэхэр. Езыхэр къагъэсэбэп, падеж кIэухым щыгъуу, псалъэхэр иризэрапхын папщIэ, мыхьэнэ гуэдзэ гуэркIэ Iуэхум белджылагъэ халъхьэу зи кIэрыдзэн псалъэр нэхьыщхьэм епхын кьалэныр ягъэзащIэу. Псалъэужьхэр зи гъусэ псалъэхэм я ужь иту сыт щыгъуи кьокIуэхэр икIи къагъэлъагъуэ псалъэухам псалъэхэм щалэ грамматикэ зэхушытыкIэ зэхуэмыдэхэр: щыIпIэ, зэман, шхьэусыгъуэ, мурад, зэгъэпщэныгъэ, зыгъэбелджылы, н.кь. Ахэр зи гъусэ псалъэхэм еигъэ лъабжьэпэкIэ пыщIауэ куэдрэ бзэм кьыщокIуэ. Псалъэужьхэм зи гъусэ псалъэр зыхьуэж псалъэзэшэм ирагъэуэвэ хабзэщ (*тхылым цхьэкIэ, абы деж, кьалэм дыщыкIуам цыгъуэ, уэиш къеишынэм и пэкIэ*). Ауэ щыIэщ ушрихьэлIи псалъэужьхэр адреи псалъэзэшэхэм ит псалъэхэм я ужькIэ къакIуэу: *Лъыжь(ыр) нэгъунэ шыгъаажэм щыIащ; А лъагъуэмкIэ фIэклэ набжьэм ухэкIыфынутэкьым*.

Адыгэбзэм псалъэужьхэм я системэм фIыуэ зыщиужьащ. Абыхэм ящыщ куэд пасерей адыгэбзэм кьышежьащ (*деж / дей, цыщ, тIолондэ, лъандэрэ*), адреи хэр – нэхь кIасэу бзэм щызэфIэуващ (Кабардино-черкесский язык 2006: 346). Псалъэм папщIэ, щыIпIэ кьэзыгъэлыагъуэхэр кьатехьукIащ цIыху Iэпкьлэпкьым и Iыхьэ зэхуэмыдэхэм я фIэщыгъэцIэхэм. Псалъэужь мыхьэнэ яIуэ зы зэман бзэм кьыхэгъэщхьэхукIа а псалъэхэр иджырейбзэм а гъэпсыкIэ дыдэр къахуэнэжауэ «хэжыхьащ». Ахэр зи гъусэ псалъэхэм сытым дежи еигъэ лъабжьэпэкIэ епхаш.

Гу зылыгытапхьэхэм ящыщ адыгэбзэм псалъэужьыр гъэзэщIэн зэхэтым и дэIэпыкьуэгъу пкьыгъуэу куэдрэ кьызырыщыкIуэм. Апхуэдэхэм деж ахэр псалъэухам и кIэ дыдэм кьышыхьащ, гъэзэщIакIуэ лъабжьэгъусэри абы поуэв: *Аслээн зи пхьэр нэхьыбэрэ кьикIхэм ящыщт* (Кьэрмокуэ 2004: 227); *Диньм цIыхухэр зэцхьэщидз цIэхьур ар зы гурацэ гуэрим, политикэ гуэрим епха цыхьум дежщ* (Шортэн 1985: 87). Мыпхуэдэхэм деж псалъэужьым игъэзащIэр нэгъуэщI

грамматикэ кьалэнщ. Зэблэхьугъэ ухуэкIэ зыгъуэта псалъэухам псалъэужьыр и пэми, и кIэми шытыфынуш: *Ауэрэ, елъэбышауэмэ-цэнауэрэ (Сэфар) нэсыжащ борэным къритхьауэ цыль бжеи.жсьым деж* (КIэрэф 2009: 438); *Абы цыгъуэц Пасэ бэлыхь цыхьэхуэнур* (Елгъэр 1988: 65).

Псалъэужьхэм я морфологие нэщэнэгъэлыгагъуэхэр

Морфологие зэхэтыкIэ елытауэ псалъэужьхэр гупитIу бгуэш мэхьу: кьытемыкIахэрэ (кьыхэмыщIыкIахэмрэ) кьытекIахэрэу (кьыхэщIыкIахэмрэ). КьытемыкIахэм хохьэр: *(и) дей // (и) деж, дежкIэ, (и) дежкIэ, шыщ, лъандэрэ, пцIондэ, нэгъунэ, нэужь / нэужькIэ, цыгъуэ, пащIэкIэ // пащIэ, хуэдиз / хуэдизкIэ, цхьэкIэ, цIыкIэ, нэмыщI // нэмыщIкIэ* (Кумахов 1964: 249–250). Мыбыхэм мыхьэнэр яфIэкIуэдри, гъэпсыкIэ-грамматикэ зэхушытыкIэ фIэкла кьамыгъэлыгъуэж хьуащ.

КьытекIахэм (кьыхэщIыкIахэм) хеубыдэ: *нэс // нэскIэ, кьэс // кьэскIэ, и кIуэцIкIэ, кьыхэкIкIэ, и нIэкIэ, игунэ, и пащхьэ, и цIагъ, и нэкIэ, ибгъукIэ, цIыгъуэ*. Мы псалъэужьхэр зи цхьэ хушытыж псалъэхэм кьатекIауэ япэ гупым (кьытемыкIахэм) зэрхуэкIуэ гъэпсыкIэм тетщ. Мыбыхэм псалъэ лъэпкьыгъуэ зэмылIэужьыгъуэхэр я кьэжьапIэщ, я кьэхьукIэри наIуэщ. Псалъэм пащIэ, гъээщIэн псалъэпкьхэм кьатокI *кьэс, нэс, фIэкла, кьыхэкIкIэ* псалъэужьхэр; шыIэцIэхэм – *и пащхьэ, и нIэкIэ, и нэкIэ, и кIуэцIкIэ, ибгъукIэ, и цIагъ*. Иджыпсту яIэ гъэпсыкIэм ахэр псори «хэжыхьауэ» хьума цыхьуащ икIи псалъэужь кьалэн ягъээщIэ.

Псалъэужьхэм я грамматикэ нэщэнэгъэлыгагъуэхэр

Псалъэужь дей / деж. ЦIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гъэпсыкIэ зиIэ гъээщIэнхэм я гъусэу кьагъэсэбэп, зыхьуэж псалъэзешэр зэрегъакIуэ. Зи гъусэ псалъэм и мыхьэнэм елытауэ шыпIэ, зэман зэхушытыкIэхэр кьегъэлыгагъуэ. Щапхьэ: *(Мацэ:) Нобэ зэIущIэм дей сыбгъэдыхьэн си гугъащ урыс нысэм* (Дыгъужь 2011: 137); *Зы махуэ гуэрэм, сменэ зэблэхьугъуэм деж, Софят пхьуантэр зэтрихауэ цыгъынхэм зыдепльым, вагоньбгъум и деж жьауэм цызэхэс лIыхэм я псалъэмакь зэхихащ* (ЩоджэнцIыкIу 1962: 43); *Кхьухьыр шыщIэтIысыкIыным дей, дзыгъуэхэр нэхь пасэу йож* (Дыгъужь 2011: 167).

ДейкIэ / дежкIэ¹ псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гъэпсыкIэ зиIэ гъээщIэнхэм я гъусэу кьокIуэ. Объектым, цхьэм дежкIэ унэтIа Iуэхугъуэ кьегъэлыгагъуэ. Щапхьэ: *Саримэ Елдар дейкIэ епIэкIырт* (КIыщокьуэ 2005: 292); *Тыкуэным цIэт цIыхухэр зэ Хьэмитбий дежкIэ, зэ Бабынэ дежкIэ маплэ, сьт яцIэну нIэрэ жаIэу* (ХьэхьупащIэ 1996: 331).

Псалъэужь дейкIэ / дежкIэ². Япэ кьэтхьа псалъэужьымрэ мыбырэ IукIэзэщхь псалъэхэщ. ЦIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гъэпсыкIэ зиIэ гъээщIэнхэм я гъусэу кьагъэсэбэп. И мыхьэнэкIэ кьегъэлыгагъуэ зыгуэрэм ехьэлIа, и хушытыкIэ, и сэбэпынагъ зыхэлъ. Псалъэм пащIэ: *Ар фIыц уи дейкIэ, ЗэгъащIэ, цIыхьышхуэц* (ПашIэ 2003: 128); *Аслъэнджерий хуэдэпцхэм цхьэкIэ Мэздэгу гуэрэфу цыт пэтми, Бот хуэдэ пцылI куэдхэм я дежкIэ Мэздэгур цхьэегъэзынIэт* (Шортэн 1978: 52); *Махуэ блэкIахэр Аслъэнджерий дежкIэ гугъусыгъуу екIуэклащ* (ХьэхьупащIэ 1996: 113).

«ДежкIэ» псалъэужьым IукIэзэщхь псалъэ иIэщ. Ахэр кьызытекIар зыуэ кьыщIэкIынуш, иужькIэ я мыхьэнэкIэ зэщхьэщыкIа цхьэкIэ.

Шыщ / ящыщ псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гъэпсыкIэ зиIэ гъээщIэнхэм я гъусэу кьокIуэ. Генитив зэхушытыкIэ яхэлъу шытурэ, я мыхьэнэкIэ кьызыхэкIар, кьызэрыхьуар кьагъэлыгагъуэ, псом шыщ Iыхьэ кьыхагъэщ. Щапхьэ: *Зауэм и нэкIэ ди адэм и ныбжэбгъуу цыта сонэхэм дыкьагъуэтыжауэ, Тбилиси шыщ кьулыкьууцIэшхуэхэри ящIыгъуу бгым кьыщхьэдэхьрти ди мэххэм щакIуэ*

кѡаклуэрт (Кѡэрмокѡуэ 2007: 140); *Тазрэт кѡыщылѡтащ: Уежсѡжынкѡым, уэлѡхы, талѡхы, мы джэдлыбжсѡм **щыщ** зы кѡуницхѡ мы тебѡм кѡинауэ!* (Журт 1987: 83); *Махуэ зыбжанѡ хѡуауэ Кѡетыкѡуэхѡ **ящыщ** дунейм кѡытехѡуэ слѡэгѡуакѡым* (Кѡашыргѡэ 1976: 239); *Хѡт фѡ **фщыщ** ар нѡхѡ зыхузѡфлѡкынур?* (Журт 1987: 174).

«Щыщ» псалѡэужыыр адреѡ псалѡэужьхѡм ещкѡым. Ар псалѡэзешѡклѡ, щхѡѡклѡ зѡхѡуѡклѡ мѡхѡу. Абы пыувѡфынущ щхѡѡ-еигѡѡ лѡабжѡѡпѡхѡр, псалѡэзѡпыщлѡ лѡабжѡѡужьхѡр, куэд бжыгѡѡ кѡѡзыгѡѡлѡагѡуэ лѡабжѡѡужь, мыхѡуныгѡѡ лѡабжѡѡпѡ е лѡабжѡѡужь. Хуэбгѡѡфашѡ хѡунущ ар цлѡм кѡытеклауэ.

Псалѡэужь лѡандѡрѡ. Мыр зѡман кѡѡзыгѡѡлѡагѡуэ щылѡцлѡхѡм, зыгѡѡлѡагѡуэ цлѡпапщлѡхѡм, хѡл лѡуэхуцлѡхѡм, зѡман кѡѡзыгѡѡлѡагѡуэ кѡѡхѡуклѡцлѡхѡм я гѡусѡу кѡагѡѡсѡбѡп. И мыхѡѡнѡклѡ кѡегѡѡлѡагѡуэ лѡуэхум, лѡуэхугѡуэ гуѡрым и кѡежѡаплѡр, зѡманклѡ зѡреклѡужкыр. Псалѡѡм папщлѡ: *А махуѡм **лѡандѡрѡ** мѡлыхѡуэхѡм лѡухуфѡуи гунсысѡу ялѡр Зарѡт* (Клѡрашѡ 1963: 48); *Абы **лѡандѡрѡ** Батырбѡч зѡинишѡу кѡѡнащ, дыхѡѡишхѡни дунейм тѡту илѡэгѡуауэ тцлѡжыркѡым, дыхѡѡишхѡуи ялѡэгѡуауэ жылѡэгѡухѡм яцлѡжыркѡым* (Нало 1993: 381); *Ар (Хосе) хуейт зѡрыклѡуж **лѡандѡрѡ** зыщытхѡу адыгѡхѡр здригѡѡблагѡѡ и хѡкум ягу щарихѡыну* (Кѡэрмокѡуэ 2004: 255); *Хѡѡмидбий щлѡмахуэ **лѡандѡрѡ** Зѡчрей илѡэгѡуатѡкѡым* (Хѡѡхѡупащлѡ 1996: 229).

Пцлѡндѡ / пцлѡндѡклѡ псалѡэужыыр зѡман кѡѡзыгѡѡлѡагѡуэ щылѡцлѡхѡм, сѡт зѡрыупщлѡ цлѡпапщлѡм, хѡл лѡуэхуцлѡхѡм, зѡман мыхѡѡнѡ зилѡ кѡѡхѡуклѡцлѡхѡм я гѡусѡу кѡоклѡуэ. Зѡман гуѡрым кѡриубыдѡ мыхѡѡнѡ кѡегѡѡлѡагѡуэ. Щапхѡѡ: *Вѡнущ ахѡр нѡхулѡѡ **пцлѡндѡ**, дыгѡѡ нѡхунѡр кѡыщлѡклѡыху* (Щоджѡнцлѡкылу 1962: 134); *Апхуэдѡурѡ еджѡу, загѡасѡу, политикѡклѡ зѡрыгѡѡлѡуцхѡурѡ майм и пцыклѡубгѡу **пцлѡндѡ** дѡзѡр Кѡалѡклѡыхѡым дѡсац* (Нало 1993: 85.); *Мы фызыхѡтыр (хѡѡсѡр) сѡт **пцлѡндѡ** фыухын?* (Шѡджыхѡѡщлѡ 1987: 72); *Укѡѡклѡужыыху **пцлѡндѡклѡ** сѡ лѡухур и клѡм нѡзѡгѡѡсыниц* (Кѡашыргѡэ 1976: 171); *Ауѡ нѡжщ, иужьсѡым хамутыр пцлѡхѡхѡрѡ уаутлѡпыщамѡ, ухуейм удзыпцлѡм зыхѡгѡѡуклѡуриѡ, кѡѡтѡджыж, пцѡдѡей **пцлѡндѡ** хѡуаклѡуэ* (Клѡщокѡуэ 2006: 44).

И гугѡу псалѡэужыыр цлѡхѡм, цлѡпапщлѡхѡм, цлѡ гѡѡпсыклѡ зилѡ гѡѡзѡщлѡнхѡм я гѡусѡу кѡаклѡуэ хѡбзѡщ. Зи гѡусѡ псалѡѡмрѡ абырѡ кѡагѡѡлѡагѡуэ зытѡпсѡлѡыхѡыр, зи гугѡу ящкыр. Псалѡѡм папщлѡ: *Лѡыщхѡуэхѡм зѡпымуѡѡ щаклѡуэ гуѡрым и гугѡу яцлѡырт* (Кѡашыргѡэ 1976: 22); *Абубѡ абы и гугѡу кѡыхузѡыщлѡр район сѡмаджѡщыым санитаркѡу щылажѡѡ цлѡыхубз гуѡрт* (Кхѡуѡлѡфѡ 2000: 275); *Тутын ефѡу щыса щлѡлитлѡым я лѡуѡрбжѡрыгѡѡр яужѡгѡуа хуэдѡ, зытѡлай доклѡри зыкѡалѡтыж, дунейм и щытыклѡхѡм топсѡлѡыхѡ, гѡатхѡ клѡсѡм и гугѡу яцлѡ...* (Щоджѡнцлѡкылу 1962: 47).

Псалѡэужь щыгѡуѡ. Зѡман кѡѡзыгѡѡлѡагѡуэ щылѡцлѡхѡм, зыгѡѡлѡагѡуэ цлѡпапщлѡхѡм, хѡл лѡуэхуцлѡхѡм я гѡусѡу кѡоклѡуэ. Мыхѡѡнѡклѡ кѡегѡѡлѡагѡуэ лѡуэхугѡуэ гуѡр щеклѡужклѡ, щызѡфлѡклѡ, гѡѡзѡщлѡ щыыхѡу зѡман: *Зауѡм **щыгѡуѡ** псылѡур лѡилѡѡсыклѡри псыр кѡынѡ щымылѡу ижат, бдѡѡжѡсѡей хѡсарѡ Исраф хѡуат* (Щоджѡнцлѡкылу 1962: 56); *Абы **щыгѡуѡ** Шорѡ намѡстникѡым дѡж клѡуауѡ арат, Кѡѡбѡрѡдѡейм еджѡаплѡ кѡыщызѡлѡуихыну лѡѡуаклѡуэ* (Шортѡн 1985: 91); *Хѡкужьсѡым дыщисам **щыгѡуѡ** зытѡс дѡфѡу щытащ, – жылѡщ Дахѡуѡс, гукѡѡкыж гуѡрхѡм игѡѡщатѡу* (Мафлѡдз 1992: 94).

Папщлѡ / папщлѡклѡ псалѡэужыыр щылѡцлѡхѡм, цлѡпапщлѡм, цлѡ гѡѡпсыклѡ зилѡ гѡѡзѡщлѡнхѡм я гѡусѡу кѡаклѡуэ хѡбзѡщ. Зи гѡусѡ псалѡѡр зыхѡуѡж псалѡѡзѡшѡм ирегѡѡуѡвѡ. Щхѡѡусыгѡуѡ, мурад, зыгуѡрым щхѡѡклѡ ялѡжѡ, кѡыхуеджѡныгѡѡ мыхѡѡнѡ кѡегѡѡлѡагѡуэ. Щапхѡѡ: *Пѡжщ, нобѡрей лѡжьсѡыгѡѡр Софят **папщлѡ** сѡтклѡи зѡхѡгѡѡкыныгѡѡт* (Щоджѡнцлѡкылу 1962: 120); *Лѡѡпкѡыр кѡѡплѡтын **папщлѡ**, псѡм япѡрауѡ, езы лѡѡпкѡым и бзѡклѡ уѡпсѡлѡѡн хуейщ* (Шортѡн 1985: 89); *Хѡбзѡм сѡр **папщлѡклѡ** игѡѡѡищѡам арѡзы сѡтохѡухѡ, – жылѡщ Болѡт...* (Кѡашыргѡэ 1957: 300).

Псалъэужь цхьэкIэ. ЦIэхэм, цIэпапщIэм, цIэ гьэпсыкIэ зиIэ гьэзэщIэнхэм, зэман мыхьэнэ зиIэ кьэхьукIэцIэхэм я гьусэу кьагьэсэбэп. *ПапцIэ псалъэужьым и мыхьэнэкIэ ещхьщ.* Езым кьегьэлыагьуэ щхьэусыгьуэ, мурад, зыгуэрэм цхьэкIэ ялэжь, зыгуэр зытепсалъыжь. Щапхьэ: *Сабийхэм цхьэкIэ ицIар плъэгьуактэ, а псом иужькIэ абы (губгьуэ нанэм) шэч хуэпцIыж хьурэ?! (КIэрэф 2009: 136); НэхъанэкIэ ФуIэд цхьэкIэ кьыжраIахэр и фIэц хьуауэ, Iуэхур зытетри кьыгурыIуауэ, Аслъэныкьуэм кьыгьэзэжэат (Кьэрмокьуэ 2004: 29); Шылэр имыкIа цхьэкIэ хэпцIыкIыу цIыIэр кьутат, нэхьыжьхэм зэрыжалэмкIэ, мы махуэ гьунэгьухэм кьызыIымыцIэжмэ, цIлэх уэсыр текIынут (ШэджыхьэщIэ 1987: 18).*

НэмыщI / нэмыщIкIэ / инэмыщI(а) псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэм, цIэ гьэпсыкIэ зиIэ гьэзэщIэнхэм я гьусэу кьахь. Псалъэм гьунапкьэ гьэбелджылыныгьэ-кьызытегьэувыIэныгьэ, хэгьэкIыныгьэ мыхьэнэ хелъхьэ. Псалъэм папщIэ: *Уруштеин и Iуэулыауэм нэмыщI мэзым зыри цыдымыртэкьым (КIэрэшэ 1963: 14); Хабзэм нэмыщIкIэ цIыхум ицIэн хуейц дин тклий... (Шортэн 1978: 162); Псом нэхьрэ нэхь фIэтелъыджэт, цIыхум инэмыщIа, адреи дуней псэуцхьэхэм зэикI Iуэхуниэрэ езырэ зэрахэмытыр (КIэрэф 2009: 435).*

Псалъэужь нэгьунэ. ЩыIэцIэхэм, плъыфэцIэхэм, цIэ гьэпсыкIэ зиIэ гьэзэщIэнхэм гуэгьу яхуохьу. Лэжьыгьэр зыхуэгьэза предметыр, щхьэр кьегьэлыагьуэ. Псори хиубыдэу, хыхьэу мыхьэнэ иIэщ: *АрицхьэкIэ гьуэгуфI дэлът станицэм нэгьунэ; Кьэнжалышхуэ узышэ гьуэгу кьуейцIейм и дэкIыпIи, и дыхьэпIи, дэнэ деж иIэ псынацхьы, уеблэмэ гьуэгу мтелъ мывэ нэгьунэ жыпIэну Толэ ицIыхурт (Кьэрмокьуэ 2007: 99); Иджы псоми ялыагьурт мафIэ нурым кьыпэлъыдыж и нэ фIыцIэ цIыкIуитI нэгьунэ (КIэрэф 2009: 480).*

Нэс / нэскIэ / нэсыху / нэсыхукIэ псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, кьэхьукIэцIэхэм ящIыгьуу кьакIуэ хабзэщ. Зи гьусэ псалъэр зыхьуэж псалъэзешэм ирегьэуэ. И мыхьэнэкIэ кьегьэлыагьуэ зэманкIэ, щыпIэкIэ зыгуэрэм и мардэ, гьунапкьэ. Щапхьэ: *Лъэс лыагьуэр мэзым нэс ишат; Сыт ягьэ кIынт, хабзэри аратэкьэ, Кьантемыр мазэ нэскIэ кьэтыну щегьэжэкIэ, а зы жэщ закьуэм и бынунагьуэм гупсэхуу яхэсыжыну (Мысачэ 1991: 141); Тэрчыкьуэ икIыу Налшык нэсыху Абдулчэри и жьэ зы псалъэ кьыжьэдэклэкьым (ШэджыхьэщIэ 1987: 358); Гьуэгу ткIум цытцIа мафIэм пхысыкIауэ / И лъапцэм куэдрэ шэ тыхуащ, Ди хэку ар слыгьыу сыкьыкIауэ / Берлин нэсыхукIэ сыкьэкIуащ (КIыщокьуэ 2004: 54).*

Псалъэужь кьэс / кьэскIэ / кьэсыхукIэ. Мыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, кьэхьукIэцIэхэм я гьусэу кьокIуэ. Зи гьусэ псалъэр зыхьуэж псалъэзешэм иригьэуэ хабзэщ, ауэ абсолютивым (цIэйуэм) щыIыгьууи кьэкIуэфынущ. И мыхьэнэкIэ ипэкIэ кьэтхьа псалъэужьым ещхьщ: *Махуэ кьэс километритцIа, пцIыкIутхур цIыхухэм зэпрамыгьэчу, а кьыдыхьэжын хуей хьу закьуэтIакьуэхэр, бригадэ кьэс гу зырызыхэ ятетцI, кьуажэм яшэж хьунукьэ! (ЩоджэнцIыкIу 1962: 155); ПцIэдджыжь кьэскIэ сэри хадэм сыщыхьэкIэ, згьэщIагьуэу абыхэм (кхьужьхэм) сеплэу, кхьужьхэм ятеха уэсэпс ткIуэпс пIащэ цIыIэхэр IэкIэ селусэурэ кьыпызгьэаткIуу (Мысачэ 1991: 33).*

Щыгьуу псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гьэпсыкIэ зиIэ гьэзэщIэнхэм гуэгьу яхуохьу. Зыгуэрэм щыгьуу, зэгьусэу, зэхэту мыхьэнэ кьегьэлыагьуэ. Щапхьэ: *Залымджэрий цIыхум хаха лыкIуэхэр щIыгьуу и унэм цызопсалъэ, унафэ яцI, зонькьуэкьу, зэгуролуэ... (Нало 1993: 190); Абы щIыгьуу пцIащэм и нэгури нэхь нэху хьужащ, гухэщIыр текIуэтри нэщхьыфIагьэр кьызыщIэнэжащци Софят и гум йохуэбэкI, егьэпIейтей (ЩоджэнцIыкIу 1962: 11).*

Псалъэужь фIэкIа / фIэкIакIэ. ЦIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гьэпсыкIэ зиIэ гьэзэщIэнхэм, зэман кьэхьукIэцIэхэм ящIыгьуу. И мыхьэнэкIэ кьегьэлыагьуэ белджылыныгьэ-кьызытегьэувыIэныгьэ, хэгьэкIыныгьэ-хэмылгытэныгьэ. Щапхьэ: *Долэт фIэкIа а гьукIэ цIлалитIым цымыгуфIыкIэ жылэм дэстэкьым (КIыщокьуэ 2005: 316); Аслъэн абы фIэкIа еупцIыжакьым; Абы (Нэгумэ Шорэ) зэхелъхьэ мыин дыдэ поэмэхэр, ди Iэцэм и лыгьэм цытхьуу, ауэ ахэр и лъэпкь*

цлыхуэм гуклэ **флэклэ** яригьэцлэфыртэкьым (Теунэ 1973: 261). Иужьрей шапхэм кызырышыгьэлгьэуащи, «флэклэ» псалъэужьым зыхуэж псалъэзешэм нэмыщлэ зыунэтлэ псалъэзешэри зэрегьаклуэ.

И клуэцлэ псалъэужьыр зыхуэж псалъэзешэм ит шыцлэцлэхэм я гусэу кьоклуэ. Зыпыщлэ псалъэм и мыхьэнэм елытауэ, зэман е шыплэ кьегьэлгьагьуэ. Шапхэ: *Аращи, уклуэцлрыплгьылуэмэ, гьащлэм и клуэцлэ псом ящхьэри нэхь льянлэри лгьагьуныгьэриц* (Клэрашэ 1963: 145); *Астемыр ильэсрэ ныкьуэм и клуэцлэ нэгьуэцлэ зыгуэр хьуащ, хьэл хэмылгьа зыхилгьащ, ауэ зэрыхьуар дауэми пхужьлэнукьым* (Кыщокьуэ 2005: 135); *Районышхуэм и клуэцлэ нэхь лэнатлэ гугьу дьдэм лут председателу кьалгьытэрт ар* (Кьурдэныр) (Кьэрмокьуэ 2004: 156).

Псалъэужь кьыхэкклэ. Гуэхуцлэхэм ящлыгьуу кьоклуэ, щхьэусыгьуэ зэхушытыклэ кьегьэлгьагьуэ. Шапхэ: *Кьуэр деилгьуэ зэрыщытым кьыхэкклэ мы гьуэгур лгьэс зеклуанлэу, зэзэмызи гу кьыдыхьэу цытащ* (Кьашыргьэ 1976: 20).

Нэужь / нэужькклэ псалъэужьыр зэман кьэзыгьэлгьагьуэ цлэхэм, блэклэ зэманым ит Гуэхуцлэхэм я гусэу кьагьэсэбэп. Псалъэухам кьыщылгьуэ, щеклуэклэ Гуэхугьуэ нэхьыщхьэм и пэ кьыхуэ зэман кьегьэлгьагьуэ: *Шэджагьуэ нэужьым Сэлимэ школым кьиклыжу пьсьмор кьищтэжащ* (Шэджыхьэщлэ 1987: 117); *Псом хуэмыдэу зи дунейр гугьуехь хэмыкыу, и ныбэ изу мышхуэ зыхьа пьщылхэмрэ унэлутхэмрэ гьащлэцлэ и лэфлыр зыхащлэ нэужькклэ дунейм кьару теттэкьым кьэзыгьэувылэжыфын* (Шэджыхьэщлэ 1987: 200).

И ужь / и ужькклэ псалъэужьыр цлэхэмрэ цлэпапщлэхэмрэ я гусэу кьаклуэ хабзэщ, шыплэ-зэман мыхьэнэ илэщ. Шапхэ: *Зауэм и ужькклэ гьаблэ хьуат; Абы иужь иту щыблэр гьунэгьу дьдэу цыуэри, уэихьым щабэу кьыщылдзащ* (Шэджыхьэщлэ 1987: 105).

Псалъэужь хуэдиз («нэблагьэ», «нэс» мыхьэнэ илэу). Цлэхэм, цлэпапщлэхэм, цлэ гьэпсыклэ зилэ гьээщлэнхэм гуэгьу яхуохуэ. Мардэ, зэгьэпщэныгьэ-гьэбелджылыныгьэ мыхьэнэ кьегьэлгьагьуэ: *Уэ абы (колхозым) и мылгьу кьэщытакьым, зы чьмлэ хуэдиз зэбгьэклгьуэлакьым* (Шэджыхьэщлэ 1987: 27); *Сыхьэт ныкьуэ хуэдиз цысауэ цлалэм кьызэхихащ пьщыцэхэм я псалгэ макьыр* (Дыгьужь 1983: 36); *Сыщлэклрэ сыплгьэмэ, мыщэ хуэдиз хьуэу зы хьэ кьарэшхуэ бжэ дьдэм деж клэлындорым телгьу и дзэр зэрегьэшхри* (Журт 1987: 109).

И пащхьэ псалъэужьыр цлэхэм, цлэпапщлэхэм, цлэ гьэпсыклэ зилэ гьээщлэнхэм я гусэу кьахь. Шыплэ гуэрым ехьэлла мыхьэнэ илэщ. Шапхэ: *Лу и пащхьэ кьихутащ зы лы гуэр, и щхьэр бащлыкькклэ флэпхыкларуэ, цлэклэу флыцлэ ин цыгыгыу* (Кыщокьуэ 1984: 593); *Бекович-Черкасскэр пащытыхьым и пащхьэ итиц, гуфлэгьуэм щхьэзэ кьищларуэ...* (Шортэн 1978: 5); *Аслгьэмырзэ аргуэру лгьэбакьуэ быхьуитлэ кьичри щаклуэм и пащхьэ кьыщыгувылащ* (Кьашыргьэ 1976: 8).

Псалъэужь и цлэагь / цлэагь. Мыр цлэхэм, цлэпапщлэхэм, цлэ гьэпсыклэ зилэ гьээщлэнхэм дэщлыгьуу кьагьэсэбэп. Шыплэ (зыгуэрным и лгьабжэ) мыхьэнэ кьегьэлгьагьуэ: *Лэбгьэхэмрэ мэлхэмрэ мээ цлэагьым цохьуаклуэ, шыхэмрэ жэмхэмрэ тлуащлэм дыхьащ; Уафэ цхьуантлэпсым, уэсым хуэдэу, пшэху лэрылгьхэ щесыкырт, и дамтитыр ишауэ, абы и цлэагьым кьашыргьэ цыуфэразэт* (Клэрашэ 1963: 15).

И пэклэ псалъэужьыр цлэхэм, цлэпапщлэхэм, цлэ гьэпсыклэ зилэ гьээщлэнхэм гусэу яхуохуэ. Шыплэ-зэман мыхьэнэ илэщ. Шапхэ: *Болэт и пэклэ кьыщыт гум ит лгьыжьым ятлагьуэр здидзым и макьыр иутлыпцауэ и щхьэ хуэтхьэусыхэжэт* (Дыгьужь 2011: 84); *(Софят:) Зауэм и пэклэ мы тракторым ирилэжьар си дэлхуриц, мыр абы и фэеплгьу!* (Щоджэнцыклуэ 1962: 121); *Район тхьэмадэ ящлыным и пэклэ, ар (Аслгьэныкьуэ) министрствэ зытлуцым цлэсати, кьуэдзэм флагьэклатэкьым* (Кьэрмокьуэ 2004: 63).

Псалъэужь и пэклэ. Цлэхэм, цлэпапщлэхэм, цлэ гьэпсыклэ зилэ гьээщлэнхэм я гусэу кьоклуэ. «Зыгуэр мыхьуу нэгьуэцлэ» мыхьэнэ кьегьэлгьагьуэ. (Мурат:)

Сымаджэ хьуа кьарэгьулым **и нIэкIэ** Болэт кьэдгьанэмэ цхьэ мыхьурэ? (Къашыргьэ 1957: 84); *Абы (Пономаренко) и нIэкIэ эскадроным унафэ хуэцIыныр езым кьищитат политрук Хьэггэжсей ТIалэ* (КхьуэIуфэ 2000: 204); *Минитхум и нIэкIэ минипцI кьратыжащ лъэIуакIуэхэм.*

АдэкIэ псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм, цIэ гьэпсыкIэ зиIэ гьээзцIэнхэм я гьусэу кьахь. Зи гьусэ псалъэмрэ абырэ щыпIэ мыхьэнэ кьагьэлыагьуэ, ауэ ягьэбелджылыр щыпIэ зырызщ: зи гьусэ псалъэм кьыгьэлыагьуэ щыпIэм кьыкIэлъыкIуэу, пэжыжьэу щыль нэгьуэщI щыпIэщ псалъэужьым кьыгьэлыагьуэр. Щапхьэ: *Псым адэкIэ кьищыт екIэпцIэ мэз фIыцIэм и теплээр зэуэ хьуэжа хьуати, ар иджы псым кьищхьэщыту пльагьужьыртэкьым, атIэ нэхь жыжьэу Iукуэтауэ кьищфIэщIырт* (Къашыргьэ 1957: 54).

Псалъэужь ибгьукIэ. ЦIэхэм, цIэпапщIэхэм, IуэхудэкIуэхэм ящIыгьуш. Зи гьусэ псалъэр зыхьуэж псалъэзешэм ирегьуэвэ, щыпIэ мыхьэнэ кьегьэлыагьуэ (зи гьусэу кьэкIуа псалъэм ибгьу). Псалъэ папщIэ: *Болэт утцIэ пьIэр дригьэкIуэтеижащ, ибгьукIэ кьищыль бащIыкьым и кланэр кьиIэтри нэщIащэхэр цIлильэцIыкIащ* (Дыгьужь 2011: 11); *Мурид абы ибгьукIэ кьищытци зыри жимыIэу IэпкIэ сводкэм и сатырыщхьэм толэбэ...* (ЩоджэнцIыкIу 1962: 210).

И гунэкIэ псалъэужьыр зыхьуэж псалъэзешэм ит цIэхэм, цIэпапщIэхэм, IуэхудэкIуэхэм я гьусэу кьокIуэ. ЩыпIэ мыхьэнэ кьегьэлыагьуэ (зи гьусэу кьэкIуа псалъэм и гунэ). Щапхьэ: *Мэжджытым и гунэкIэ тIысыну зы унагьуи хуит ящIтэкьым, мэжджытым и гунэкIэ зыгуэрым ханIэу кьиухьуреищхьэмэ мэжджытыр игьэпудауэ ялътэнут* (Дыгьужь 2011: 102); *Шорэ Аслъэнджэрий и гунэкIэ кьищысыц* (ХьэхьупащIэ 1996: 104).

И щIыбкIэ псалъэужьыр цIэхэм, цIэпапщIэхэм ящIыгьуш. ЩыпIэ (хьа, цхьэхуэ) мыхьэнэ иIэщ, еигьэ лъабжьэпэ и гьусэу кьокIуэ: *Кьыхэнэжурэ классым кьахэпIишкI хьуауэ, я пащIэ-жьвакIэр зэцIыхьауэ цIалэжьытI яхэсти, доскар ялэщI хуэдээрэ егьэджакIуэм и щIыбкIэ цоуфэразэ* (Кьэрмокьуэ 2007: 18); *Кьызэхуэсахэм япэм иту кIэлындор дэкIуеипIэм деж уардэу лыжьхьэр цызэхэтт, абыхэм я щIыбкIэ цIалэгьуалэхэр кьыдэтт* (КIэрашэ 1963: 24).

Псалъэужь яку(м). ЦIэхэм, цIэпапщIэхэм гьусэ яхуохьу. Зытепсэлъыхь гуэрхэм я зэхуаку дэлъ, дэт мыхьэнэ кьегьэлыагьуэ. Щапхьэ: *КьуажитI зэпэщытми клуб зырыз яIэт, районым культурэмкIэ и Унэр а тIум яку дэтыжт* (ЩоджэнцIыкIу 1962: 81); *Фэхум адэкIэ мэзым цIэдзанIэу кьищыт мей жыгитIым якум дыгьэр нэщхьыфIэу кьыдэпльырт* (Къашыргьэ 1957: 77).

Зэхуаку псалъэужьыр куэд бжыгьэм ит еигьэ лъабжьэпэм и гьусэу кьокIуэ. Зыхьуэж псалъэзешэм ит цIэхэм, цIэпапщIэхэм, IуэхуцIэ гьэпсыкIэхэм я гуэгьуу кьагьэсэбэп. Зытепсэлъыхь гуэрхэм я зэхуаку дэлъ, дэт мыхьэнэ иIэщ: *КьуажитIым я зэхуаку дэкI гьуэгуишхуэм жэщци махуи машинэхэр цызэпыуртэкьым – ухуэныгьэм ирахьэлIэ пхьэхэр, цементхэр, чырбышхэр, гьушIэхэкI лэужьыгьуэхэр яиэ зэпыт* (ЩоджэнцIыкIу 1962: 81); *Iуащхьэмрэ кьуажэмрэ я зэхуаку щIыфI дэлът; КьантIасэрэ Лусэрэ я зэхуаку дэту Софят унэм щIашэж* (ЩоджэнцIыкIу 1962: 152).

Псалъэужь лъандэрэ. ЦIэхэм, цIэпапщIэхэм, кьэхьукIэцIэхэм, IуэхуцIэхэм я гьусэу кьагьэсэбэп. Зэман кьегьэлыагьуэ (блэкIа зэман кьэзыгьэлыагьуэ псалъэм и гьусэу кьокIуэ). Щапхьэ: *Дэ дызэрысабий лъандэрэ дызэроцIыху; Ауэ сыт, сымаджэу (Софят) кьашэжащци дыгьуасэ лъандэрэ пльыржьэру хэлъц* (ЩоджэнцIыкIу 1962: 160); *Псы Iэджи ежэхащ, Iуэху Iэджи зэблахащ абы лъандэрэ* (Кьэрмокьуэ 2007: 6); *Ижь-ижьыж лъандэрэ кьогьуэгурыкIуэ зауэ щекIуэкIым и деж кьэрал хабзэхэри куэдкIэ нэхь ткIий хьуэу* (Журт 1987: 62).

«Лъандэрэ» псалъэужьым и гьусэу (япэ иту) псалъэухам нэгьуэщI псалъэужьы хуэвэфынуш: *Шэджагьуэ нэужь лъандэрэ уафэр зэцIэзыбгьа тиэ бдзатIафэ хьэлэхэм мазэри хэкIуэдауэ кIыфI дьдэт* (КIэрэф 2009: 293); *Абазэм и ужь лъандэрэ бжыгьэхэр, я нIэ кьина мыхьумэ, дэкIуэтеятэкьым* (Кьэрмокьуэ 2004: 29).

Псалъэужьхэр я бжыгъэкIэ куэд мыхъуми, ахэр бзэм убгъуауэ къегъэсэбэн, псом хуэмыдэу *деж, къэс / нэс, нэмыщI, фIэкIа, цхъэкIэ, папцIэ* жыхуиIэхэр.

Псалъэужьхэм я мыхъэнэр прerverбхэм ягъээщIэнкIэ мэху (Урыс 2001: 211), псалъэм папцIэ: *ЩIалэр унэм щIыхъащ; Тхылъыр Iэнэм телъщ; Джэдыр нартыхум хыхъащ*. Мы псалъэухахэм хэт щIыхъащ, телъщ, хыхъащ гъээщIэнхэм япыт *цI-, те-, хы-* прerverбхэм ящыщу *щIы-р* – «и кIуэцIкIэ», *те-р* – «и щIыIукIэ», *хы-р* – «и кум» псалъэкIапэхэм мыхъэнэ псалъэм халъхъэмкIэ ещхъщ.

Адыгэбзэм псалъэ зыбжанэ хэтщ псалъэужь, псалъээпыщIэ къалэн тIууащIэ ягъээщIэу. А щытыкIэм ахэр зэхэгъэкIыгъуей ещI. Апхуэдэхэщ, псалъэм папцIэ, *и ужь / нэужь, цхъэкIэ, цыгъуэ, папцIэ / папцIэкIэ* псалъэхэр. Мыбдежым гу лытапхъэщ абыхэм псалъэухам къалэн зырыз зэрышагъэзащIэм: псалъэужьхэм псалъэхэм я зэхушытыкIэ къагъэлъагъуэ, псалъээпыщIэхэм псалъэхэр, псалъэухахэр зэрапх. Абы къышынэмыщIауэ, псалъэужьым зи кIэрыдзэн псалъэр зыхъуэж псалъээшэм (нэхъыбэм) иригъуэвэ хабзэщ (*къуажэм нэс, накъыгъэм и пэкIэ*). Ауэ псалъэужьыр зи кIэрыдзэн псалъэр зыхъуэж псалъээшэм и кIэух пыту къакIуэ зэпыткъым. Абы щыгъуэм а псалъэужьыр псалъээпыщIэм хагъээзрыхъ хабзэщ: *Сэ еджапIэм сынэса нэужь, письмо къэстхащ*.

Псалъэужьхэм адыгэбзэм мыхъэнэ пыухыкIа цагъээщIэ, бзэр къулей, шэрыуэ ящI. Ахэр зи щхъэ хушыт псалъэхэм зы зэман къатекIащ, зи гъусэ псалъэм иужь иту сытым дежи къокIуэхэр. Псалъэужьхэм псалъэухам хэт псалъэхэр зэпащIэ, псалъэухам псалъэхэм щалэ грамматикэ зэхушытыкIэ зэхуэмыдэхэр къагъэлъагъуэ: *щIыпIэ, зэман, щхъэусыгъуэ, мурад, зэгъэпщэныгъэ, зыгъэ-белджылы, н.къ.*

Источники и литература

1. *Дыгъужь Къу*. Бжыхъэ псыдзэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1983. 216 н. (*Дугужев К*. Осенний поток. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1983. 216 с.).
2. *Дыгъужь Къу*. Щымахуэ лэгъупыкъу. Япэ тхылъ. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхылъ тедзапIэ, 2011. 176 н. (*Дугужев Ку*. Зимняя радуга. Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское кн. изд-во, 2011. 176 с.).
3. *Елгъэр К*. Щыуагъэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 392 н. (*Эльгаров К*. Ошибка. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 392 с.).
4. *Журт Б*. Адэжъ лъапсэ. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н. (*Журтов Б*. Отчий дом: Повесть. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 с.).
5. Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Налшык: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 549 с.
6. *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Ч. 1. Налшык: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.
7. *КIэрашэ Т*. Абрэдж. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1963. 180 н. (*Керашев Т*. Абрек. Налшык: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 180 с.).
8. *КIэрэф М*. Лъэужь е лIэужь. Лыжъ хыбархэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н. (*Керэфов М*. Оставить след. Повести и рассказы. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 с.).
9. *Къашыргъэ Хь*. Насыпым и хэкIыпIэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1957. 309 н. (*Каширгов Х*. Источник счастья. Налшык: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).
10. *Къашыргъэ Хь*. ПшэкIухъ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 н. (*Каширгов Х*. Ореол. Роман. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 с.).
11. *Къэрмокъуэ М*. Пшапэ зэхуэгъуэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н. (*Кармоков М*. Сумерки. Повести и рассказы. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 с.).
12. *Къэрмокъуэ М*. Щихухэр иджыри мэкI. Ещанэ тхылъ. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (*Кармоков М*. А тополя еще растут. Т. 3. Налшык: Эль-Фа, 2004. 320 с.).

13. *КхьуэИуфэ Хь.* Гьатхэм и ныбжьыр. Рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н. (*Кауфов Х.* Возраст весны: Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.).
14. *Къыцокъуэ А.* Мазэ ныкъуэ цхьуантIэ. Тхыггэхэр томиплIым цызэхуэхьэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 1984. 853 н. (*Кешоков А.* Зеленый полумесяц. Собрание сочинений в 5 Т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1984. 853 с.).
15. *Къыцокъуэ А.* Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Тхыггэхэр томихым цызэхуэхьэсауэ. I том. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (*Кешоков А.* Стихотворения и поэмы. Собрание сочинений в 6 Т. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2004. 512 с.).
16. *Къыцокъуэ А.* Хьуэлсэгъуэ нур. Тхыггэхэр томихым цызэхуэхьэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (*Кешоков А.* Чудесное мгновение. Собрание сочинений в 6 Т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 2005. 488 с.).
17. *Къыцокъуэ А.* Шьнэхужьыкъуэ. Тхыггэхэр томихым цызэхуэхьэсауэ. IV том. Налшык: Эльбрус, 2006. 688 н. (*Кешоков А.* Долина белых ягнят. Собрание сочинений в 6 Т. Т. IV. Нальчик: Эльбрус, 2006. 688 с.).
18. *МафIэдз С.* Гьыбзэ хуэфашэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1992. 448 н. (*Мафедзев С.* Достойны печальной песни: роман. Нальчик: Эльбрус, 1992. 448 с.).
19. *Мысачэ П.* Тхыггэхэр. Налшык: Эльбрус, 1991. 312 н. (*Мисаков П.* Сочинения. Нальчик: Эльбрус, 1991. 312 с.).
20. *Нало А.* Тхыггэхэр. Нэхуц шу. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1993, 400 н. (*Налоев А.* Всадники рассвета. Избранные произведения в 3 т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1993. 400 с.).
21. *ПауцIэ Б.* Усыггэхэр. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 н. (*Пачев Б.* Сочинения: Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2003. 376 с.).
22. *Теунэ Хь.* Тхыггэ кьыхэхэхэр. Налшык: Эльбрус, 1973. 426 н. (*Теунов Х.* Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1973. 426 с.).
23. *Урыс Хь.Ш.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфонологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н. (*Урусов Х.Ш.* Кабардино-черкесская грамматика. Фонетика. Морфонемика. Морфонология. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).
24. *ХэхьуауацIэ Хь.* Тхыггэ кьыхэхэхэр. Япэ тхылъ. Роман, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1996. 336 н. (*Хавпачев Х.* Ибранное. Т. I. Роман, повести. Нальчик: Эльбрус, 1996. 336 с.).
25. *ШэджыхьэцIэ Хь.* Тэрч цыхьэтц. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (*Шекихачев Х.* Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).
26. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Роман. Ецанэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1985. 332 н. (*Шортанов А.* Горцы. Роман. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1985. 332 с.).
27. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Роман. Япэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1978. 383 н. (*Шортанов А.* Горцы. Роман. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1987. 383 с.).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕЛОГОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Жилетежев Хажисмель Чилияневич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), hazismel@mail.ru

Статья посвящена функционально-семантическим особенностям послелогов кабардино-черкесского языка. Несмотря на наличие нескольких работ по данной теме, послелогии кабардино-черкесского языка остаются до сих пор не до конца изученными. Так, спорные вопросы возникают при разграничении послелогов как по составу, так и по количеству. Более того, существует мнение, что такое деление ошибочное. Автор обращает особое внимание на то, что некоторые послелогии могут выполнять функции союзов. В таких случаях иногда трудно их различить. Освещению названных проблем посвящена данная работа.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, послелогии, предложение, значение, грамматическая функция, производные, непроизводные.

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF POSTPOSITIONS IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zhiletezhev Khazhismel Chilyanievich, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), hazismel@mail.ru

The article is devoted to functional and semantic peculiarities of Kabardino-Circassian postpositions. Despite the presence of several works on this topic, the postpositions of the Kabardino-Circassian language are still not fully studied. Thus, controversial issues arise in the differentiation of postpositions both in composition and in number. Moreover, there is an opinion that such division is erroneous. The author pays special attention to the fact that some postpositions can perform the functions of conjunctions. In such cases, it is sometimes difficult to distinguish them. This work is devoted to the coverage of these problems.

Keywords: Kabardino-Circassian Language, postpositions, sentence, meaning, grammatical function, derivatives, non-derivatives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-144-152

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА:
К ПРОБЛЕМЕ СОСТАВЛЕНИЯ НОВОГО ПЕРЕВОДНОГО
«РУССКО-КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО СЛОВАРЯ»**

Махиева Людмила Хамангериевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), liudmila.makhiieva@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей составления словарных статей нового переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря». В ней рассматриваются основные подходы к переводу словарных единиц русского языка и иностранных слов, которые своеобразно отражают изменения, происходящие в них в результате употребления новых словообразовательных моделей. Особое внимание уделено специфике перевода иностранных двукомпонентных слов, появившихся в русском языке в последние десятилетия, и считающихся активными словообразовательными моделями. Отдельный акцент сделан на рассмотрение терминологии лингвистических направлений, к числу которых относятся словарные единицы новых информационных технологий. В статье анализируются переводы наиболее употребительных сложных словообразовательных единиц, а также аббревиатур и сложносокращенных слов, сопровождаемых описательными справками.

Ключевые слова: лексикография, словарь, словообразовательные модели, словарная единица, специальные пометы, освоение заимствованных словарных единиц.

Вопросы лексикографии и, как следствие, составление разных типов словарей имеют актуальное значение для карачаево-балкарского языкознания. Современная карачаево-балкарская лексикография достигла определенных успехов, а именно изданы толковый (ТСКБЯ в трех томах) (Т 1 – 1996; Т 2 – 2002; Т 3 – 2005, орфографический (1970; 1980), синонимический (2017), двуязычные («Русско-карачаево-балкарский словарь» 1965; «Карачаево-балкарско-русский словарь» 1989), учебные: «Учебный орфографический словарь» («Малкъар тилни окъуу орфография сѣзлюгю» 1998), «Школьный русско-балкарский словарь» («Школ орус-малкъар сѣзлюк», 1992, 1997, 2008), «Балкарско-русский школьный словарь» («Малкъар орус школ сѣзлюк», 2003), «Школьный фразеологический словарь» («Малкъар тилни фразеология сѣзлюгю», 1994) и др. Вместе с тем, многие лексикографические проблемы карачаево-балкарского языка остаются нерешенными и ждут специальных исследований.

В настоящее время в секторе карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН ведется работа по составлению словарных статей нового переводного «Русско-карачаево-балкарского словаря». Первый раз подобный словарь был издан в 1965 году. Со времени издания этого словаря прошло много времени и возникла необходимость составления нового лексикографического труда, отвечающего современным требованиям и отражающего реалии нынешнего состояния изучаемого языка.

Создание данного словаря связано с определенными трудностями теоретического и практического характера. Это прежде всего относится к актуализации словарика. «Очевидно, что качество нового Словаря зависит от того, насколько

целесообразно составлен словник. Составителями особое внимание было обращено на то, чтобы отразить изменения, происходящие в современном словарном составе русского и карачаево-балкарского языков» [Улаков, Махиева 2019: 95]. При этом следует учитывать то обстоятельство, «что в первом издании недостаточно была отражена основная общеупотребительная лексика современного карачаево-балкарского языка» [Улаков, Махиева 2015: 70]. Составители при работе над новым вариантом словаря существенно пополнили словник за счет включения в него новых слов, заимствованной лексики из русского и других языков, максимально используя при этом исконные собственные и словообразовательные ресурсы исследуемого языка.

«Иноязычные слова, подвергнутые переводу, употребленные в карачаево-балкарском языке, условно можно делить на «заимствованные», т.е. освоенные данным языком, вошедшие в его лексическую систему и «чужие», к которым относятся «иностранные слова», т.е. слова иноязычного происхождения» [Махиева 2017: 82].

Анализ переводимых лексических единиц показывает, что в современном русском языке происходит значительное расширение словообразовательных моделей за счет внедрения таких иноязычных компонентов, как аква-, ауто-, баро-, био-, космо- и др. Первая часть сложных слов с аква- обозначает понятие, имеющее отношение к гидронимическим названиям, например: акватехника, акваинженер, аквадром, акваплан и др.

Следует также отметить в новом словаре сложные слова, связанные с компонентом ауто (от греч. «сам», собственный), например: аутотренинг, аутогенный, аутопсихотерапия, аутоэкология, аутотренировка и т.д.

Следует в новом словаре также обратить внимание на сложные слова, первую часть которых составляет баро- (от греч. «тяжесть»), например, баросфера, баролаборатория, баротерапия, баротермометр, барокамера и другие, имеющее отношение к атмосферному давлению. В «Русско-карачаево-балкарском словаре» (1965) приведены только два подобных примера: барометр и барометрический [РКБС 1965: 34].

В активном компоненте сложных слов био- словарная практика четырехтомного словаря правильно выделяет два основных значения: 1) указывающее на отношение к жизни, жизненным процессам: биоактивный, биогенный, биосфера, биоток и т.д. и 2) соответствующее по значению слову биологический: биотопливо, биокатализ, биоиндикатор, биофизика, биохимия и т.п.

В «Русско-карачаево-балкарском языке» (1965) из вышеуказанных слов отмечены только два биофизика, биохимия [РКБС 1965: 43].

В последние десятилетия с развитием ракетно-космической отрасли стали активно функционировать словообразовательные модели, связанные с развитием космической тематики. Например, космохимия «наука о химическом составе, космических тел, законах распространенности и распределения химических элементов во Вселенной»; космобиология «наука, изучающая закономерности жизни и развития живых тел на других планетах и в космосе». Возникли также новые слова, обозначающие названия космических специальностей, например: космофизик, космохимик, космопсихолог, космогонист. Кроме перечисленных, к продуктивным типам образования относятся сложные слова СМИ (средств массовой информации) с такими иноязычными компонентами как, медиа: масс-медиа, медиаискусство, интермедиа;

– теле: телевещатель, телевикторина, телемарафон, телемост, телерадиовещание, телерадиофонд, телеспектакль;

– интер: интернет, интерспутник, интерполяция и др.

Данные продуктивные слова современного русского языка должны быть отражены в новом переводном «Русско-карачаево-балкарском словаре». «Иноязычное

слово или словосочетание переводится с сохранением структуры и модели» [Махиева 2007: 298].

Для оформления словарных статей переводного словаря выдвигаются определенные требования, к числу которых относятся:

1. Написание заглавного слова. 2. Указание грамматических, стилистических и специальных помет. 3. Перевод на родной язык (например, карач.-балк. язык). 4. Иллюстративный материал (преимущественно из художественной литературы, из языка СМИ, разговорной речи).

Заглавные русские слова расположены по алфавиту и снабжены ударением. Словарная единица – основная структурная единица любого словаря. Она состоит из заглавной единицы и текста разъясняющего заголовочную единицу и описывающего ее основные характеристики» [Махиева 2016: 136].

Переводы слов и иллюстрации на карачаево-балкарском языке набраны светлым строчным шрифтом, а пометы – светлым курсивом. Каждая словарная статья начинается с абзаца.

2. Слова, имеющие несколько значений, переводятся во всех основных значениях, каждое из них выделяется цифрой. Части словарной статьи разделены точкой с запятой. Следует отметить, что карачаево-балкарский язык имеет и региональные особенности. Они снабжаются пометой (карач.) сочная трава солум² (карач.).

Пометы, как условные обозначения, в словаре уточняют:

1) стилистический уровень слов (прост., книж., разг.): грохнуть разг. 1) «Шарх (тарх) этдирип ат, кьюп жибер». Грохнуть вязанку дров на пол «Отун кысымыны полгъа таууш этдирип ат». 2) «Уллу таууш эт, дыгъар-дугъур этдир» (чем-л.). 3) прост. (громко рассмеяться) «Пырхылдап жибер, кычырып, кюлюп жибер». Грохнуть со смеху «Кычырып, кюлюп жибер»; Отрешиться, сов. книжн. «Эркин болургъа, бир затдан артха туругъа»: отрешиться от прошлого «эртте замандан эркин болургъа».

2) сферу употребления (воен., спец.): грызло спец. «Ауузлукъ (жюгенде); Граната воен. «Гранат»; противотанковая граната «танклагъа атыучу гранат»; ручная граната «къолда айландыргъан гранат».

3) отношения к ядру современного языка (уст., ист., неол.): государь ист. «Патчах». Милостивый государь! «Жюйюсхан!». Городничий уст. «Шахар тамата». Городничий в России до середины XIX века был начальником города «Россейде XIX ёмюрню ортасына дери городничий шахарны таматасы болгъанды». Бионика ж. неол. «бионика» (биология бла техниканы араларындагъы илму) и др.

4) Несклоняемые (нескл.), употребляющиеся только во множественном (мн.) или единственном (ед.) числе имена прилагательные: уменьшаемое с. скл. как прил. мат. «кемлениучю».

Глаголы даются в форме инфинитива с пометой, указывающей на их вид (сов. и несов.). Например, отсалютовать, сов. «Салют берирге»: отсалютовать крепости къалагъа салып берирге // чем. шутил. Саламлашхан белги, къол силкиу берирге: отсалютовать прибывшим гостям полными бокалами келген къонакълагъа бокала бла салют берирге. Отсвечивать, несов. «Жарыкъны артха къайтара, жылтыраргъа» // Къошакъ тюрсюн берирге: лед Байкала отсвечивал всеми цветами радуги «Байкалны бузу Тейри кылычны къошакъ тюрсюнлерин бери».

Количественные и порядковые числительные даны в именительном падеже от 1 до 20, десятки, сотни, тысячи и т.д. В словарь вошли и собирательные числительные, например, двое собир. числ. «экеулен, экеу, эки»; двое суток «эки кюн бла эки кече»; нас было двое «биз экеулен эдик»; двое не боятся одного «экеулен биреуленден къоркъмайдыла».

Словарь включает терминологию как общелингвистическую, так и относящуюся к различным терминосистемам и подразделам языкознания. В нем представлена

также терминология некоторых новых лингвистических направлений, применяемая в современной науке, к числу которых относятся термины информационных технологий. Некоторая часть терминов, являющихся общими для русского и карачаево-балкарского языков, сопровождаются их толкованием, принадлежность к специальной терминосистеме обозначается пометами. Например, мед. – медицинское, науч. – научное, мат. – математическое и др.

На специфику семантики слов указывают семантические пометы (прямое или переносное – в последнем случае ставится помета перен.), например:

Отмежеваться, сов. «Кесинги жеринги чек бла башхаланы жеринден айырыргъа».

2. перен., от кого-чего. «Айырылыргъа, энчи болургъа»: отмежеваться от соседних научных дисциплин «къоншу илму бѣломледен айырылыргъа, энчи болургъа».

3. перен. «Биреу бла сѣлешуно тохтатыргъа, бир жанына турургъа»: отмежеваться от ошибочных мнений «жангылыч кѣз къарамладан бир жанына турургъа».

Наиболее употребительные аббревиатуры и сложносокращенные слова даются заглавным словом с расшифровкой в скобках: ДОТ (долговременная огневая точка), воен. ДОТ (къазауатны заманында аскер сауутну жаудан жашырыргъа ташдан, темир бетондан ишленген бек жер); Впервые я увидела дот; там все – металл, бетон, ничего деревянного (Инбер) «Дотну мен биринчи кере кѣреме; анда къуру металл, бетон, агъачдан ишленген зат жокъду».

Некоторые прилагательные заимствуются в форме основы, состоящей из корня и непосредственно следующих за ним аффиксов, с отбрасыванием последующих суффиксов и окончаний. Ср.: Административная «Административ»; административная должность «административ къуллукъ». Гуманитарный «Гуманитар»; гуманитарные науки «гуманитар илмула» (философия, тарих, филология д.б.). Информационное «Информация»; информационное сообщения «информация билдириу».

Слова, употребляющиеся в русском языке только во множественном числе, в карачаево-балкарском усвоены в значении единственного числа, при этом аффикс множественности не сохраняется. Например: макароны мн. (ед.ч. «макарон») , калоша мн. (ед.ч. «калош»), химикаты мн. (ед.ч. «химикат»), и др.

При морфологическом освоении заимствованных словарных единиц суффиксы заимствуемых слов заменяются аффиксами родного языка. Например, к такому можно отнести: гражданство «гражданлыкъ», бесконтрольность «контрольсузлукъ», законность «законсузлукъ» и др.

Источники и литература

1. Башиева С.К., Жарашуева З.К. Школьный фразеологический словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994. 317 с.
2. Гузев Ж.М., Созаев Б.Т. Учебный орфографический словарь балкарского языка. Нальчик, 1998. 336 с.
3. Жантеев А.А., Жабелова Л.Ж., Жулабов У.А. и др. Русско-балкарский словарь. Нальчик, 1992 (1-е изд.); 1997 (2-е изд.); 2008 (3-е изд.).
4. Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989. 832 с.
5. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюго. Ючтомлукъ. I. А–Ж. Нальчик, 1996. 1016 с., II. З–Р. Нальчик, 2002. 1168 с., III. С–Я. Нальчик, 2005. 1160 с.
6. Махиева Л.Х. Лексические особенности языка газеты «Заман» // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуры. Материалы V Международного конгресса 8-12 октября 2007 г. Симпозиум X Теоретические и прикладные аспекты исследований языка. Пятигорск, 2007. С. 296–298.
7. Махиева Л.Х. Опыт практической лексикографии карачаево-балкарского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2015. № 1 (24). С. 69–76.

8. Махиева Л.Х. Некоторые проблемы составления «Русско-карачаево-балкарского словаря» // Филологические науки и вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 2. С. 136–138.

9. Махиева Л.Х. Принципы отбора иноязычных слов для нового «Русско-карачаево-балкарского словаря» // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН. 2017. С. 81–86.

10. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965. 744 с.

11. Улаков М.З., Махиева Л.Х. Отражение иноязычных слов (терминов) в новом переводе «Русско-карачаево-балкарском словаре» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 5 (91). С. 95–98.

**LEXICOGRAPHIC PRACTICE:
ON THE PROBLEM OF DRAWING UP THE NEW TRANSLATION
«RUSSIAN-KARACHAY-BALKARIAN DICTIONARY»**

Mahieva Lyudmila Hamangerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), liudmila.makhiieva@mail.ru

The article is devoted to the study of the compilation of dictionary entries in the new translated «Russian-Karachay-Balkarian dictionary». It discusses the main features of the translation of the vocabulary units of the Russian language and foreign words, which in their own way reflect the changes occurring in these languages due to the use of new word-formation models in them. The paper notes the features of the translation of foreign two-component words that appeared in the Russian language in recent decades, and are considered active phrases. Particular attention is paid to examining the terminology of linguistic trends, which include dictionary units of new information technologies. The article analyzes the translations of the most commonly used complex word-forming units, as well as abbreviations and compound words, accompanied by descriptive notes.

Keywords: lexicography, vocabulary, word-building models, vocabulary unit, special letters, development of borrowed vocabulary units.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-153-157

АДЫГЭБЗЭ КЪЭХЪУКИЭЦІЭХЭР Я МЫХЪЭНЭКИЭ ЗЭРЫЗЭШХЪЭШЫКЫР

Токмакь Мадина Хъэсэнбий ипху, филологие шлэныгъэхэмклэ кандидат, Федеральнэ къэрал бюджет шлэныгъэ Іуэхушлалэ «Урысейм шлэныгъэхэмклэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шлэныгъэ центр» Федеральнэ шлэныгъэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и шлэныгъэ лэжыаклуэ нэхъыжъ, tokmak_madina_h@mail.ru

Мы лэжыгыгъэр зытеуухуар къэхъуклэцлэхэм адыгэбзэм шаубыд увыплэрщ. Лэжыгыгъэм дыштыгъэпэсэлъыхъ къэхъуклэцлэхэр я мыхъэнэклэ зэрызэшхъэшыкылым, ахэр я мыхъэнэм елыгытауэ гупитлу зэрагуэшымы: зыгъэналуэрэ зэрыхъурэ. А гупхэм езыхэми шхъэж и гуэшыклэ ялэжш: зыгъэналуэ къэхъуклэцлэхэр лэужыгыгуитлу зэшхъэщокл – шытыклэгъэлыгъэуэхэмрэ бжыгыгъэ къэзыгъэлыгъэуэхэмрэ; зэрыхъу къэхъуклэцлэхэр лэужыгыгуитлу зэтопшыклэ – зэман, шыплэ, шхъэусыгыгуэ, мурад къагъэлыгъэуэ. Гуп къэс езым и къэхъуклэ зэриэр къыхыдогъэщ лэжыгыгъэм. Шапхъэу къэдгъэсэбэ-пар ди тхаклуэ цлэрыуэхэм я тхыгъэ зыбжанэхэм къыхэтхауэ араш. Мы къэхутэныгыгъэр иджырей бзэхабзэ адыгэбзэклэ ттхыным и зы Іыхъэ хъун хуейш.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэхъуклэцлэ, зыгъэналуэ, зэрыхъу, шытыклэгъэлыгъэуэ, бжыгыгъэ, зэман, шыплэ, шхъэусыгыгуэ, мурад.

Къэхъуклэцлэхэр морфологием и зы Іыхъэщ. Абыхэм я гугъу шыбгъуэтынуш адыгэбзэр зэрадж тхылъхэм ярыту, ауэ нэхъ куууэ ахэр къышыгъэлыгъэуаш Адыгэбзэ грамматикэм, 2006 гъэм къыдэклэм [Кабардино-черкесский язык 2006]. Андрей лъэпкъхэм хуэдэу, нобэ къыздэсым адыгэхэм диІэкъым ди бзэклэ тха шлэныгъэ грамматикэ. Абы нэмышл, адыгэбзэр щедгъэдджклэ урысыбзэ флэшыгыгъэ куэд къыдогъэсэбэп. Мы лэжыгыгъэм дышимурадщ адыгэбзэ къэхъуклэцлэхэр я мыхъэнэклэ зэрызэшхъэшыкылыр къэдгъэлыгъэуэну, филологие и шлэныгъэхэмклэ доктор Бишлэ Б. игъэхъэзыра флэшыгыгъэщлэхэр къэдгъэсэбэпыну.

Къэхъуклэцлэр – зэхъуэклэ мыхъу псалъэ лъэпкъыгыгуэщ, Іуэхугъуэр къызэрыхъу шыклэр, къышыхъу зэман, шыплэ, мардэ сытхэр къыгъэлыгъэуэ. Къэхъуклэцлэр псалъэухам хъэлу е емыгъэклэуа гъэнхуаклуэу хъувэ хабзэщ. Псалъэм папщлэ: *Сэшхуэ къуанишэм и Іэпцэр ІэцлэмыкІыу Даут-Бей лъэганІэм къытетш, – и теплэкІэ зигъэуардэу, икьукІэ зегъэлыхъузу* [Шортэн 1954: 174]; *Нобэ шыгъа бэхуцей фІыцлэ кІыхъыр иджыри шыгът, ауэ и шхъэм телъа Іэльэцл фІыцлэ цІыкІур телъыжеткъым.* [Дыгъужь 2011: 41]; *Аргуэрэу къызэцлэнаш жып уэздыгъэ цІыкІур, абы и нэхур гъуэгуэ адэклэ-мыдэклэ ирижащ икІи сабэм хэлъ фэ клэпсэ фІыцлэ гуэрым къытеувылаш.* [Къамбий 1972: 43]. Къэхъуклэцлэм псалъэ зэпхэхэр къегъэхъу лэжыгыгъэцлэм, плыфэцлэм, нэгъуэщлэ къэхъуклэцлэм, машлэ дьдэрэ шылэцлэм и гъусэу.

Морфологие илэныкъуэклэ убгъэдыхъэмэ, къэхъуклэцлэр андрей псалъэ лъэпкъыгыгуэхэм къашхъэщокл грамматикэ категорэхэмклэрэ зэхъуэклэныгыгъэ зэрамылэмклэрэ. Къэхъуклэцлэхэм я синтаксис шытыклэ нэхъышхъэм яшышш: а) андрей зи шхъэ хуштыт псалъэ лъэпкъыгыгуэхэм егъэщыллэныгъэклэ зэрэпхар; б) псалъэухам хъэл къалэн зэрышигъэзашлэр.

Псалъэухам и пкъыгыгуэ нэхъышхъэхэр мыхъэнэклэ синтаксис илэныкъуэклэ хуэныкъуэщ псалъэухам хъэлым шигъэзашлэ къалэным. Ауэ адыгэбзэ

лэжьыгъэцIэхэм я лъабжьэгъусэхэм шытыкIэ, зэман, щIыпIэ мыхьэнэхэр яIэмэ, къэхъукIэцIэхэр инэхьыбэм абыхэм япыувэркъым. Псалъэм папщIэ: *кIуэтэицэн* – лъабжьэужь –цэ-м «егъэлеяуэ» мыхьэнэ *кIуэтэн* псалъэм дышIегъу; *къыгурыIуэху* – лъабжьэужь –ху-м «зэман гуэркIэ, зэман дэкIыху» мыхьэнэ *къыгурыIуэн* псалъэм дышIегъу; *бгъэдэуэвэн* – лъабжьэпэ *бгъэдэ*-м «зыгуэрым и гъунэгъуу» мыхьэнэ *увэн* псалъэм дышIегъу, н.кь.

Зэзэмызэ къэхъукIэцIэхэр зи гугъу тцIа лъабжьэгъусэхэм ящыщ зыхэт лэжьыгъэцIэм егъэщIылауэ къэкIуэнкIи мэхьу. Апхуэдэу, лэжьыгъэцIэм шытыкIэ къыгъэлыгагъуэмэ, абы егъэщIыла хьур зэрыхьу къэхъукIэцIэхэрщ, псалъэм папщIэ: *Лэжьыгъэр нобэ дыухыпащ*. ЛэжьыгъэцIэхэм зэман, щIыпIэ с.ху. мыхьэнэ яIэмэ, абыхэм егъэщIыла хьур зыгъэнаIуэ къэхъуцIэхэрщ, псалъэм папщIэ: *ЛэжьыкIуэхэр гунсэхуу шхэху, дэ зыдгъэпсэхуащ*. Куэдрэ къохьу лэжьыгъэцIэм я лъабжьэгъусэхэм шытыкIэ мыхьэнэм и гъусэу зэман, щIыпIэ с.ху. мыхьэнэри къагъэлыгагъуэу – апхуэдэхэр къэхъукIэцIэхэм хуэныкъуэжкъым. Псалъэм папщIэ: *ПцIацэхэр лъэлыжьыпэху бжэндэхьухэр лъэтэжырккъым*.

Ипэклэ зэрышыжытIащи, къэхъукIэцIэм и морфологие нэщэнэ нэхьыщхьэр зэхьуэкIыныгъэ зэрымIэрщ. А хабзэм теткъым пльыфэцIэхэм къатехьукIа къэхъукIэцIэхэр, зэгъэпщэныгъэ мардэ зэралэм къыхэкIы, шапхьэ: *псыницIуэ – нэхь псыницIуэ – псыницIэ дьдэу*; *гъунэгъуу – нэхь гъунэгъуу – гъунэгъу дьдэу*, н.кь.

Адыгэбзэ къэхъукIэцIэхэр нэхьыбэм лэжьыгъэцIэхэм, IуэхуцIэхэм, IуэхудэкIуэхэм егъэщIылыныгъэкIэ епхаш. Псалъэм папщIэ: (*БлутI:*) *Къэжэр Хьэклашэ шхыдэрейуэ, лы бзаджэу къызыщыхьуи цыIэт, ауэ сэ фIыуэ къэсцIат абы и хьэлри сыщышынэртэкъым...* [Нало 1981: 26]. – *ФIыуэ* къэхъукIэцIэр къэцIэн лэжьыгъэцIэм егъэщIылауэ шытщ. *Утыку гуацэм и жыным IэлъэцI къуэлэн пIацIэ кърилъэфри, нэхь и гъунэгъуу къыщыт шым и сокум хицIац [ШэджыхьэщIэ 1992: 149]. – Гъунэгъуу* къэхъукIэцIэр *къыщыт* IуэхуцIэм егъэщIылауэ шытщ. (*Бэтокъуэ*) *И пIаабгъуэр тIэкIу мащIуэ егъэзыхауэ, зэзэмызэххэ лъапэрэпэрэ йохыж...* [Шортэн 1954: 75]. – *МащIуэ* къэхъукIэцIэр *егъэзыхауэ* IуэхудэкIуэм егъэщIылащ.

ПльыфэцIэхэм егъэщIылауэ нэхьыбэрэ къакIуэ хабзэр шытыкIэм и мардэ къэзыгъэлыгагъуэ къэхъукIэцIэхэрщ, шапхьэ: *Къульшыкъуишхуэ хьуащ, ауэ дунейр апхуэдизкIэ уэмц, хуабэци шыми лымы тхьурымбэр къапоху, тIум яIури гъуцIац [Нало 1993: 260]. АпхуэдизкIэ* къэхъукIэцIэр *уэм, хуабэ* пльыфэцIэхэм егъэщIылауэ шытщ. *Езыри (Мыхьэмэт) хуабжэу Iумахуэц, губгъуэлIц, хьэлэц икIи бзаджэц [Къэрмокъуэ 2007: 250]. Хуабжэу* къэхъукIэцIэр *Iумахуэ, хьэлэл, бзаджэ* пльыфэцIэхэм егъэщIылащ.

Апхуэдэкъабзэу шытыкIэ къызырэкI къэхъукIэцIэхэм егъэщIылауэ къакIуэр мардэ къэзыгъэлыгагъуэ нэгъуэщI къэхъукIэцIэхэрщ, шапхьэ: *ЩIалэцIэм пхьэбгъур икьукIэ IэкIуэлъакIуэу унэ лъэгум иригъэзагъэрт. Абы и гъусэр хуабжэу нэцхьыфIуэ епсалъэрт бжэцхьэIум тет лым*.

Зыныкъуэ къэхъукIэцIэхэр инэхьыбэм шыIэцIэм егъэщIылауэ шытынкIэ хьунуш: а) шыIэцIэм лэжьыгъэ мыхьэнэ иIэмэ, шапхьэ: *Щэхуу къеджэныгъэм иригъээшащ. Япэклэ кIуэтэныгъэм* къыхуезыджэ псалъэхэр *псоми ягу ирихьат*; б) шыIэцIэм шытыкIэ мыхьэнэ иIэмэ, шапхьэ: (*Изэм Думэсарэ зыхуигъазэу:*) *ИкьукIэ гъуныхьышхуэц а дунейм ехыжам дежкIи уи дежкIи апхуэдизу гуауэм зыдебгъэшэхыну [Журт 2004: 34]; Нэгъэсауэ адыгэ пцIацэт [МафIэдз 2014: 119].*

КъэхъукIэцIэхэу шыIэцIэхэм егъэщIылахэр абы и емыгъэкIуа гъэнэхуакIуэу шытхэщ, шапхьэ: (*Хьэту шым цхьэкIэ*) *Дэнэ кърихрэ апхуэдиз къару?* [Нало 1993: 319]? *Шорэ и жьырабгъу лъэныкъуэмкIэ къыщысыр Щамелт. Щамел адкIэIуэкIэ – Зэчрейт [Шортэн 1954: 319].*

КъэхъукIэцIэхэр адреи псалъэ лъэпкъыгъуэхэм къащхьэщыбгъэкIыну гугъуш лексикэ и лъэныкъуэкIи, къызырэхьу шIыкIэхэмкIи. Ар я морфологие нэщэнэхэм ящыщ зыщ. Апхуэдэу къэхъукIэцIэ зыкъом шыIэцIэхэм, пльыфэцIэхэм я

псалъзешэ гъэпсыкIэхэм ещхьщ, шапхъэ: *махуэм, шууэ, дахэкIэ, дыгъужьу, IэкIуэлъакIуэ*, н.кь.

Я мыхьэнэм елытауэ къэхьукIэцIэхэр гупитIу гуэшащ: зыгъэнаIуэрэ зэрыхьурэ. Япэ гупым хохьэ лэжьыгъэм и щытыкIэ е и бжыгъэ мыхьэнэ къэзыIуатэхэр. ЕтIуанэ гупыр къагъэхьу лэжьыгъэр къыщыхьу зэманьр, къыздэхьу щIыпIэр, къыщIэхьу щхьэусыгъуэр, мурадыр къэзыгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэм.

ЗыгъэнаIуэ къэхьукIэцIэхэр лIэужьыгъуитIу ягуэш: а) щытыкIэгъэлыагъуэхэрэ; б) бжыгъэ къэзыгъэлыагъуэхэу.

Адыгэбзэм и щытыкIэгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэр я бжыгъэкIэ нэхьыбэ мэхьу. Ахэр пльыфэцIэхэм къатохьукI -у//-уэ лъабжьэужькIэ. Апхуэдэ къэхьукIэцIэхэр лэжьыгъэцIэхэм, IуэхуцIэхэм, IуэхудэкIуэхэм егъэщIылауэ щытщ. Псалъэм папщIэ: *Дисэ шыуан цIыкIур къабзэу итхьэцIри хьэкум тригъэуващ* [Журт 2004: 35]; *Гуапэу иригъэблагъэрти гуапэу иригъэжъэжырт (бысымым), – Хьэжислъам и пащIэр ирилъэцIэкIри щыму къедаIуэхэм яхуцIэпльащ* [Мэзыхьэ 2015: 417]; *Хромовицкэр псыницIэу тецIэнтхьукIыурэ мывэкIэцхьым хэт зацIэурэ къехьыжырт, уэишым дилъэсыкIа кIэнауэ цIыкIум дэтурэ* [Шортэн 1988: 18].

ЗыгъэнаIуэ щытыкIэгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэм зэлыгыныгъэ мардэхэмрэ субъектым и хушытыкIэ къэзыгъэлыагъуэ гъэпсыкIэхэмрэ къагъэхьуф. Псалъэм папщIэ: *Бюрор езыгъэкIуэкI Аслъэныкьуэ Шафигъ зэм цIыкIуу, зэм нэхь ину, зэми зэрылгъэкIэ Iэ сэмэгумкIэ стIолым теуIуэ, Iэ ижъыр игъэдалъэу псалъэрт* [Къэрмокъуэ 2004: 67]; *Гуацэм и шу гъусиц къудейр абы (Бэтокъуэм) тыни дьдэу щхьэцихуфынут, фIэбгъэкIмэ, – лъэныкьуэ иригъэзыфынут* [Шортэн 1985: 388]; *Къабзэ цIыкIуу хуэпауэ, гуфIэжу, гуапэу псалъэу, ухигъадэу щалъагъум, бзылхугъэхэмэ Заужаныр нэхь къацтащ...* [Нало 2012: 58].

Бжыгъэ къэхьукIэцIэхэм Iуэхугъуэм и бжыгъэмрэ абы и мардэмрэ къагъэлыагъуэ. Зи гугъу тщIы къэхьукIэцIэхэр лэжьыгъэцIэхэм, IуэхуцIэхэм, IуэхудэкIуэхэм, пльыфэцIэхэм, щытыкIэгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэм егъэщIылауэ щыт хабзэщ. Псалъэм папщIэ: *Къудрэ зэпсэлъащ а тIур (Муридрэ Ксенэрэ), зэманьр зэрыкIуэр ямыщIэуи зэбгъэдэсащ* [Къэрмокъуэ 2007: 69]; *ЦIыхур апхуэдизу зыпэпльа илъэсыщIэр дьджу къапэжъащ* [Журт 1987: 122]; *«Еззус Мария» – къыIурыцэцир абы (фызыжъым), и плIэ гъурхэр мардэниэу зэцIэскъыскъэу, хуэму, зыгуэрэм хуэгуIуэ* [Шортэн 1985: 57]; *Ар (Цыджаныр) икьукIэ къарууниэт икIи техьэгъуэм иубыдат* [Журт 1987: 96]; *А зэрызехьэ псом Щамел и мюридхэм хуабжьэу Iэдэбу, сабыру заIыгъащ, я псалъэмакъ къудейкIэ адрейхэм зыгуэркIи зыкьыхамыгъэцу* [Шортэн 1985: 27].

Языныкьуэ бжыгъэ къэхьукIэцIэхэр я мыхьэнэкIэ щытыкIэгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэм ещхь мэхьу. Апхуэдэхэм деж зы къэхьукIэцIэхэм псалъэм и бжыгъи и щытыкIи къеIуэтэф, шапхъэ: *фIыуэ мэлажъэ – фIыуэ дыпэпльащ, хуабжьэу зокIуэ – хуабжьэу дахэу зокIуэ, Iейуэ матхэ – Iейуэ сошынэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Езы хьыджэбзри Iейуэ къыхуцыт хуэдэу е къиужэсгъуфэ тету гу лъытакъым (Долэт)* [КIэрэф 2009: 122]; *Езы Нажмудини гъат а махуэм Iейуэ* [Журт 1987: 145].

Адыгэбзэм и зэрыхьу къэхьукIэцIэхэр Iуэхугъуэр зэрагъэнаIуэ лъэныкьуэкIэ зыбжанэу зэщхьэщокI. Апхуэдэхэщ зэман, щIыпIэ, щхьэусыгъуэ, мурад зыгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэр. Зэрыхьу къэхьукIэцIэхэм щыщу зэманрэ щIыпIэрэ къэзыгъэлыагъуэхэр нэхь куэдщ.

Зэман къэхьукIэцIэхэм лэжьыгъэр щекIуэкI зэман къагъэлыагъуэ, шапхъэ: *пцэдей, нэгъабэ, иджыпсту, нобэ, ныжэбэ, дыгъуасэ, ныщхьэбэ, дыгъуэпшыхь*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Жэциым къыбжылэрт пцэдей уэфI зэрыхьунур: вагъуэхэр изу ист, мазэ къыкьуэкIари мыпIащIэурэ уафэ джабэм екIуэкIырт, къабзэрэ къабзэу, хурейабзэрэ щIакхьуэ тхьуэпльышхуэм ецхьу* [Журт 2004: 166]; *Ныжэбэ (Бэтмырзэ) илъэгъуа пцIыхьэпIэр зыхуимыхарэ абы къримыхарэ щыIэтэкъым* [Елгъэр 2005: 73].

Языныкыуэ зэман къэхьукIэцIэхэр цIэпапщIэхэм е цIэпапщIэхэмрэ псалъэужьхэу шыта псалъэхэмрэ къатокI: *дапцэци, сыт цыгъуи, абы цыгъуэ, сытым дежи, ацIондэху, альгандэрэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Щхьэж и гукъеуэр, альгандэрэ ялыгъа губжьыр цIалэхэм къракIутац* [Мэзыхьэ 2015: 440]; *Инал и ныбжьэгъухэм ягъэцIагъуэ зэпытт абы и шыкIэр дапцэци дахацэу зэрызэрыдзар* [Журт 2004: 26]; *ЦIыхум и гум Iей къыпхуилъу шытмэ, сытым дежи зыгуэр къыуицIэфынуц* [Журт 1987: 97–98].

Гъэм и лъэхьэнэхэр, жэщ-махуэ сытхэр къэзыгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэм -м, -кIэ лъабжьэужьхэр япытт: *махуэм, бжьыхьэм, пцыхьэцхьэкIэ, жэцкIэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Бжьыхьэм, гъэ еджэгъуэцIэм цыцIадзэжым, зауэм и зэранкIэ шолыр хыфIэзыдзахэм цыц куэди цIэтIысхьэжсац*. [Журт 1987: 114] *ПцыхьэцхьэкIэ* къекIуэкIырти (*Хьэзешэрэ КIулацэрэ*), *зэдэгушылэ-зэхурджауэхуэ цыст, Мэзан и лэгъунэ цIыхьэжыгъуэ хьуху* [Елгъэр 2005: 14].

Зэман къэхьукIэцIэхэм зы гуп псалъэ зэпхауэ яхэтц къэс, *лъандэрэ, цIондэ* с.ху. псалъэужьхэр я гъусэу: *иджыри къэс, нобэ лъандэрэ, гъатхэ цIондэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Иджыри къэс хьэблэ псор ягъэхьэкъувикъуу зэрызэхьа сабийхэр, цIантIэм цагъэува ерыскъы Iэнэ Kыхьыр зэралъагъуу, умэзэхьыжат, Iуэлыауэр псым цIэтIысыкIам хуэдэу, цIантIэр дэгъу хьужат* [КIэрэф 2009: 384]; *Ауэ иджы нэхуц цIондэ псэхугъэ зымыгъуэта (Шорэ) и гур къыхэдзэкъыкIыу, дэгъу, цIэмьцхьуэжэу, зиубгъуу къыхэузыкIыу хуежьсац* [Шортэн 1985: 402].

ЛэжьыгъэцIэтеки гъэпсыкIэхэм къатехьукIа къэхьукIэцIэ *хэцIуэтайуэ, гуауэ, мыгувэу, зэпымыуэ* сыт хуэдэхэми зэман къалуэтэф. Псалъэм папщIэ: *Зэрыцымыгувэуэ хахуэу Жани къызэрыцIэкIар Мурат гуанэ ин цыхьуац икIи Iэбэри зэпымыуэ абы къигъэблэ уэддыгъэ цIыкIур къыIихац...* [Къашыргъэ 1957: 226]; *Гувауэ* гъуэлыгъами, *зэныбжьэгъуитIыр жьыуэ къэтэджац* [Къэрмокъуэ 2007: 102].

Зэман къэхьукIэцIэ зыкъом псалъэпкыитI зэхыхьэкIэрэ къохьу: 1) зы псалъэпкыим тIэу къытригъазэу, етIуанэм -у//уэ, -кIэ лъабжьэужьхэр пыувэу: *зымахуэ-зымахуэкIэ, зэман-зэманкIэрэ, цIэх-цIэхыу*, н.кь.; 2) псалъэпкыитI зэмыщхькIэ, лъабжьэгъусэ пымыту: *нобэ-пцэдей, пцэдей-пцэдеймыцкIэ*, н.кь.; 3) мыхьэнэклэ зэпэщIэувэ псалъэпкыитIкIэ, -ми лъабжьэужьыр пыувэу: *гува-цIэхами*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *«Мыр (Исмел) зыхуейр Iуэху хьэлгэр цIэх-цIэхыу зэфIэкIыну ариц», – зэригъэзахуэрт Сэфар а Iуэхум нэхъ къекIуу езым и цытыкIэн хуейр* [КIэрэф 2009: 336]; *Нобэ-пцэдей* зауэр *еух жаIэу махуэ къэскIэ къызэкIэлъылу хьыбарым цIыхухэр къызэцIуцIэтати, лэжыгъэми нэхъ хэцIырт* [Журт 1987: 105–106]; (*Сэлэтым Хьэцауэ зыхуигъазэу:*) *Гува-цIэхами а уи цыб зыхуэбгъэзахэм я IэмьцIэ узэрихуэжынуур цIлэркъэ?* [Мэзыхьэ 2015: 426].

Языныкыуэ псалъэ цхьэхуэхэм, псалъэ зэпхэхэм зэман къэхьукIэцIэхэм я къалэн ягъээщIэф: *япэм, асыхьэту, языныкыуэм, куэд цIлауэ, тхьэмахуэ ипэкIэ, пцэдджыжыым жьыуэ, пцэдджыжь нэмэзым* н.кь. Псалъэм папщIэ: *Нартокъуэ игъэцIагъуэрт а гупым я цытыкIэм зэрызыхуэжар: куэдкIэ зэцхьыжстэкъым япэм зэрыцытамрэ иджырэ* [КIэрэф 2009: 294]; *Куэд дэмыкIыу* Iэнэ зэтет *къыцIыхьэри бысым цIалэр къыцIыхьэжсац, Iэнэр утыкум иригъэуэври, езыри блыным еувэлIэжац* [Нало 1993: 182].

ЩыпIэ къэхьукIэцIэхэм къагъэлыагъуэ Iуэхугъуэр щекIуэкI щыпIэмрэ лэжьыгъэр зыхуэунэтIа, къыздикI лъэныкыуэмрэ.

Япэ гупым хыхьэ къэхьукIэцIэхэм хуэбгъэу хьунуц упщIэ *дэнэ?, дэнэ деж//дэндеж?* с.ху., ахэр лэжьыгъэцIэхэм егъэщIылауэ шытхэщ, мыхьэнэуэ «щыIэныгъэ», «къэсыныгъэ» яIэу, шапхьэ: *дэни, абдеж, жыжъэу, мыбдеж, абдеж, ихьуреягькIэ*, н.кь. Псалъэм папщIэ: *ИхьуреягькIэ* нэр здынэмыпльыс *мывэ къыр лъагэт* [Журт 1987: 96]; *Мэлыр зэпкIа цыхьунIэм долпыхьри, абдей уехьыфынкIэ дуней Iэмал иIэкъым* [Елгъэр 2005: 83].

ЕтIуанэ гупым хыхьэ къэхьукIэцIэхэр унэтIыныгъэ мыхьэнэ зиIэ лэжьыгъэцIэхэм егъэщIылащ. А къэхьукIэцIэхэм яхуэбгъэу хьунуц упщIэу

дэнэклэ?, дэнэ лъэныкьуэклэ?, дэндежкелэ? с.ху., шапхъэ: модэкелэ, адэкелэ, мыдэкелэ, мыбдеж, сэмэгумкелэ, ицэкелэ, н.кь. Псалъэм папщIэ: *Аузымкелэ къеух бжъыхъэ жыапицэм адэкелэ-мыдэкелэ ирихуэкIырт Имамьм и нып клапэхэр* [Шортэн 1985: 14]; *Къуажэ псор мастэ нIэныхуам къэпицтэжын хуэдэу зэу нэху къэхъури, дэнэкли зэрыгъэклий макъ кыицылуащ* [Жылэтэж 1983: 98].

Куэдрэ къохъу зы къэхъукIэцIэм щIыпIи унэтIыныгыи кылуатэу. Апхуэдэхэм ящыщ дэнэ, адэ, зыщIыпIэ, зыщIыпIи, жыжъэ с.ху. къэхъукIэцIэхэр. Псалъэм папщIэ: *Ахэр (фызхэр) есат Забинэт и макъ зэрызэхихыу Нажмудин дэнэ цыIэм и нэсрэ абы и матэр кыпхъуатэу* [Журт 1987: 8]; – *Дэнэ фыздежъар? – цлоупицIэ Лацэ, кыбгъэдыхъа цIалэ цIыкIум и нэ нацхъуитIыпIи цIэлпъээрэ* [Журт 1987: 25]; *Пицэдджыжъым жъыуэ цIадзэри жэщым кIыфI хъужыху дзэ гупхэр зыщIыпIэ пIащIэу зэрорххэр, шухэр цхъэрыутIыпицу зэхэзожэхэр* [Нало 1993: 258]; (ГъуэгулI:) – *Дэнэ дыкыщекIми, ныжэбэ зыщIыпIэ нэху дыкыщекIын хуейи, Хъэбалэ* [Журт 2004: 216].

Щхъэусыгъуэ къэхъукIэцIэхэм Iуэхур щIалэжъ щхъэусыгъуэр къагъэлыагъуэ, *сыт цхъэкIэ? сытым кыхэкIкIэ? сыт папщIэкIэ?* упщIэхэм жэуап яхуохъу, шапхъэ: *зэрымыщIагъэкIэ, кыгурымылуэныгъэкIэ, абы цхъэкIэ, абы папщIэ, пIащIэу, фIэмыфIу, н.кь. Псалъэм папщIэ: Зыгуэрурэ зэрымыщIагъэкIэ зэлуамэ, е дедзых, е и цхъэр цIелу, фэнд хуэдиз хъу и лъакъуитIыпIи егъэжыдэжэр, егъэпсыницIэри блетхъури тхъэмыщIкIэр йожъэж (Лалусэ)* [МафIэдз 2014: 5]; *Уеблэмэ абы цхъэкIэ (гуп зэхэтIысхъэм Елдар нэхъыжъ зэрищIыпIи цхъэкIэ) езы пицым нэхъ пицIэ лей хуащIырт* [Журт 2004: 3].

Мы гупым хыхъэ къэхъукIэцIэхэр куэд хъуркыым. Абы и щхъэусыгъуэщ кызыыхэкI хушытыкIэхэр инэхъыбэм *цIэ-/цIы-* лъабжъэпэмкIэ кызызэрыхъур: *цIыщысыр, цIэлажъэр, цIэклуэжар, цIэIэхуэр, н.кь. Псалъэм папщIэ: Астемыр, Инал ецхъу, щакIуэ цIэрылуэт. Арат а тIур ныбжъэгъуэ цIызэхуэхъуари* [Журт 2004: 15]; *ГъуэгулI цIэгъар Исмел и къуэ нэхъыщIэ Едыдэж нобэ кыжриIарт* [Журт 2004: 36].

Щхъэ-р щхъэусыгъуэ къэхъукIэцIэхэм ящыщ: (Елдар Алихъан жреIэ:) – *Сольагъу, цхъэ сымылъагъуу, шынэхъыщIэ* [Журт 2004: 30]; *Иджы лыжъыри полковникым пагэу къеплъащ, абы (колхоз дворым мафIэ кыицыщIэнам цыгъуэ) деплэу дыщысауэ цхъэ кыицыхъурэ, дымыполковникми, дэри зыгуэр тцIащ, жыхуиIэу* [КхъуэIуфэ 2000: 43].

ЩхъэкIэ къэхъукIэцIэр инэхъыбэм *сыт* зэрыупщIэ цIэпапщIэм и гъусэу къагъэсэбэп: (Шухэм яз, зыубыдахэм зыхуигъазэу:) *А Iэцэр къэдгъэсэбэпыну щытамэ, иджыпсту нэхъ къэгъэсэбэпыгъуэ дихуатэкъым, ауэ зэрыфлъагъуици, дэ абы делусэркъым, иужькIэ сыт цхъэкIэ делусэжын* [Нало 1993: 229]; (Шаризэт:) – *Мысэт, ет (Толэ) тIури (джэдгынри шыбжыйри). Уилэкъэ? - Сыт цхъэкIэ симыIэу* [МафIэдз 2014: 137].

Сыт цхъэкIэ псалъэухам хэдзэ псалъэ зэпха мыхъэнэ иIэмэ, абы щыгъуэ ар псалъэкIапэхэм хыхъэжауэ ябж. Зэвгъапщэ: *Зарэ кыгурылуащ ар (Руслан) зыщIэупицIэр, сыт цхъэкIэ жыпIэмэ езым и гупсысэри зытеухуар а упицIэ дыдэрт, ауэ абы и жэуап кыхуэгъуэтыртэкъым* [Щамырзэ 2002: 129]; *Ауэ махуэр хуабэщ, абы и мызакъуэу, икли гуапщ, сыт цхъэкIэ жыпIэмэ мамыриц – зэхэуэишхуэ цыIэкъым* [Щамырзэ 2002: 167].

Адыгэбзэм и мурад хушытыкIэхэр инэхъыбэм къагъэлыагъуэ зэрыхъу псалъэзешэм ит инфинитивымрэ убгъуа хъэлымрэ, псалъэзэпыщIэ е псалъэзэпыщIэ лъабжъэужь ядэщIыгъуу. Абы кыхэкIкIэ, мурад хушытыкIэхэр къалуэтэн щхъэкIэ къэхъукIэцIэхэр куэдрэ къагъэсэбэпыркыым, шапхъэ: *губжъкIэ, еижкIэ, фыгъуэнэдыгъэкIэ, абы цхъэкIэ, абы папщIэ, фэрыщIу, джэгуу, н.кь. Псалъэм папщIэ: (Бэтмырзэ мэлым:) Уэлэхъэ, абы (Мудар) и нэхейкIэ илъэсищекIэ упсэу хъунтэм* [Елгъэр 2005: 90]; *Езыри (Саний) есэжащи, гукъыдэж цилэм деж гъунэгъу фызхэр а (уд) цIэмкIэ гушыIэу къеджэкIэ уэим ищIыркыым* [Мэзыхъэ 2015: 383].

Щхьэ, цхьэкIэ къэхъукIэцIэхэм я мыхьэнэм щхьэусыгъуэри мурадри къызэщIеубыдэри, тIум дежи ахэр къагъэсэбэп. Псалъэм папщIэ: (КIулацэ:) *Арыншамы, дадэ гуныкъуэзгъуэр хурокъури къолыж, щхьэ бэмIэгъуэ гуэрым хээдзэрэ?* [Елгъэр 2005: 23]; *Ар зылъагъу Бот хуэмышэчыжсу: «А зиусхьэн, лIыр хуэмышум, шым сымт и лажьэ, Щхьэ и цхьэм уеуэрэ?» – желэ* [Шортэн 1954: 59]; – *Сымт бжыхьым ар цIенсылIэр, Мэхьмуд? – Къэмыуэн цхьэкIэ.*

ЗэрыупщIэ цIэпапщIэ сымт-р къэхъукIэцIэхэм иIэу къагъэсэбэп хабзэщ. Псалъэм папщIэ: *Урыс цIалэ лажьэнишэр къызэкIуэкIри тхылъыр иримыгъэфыцIыпэу Туш къытрихыжащ:* – *Сымт уэ мыбы укыщIэкIуэр?* [МафIэдз 2014: 54–55]; *Аргуэру къэдыхьэихри, нанэм цысхэр ней-нейуэ къызэтипIыкыащ:* *А, си делэ цIыкIу, зи цхьэзгъусэхэмкIэ зигу мыгъуэхэм езыхэм зацIэж, сымт ар псоми зэхахьу цIыжыпIэнур* [Журт 2004: 6].

КIэщIу къызэщIэткъуэжмэ, адыгэбзэ къэхъукIэцIэхэр я мыхьэнэкIэ гупитIу ягуэш: зыгъэнаIуэрэ зэрыхьурэ. ЗыгъэнаIуэ къэхъукIэцIэхэм лэжыгъэм и щытыкIэ, и бжыгъэ мыхьэнэ къаIуатэ. Зэрыхьу къэхъукIэцIэхэм къагъэлыагъуэ лэжыгъэр къыщыхьу зэманыр, къыздэхьу щыпIэр, къыщIэхьу щхьэусыгъуэр, мурадыр. Мы лэжыгъэм дащытепсэлъыхьащ гуп къэс я щхьэхуэныгъэхэми, я къэхъукIэхэми, а псори ди тхакIуэ цIэрыIуэхэм я тхыгъэ зэмылIэужыкыгъуэхэр къэдгъэсэбэпурэ нэрылъагъу тщIащ.

ТегъэщIапIэ тхуэхьуа литературэрэ

1. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъуныкыу. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхылъ тедзапIэ, 2011. 176 н.
2. *Елгъэр К.* Лъэужь // Гъуэгуанэ кIыхь. Повесть. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. Н. 3–108.
3. *Журт Б.* Адэжь лъапсэ. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н.
4. *Журт Б.* Унагъуэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.
5. *Жылэтэж С.* ЛIыгъэ зэхэгъэкIыпIэ. Налшык: Эльбрус, 1983. 184 н.
6. Кабардино-черкесский язык. Т.1. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 551 с.
7. *Лэрэф М.* Лъэужь е лIэужь: повестхэмрэ рассказхэмрэ. Нальчик: Эльбрус, 2009. 572 н.
8. *Къамбий З.* Дзадзурэ. Налшык: Эльбрус, 1972. 140 н.
9. *Къашыргъэ Хь.* Насыпым и хэкIыпIэ. Нальчик: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1957. 308 н.
10. *Къэрмокъуэ М.* Пшэпэ зэхуэзгъуэ: повестхэр, рассказхэр Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.
11. *Къэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI. Налшык: Эль-Фа, 2004. 320 н.
12. *КхуэIуфэ Хь.* Мэзыр жыг зырызурэ зэхэтц // Гъатхэм и ныбжьыр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
13. *МафIэдз С.* Уэрэд макъамэ. Повестхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2014. 344 н.
14. *Мэзыхьэ Б.* Тхыгъэ къыхэхэхэр. Новеллэхэр. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2015. 552.
15. *Нало А.* Нэхуш шу. Налшык: Эльбрус, 1993. 400 н.
16. *Нало З.* Дыджым и IэфIыгъэ. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
17. *Нало З.* Къру закъуэ. Новеллэхэр. Налшык: Эльбрус, 1981. 400 н.
18. *ШэджыхьэцIэ Хь.* ЛыщIэж. Налшык: Эльбрус, 1992. 432 н.
19. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Япэ тхылъ. Налшык: Къэбэрдей тхылъ тедзапIэ, 1954. 504 н.
20. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Ешанэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1985. 332 н.
21. *Шортэн А.* Бгырысхэр. ЕплIанэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1988. 394 н.
22. *Щамырзэ I.* Махуэ лъапIэр къэсыпат. Налшык: Эльбрус, 2002. 276 н.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАРЕЧИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

Данная статья посвящена наречиям в кабардино-черкесском языке, их отличительным свойствам, семантической классификации. Несмотря на большое разнообразие наречий по значению, все они, как показано в работе, демонстрируя признак действий или другого признака, группируются вокруг двух основных типов: определительного и обстоятельного. Каждый из этих типов, в свою очередь, подразделяется на разряды: определительные на качественный и количественный; обстоятельные на наречия времени, места, причины и цели. Каждому разряду свойственны свои способы образования, которые отмечены в ходе исследования. Теоретический материал подкрепляется иллюстративным материалом из произведений известных адыгских писателей. Представленная статья является частью кабардиноязычной научной грамматики, работа над которой началась в секторе кабардино-черкесского языка. За основу взята двухтомная грамматика 2006 года издания, написанная на русском языке, в которой собраны лучшие результаты научных исследований по наречию, главным образом, монография Х.З. Гяургиева «Наречие в кабардино-черкесском языке». В работе используются новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым, без наличия которых написание указанного труда стало бы невозможным.

Ключевые слова: наречие, определительное, качественное, количественное, обстоятельное, время, место, причина, цель.

SEMANTIC CLASSIFICATION OF ADVERSE IN KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

This article is devoted to adverbs in the Kabardino-Circassian language, their distinctive properties, semantic classification. Despite the great diversity of adverbs by value, all of them, as shown in the work, showing a sign of action or another attribute, are grouped around two main types: determinative and adverbial. Each of these types, in turn, is subdivided into discharges: determinative into qualitative and quantitative; Adverbial adverbs of time, place, cause and purpose. Each category is characterized by its own ways of education, which are noted during the study. The theoretical material is supported by illustrative material from the works of famous Adyghe writers. The presented article is a part of the Kabardian scientific grammar, the work on which began in the sector of the Kabardino-Circassian language. It is based on a two-volume grammar of 2006 edition, written in Russian, which contains the best results of scientific research on the adverb, mainly the monograph Kh.Z. Gyaurgieva «Adverb in the Kabardino-Circassian language». We use new linguistic terms in the Kabardino-Circassian language, developed by B.Ch. Bizhoyev, without which the writing of the specified work would be impossible.

Keywords: adverb, definitive, qualitative, quantitative, adverbial, time, place, reason, goal.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-158-164

**СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА
(На примере Кабардино-Балкарии)**

Черкесова Зарета Валериевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН) zara7belle@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных проблем современности, с которой так или иначе связаны не только качество трансляции и воспроизводства культурного наследия, но и проблемы политического, социального и экономического благополучия в целом. Основанием для постановки заявленной темы послужили суждения В.М. Кокова о том, что обретение государственного статуса языков титульных народов КБР не решает всех проблем полноценного функционирования национальных языков без должного участия научного сообщества в данном вопросе. В условиях глобализационных проблем современности с каждым днем усложняющееся общество недвусмысленно убеждает в том, что без глубокого понимания того, что отдельно взятых проблем не бывает без их тесной связи с другими вопросами современной жизни, применяемые меры по их преодолению будут половинчатыми. Данное обстоятельство отсылает нас на основной тезис статьи, заключающийся в необходимости применения системного подхода, предполагающий выведение обратных связей через полноценный учет достижений различных направлений науки в исследовании связанных с заявленной темой вопросов, выявление тенденций и закономерностей трансформаций в этой сфере в контексте общей динамики развития общества.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, малочисленные народы, культурное наследие, двуязычие, родной язык, языковая ситуация, глобализация.

Предварительные замечания

Язык каждого народа как неотъемлемая часть его культуры входит в сокровище мировой цивилизации. Но мировой опыт показывает, что отношение к нему, осмысление его статуса [Нерознак 2000: 194–197] в той или иной культуре, его месте и роли в социальном, экономическом, политическом отношениях и его значении для развития отдельных народов и обществ довольно разные. Например, несмотря на такое придаваемое ему в мировом сообществе высокое значение, на примере рассматриваемого региона родные языки воспринимаются в разных координатах и неоднозначно. Для одних – родные языки титульных этносов Кабардино-Балкарии – неотъемлемая часть национальной культуры, отражающая уникальное мировосприятие и мировидение, картину мира, созданную каждым из языковых общностей на определенном этапе их исторического развития. Для других – лишь средство общения, которое вполне может быть заменено на другой (например, русский) и отделено от культуры. Для третьих – источник всякого рода внутриэтнических, межэтнических и других проблем. Накопленный на сегодняшний день опыт исследования в данной сфере убеждает в том, что без целенаправленного применения ресурсов системного подхода стремление сказать здесь новое слово каждый раз будет уводить в сторону еще большего усиления одного из отмеченных направлений в ущерб остальным.

Исследование заявленной проблемы усложняется не только и не столько отмеченным моментом. На сегодняшний день в условиях двуязычия рассматриваемого региона «имеются факторы социальной ситуации (образование, работа, городская жизнь, родители разных национальностей и др.), которые способствуют тому, что зачастую национальная принадлежность не совпадает с языками, признаваемыми ими в качестве родных» [Габуниа, Гусман Тирадо Р. 2002: 15] Следствием тому являются разные толкования ключевого термина настоящей статьи «родной язык» [Губогло 1972: 26–36].

Учитывая опыт проекции этого термина с понятиями «национальный язык», «государственный язык» в научном дискурсе и общественно-политической практике, считаем важным отметить, что он используется здесь в качестве ядра этнического самосознания и этнической идентичности. Хотя, со второй половины XX в., – период, ознаменованный разрывом цепи межпоколенной культурной трансмиссии, значимость родного языка в воспроизводстве и трансляции культурного наследия продолжает уходить в глухую периферию политической жизни и общественного сознания. Мощный толчок этому процессу дал беспрецедентный на Северном Кавказе случай по переводу «сельской начальной школы на русский язык обучения» на базе экспериментальной площадки Зольского района Кабардино-Балкарии [Тхагапсоев 2009: 70]. С учетом данных этому эксперименту положительных оценок такая практика была распространена по всем школам республики. С того времени соотношение статусов национальных языков кабардинцев и балкарцев с русским языком в сознании населения рассматриваемого региона стало кардинально меняться в пользу последнего, с которым все сильнее и сильнее стали связывать возможности расширения социальных перспективных горизонтов.

Ситуация ненадолго изменилась на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. в условиях крушения советского государства и последовавшей волны этнокультурного возрождения малочисленных народов страны. Интерес к своим корням (родной язык, традиции, обычаи, этническая история), явившийся своего рода компенсаторной реакцией на кризисную ситуацию, приобрел ярко выраженный характер. Резкое повышение значимости родных языков нашло яркое отражение в одном из докладов первого президента Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова: «Каждый народ до тех пор народ, пока он владеет собственным языком» [Коков 2001: 345]. Следует полагать, что под собственным языком он понимал родной язык, с которым идентифицируется тот или иной этнос в исторической ретроспективе и перспективе.

По этому вопросу трудно согласиться с М.Н. Губогло в том, что «родной язык» представляет личностный аспект и что его вряд ли можно экстраполировать на уровень группы [Губогло 1998: 198] (этноса в целом). На примере кабардинцев, отметим, что сущность термина «родной язык» коррелируется с единым самосознанием и самоназванием (эндоэтнонимом «адыгэ») адыгского этноса в целом. Свидетельством тому служит широко употребляемое понятие «адыгэбзэ» («адыгэ» – народ, «бзэ» – язык). Именно под таким названием выходят учебники по родному языку для кабардиноязычной категории учащихся общеобразовательных школ Кабардино-Балкарии. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что М.Н. Губогло при рассмотрении сущности понятия «родной язык» ссылается на то, какой язык сами граждане считают своим родным. Аргументирует он это тем, что выбор языка – исключительная компетенция и право индивида, никто не вправе указать другому, какой язык ему следует назвать своим родным. Никто не отрицает, что в урбанизированных и модернизированных пространствах с большей вероятностью можно встретить, допустим, кабардинца, считающего своим родным языком русский. Без всякой абсолютизации отметим, что в данном случае дает о себе знать разрыв цепи межпоколенной культурной трансмиссии в советской

Кабардино-Балкарии, когда известное выражение ее первого лица Т.К. Мальбахова «На родном языке не доедешь до Прохладного» на долгие годы определило низкий статус родного языка в политической жизни и общественном сознании.

Показательно в этой связи высказывание В.М. Кокова, который в 1994 г. на волне системных трансформаций в жизни российского общества отмечал: «Несмотря ни на какие трудности и сложности времени, мы поставили перед собой ясную цель – *восстановить* (курсив наш – З.Ч.) роль и место родных языков в жизни наших народов. Наши шаги в этом направлении вам хорошо известны, – отметил он, – национальные языки приобрели статус государственных, разработана Государственная программа развития образования и обучения на родных языках, введено обязательное их изучение в учебных заведениях и т.д.». Высказанные здесь же слова: «без создания духовной сферы общения на языке, без создания базы самой потребности в языке наши усилия успеха иметь не будут» [Коков 2001: 272–273], оказались пророческими. Время показало, что дальнейшие изменения в части регулирования правового положения государственных языков, а, следовательно, и их положения в обществе в 1998, 2002, 2005, 2018 гг. не повлекли за собой создание соответствующих условий для решения отмеченной задачи.

На сегодняшний день родной язык продолжает оставаться за пределами воспринимаемых населением ключевых факторов, расширяющих социальные перспективы и горизонты индивидуального успеха и благополучия. Здесь также дает о себе знать сила необратимой социальной динамики от традиций к современности, в ходе которой утрачивается одна из важнейших функций языка – моделирование специфической для данного языка картины мира. Согласно имеющимся в науке представлениям, «статус государственных языков республик в составе России, как затрагивающий статус государственного языка России, права и свободы ее граждан в сфере образования и культуры, не может быть предметом исключительного ведения субъектов» [Гунаев 2008: 209].

В этих условиях сведение всей ответственности за сохранение и развитие родных языков на уровень региона или же личностного выбора не дает никакой гарантии на сохранение культурного многообразия – ключевого фактора устойчивого развития современного общества. И здесь трудно переоценить первостепенную роль и значимость научного сообщества в выработке механизмов решения заявленной проблемы в тандеме с государственной политикой в данном направлении в региональном и международном преломлении.

Общий контекст проблемы

Язык каждого народа есть вклад в мировую цивилизацию. Его сохранение и развитие в условиях, не имевших место в прошлом тенденций развития мировой цивилизации, не представляется возможным без надлежащего государственного регулирования. Современное мировое сообщество развивается в такой глобальной интеграции, в котором рушатся одни общественные и социокультурные приоритеты, а другие претендуют на глобальное доминирование. В содержательном отношении происходящие процессы имеют свойство стирать границы языкового и культурного различия народов, которыми обусловлены активные обсуждения вопроса о необходимости сохранения культурного разнообразия в мире ради сохранения устойчивости его развития. Ситуация с малочисленными народами становится настолько тревожной, что языковая политика становится фактором, формирующим и изменяющим языковую ситуацию как в отдельных регионах и странах, так и в мировом пространстве. Показательно, что в течение последних десятилетий проблема сохранения и развития родных языков с новой силой заявила о себе в региональном, российском и международном информационном пространстве. Она стала предметом дискуссий в общественно-политической жизни и научно-образовательной практике. Если сохранение и развитие языка малочисленных народов

в советский период укладывались в государственную культурную политику через механизмы формирования культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию», то в постсоветский период системные трансформации в условиях глобализации, демократизации, рыночных реформ определили форму и содержание дальнейшего функционирования родного языка в современном обществе. При этом, социокультурная ситуация и его реальные потребности дали о себе знать таким образом, что все попытки, например, расширить и углубить изучение родных языков на уровне дошкольных и школьных учреждений и в вузах зачастую приводят к рутинизации и формализации этого процесса.

Дело в том, что этнокультурная эйфория начала 90-х гг. XX в., неотъемлемой составляющей которой были вопросы сохранения и развития родных языков, сменилась определенным скепсисом и различными социокультурными переориентациями надэтнического типа. Дало о себе знать расширение идентичности – социальной и культурной, выход за рамки определенных схемами этноинтеллектуализма этнокультурного ряда и активные поиски, а также формирование своих референтных групп. Сказанное преимущественно относится к наиболее урбанизированным и модернизированным пространствам региона: крупным городам и поселениям, находящимся в их орбите. Именно здесь можно встретить деэтнизированные языковые и поведенческие практики, замешанные на автоконструированных вербальных, визуальных, проксемических аспектах освоения современного пространства. Они в большей степени «привязаны» к местности, субкультуре группы, моде, чем этнокультурным паттернам, которые официально легитимируются и репрезентируются [Тхакахов 2002: 158–159].

Применительно к Кабардино-Балкарии, где соотношение городского и сельского населения с незначительным разрывом одинаково, отмеченное суждение вполне согласуется с взглядами современного ученого Б.Х. Бгажнокова, который в своей работе «Антропология морали» отмечает, что «личность в современной России подавлена и закреплена своей собственной, как правило, чрезмерно акцентированной этнической идентичностью. Многие строят планы, принимают решения и действуют под постоянным контролем и влиянием такой идентичности, плохо сознавая, что становятся заложниками своей национальной принадлежности и предубежденности». Здесь же он пишет об очевидных преимуществах «более широкой – общекультурной – идентичности, позволяющей посмотреть на мир без фильтров напряженного и ригидного этноцентризма» [Бгажноков 2010: 96].

Если исходить из представлений о тенденциях и закономерностях развития мирового сообщества, то амбивалентность протекающих в Кабардино-Балкарии процессов вполне укладывается в специфику модернизации различных ее сфер и дает основание говорить о том, что в обозримом будущем жизнь населяющих регион народов, без всякого сомнения, будет протекать под влиянием имеющих место этнокультурных проблем. Именно в таком контексте на сегодняшний день дает о себе знать актуализация вопроса сохранения и развития малочисленных языков параллельно с решением стратегически важного для государства в целом формирования общегражданской идентичности в формате воссоздания и укрепления «российской нации». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что чем сильнее пропагандируется и культивируется вопрос с формированием и укреплением общероссийской нации, тем явственней дают о себе знать активисты сохранения и развития родных языков малочисленных народов главным образом в лице лидеров и членов общественных организаций. При этом они имеют свойство усматривать в стратегиях реализуемой государственной культурной политики установку на ассимиляцию малочисленных народов.

В этих условиях, как никогда, встает много вопросов, касающихся малочисленных языков, в частности: скольким языкам грозит исчезновение и кто должен заниматься этой проблемой; кто будет защищать законодательные права

малочисленных языков; какова участь научного сообщества в решении двуединой задачи – сохранении и развитии родных языков малочисленных народов в контексте формирования российской нации; какова роль государства, образовательных учреждений, общественных организаций, семьи в этом процессе и др. Не ставя перед собой задачи на выработку исчерпывающих ответов на эти и другие вопросы, перейдем к сравнительному освещению имеющихся оценок и суждений в экспертном (научном) сообществе по предмету исследования.

К оценкам факторов сохранения языков и причин их исчезновения

Наверное, нет таких народов, перед которыми в своей истории не стояла бы проблема сохранения и развития родного языка и своей этнокультурной идентичности. В наиболее выраженной форме она дает о себе знать в поликультурном обществе, каковым является Кабардино-Балкарская Республика. В условиях новой языковой политики вопросы поликультурного образования рассматриваются основными при реализации Федеральной государственной программы по сохранению и развитию языков народов РФ и соответствующих программ ее субъектов. Например, принятый Парламентом КБР Закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» (1994 г.) соответствует Закону о языках народов РФ (1991 г.) и, в некотором отношении, Европейской хартии (1994 г.) о всесторонней поддержке региональных языков и языков меньшинств как культурного наследия всего мира. Главное внимание в Хартии уделяется национально-культурному аспекту и использованию языков во всех сферах жизни носителей. В ней не только содержится статья о недопущении дискриминации этих языков, но и предусматриваются меры по их активной поддержке в сфере образования, средствах массовой информации, судебной и административной областях, экономической, социальной, политической, и культурной деятельности.

Время показало, что в части основополагающих моментов отмеченный закон «О языках народов КБР» не имел долгосрочной стратегической направленности. По мере стабилизации общественно-политической ситуации в стране и ее регионах произошли существенные изменения в предоставляемых федеральным центром правовых гарантиях по сохранению и развитию родных языков малочисленных народов. В частности, в 2002 г. федеральный закон «О внесении дополнения в ст. 3 Закона РФ «О языках народов РФ»» (№165-О) [ФЗ от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»].

Отразились они и в основном законе «О языках народов КБР» путем внесения в него поправок в 2003 г. В частности, Е.А. Мирзаканова в своей статье отметила, что новая редакция закона «О языках народов КБР» во многом ограничила функциональное поле кабардинского и балкарского языков. Был исключен пункт 3 статьи прежней редакции 1994 г., где говорилось, что «официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем, оформляются с учетом национальных традиций именованья, специфики языков народов Кабардино-Балкарской республики». Статьи 14 и 15 новой редакции закона «О языках» официальную переписку между учреждениями и организациями, а также судопроизводство и делопроизводство в судах и правоохранительных органах предписывают вести только на государственном языке Российской Федерации, тем самым исключив возможность использования национальных языков республики для этих целей, что предусматривалось в редакции 1994 года. На основе анализа этих изменений Е.А. Мирзаканова пришла к выводу о том, что «национальные языки в республике не стали фактически государственными языками, не стали языками «власти», рабочими языками законодательной деятельности, языками официальных документов» [Мирзаканова 2004: 137].

Обращает на себя внимание, что эти поправки противоречили Европейской хартии (1994 г.), которая на сегодняшний день не ратифицирована РФ. Соответственно, говорить о международном уровне полноценного нормативно-правового обеспечения вопросов сохранности культурного разнообразия на примере рассматриваемого региона через сохранение и развитие родных языков малочисленных народов пока еще преждевременно. Между тем, было бы наивным видеть в вопросе ратификации отмеченного международного документа панацею в эффективности сохранения и развития родных языков как минимум без: а) разработки критериев эффективности оценки реализуемой государственной языковой политики; б) соответствующей координации деятельности всех задействованных в решении заявленной проблемы сторон; в) надлежащего мониторинга качества работы всех субъектов, включенных в вопросы сохранения и развития родных языков малочисленных народов.

Условный рубеж, с которого фиксируется новый виток актуализации рассматриваемой проблемы, обозначился в условиях внесения изменений в параметры существующего законодательства, регулирующего и регламентирующего вопросы сохранения и развития государственного (русского) языка и языка малочисленных народов РФ. Заметный резонанс вызвали отражения вопросов, связанных с родными языками малочисленных народов в принятом В.В. Путиным в 2018 г. Указе О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [«О стратегии государственной национальной политики РФ...»].

Не вдаваясь в анализ последовавшего активного общественного резонанса по Кабардино-Балкарской Республике и другим регионам РФ в части изменений основ отражения изучения родного языка в образовательных учреждениях, позволим себе остановиться на имеющихся в научном сообществе общих оценочных суждениях по вопросам факторов и причин исчезновения языков и возможностях их сохранения и развития.

Если подойти к заявленной проблеме в более широком контексте и если согласиться с тем, что институт образования стал главным звеном в вопросах социализации и межпоколенной культурной трансмиссии в современном обществе, то существующие в кругу ученых оценочные суждения по вопросам сохранения и развития родных языков малочисленных народов скорее пессимистичны, нежели оптимистичны. В частности, в изданной Институтом философии РАН коллективной монографии «Россия: многообразие культур и глобализация» (М., 2010 г.) утверждается, что «хотя идеи культурного плюрализма все больше охватывают мировое образовательное пространство, в России все еще продолжается игнорирование национальных особенностей в образовании, его этнического компонента, в ущерб процессу формирования национального самосознания целых поколений» [Баксанский 2010: 410].

Такого рода суждения не единичны в научном сообществе. На основе анализа современной языковой ситуации исследователи Габуния З. и Гусман Тирадо Р. отмечают, что «политически доминирующие языки и культуры ставят малочисленные языки в такую ситуацию, что они вынужденно исчезают» «вследствие презрения носителей к собственному языку, когда они сами перестают передавать язык младшему поколению». В частности, проблему они видят в том, что: «Принятые документы носят декларативный характер, отсутствуют специальные комиссии, которые контролировали бы решения в каждом отдельном случае, нет постоянно-действующих научных центров». В этих условиях ответ на вопрос «сохранения исчезающих языков» Габуния З. и Гусман Тирадо Р. видят «в солидарности лингвистов, представителей гуманитарной науки и политиков в поиске глобального решения их защиты в данный исторический момент» [Габуния, Гусман Тирадо Р. 2002: 6,9; Габуния, Гусман Тирадо Р. 2010: 13].

С их оценкой причин исчезновения языков малочисленных народов перекликаются взгляды Б.Ч. Бижоева и М.А. Хакуашевой, которые пишут: «В настоящий момент можно уже говорить о том, что проблема лежит не в сфере осознания языковой ситуации, не в юридической плоскости, а в некоей анонимной политической воле, игнорирующей значение родных языков» [Бижоев, Хакуашева 2014].

С такими суждениями выразили свое несогласие С.К. Башиева, М.З. Улаков, Ж.М. Хамдохова в коллективном монографическом исследовании «Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы». На основе результатов социолингвистических опросов они пришли к выводу, что «на самом деле речь идет не об «анонимной политической воле», а о проблемах в языковых отношениях, языковой политике и вытекающей из их необходимости реального конструктивного диалога всех, кому дороги родной язык, следовательно, vitalность наших народов» [Башиева, Улаков, Хамдохова 2016: 6–7].

Иной позиции придерживается известный ученый М. Краус, который пишет: «языки исчезают тогда, когда родители перестают общаться с детьми на родном языке» [Габуниа, Гусман Тирадо 2011: 11]. Здесь мы видим инверсию причинно-следственных связей, поскольку родители перестают общаться с детьми на родном языке в связи с исчезновением последнего.

Аналитически дифференцированное представление по проблемам сохранения и развития языков дает Х.-Ю. Зассе, который отмечает, что передача языка из поколения в поколение должна быть целенаправленной, мотивированной, контролируемой [Зассе 2012: 433–458]. В противном случае на повестке дня будет стоять язык в привязке с понятием «миноритарный». Соглашаясь с таким суждением трудно переоценить роль и значение государственной политики в вопросах сохранения и развития родных языков малочисленных народов.

Проблемы и перспективы дальнейшего исследования проблемы

Важно отметить, что аналитическое значение исследований отмеченных авторов не исчерпывается приведенными выше общими представлениями и оценками. Например, мы полностью солидарны с мнением Б.Ч. Бижоева и М.А. Хакуашевой по вопросу о том, что на сегодняшний день стала сентенцией известное выражение «родной язык жив до тех пор, пока существуют анклавов – села». Свои оценочные суждения они аргументируют тем, что на самом деле в анклавах находит распространение лишь бытовой язык, но не литературный. Без литературного языка любой язык обречен на деградацию. Это означает, что на данном этапе невозможно говорить о полноценном функционировании кабардинского и балкарского языков даже в селах [Бижоев, Хакуашева 2014].

Список подобного рода суждений и оценок применительно к объекту и предмету исследуемой темы можно продолжить в формате монографических исследований. Здесь же, в рамках настоящей статьи важно обратить внимание на следующие моменты. Исследование показало, что в последнее время в научном сообществе наметилась тенденция неоправданной детализации используемых понятий «языковая политика», «языковая ситуация», «государственный язык», «родной язык», «статус языка», «языковая потребность» и т.д. В данной связи отметим, что для понимания сути относящихся к проблемам сохранения и развития родных языков малочисленных народов вопросов большое значение имеет не терминологическая дискуссия (бесспорно нужная, увлекательная и продуктивная), но содержательное наполнение всех используемых терминов, связанных с языковыми процессами в привязке к трансляции и воспроизводстве культурного наследия в целом. Для этого нужны четко разработанные и строго работающие критерии эффективности деятельности всех субъектов, включенных в решение заявленной проблемы.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в исследовательской практике имеет место выпячивание одних факторов в ущерб другим при анализе условий и факторов сохранения и развития родных языков без учета закономерностей и тенденций развития мирового сообщества. Более того, мало кто в исследовательских изысканиях полноценно учитывает все три основополагающие стороны языка и языкового развития: фундаментальную, связанную с применением языка и осуществлением им своих социальных функций; структурную, дающую представление о возможности и пределах разумного, запланированного вмешательства человека в структуру языка, в том числе в изменение его словарного фонда, фонетики, грамматики; 3) политическую, раскрывающую роль языка в управлении государством. Зачастую проводимые в этих обстоятельствах дискуссии лишены установок на выработку практических рекомендаций.

Характерно, что отдельная категория исследователей и активистов общественных движений имеют свойство перекладывать всю ответственность по вопросам сохранения и развития родных языков малочисленных народов на плечи дошкольных и образовательных учреждений в проекции с целенаправленной политикой государства. Стоит отметить, что, например, требуемое кратное увеличение количества часов, выделяемых на изучение родных языков в образовательных учреждениях в поликультурном обществе в условиях двуязычия, автоматически не сможет решить вопрос их сохранности и дальнейшего развития без общего поднятия их престижности в имеющихся каналах достижения свойственных современному капитализму успехов в жизни. Без решения связанных с мотивацией задач, такого плана активность, дающая о себе знать в широком информационном пространстве, будет «блокировать» желание идти навстречу призывам в вопросах сохранения (освоения) и развития родных языков.

Между тем опыт деятельности различных субъектов в деле сохранения и развития родных языков малочисленных народов показывает, что особых результатов в этом направлении не представляется возможным ожидать при включенности в этот процесс, как говорится, на общественных началах. В частности, это относится к таким общественным организациям, как Творческие союзы, Союз писателей и, в целом, этнически ангажированным общественным движениям без их соответствующей государственной поддержки в данном направлении. Вместе с тем наполненный энтузиазмом опыт отдельных субъектов в повышении мотивации и потребности в изучении родного языка в формате его сохранения и развития не представляется перспективным в решении связанных с заявленной темой проблем. Свидетельством тому является Дагестанский государственный университет, где каждый студент лезгинской группы филологического факультета, изучающий родной язык, получает две стипендии. Это и конкретные действия по восстановлению вступительного экзамена по родному языку при поступлении на этот факультет. Это и решения Министерства образования и науки Республики Дагестан приравнять региональный тур Олимпиады по родным языкам и литературам к Всероссийской олимпиаде и тем самым дать возможность победителям по родным языкам и литературам поступать в вуз на специальность «Родной язык и литература» без экзаменов. Это и многочисленные мероприятия по пропаганде родных языков и литератур. Тем не менее, подобного рода меры на примере Дагестана недостаточны для решения задач по сохранению и развитию родных языков малочисленных народов [Мазанаев 2019: 133]. Эти и другие примеры убеждают в отсутствии стратегически выверенного системного подхода к разрешению вопросов сохранения и развития родных языков малочисленных народов.

Выводы

На сегодняшний день в обсуждении вопросов, связанных с заявленной темой, одни всю ответственность возлагают на семью, другие на школу и систему

образования в целом, третьи на государственную политику, четвертые сводят эту проблему к индивидуальному выбору каждого человека. Между тем абсолютизация одного из факторов в ущерб другому сужает горизонты представлений относительно проблем и перспектив решения вопросов, связанных с сохранением и развитием родных языков малочисленных народов. В каждом конкретном случае суждения упираются на отсутствие долгосрочных действенных стратегических программ, направленных на сохранение и развитие родных языков малочисленных народов в конкретно взятом регионе, в частности и на уровне государства.

В целом, в научном дискурсе и политической практике заявленная тема охватывает ключевые проблемы сохранения и развития родных языков в широком формате постановки и решения вопросов культурного наследия малочисленных народов в контексте укрепления основ государственности РФ. Это масса сугубо академических вопросов, нуждающихся в основательном, не политизированном обсуждении лингвистами, этнологами, антропологами, культурологами, историками, социологами, политологами, которые не должны замыкаться в своих группах по интересам. И здесь освоение/применение ресурсов синергетики может принести большую пользу.

Приведенные здесь положения легче продекларировать, чем воплотить в исследовательскую и политическую практику. Но от этого не снижается актуальность проведения специального исследования, отвечающего сразу двум позициям – сохранению и развитию родных языков малочисленных народов РФ в рамках четко выверенной национальной политики и проблеме укрепления основ ее государственности в направлении нахождения адекватных ответов на вызовы глобализации.

Источники и литература

1. *Баксанский О.Е.* Национальный проект «Образование» и болонский процесс: глобальное образование и этнические компоненты в содержании образования // Россия: многообразии культур и глобализация / ответ. ред. И.К. Лисеев. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 448 с.
2. *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы / отв. ред. П.М. Иванов. Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. 172 с.
3. *Бгажноков Б.Х.* Антропология морали. Нальчик, Издательский отдел КБИГИ, 2010. С. 128.
4. *Бижоев Б.Ч., Хакуашева М.А.* Проблема в анонимной политической воле // Газета Юга. 2014. 26 июня.
5. *Габуниа З.М., Гусман Тирадо Р.* Миноритарные языки в XXI веке / Институт языкознания РАН; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. М., 2002. 288 с.
6. *Габуниа З., Гусман Тирадо Р.* Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 589 с.
7. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 816.
8. *Гунаев Е.А.* Статус государственного языка республики – субъекта Российской Федерации (на примере Республика Калмыкия) // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сборник научных статей. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 206–212.
9. *Зассе Х.-Ю.* Теория языковой смерти // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. [Пер. с англ.]; отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт Петербурге, 2012. С. 433–458.
10. *Коков В.М.* Восхождение к идеалам. Проблемы реформирования государственного и общественного устройства. М.: Славянский диалог, 2001. С. 479.

11. *Мазанаев Ш.А.* Гармонизация этнокультурных отношений в условиях многоязычия Дагестана // Кавказ-Россия: литературные переключки эпох. Межрегиональный ежегодный сборник научных трудов. М., 2019. С. 127–134.
12. *Мирзаканова Е.А.* Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 126–139.
13. «О языках народов РФ»» (№165-О) [ФЗ от 11.12.2002 г. № 165-ФЗ О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»] // Электронный ресурс: <http://kremlin.ru/acts/bank/18919> (Дата обращения: 21.10.2019).
14. *Нерознак В.П.* Законы о языках народов РФ и программирование языкового развития // Языки народов России: перспективы развития: Материалы международного семинара (Элиста, 10–16 мая 1999 г.). Элиста, 2000. С. 194–197.
15. *Тхагапсоев Х.Г.* В круге времени. Нальчик: «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. С. 372.
16. *Тхакахов В.Х.* Социальные и этнокультурные процессы на Северном Кавказе: вопросы методологии. СПб., 2002. С. 212.
17. Указ Президента Российской Федерации О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>].

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF NATIVE LANGUAGES SMALL PEOPLES AS A SCIENTIFIC PROBLEM (On the example of Kabardino-Balkaria)

Cherkesova Zareta Valerievna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zara7belle@mail.ru

The article is devoted to one of the pressing problems of our time, which in one way or another is associated not only with the quality of transfer and reproduction of cultural heritage, but also with the problems of political, social and economic well-being in general. The basis for the statement of the stated topic was the judgment of V.M. Kokov that gaining the state status of the languages of the titular peoples of the KBR does not solve all the problems of the full-fledged functioning of national languages without the proper participation of the scientific community in this matter. In the context of the globalization problems of our day, an increasingly complex society unequivocally convinces us that without a deep understanding that there are no single problems without their close connection with other issues of modern life, the measures taken to overcome them will be half-hearted. This circumstance sends us to the main thesis of the article, which consists in the need to apply a systematic approach, which involves deriving feedback through the full account of the achievements of various areas of science in the study of issues related to the stated topic, identifying trends and patterns of transformations in this area in the context of the general dynamics of the development of society.

Keywords: Kabardino-Balkaria, small nations, cultural heritage, bilingualism, native language, language situation, globalization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-165-174

МЫХЪУНЫГЪЭР ПСАЛЪАФЭХЭМРЭ ПСАЛЪЭЖЬХЭМРЭ КЪЭГЪЭЛЪЭГЪУА ЗЭРЫШЦЫХЪУ ІЭМАЛХЭР

Шэру Нинэ Гьумар ипхьу, филологие щэныгэхэмкІэ кандидат, Гуманитар къэхутэныгэхэмкІэ институтым – Федеральнэ къэрал бюджет щэныгэ ІуэхушцІапІэ «Урысейм щэныгэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щэныгэ центр» Федеральнэ щэныгэ центрим» и филиалым и адыгэбзэ секторым и щэныгэ лэжъакуэ нэхъыжъ, nina.sherieva@mail.ru

Псом нэхърэ нэхъышцхьэу мы статьям къыгъэлъэгъуэну и къалэнщ мыхъуныгъэм адыгэбзэм увыпІэ хэха шызыубыд фразеологизмэхэмрэ адреи псалъэ гуп зэхэжыхьахэмрэ (псалъафэхэмрэ), апхуэдэу адыгэ Іуэрыуатэм нэхъ зыщызыубгъуа лІэужьыгъуэхэм языхэз псалъэжьхэр къэгъэщІынымрэ къэгъэсэбэпынымрэ щигъэзашцІэ мыхьэнэм и инагъыр.

Мыхъуныгъэм и фІыгъэкІэ къэхъугъэ къедбжэкІахэм ящыщ куэдым, япэрауэ, хьун, мыхъун вариантхэр ягъуэт, нэгъуэщІу жыпІэмэ абыхэм я бжыгъэм хэщІыкІыу хохъуэ, етІуанэрауэ, апхуэдэу щызэпэувкІэ, абыхэм къарыкІ мыхьэнэр нэхъ гурылуэгъуи, нэхъ гъэщІэгъуэни мэхъу.

Ди къэхутэныгъэм къызэригъэлгагъуэмкІэ, псалъэ гуп зэхэжыхьахэмрэ псалъэжьхэмрэ мыхъуныгъэр нэхъыбэрэ къызэрышагъэлгагъуэр лъабжьэгъусэхэмкІэщ – гъэпсыкІэ мыхуахэм *мы-* лъабжьэпэкІэ, уха гъэпсыкІэхэм – *къыи* лъабжьэужькІэ.

Ауэ негатив къызэрагъэлгагъуэ щІыкІэхэр а тІум щихуыркъым. Гулътэ хэха худощІ, къапщгэмэ, мыхъуныгъэ тІуашцІэ е, нэгъуэщІу абы зреджэщи, мыхъуныгъэр мыхьэнэныгъэм. Абы ещхьу гъэщІэгъуэни дэлэпыкыуэгъуэ папщІэу къагъэсэбэп адреи лъабжьэгъусэ зэмылІэужьыгъуэхэри.

Мы лэжыгъэм апхуэдэу дыщыкІэлоплъ проблемэ къэтІэтам и нэгъуэщІ лъэныкыуэми – ар мыхъуныгъэ къызэрагъэщІ Іэмалхэм псалъэ зэгъусэхэмрэ псалъэ ухахэмрэ шаІыгъ увыпІэрщ, нэгъуэщІу жыпІэмэ сыт хуэдэ щІыпІэ абыхэм яубыдыр, сыт хуэдэ псалъэ лъэпкыгъуэхэра е псалъэухам и сыт хуэдэ пкыгъуэхэра ахэр зыхъувэр, н.къ.

Щхьэхуэу къыхэбгъэщ хьунушц мы статьям проблемэ зытепсэлъыхьымкІэ ягъуэ адыгэбзэкІэ ятха лэжыгъэу зэрышцытыр, мыбы адыгэбзэкІэ щІэуэ зэхалъхьа бзэщІэныгъэ фІэщыгъэцІэхэр къызэрышцыгъэсэбэпар.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, мыхъуныгъэ, гъэпсыкІэ, псалъэжъ, псалъафэ, лъабжьэпэ, лъабжьэужь, мыхъуныгъэ тІуашцІэ.

Нобэрэи бзэщІэныгъэм грамматическэ мыхъуныгъэр джыным щІыпІэшхуэ щеубыд. Абы и щхьэусыгъуэр лъэныкыуэ куэдкІэ щІэныгъэ зэмылІэужьыгъуэхэм, псом ягъуэ философиемрэ бзэщІэныгъэмрэ елэжъ щІэныгъэлІхэр бгъэдыхьэн зэрыхуейрщ.

Мыхъуныгъэр – ар грамматикэ категорэхэм ящыщ зыщ, дунейм тет бзэ куэдым Іэмал зэмышцхьэмкІэ къыщохъу. Абы теухуауэ лэжыгъэ мымащІэу щыІэщ, щІэныгъэлІ куэди елэжъащ, ауэ адыгэбзэкІэ мыхъуныгъэм ехьэлІа тхыгъэ куэд щыІэкъым.

Къыхэгъэщыпхьэщ адыгэбзэхэм я мыхъуныгъэ категорэр джыным, нэхъ кууэу зэпкърыхыным елэжъахэу Яковлев Н.Ф., Рогова Г.В., КІэрашэ З.И., Къумахуэ М.А., Урыс Хь.Ш., нэгъуэщІхэри.

Мыхъуныгъэр ди бзэм къышагъэлгагъуэ щІыкІэ зэмылІэужьыгъуэхэмкІэ: щыІэщ лъабжьэпэ, лъабжьэужь, лъабжьэпэ-лъабжьэужь къэхъукІэхэр, мыхъуныгъэ псалъэкІапэхэр, цІэпапщІэхэр, нэгъуэщІ Іэмалхэри.

Адыгэ бзэшлэныггэм кьэхута зэрыщыхуаши, нэхьыбэрэ мыхуныггэр кы- зэраггэлыаггүэр льябжьэужь **-кьым**-рэ льябжьэпэ **-мы**-рэ хэувэкIэрэщ. Абыхэм псалъэухар зытепсэлыыхь Iуэхур, щытыкIэр, щыIэныггэр, иIэныггэр мыхуныггэ хэлыу кьаггэлыаггүэ.

Льябжьэужь **-кьым**-р и тхыдэкIэ пкыггүитIу зэхэтщ, нэггүэщIу жыпIэмэ, ар зэхыбоггэкIыф «абхъаз-адыгэ мыхуныггэ льябжьэггүсэ **-м**-рэ **-кьы/-кьэ**- льябжьэужь (упщIэ мыхьэнэ зиIэ **-кьы/-кьэ** льябжьэггүсэм кытекIащ)» [Кумахов 1971: 247].

КьызэрыггүекI псалъэхэм хуэдэуи мыхуныггэ категорэр фразеологизмэхэми щызокIуэ: *ИфракIэ кьэмыггэшыи; и фи и ныби жимыIэн; бадзэ кьытемьыггэ- льэн; бжээггүкIэ (башкIэ) кьраудми мыщIэн; бжыщхьэ зэрына зэрымыггэкIын; и фэм ихуэжыркьым* 1) «пшэр хьуащ», «пIащ хьуащ», «и фэр зэггүотхь, зэггүоч», 2) кьэггүбжьащ, кьэIэлащ; н.кь.

Фразеологизмэхэр – ар зэкIэщIэпч мыху псалъэ зэпхахэрщ. Я ухуэкIэки, я мыхьэнэки зэпыщIауэ щыт фразеологизмэхэр гупсысэм художественнэ кьару хэ- зыльхьэ жыIэкIэхэм ящыщ. [Бэрбэч, н. 2001: 3]. КьышынэмыщIауэ, жыIапхьэщ фразеологизмэхэр бзэм и льяпкь нэщэнэу зэрыщытыр: абыхэм льябжьэ яхуэхур льяпкьыр адреихэм кьазэрыщхьэщыкI дуней еплъыкIэр, хабзэ зэрихьэхэр аращ [Кумыкова 2017: 75].

Фразеологизмэхэм мыхуныггэр кьыщаггэлыаггүэ щIыкIитIкIэ: льябжьэпэ кьэхьукIэрэ льябжьэужь кьэхьукIэрэкIэ, н.ж. мыхуныггэр льябжьэпэ **-мы**-кIэ е льябжьэужь **-кьым**-кIэ кьохьу.

Языныкьуэхэм дежи нэггүэщI кьэхьукIи иIэщ: мыхуныггэ гьэпсыкIэр мыху- ныггэ кьэзыггэлыаггүэ льябжьэужь **-ншэ**-р хэту щыщIэныггэ мыхьэнэ иIэу кьэкIуэнкIэ хьунуш: *кIыц уэщынишэ, тхьэмахуэнишэ блыщхьэ, псалъэ купщIэнишэ, шэчынишэу щыггүгьын, гьуэнишэджынишэ вакьэ, гьуэнишэджынишэ хьыранишэ (хьы- данишэ), нэмысынишэ гьэ кIэлызехьэн, бгьэ дамэнишэ, нэпсынишэ хьэдаггэ, шыгу- рыхьу Iэпхьуалэнишэ.*

Мыхуныггэ льябжьэггүсэхэр зэрыхуэвэм и фIыггэкIэ фразеологическэ псалъафэ куэдым гьэпсыкIитI яIэ мэхьу: *(и)тхьэкIуэмэ итын – (и)тхьэкIуэмэ имыкIын (имыкIыжын); бэуэггүэ гьуэтын – бэуэггүэ мыггүэтын; шэч кьыте- хьэн – шэч кьытемьыхьэн; (и) фIыщIэр гьэкIуэдын – (и) фIыщIэр мыггэкIуэдын; гум ирихьын – гум иримыхьын; гу кIуэцIылын – гу кIуэцIымылын.*

Щапхьэхэм кьаггэлыаггүэ апхуэдэ Iэмалым фразеологизмэхэм зэхушытыкIэ кьызэрыщыггэхур, н.ж. псалъафэм мыхуныггэ мыхьэнэ кьэзыггэлыаггүэ дэщIыггүмэ, ар кьиггэлыаггүэ мыхьэнэр кьызытекIа позитив гьэпсыкIэм и мы- хьэнэм пэщIоувэ.

Псалъафэ зэхэтхэм я нэхьыбапIэр, зыми емылытауэ я кьэжьапIэм арзы- ныггэ гьэпсыкIэ кьиггэлыаггүэу щытмэ, мыхуныггэ гьэпсыкIэм хуэбгьакIуэ мэхьу [Шериева 2014: 53]. Ауэ фразеологизмэхэм ящыщ гупыфIым мыхуныггэ гьэпсыкIэ фIэкIа яIэкьым: *и сурэтым итыжкьым; нэкIафэкIэ темьыггэпльэн; хьэуэ кьимыдзэн; пщIыхьэпIэу гум кьэмыкIыжын (кьэмыкIын); (и)натIэгу нэ за- кьуэ исми мыщIэн; (и) нэм щIы имылаггүэ(ж)ын* 1) губжьын, шынаггүэм, н.кь. и нэр кьышхьэрипхьуауэ; 2) гукьыдэжыфI зыггүэрым кьыхэкIыу гьуэтын; зыггүэ- рым теггүжьейкIыу, дихьэхьу нэггүэщI зыри кьыфIэмыIуэхун.

Апхуэдэ псалъафэхэр позитив гьэпсыкIэм хуэбггэкIуэну яужь уихьэмэ, фразе- ологизм мыхьэнэр яфIокIуэд.

Мыхуныггэ кьэзыггэлыаггүэ льябжьэггүсэр, зэрыхабзэу, лэжьыггэцIэм хоу- вэ, зэзэмызэххэ – цIэ компонентым, е яужь ит псалъэм и гьусэу кьаггэсэбэп.

Лексикэ занэм и мыхуныггэ гьэпсыкIэр абы и зэхэлыкIэм морфемэ хь- хьэу кьэхьумэ, фразеологизмэм и мыхуныггэ гьэпсыкIэр зэггэпэща мэхьу зи зэхэлыкIэм мыхуныггэ морфемэ хэт пкыггүэ кьыхьэхьэкIэрэ. Япэм деж мыху- ныггэм «мыхуныггэ морфемэ // мыхуныггэ псалъэ» схемэ иIэмэ, егIуанэм деж –

«мыхуныгээ морфемэ // мыхуныгээ псалга // мыхуныгээ фразеологизм» илэц. Лексикэ занэм и зэхэлгыкIэм кьатитI хьэл иIэмэ, фразеологизмэр ар кьатищ шохуу, абы и шхьэусыгьуэр фразеологизмэм и лексикэ зэхэлгыкIэ зэрынэхь гугьурщ [Емузов 1986: 37].

Псалгафэм и мыхьэнэ зэхэлгыкIэм мыхуныгээ (-кьым, -мы, -ншэ) мыхуныгээ морфемэхэмкIэ кьэгэлгэгьуар кьышаггэсэбэп:

а) лэжыггэцIэ кьээыггэлгэгьуэ Iыхьэм хэту кьакIуэмэ: *жилэр ишIэжыркьым, цIулI жымыIэн, шымыуэн шыIэкьым, льянэ шымыльгэцIын, жилэм темьтыжын, тIыбжэ зэрына зэрымыггэкIыфын, (и) нIэ кьымыггэкIын, льянэ шымыльгэцIын.*

б) IуэхудэкIуэм хэту кьакIуэмэ: *псалга лей хэмылгу, шысхьырабгьу имьIэу, псалга пимьдыжу, гукьыхэцт имьIэу, зикI мыувыIэу, хьэлым кьымынэу, зы дакьикгэ фIэмькIыу, ишIэр имьшIэжжу, фIэкIынIэ (фIэкI) имьIэу, чэм имьIэу.*

в) IуэхуцIэм хэту (куэдрэ псалга зэхэлгым и Iыхьэхэм ешхьу): *гум имькIыж (имьхуж), шхьэ мыузым боз ешэкIын, Iуэхум шымыш, джыдэхэмыхэ мээ.*

Мыхуныгээ кьиггэлгэгьуэу фразеологизмэм кьышаггэсэбэп мыхуныгээ цIэпапшIэхэмрэ кьэхьукIэцIэхэмрэ: *зыри, зымы, зыри мышIэн, зикI мыувыIэу, зымы имьшIысын, зымы хуэмыдэу (хуэмыдэжу), зымы шыцкьым, зымы шымыцын = зымы имьшIысын, зыри жымыIэн, зымы хуэмыггэдэн 1) зыгуэр кьыфIэмьIуэхун, кьэмылгытэн = зыуи кьымыдзэн; 2) зыгуэрым зыгуэр нэхь кьышцтэн, нэхьыфIу илгэгьун = зыхилгьхэ шымыIэн [Бижоев 2006: 177].*

Мыпхуэдэ фразеологизмэхэм мыхуныгээр лэжыггэцIэм хэту кьышыггэлгэгьуамэ, мыхуныгээ цIэпапшIэхэр дэлэпыкьуэгьу мэхьу а мыхуныгээр шIэггэхуэбжэнымкIэ.

Мыхуныгээ гьэпсыкIэр кьышаггэсэбэп фразеологизм зэпышIэныггэкIэ кьэхьуахэм. Мы фразеологизмэхэм я цIэ Iыхьэм езыр-езыру я мыхьэнэр имьIэу, хэмылгу шытщ (е языхэзым, е тIуми). А тIум язым и мыхьэнэ имьIэжу шытмэ, ар иужь итыраш: *куэбжи набжи (илэкьым), уи Iуэхуи уи дэлги (хэлкьым), ахьы быхьы (жилэркьым), хьыбари бжээбари (илэкьым), Iэмпи бжээмпи (илэкьым), хабзи бзыпхьы (ишIэркьым), нэпси Iупси (кьыхуэмынэжауэ), жэуапи бжээуапи (илэкьым), Iыхьылы лыджани (илэкьым), уIэли ууди, кIэи пэи (илэкьым).*

Макь зэпэджэж яхэтым и сэбэпкIэ апхуэдэ кьэхьукIэ зилэ фразеологизмэхэм я Iыхьэм я зэкIэлгыкIуэкIэр гьэпсыкIэ хабзэ быдэ гуэрым тоувэ икIи ар дапшэщи пхьуэж хьуркьым:

Бегьымбарми кьышитхьын хуеяц ар (Галя), мыбы зы ахьы быхьы кьитхьы-жакьым (Быхьы ахьы жыпIэ хьуркьым) (МафIэдз С.); (Кьуэм) сыноплгэри хьы-бари бжээбари илэкьым (Бжээбари хьыбари жыпIэ хьуркьым) (КIышчокьуэ А.); Ауэ Залым апхуэдизкIэ и жаггьуэщи, ауи идэркьым: уIэли ууди. (Ууди уIэли жыпIэ хьуркьым) (ШоджэнцIыкIу I.).

Фразеологизмэхэр кьызэрыхьу шIыкIэм елытауэ шхьэхуэу кьыхэбггэкI хьунуш лэжыггэцIэ-кьытезыггээжхэр жыхуиIэр – ахэр лэжыггэцIитIым кьы-триггээжжу, икIи псалгэээпышIэ льябжэггьусэхэмкIэ, псалгэээпышIэкIэ е ахэри хэмытыххэуи кьэхьухэрщ.

Апхуэдэ фразеологизмэхэм я япэ Iыхьэр арэзыныггээ гьэпсыкIэу кьокIуэ, етIуанэр – мыхуныгээ льябжэггьусэкIэ кьэггэлгэгьуа мэхьу:

Хьуами мыхьуами, хуейми хуэмейми, псэуаи мыпсэуаи, кьелыни кьемылыни. Нацхьуэ тхьэм ешIэ унэ нэцIу кьызышIэнэнур, жьэным кьелыни кьемылыни. (КIышчокьуэ А.); ИужькIэ, председателыр пэшиггьу шыхуэхьупэм, ар и фIэц хьуами мыхьуами и зэхуэдэу кьэнэжат, уеблэмэ «мы си шоферыжэ цIыкIум зыгуэркIэ гу кьытлгытэм напэтехьц», – Хьэсбий шыжылэкIи, «тхьэ, сыарэзыпсым, зэгуеруд...», – жилэурэ Ларисэ ирпиагэрт (Кьэрмокьуэ М.).

Мыбдежым IыхьытIми ядэщIыгьуш псалгэээпышIэ льябжэггьусэхэр, абыхэм арэзыныггэмрэ мыхуныгээ гьэпсыкIэмрэ зы лэжыггэцIэ дыдэм шызэпэщIаггьуэвэ кIэхуыгу Iуэхур зыхуэкIуэнур зэхэбггэкIыну а шытыкIэ

мызэхэщыкыгыуэм гугъу ещI, мыхуныгыэ мыхьэнэм мыбдеж фIэщ мыщIыныгыэ плыфэ кыытрегъауэ. Мыхуныгыэ мыхьэнэ яIэу фэ кызытеуэхэм кьагъэлыагыуэ:

а) псынщIагыэ, напIэдэхьейгъагыэ хэлъу кьэхъу Iуэху: *пытаи пымытаи, щыIаи щымыIаи, ЩIымахуэм дауэ зимыгъэткиийми, и пIальэр зэрикIыу, хузэфIэкI щымыIэжу, гъатхэщIэм кыхь хуабагъэм, **щыIаи-щымыIаи**, абы и лъэужь псори зэригъэкъабзэм ещхъу, цIыхуми гуауэр цхьэщокIри и насып дыгъэр умыщIэххэу икIи нэхьыбэхэм деж унэмыплъэххэу кыкыуокIыж* (Мысачэ П.);

б) фIэщ хуныгыэ, тегушхуэныгыэ фэ кыытеуэу, арэзыныгыэ мыхьэнэ кыкIыу, ауэ мыхуныгыэ лъабжьэужькIэ кьэхъауэ: *и нэ кьэаткыым, и Iэ кьэаткыым. (Болэт Наурыз жреIэ:) – Ари содэ. Ауэ, и Iэ кьэаткыым, и нэ кьэаткыым зэрыжаIэу, Жу-нед хуэдэт ар зращIэр?! (Бозий Л.).*

ЗэпыщIэныгыэкIэ кьэхъауэ фразеологизм гуп мыин дыди щыIэщ мыхуныгыэ гъэпсыкIэм деж псалъэзэпыщIэки псалъэзэпыщIэ лъабжьэгыусэки зэрымыгыэу-быдауэ, абы емылгытауэ мыхуныгыэ мыхьэнэри кьагъэлыагыуэу:

*акъылкыым, былымкыым; гъэшкыым, шыпскыым; унэкыым, жьэзукыым; гъуапэкыым, пщампIэкыым; благъэкыым, жьагъэкыым; ныбжьэзгукыым, жэ-рэгъукыым; гуащэкыым, тхьэмадэкыым; кьамылкыым, мылыфкыым; физкыым, бынкыым; дунейкыым, ахьрэткыым. (Мусэ:) – Сэ сым сщIэн: **сыгъуапэкыым, сыпщампIэкыым**. (Къашыргъэ Хь.); **Сышкыым, сывкыым**. (КIыщокъуэ А.). ЕгъэзыпIэнишэу общежитиэхэм щыпсэур Хьэщауэ и закъуэу кыыщIэкIынут. **Унэкыым, жьэзукыым, унагъуэкыым**. (Мэзыхьэ Б.).*

Мыхуныгыэ гъэпсыкIэр мыпхуэдэ зэкIэщIэпч мыхъу псалъэ зэпхуэу щытхэм мыхуныгыэ лъабжьэужь **-кыым**-кIэ кыыщохъу. Зэлъэпкыэгъу пкыыгыуэхэм яIэщ грамматикэ гъэпсыкIэ зэщхь, мыхуныгыэр хэтщ дэтхэнэ зы псалъэми, н.ж. апхуэдэу зэхэтхэр мыхуныгыэ тIуащIэкIэ кьэхъуащ. Апхуэдэ зэхэлъыкIэхэр ещхьщ кыызэщIэзыкыуэ–щхьэ псалъэухам. ЗэпыщIэныгыэкIэ кыызэгъэпэща хъуа фразеологизмэхэм мыхьэнэ нэхьыщхьэ (центр) яIэкыым. МыхьэнэкIэ зэхуэдэ зи щхьэ хушытыж псалъэхэр (псалъэ ирикъухэр) мыбдеж кьэгъэлыагыуа зэрыщыхъур фразеологизмэм и зэхэлъыкIэмкIэщ.

Псалъэжхьэми мыхуныгыэ гъэпсыкIэм щIыпIэшхуэ щаубыд. Псалъэжь куэдыр мыхуныгыэ кызырэрыкI псалъэухауэ зэхэтщ, икIи абы я нэхьыбэр мыхуныгыэ псоууэ щытщ, псалъэм папщIэ: *Шынэ здэщымыIэм укIыти щыIэкыым*.

Псалъэжхьэр цIыхубэ афористикэ жыхуалэ жанрым хуахьыр. Ахэр цIыху гъащIэм кыыхокIыр, икIи зэманым и зэхъуэкIыныгыэхэм емылгытауэ, IуэрыIуатэм нобэ кыыздэсым зыщызыгъужь жанрхэм ящыщщ, ахэр жанр зэмылIэужьыгыуэхэми хэпщIа мэхъур [Гъут 2016: 3].

Чэнджэщ, ущие кыиIуатэу зэрыщытым кыыхэкIкIэ, унафэ щIыныгыэ тешэм ит лэжыгыгъэщIэ–гъэзэщIэныр псалъэжхьэм мыхуныгыэ кыигъэлыагыуэу куэдрэ кыыщхь: *Бажафэ Iэрымылхьэм ущымыгугъ, уи гъусэм ущыгугъыу мыщэм уемыбэн; Iуэхум и мыхуныгыэр езыр унафэ щIыныгыэ тешэм кызырэрыщыIуэта хъур мы-лъабжьэпэмкIэщ [Джаурджий, Дзасэжь 1999: 194–195].*

Унафэ тешэм деж лэжыгыгъэщIэ –гъэзэщIэным мыхуныгыэр лъабжьэпэ **мы-р** зэрыпытымкIэ кьэгъэлыагыуа мэхъу. Ауэ лэжыгыгъэщIэм мыхуныгыэм и **мы-**пытмэ, лъабжьэпэ **у-** поувэ [Урыс 2001: 172].

Нэхьыбэ дыдэу бзэм хэт мыхуныгыэ псалъэжь лIэужьыгыуэр – ар гъэзэщIэн лексемэм и кIэм е, псалъэухам зы пкыыгыуэ нэхьыщхьэ фIэкIа хэмытмэ, абы лъабжьэужь **-кыым**-кIэ кыыщыгъэлыагыуахэрщ [Балова 1999: 43]. Апхуэдэ конструкцэхэм я мыхуныгыэр зэгъэщIылар гъэзэщIэнырщ, апхуэдэу щыщыткIэ а псалъэжхьэм зи гугъу ящI щытыкIэр зэрыщыту абы кыызэщIеубыдэ. А псалъэжхьэр теуухуащ гъэзэщIакIуэхэм ямыгъэзашIэ, зэфIамыгыэкIэ Iуэхугъуэхэм:

Щыхум и дагъуэр ищIэжыркыым. ЛIым и лIыгъэр лэгъунэм щыIуатэркыым; ЦIыху нэхь лъапIэ щыIэкыым; ЩIы нэхь бей щыIэкыым; Верэ Павловнэ (Сэ-нят зыхугъэзэри) кьрегъажьэр: – УмыукIытэ. Шэрджэсхэм фи псалъэжыым

зэрыжислэмкIэ, узыггэтIысым уиубыжырккым. Уезыггаджэм жиIар жыIлэжынкIэ емыкIу хэлккым (Мысрокуэ С.).

БгээзашIэ мыхуну Iуэхугуэр кышыIуэта мэхуу мыхуныггэр льябжэпэкIэ кышыгыггэлгэгэуа лэжыгыггэцIэ зыхэт унафэ тешэ конструкцэкIэ:

Гуэгу занцIэщ жыIлэу, гуэгу ябгынакIэ умыкIуэ, гуэгу жыжыггэщ жыIлэуи, гуэгуфIынкIэ укIуэн кьомыгганэ. Уи мыш умышэс! Блэкла хабзэжыым уккемыккуж. Ией ниIауэ фIым уцымыгууэ.

Псалгажэхэм машIэу уашрохьэлIэ мыхуныггэ псалгэуа мыубггэуахэм:

1. *Акылыр – жыгыггэ-цIаггэккым. Кьоджэм уиггэжэйрккым. ЛIэныггэр жыгыггэ-цIаггэккым. Льягуныггэр дахаггэ-Iеяггэккым.*

2. *ЩIэныггэ лей хурккым. Лажбэ жыы хурккым. Емыджа Iустаз хурккым. Псапэ куэд хурккым.*

3. *НитIрэ пэт зэхуэдэккым. Iээпхуамбитху(рэ) пэт зэхуэдэккым.*

Псалгажэ мыхуныггэ кээзыггэлгаггэуэхэм уашрохьэлIэ псалгэуа убггэуахэм, езыхэм я мыхэнэ зэхэлгыкIэ нэшэнэхэр яIэжу. Нэхыбэрэ кьаггэсэбпхэм ящыщ гупу щыт зи субъектыр пыухыкIа предмет, мыхуныггэр зи гээзэщIакIуэм ехэлIахэр.

1. *Анэдэлху узыр хужырккым. Анэдэлху дзыр хужырккым. УзыфI цыIэккым.*

Мы зи гугуу тщIы конструкцэхэм я гээзэщIакIуэр кэггэлгэггэуауэ щытынкIэ хунуш мыггэнэхуа ггэпсыкIэм иту е цIэйуэ псалгээшэм ит щыIэцIэкIэ, абы нэмыщI цIэ хуа псалгэки. ГгэнэхуакIуэ пльыфэцIэкIэ е IуэхуцIэкIэ кэггэлгэггэуар гээзэщIакIуэм и пи е и ужыи иувэнкIэ хунуш:

ЖаIэ псори пэжккым. Дахэ псори дахэккым. Зэфэну псыр кэжжаккым. Ар зыхыа псыр жэбзэнккым.

2. *Быдэ и анэ гырккым. ПыфI и цытхуу кIуэдырккым. Лгэпкэ и зыпкэ кIуэдырккым. Кгуэ ниIыупс зилэ и анэ гуфIэ щиггашIэрккым.*

Мыпхуэдэ зэхэлгыкIэм и гээзэщIакIуэр (лэжыгыггэцIэр) кэггэлгэггэуаш нэшэнэ – еиггэ комплекскIэ, гээзэщIэныр яужь итщ.

3. *Зээуэрэй адаккитI пиэр хурккым. Жыг закгуэ мээ хурккым. Жылэ лажбэ хурккым.*

Мыпхуэдэ зэхэлгыкIэм ггэщIэггэуэну хэлгыр абы и гээзэщIэныр цIэ зэхэту зэрыщытырщ.

Нэхыбэу узрихьэлIэ псалгажэ лIэужыггэуэхэм ящыщ пкыгыгуэ нэхыщхьитIри зилэ псалгэухар, а тIум нэмыщI хэггэхуээн пкыгыгуи зыхэтыр. Мыпхуэдэ псалгажэхэм субъектым и лэжыгыггэ объектым хуэунэтIам мыхуныггэ халхьэ.

1. *Лыггэ теггэ шIырккым. Лгэлухуа даггэ текIырккым. ДыггужыитI я шIыб зэхуаггээзаккым.*

Мы псалгэуахэм мыхуныггэ халхьэ субъектымрэ объектым хуэунэтIа Iуэхуггэуэмрэ.

2. *Акылыр жьакIэм ежбэрккым. Хбэцыбанэм жызум кыпынкIэрккым. Лыггэр ажалым цыцтэрккым.* Япэ псалгэухам и пэ ит гээзэщIакIуэр цIэйуэ псалгээшэм ит щыIэцIэкIэ, хэггэхуээн мыблаггэр – зыхуэж псалгээшэм ит щыIэцIэкIэ, абы иужькIэ лэжыгыггэцIэ гээзэщIэныр мыхуныггэ льябжэужь **-ккым-**кIэ кышыгыггэлгэггэуаш. ЕтIуанэ псалгэухам зыхуэж псалгээшэм ит хэггэхуээныр и пэ иту кьокIуэ, абы и ужь итщ гээзэщIакIуэ мыггэнэхуа ггэпсыкIэ зилэ щыIэцIэр, абы иужыжкIэ гээзэщIэныр щытщ.

3. *Лы пхам лы еуэрккым. Шы саккэ хбэ кьедзаккэрккым.* Мыпхуэдэ псалгажэ лIэужыггэуэхэм гээзэщIакIуэр кышыгыггэлгэггэуаш зыхуэж псалгээшэм ит е мыггэнэхуа ггэпсыкIэ зилэ щыIэцIэкIэ, абы иIэщ ггэнэхуакIуэ щыIэцIэкIэ, IуэхуцIэкIэ, е пльыфэцIэкIэ кэггэлгэггэуауэ; льябжэужь **-ккым-**кIэ кэггэхуа мыхуныггэ кээзыггэлгаггэуэ гээзэщIэнми иIэщ хэггэхуээн, зыхуэж

псалъэзешэм ит е мыгъэнэхуа гъэпсыкIэ зиIэ шыIэцIэкIэ, инфинитивкIэ е цIэ хьуа псалъэкIэ къэгъэлъэгъуауэ.

Пкъыгъуэ нэхъыщхьитI зыхэт мыхъуныгъэ къэзыгъэлъагъуэ псалъэжь-псалъэ-ухахэр, зи гъээщIэныр хьэлкIэ наIуэ щIауэ щытхэр, адреи ищхьэкIэ зи гугъу щытщIа псоми къашхьэщокIыр гъээщIакуэм и нэщэнэхэр псори мыхъуныгъэм хуамыгъакуэу хъуныгъэ гуэри къазэрыхэнэмкIэ: *ЗэхуэщIэкIэ ныбжьэгъу зэдэфIкъым.*

Мыпхуэдэ зэхэлъыкIэм и гъээщIакуэр цIеиIуэ псалъэзешэм итщ, гъээщIэным и мыхъуныгъэр зыгъэмащIэ хьэлъыр гъээщIакуэм и пэми и ужьми итынкIэ хьунуш. Псалъэухари зэхуэщIыжа мэхъу лъабжьэужь **-къым** зыхэт гъээщIэнымкIэ.

Гу лъытапхьэщ, псалъэжь-псалъэухахэм куэдрэ уащрохьэлIэ мыхъуныгъэ тIуащIэ, псалъэуха пкъыгъуэ щхьэхуэхэм ехьэлIа лъабжьэпэ **мы**-мрэ лъабжьэужь **-къым**-рэ къагъэхьуу:

Псэ зыпыту мышынэ щыIэкъым. Къапхъэным къымыгъапцIэу къиубыдыркъым. Пашэ зимыIэ щыIэкъым.

Мыхъуныгъэ тIуащIэр лъабжьэпэ **мы**- кьудейкIэ, е лъабжьэужь **-къым**-кIэ къыщыхьуи щыIэш:

Узымышэчин къудамэм утемыувэ. Си къамэр тIо къисхьыркъым, си псалъэр тIо жысIэркъым.

Зэрытлъагъуши, мыхъуныгъэ тIуащIэр яхуэщI псалъэухам и пкъыгъуэ зэльэпкъэгъухэм, е псалъэуха зэльэпкъэгъухэм. Нэхъыбэу узрихьэлIэ мыхъуныгъэ тIуащIэ зыхэт псалъэжьхэм ящыщI зыгуэрым и шыIэныгъэр щIэзыгъэбыдэхэр:

Мардэ зимыIэ щыIэкъым. ЩIалэгъуэрэ дахэгъуэрэ зимыIэ щыIэкъым. Щхьэу-сыгъуэ зимыIэ кIуэдыркъым.

Мы псалъэжьхэм къагъэлъагъуэ цIыхум и пэуныгъэм адыгэхэр философии илхьэныкьуэкIэ зэрэплъыр.

Псалъэжьхэми псалъафэхэми дызэрелъжам къыгъэлъэгъуащ ахэр мыхъуныгъэ къызэрыкI псалъэухауэ зэхэту къызэрагъэсэбэпыфынур, икIи абы я нэхъыбэм мыхъуныгъэ псо къагъэлъагъуэу зэрышытыр. ГупитIми бзэ къэхьукIэм и мыхъуныгъэ гъэпсыкIэм увьпIэшхуэ щаубыд. Псалъафэхэр, мыдрей псалъэхэми хуэдэу, мыхъуныгъэ къызэрагъэлъагъуэ Iэмалхэм елытауэ, мыпхуэдэу догуэш: мыхъуныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэпэ **мы**- зыхэт псалъафэхэр – езым я увьпIэ яIэжщ, мыхъуныгъэ иримыкьу псалъэухахэр къагъэхьуу; мыхъуныгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужь **-къым** зыхэт псалъафэхэр – гъээщIэным и увьпIэр яубыд, мыхъуныгъэ псо къызэрыкI псалъэуха къагъэхьуурэ; лъабжьэпэ **мы**-ри, лъабжьэужь **-къым**-ри зыхэт псалъафэхэр – мыхъуныгъэ къагъэлъагъуэу пкъыгъуитI шыхэтым деж, мыхъуныгъэ тIуащIэ къагъэлъагъуэ. ЗэрытщIэщи, мыхъуныгъэр мыдэныгъэр хъуныгъэ мэхъуж. Псалъафэхэми хуэдэу, псалъэжь-псалъэухахэми я мыхъуныгъэр къэгъэлъэгъуа мэхъу зи гугъу тщIа лъабжьэгъусэхэмкIэ. Бзэм куэдрэ уащрохьэлIэ псалъэжьхэм мыхъуныгъэ тIуащIэ, лъабжьэпэ **мы**-мрэ лъабжьэужь **-къым**-рэ зэгъусэу къагъэсэбэпкIэрэ, къагъэхьуу.

KIэуху жыIапхьэщ: мыхъуныгъэ категорэр гугъуш, зэмышхь куэдуи зэхэлъщ. Мы категорэм бзэм и лхьэныкьуэкIэ уеплэмэ, Iэмал зэхуэмыдэхэмкIэ джын хуейм шыщI.

ТегъэщIапIэ хьуа литературэр

1. Балова И.М. Очерки по синтаксису пословиц и поговорок кабардинского языка Нальчик: КБГУ им. Х. М. Бербекова, 1999. 196 с.

2. Бэрбэч Б.Ч., БицIо Б.Ч., IутIыж Б. Къу. Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ. Налшык: Эльбрус, 2001. 240 н. (Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижеев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.).

3. Бижоев Б.Ч. Раздел «Фразеология». С. 170–222 / «Кабардино-черкесский язык». Т. 2. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 520 с.
4. Гъут Л.А. Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ (абыхэм я мыхъэнэр гъэщыпкъауэ). Адыгэ Гуэрыуатэм и антологие зэужь. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхыль къыдэгъэжынымкIэ и къудамэ. 2016. 364 (Гутова Л.А. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.).
5. Джасурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е. Адыгэбзэ. Япэ Ыхъэ. Налшык: Нарт, 1991. 272 н. (Гяургиев Х.З., Дзасэжев Х.Э. Учебник кабардинского языка для средних специальных учебных заведений, школ и классов с углубленным изучением родного языка. Ч. I. Нальчик: Нарт, 1991. 272 с.).
6. Емузов А.Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 1986. 224 с.
7. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 342 с.
8. Кумыкова Д.М. Лакунарность фразеологических единиц в кабардино-черкесском и русском языках // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32). С. 71–76.
9. Урыс Хь. Ш. Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфонология. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н. (Урусов Х.Ш. Кабардино-черкесская грамматика. Фонетика. Морфонемика. Морфонология. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).
10. Шериева Н.Г. Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 94 с.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ И ПОСЛОВИЦАХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Шериева Нина Гумаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), nina.sherieva@mail.ru

В статье продемонстрирована большая роль, которую играет отрицание в формировании и функционировании таких важных пластов кабардино-черкесского языка, как фразеологизмы и другие устойчивые выражения, а также одного из самых распространенных жанров адыгского фольклора – пословиц и поговорок. Благодаря отрицанию, многие образцы перечисленных явлений, во-первых, имеют положительные и отрицательные варианты, т.е. значительно увеличивается их общее количество, и, во-вторых, подобное противопоставление делает более доступным и образным их смысл.

Как показывает анализ, наиболее употребительным способом выражения отрицания в устойчивых выражениях и пословицах является аффиксальный- с помощью префикса *мы-* в инфинитных конструкциях и суффикса *-къым* – в финитных.

Однако ими не ограничивается перечень языковых средств, применяемых для показа негатива. Особое внимание обращено, например, на такое уникальное явление как двойное отрицание или, как его еще называют, отрицание отрицания. Не менее интересны и привлекаемые в качестве вспомогательных средств другие разнообразных аффиксы.

В работе также прослежена такая сторона проблемы, как место отрицательных средств в словосочетании и предложении, т.е. какую позицию они занимают, к каким частям речи и членам предложения они могут присоединяться и т.д.

Отдельно можно подчеркнуть то обстоятельство, что данная статья является фактически первой работой по поднятой проблеме, написанной на кабардино-черкесском языке с использованием новой терминологии, разработанной на этом языке и впервые вводимой в научный оборот.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, отрицание, способ, устойчивые выражения, пословицы, префикс, суффикс, двойное отрицание.

METHODS OF EXPRESSION OF DENIAL IN SUSTAINABLE EXPRESSIONS AND PROVERBS IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Sherieva Nina Gumarovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), nina.sherieva@mail.ru

First of all, this article should show the large role that denial plays in the formation and functioning of such important strata of the Kabardino-Circassian language as phraseological units and other stable expressions, as well as one of the most common genres of Adyghe folklore proverbs and sayings. Thanks to the denial, many examples of these phenomena, firstly, have positive and negative options, that is, their total number increases significantly, and, secondly, a similar opposition to their more accessible and figurative meaning.

As the analysis shows, the most commonly used way of expressing in stable expressions and proverbs is affixing – using the prefix *we-* in infinite constructions and the suffix *-which* in finite ones. However, they are not limited to the list of language tools used to show negative.

Particular attention is paid, for example, to such a unique phenomenon as double negation or, as it is also called, the negation of negation. Other various affixes are no less interesting and are used as auxiliary tools.

The paper also traced such a side of the problem as the place of negative means in the phrase and sentence, i.e. what position they take, what parts of speech and members of the sentence they can join, etc.

Keywords: Kabardino-Circassian language, negation, method, stable expressions, proverbs, prefix, suffix, double negation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-175-182

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, межстрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального

государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.
2. *АП* – Адыгэ псалъальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. *Къыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.
5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.gudn.ru/web-local/uet/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).
6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.
7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.
9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).
10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.
11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.
12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.
13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
16,3

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 345

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушкова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*